Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Digitized by Google

Digitized by Google

„Русскій Филологическій Вѣстникъ"

выходитъ четыре раза в год (в неопредѣленные сроки) книжками (№№) от 10 до 15 листов каждая. (Двѣ книги (два №№) составляют *том*). Общее число листов годоваго изданія—до 50.

Цѣна *семь* рублей с пересылкою.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

К каждому № журнала будет, сверх того, прибавляемо нѣсколько листов (IV) Педагогическаго отдѣла, в который войдут:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности в учебных заведеніях, по преимуществу средних;

б) Критика учебников по этим предметам;

в) Пробные листы новых учебников по языку и словесности;

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе к преподаванію языка и словесности.

Иногородные адресуются:

В Варшаву. В редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Редактор-издатель А. И. Смирнов.

Дозволено Цензурою. Варшава, 16 іюня 1881 г.

Digitized by Google

РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. СМИРНОВА.

ТОМ VI.

(Годъ 3-ій).

ВАРШАВА.
Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго
Краковское-Предмѣстье № 415 (15).

1881.

Digitized by Google

PG
2003
R92
v.6

Дозволено Цензурою.

Варшава, 21 Декабря 1881 г.

Digitized by Google

О звуковом значеніи ѣ.

Не подлежит никакому сомнѣнію, что старославянской буквѣ ѣ нѣкогда соотвѣтствовал какой-нибудь особенный звук, и притом (по крайней мѣрѣ первоначально) только один, а не нѣсколько.

Несомнѣнно также, что в тѣх случаях, когда старославянские памятники пишут ѣ, и в Праславянском языкѣ слышался своеобразный гласный—но какой именно?

Припомним замѣны *ѣ* в новославянских языках и постараемся опредѣлить, какое онѣ предполагают основное произношеніе!

В *великорусской* рѣчи на мѣстѣ *ѣ* слышится гласный *е* (ѣ или ɛ), с предшествующим j, или мягким согласным: jа́хать, ль'а́та, м'а́ра, л'ень, jе́сть, с'е́ю (ѣхать, лѣто, мѣра, лѣнь, ѣсть, сѣю); ѣ, таким образом, перед мягкими согласными совпадает с основным *е*, а перед твердыми отличается от него, благодаря переходу древняго *е* в *о* (jа в jо) [1]).

Постоянную замѣну *ѣ* через узкое *é* (ɛ) мы находим

[1]) Появленіе, на мѣстѣ ѣ, 'о в словах гнѣзда, звѣзды, ведра (вѣдра), одѣванный и пріобрѣтъ, объясняется позднѣйшим примѣненіем к ним закона чередованія безударнаго *е* с ударяемым *о*: накопленную акцентовку первых четырох слов, кажется, дѣйствительно слѣдует считать недавним явленіем, в каком случаѣ и не могло быть преданія о неизмѣнности в них *е* наперекор ударенію, какое существует нпр. для слов мѣра, дѣлать, сѣтка; послѣднее же слово легко могло увлечься ложною аналогіею глагола брести: забрьол, набрьол — значит и приабрьол.

Digitized by Google

у *Словенцев* и у *Лужичан*: слов. gréh, želézo, déte, iméti, délati [1]); в. луж. hréch, želézo, džéćo, méć, džéłać; н. лужиц. gréch, zelézo, źéśe, méś, źéłaś.

Чешскій язык в старину передавал *ѣ* в одних случаях через ě (e), в других — через ie: svět, tělo, železo; hřiech, dietky; snieh, sněhu, břiemě, břemene. Мѣсто ie в настоящее время заступает долгое i: hřích, dítky, sníh, břímě.

Со старочешскими замѣнами *ѣ* сходны замѣны его у *Сербов*, у коих в югозападном говорѣ являются созвучія *je̋* (ě) и *ӥje* (ијè) [2]): мјѐсто, вјѐдро, дјѐво̄јка (ђѐво̄јка), нѐдра, лѐто — свӥјет, стрнјѐла, тӥјесто, гнијѐздо В восточном говорѣ мы находим выговор подобный русскому, словенскому и лужицкому — *е*: мѐсто, вѐдро, дѐво̄јка, нѐдра, лѐто, свѐт, стрѐла, тѐсто, гнѐздо, в западном—*и*: мӥсто, вӥдро, дӥво̄јка, нӥдра, лӥто, свӥт, стрӥла, тӥсто, гнӥздо.

С западными сербами сходятся *Малороссы*, говорящіе місто, відро, дівча, літо и т. д. (Разница только в том, что малорусское і — узкое и смягчает предыдущій согласный). Однако послѣдовательно произносят *і* вм. *ѣ* только украинцы: сѣверные малороссы по большей части употребляют *е*, галицкіе и угорскіе чередуют *і* с *е* [3]). Подобное же колебаніе мы видим у сѣверных великороссов, говор которых также не чуждается замѣны ѣ посредством *и* [4]).

---

[1]) Как мѣстное (краинское) произношеніе древняго ѣ встрѣчается созвучіе ej. Ввидѣ рѣдкаго исключенія на мѣстѣ *ѣ* является *ā* в словах brême, vrême.

[2]) Несходство в этом отношеніи герцеговинскаго и старочешскаго выговора обусловлено весьма частым противорѣчіем между сербским и чешским *количеством*. (См. мое Начертаніе славянской акцентологіи, гл. XII, стр. 205).

[3]) А. А. Потебня. Два изслѣдованія. II Замѣтки о малорусском нарѣчіи. 41 и сл. Кочубинскій. Отчеты о занятіях славянскими нарѣчіями. I 41, III 47.

[4]) См. у А. М. Колосова: Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка. Варшава 1878, стр. 23 - 27.

Digitized by Google

У *Болгар* мы на мѣстѣ *ѣ*, в ударяемых слогах, находим то je (ʹe), то ja (ʹa), причем появленіе звука e обусловлено мягкостью слѣдующаго согласнаго [1]): бе́ли, ме́ри, чуле́че!, но бьал, мьа́ра, чульа́к (человѣк). Безударный *ѣ* всегда вучит как *е* (которое иногда, наравнѣ с исконным *е* переходит в *и*: гнездо́, гниздо́ или гньа́зду); в *Македонском* же парѣчіи замѣна *ѣ* через *е* составляет общій закон.

Тѣже замѣны *ѣ*, как в Болгарском языкѣ — ja (ʹa) перед твердыми, и je (ʹo) перед мягкими согласными — являются и в *Польском*, с тою только разницею, что ударсніе не оказывает на них никакого вліянія: biano, las, biały, miara, dziadkowie, wiadomy — na sienie, w lesie, bielazy, mierzyć, dziedzice, wiedzący [2]).

---

[1]) По утвержденію Цанковых (Bulgarische Grammatik v. A. u. Д. Kyriak Cankof) здѣсь дѣйствует слѣдующій слог, узкостью своего гласнаго (и или е); но по моему это обстоятельство лишь косвенно вліяет на ѣ, производя смягченіе, в большей или в меньшей степени, предыдущаго согласнаго.

[2]) Ja на мѣстѣ ѣ встрѣчается и в *сѣверновеликорусском* говорѣ (Колосов. Обзор, стр. 16—19). Я однако отказываюсь видѣть в этом звуковое явленіе: примѣров на него, собранных из разных мѣстностей и, может быть, не всегда точно записанных, слишком мало, чтобы строить на основаніи их звуковой закон. Наперекор Колосову, нахожу: 1) что объснять появленіе в сравнительной степени наставки *ле*, вм. *ље* (бѣляе) распространеніем окончанія свойственнаго прилагательным на кой, гой, хой, той (легчае), вовсе не „невозможно", а, напротив того, весьма удобно; 2) в глагольных формах аляет, бѣляет, видяя, смотряя, желяют я вижу подстановку суфикса *а* вм. *ѣ*; в аляет и бѣляет такая подстановка легко объясняется примѣненіем к сравнит. степени аляе, бѣляе; 3) считаю нужным отмѣтить, что *я* замѣняющее *коренной ѣ*, указано всего в 16 словах [адай(из ядай = ѣдай?) я не считаю]. Из этих слов вяха и дряво едвали могут считаться замѣною основных *вѣ(д)ха и дрѣво (староперк.!); тястина, быть может, не есть производное от тѣсто; вятка (вьятка), Повянец, злодяйка, поляз и сясть представляют примѣненіе к вѣять, вянуть, к суфиксу яй, лазить и сяду; надявывать, по мнѣнію самого Колосова, а, как мнѣ кажется, и лятать, можно объяснять введніем в них *е*, как приметы многократнаго вида

Digitized by Google

И так, с отклоненіями то в сторону *и*, то в сторону *а*, у всѣх Славян повторяется замѣна ѣ через *е*, из чего я вывожу, что ѣ имѣл сходство со звуком *е*, хотя, разумѣется, не совпадал с ним.

О близости ѣ к е свидѣтельствует также происхожденіе его во многих случаях из общеевропейскаго долгаго е [1]). И на славянской почвѣ ѣ иногда играет роль долготы к е: мѣсть, кѣсъ, мѣсъ замѣняют *мєєсть, *кєдсъ, *мєссъ, мѣтати стоит при дєтѣти. Подобное же свидѣтельство представляет замѣна а перед и п ы через ѣ (помѣнѣти, роумѣнъ, прѣмо, вм. помаѣти, роуманъ, прамо), которую должно толковать так, что звук е утратил пригнуску, обратясь притом из краткаго в долгій.

Не слѣдует ли из послѣдних соображеній, что праславянскій звук ѣ был ничѣм иным, как *долгим е?* Это дѣйствительно утверждает *Катков*, который видит тому доказательство в самом начертаніи соотвѣтственной буквы (ѣ= ѣ) и *Буслаев*, который ссылается на слово мѣсть, а также *Шлейхер* [2]) и *Гейтлер* (Starobulharskà fonologie), руководившіеся этимологическими соображеніями. Однако это мнѣніе не подтверждается показаніями количественных славянских языков, в коих замѣны ѣ нерѣдко бывают

(впослѣдствіи это а могло войти и в совершенный вид—поятіи,—гдѣ оно совсѣм неумѣстно); по-яду представляет случай весьма обычной в зачинѣ іотовки (перехода легкаго придыханія в j), послѣ которой измѣненіе ѣ в а произошло по древнему, общеславянскому закону. Непонятны мнѣ цвяток, прясной и сятется (сольвычег.) да гвязда (Гильф. Онеж. был. 765)—но достаточно ли четырех необъяснимых, или, вѣрнѣе, необъясненных слов, для построенія звукового закона?

[1]) Возможно, пожалуй, предположить, что ѣ произшедшій из ē (напр. сѣсти) уже не походил на е и только впослѣдствіи в новославянских языках, опять с ним сблизился—но это весьма невѣроятно.

[2]) Шлейхер два раза мѣнял свой взгляд на произношеніе ѣ. См. ниже, стр. 5, 10 и 11.

Digitized by Google

кратки [1]), напр. серб. вјѐдро, мјѐсто, пјѐна, дјѐд, сјѐвēр, мјѐсēц, чеш. vědro, město, pěna, děd, sever, měsíc [2]). Впрочем, нѣкоторое количественное различіе между ѣ и е дѣйствительно существовало: оно состояло въ том, что ѣ был звук обоюдный, а е — постоянно краткій [3]).

Невозможно также допустить, чтобы ѣ означал двузвучіе *je*, как учил *Добровскій* (Institutiones linguae slavicae), и *Шлейхер* (Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache) [4]): вѣдь в староцерковной письменности для этого существовал особый знак (ѥ), а, кромѣ того, уже из сочетаемости ѣ с зубными явствует, что в состав его не входило j — иначе слова́ **тѣло, дѣдъ, сѣсти, зѣвъ** были бы невозможны и должны бы были перейти в **штєло, ждєдъ, шєсти, жєвъ**. Второй из этих доводов имѣет силу для всѣх славянских языков: если бы основныя формы тѣло, дѣдъ, сѣсти, зѣвъ звучали тјело, дједъ, сјести, зјевъ, то послѣднія двѣ повсюду приняли бы вид шести (-ть,-ць) и жев, а первыя — представляли бы обычное разнообразное смягченіе, т. е. звучали бы у Болгар штело, ждед, у Русских чѐло,

---

[1]) Так же, как замѣнители основных ā, ū, ei, ou (а, ы, и, оу): в серб. бӑба, рӣба, лӣпа, ӯтро, в чеш. sad, nyní, silný, ruda и т. д.

[2]) Кромѣ случаев, представляющих краткіе гласные в обоих языках, не мало и таких, когда слово в одном языкѣ представляет долготу, но в другом — краткость: у Сербов брӣјег, рӣјеч, сӣјено, тӣјесто, рӣјека (= брêг, брӣг и т. д.), а у Чехов břeh, řeč, seno, těsto, řeka, у Чехов víra, míra, bříza, chtíti, mlíti — у Сербов вјѐра, мјѐра, брѐза, хтјѐти, млѐти.

[3]) Долгое е, равное основному е, в славянских языках встрѣчается рѣдко и всегда есть плод позднѣйшаго продленія, напр. серб. лѐд, род. лѐда, сêлā = древ. сêл (род. мн. к сѐло): пéрце (ум. от пѐро), в коих произошло продленіе в закрытом слогѣ; чеш. jméno (имя), péro, plésti, péci, которыя в Словацком нарѣчіи, а отчасти и в мѣстных говорах, равно как и в Сербском языкѣ, представляют краткое е.

[4]) Впослѣдствіи Шлейхер приписывал ѣ другія значенія, см. ниже стр. 10 и 11.

Digitized by Google

жед, у Сербов — ћело, ћед [1]), у Словенцев—čelo, jed, у Чехов и Лужичан — cełо (celo), zed, а у Поляков —cełо, dzed [2]).

Ту же судьбу, как созвучія тје, дје, сје, зје, испытали бы тја, дја, сја, зја, и потому нельзя также утверждать, чтобы ѣ равнялся двузвучію *ја*, как думает *Миклошичъ* [3]), а из русских ученых—*Колосов* [4]). Да и кромѣ того, возможно ли предполагать, что в Праславянском языкѣ ѣ равнялся ја, т. е., что не существовало особаго звука ѣ, когда замѣны ѣ и ја в новославянских языках (за исключеніем одного восточноболгарскаго) вовсе не совпадают? В пользу пониманія ѣ как ја приводят слѣдующія основанія: 1) в глаголицѣ для ѣ и ја существует один общій знак; 2) в кириловских рукописях ѣ и и нерѣдко смѣшиваются; 3) вм. основных сочетаній кѣ, гѣ, хѣ, славянскіе языки представляют ча, жа, ша: *крнчати, оукожати, кѣтъшати*; 4) ѣ равняется ја у Болгар и у Поляков и 5) двузвучіе ја слы-

---

[1]) Выговор ћед дѣйствительно является у Сербов, но только как мѣстное памѣненіе вторичнаго созвучія дј: при первичности этого созвучія ћ должен бы был господствовать повсемѣстно.

[2]) Для юговосточных языков можно указать также на существованіе сочетаній пѣ, бѣ, вѣ, мѣ (*пѣснь, бѣлъ, вѣра, мѣсто*), которыя не могут равнятся пје, бје, вје, мје, подлежавшим памѣненію в бље, вље, мље, вље.

[3]) Миклошич (Vergl. Gramm. I², 47) говорит, что ѣ в Старославянском языкѣ имѣл двоякій выговор: ја и é (второй—послѣ несочетаемых с j зубных), и что из этих двух звуков первый исконный, а второй позднѣйшій.

[4]) Колосову (Обзор, стр. 19—21) кажется, что ѣ—может быть, не в праславянскую пору, но по крайней мѣрѣ в період изобрѣтенія письма и в первыя вѣка славянской письменности—равнялся а с предшествующею мягкою. Вліяніе в началѣ слова приставочнаго j, а в серединѣ—мягких согласных, впослѣдствіи могло повести к суженію а сначала в е, а потом в і. Три главныя замѣны ѣ, таким образом, располагаются у Колосова в такой хронологической послѣдовательности: ја, је, і. Прежде Колосов высказывал нѣсколько отличное мнѣніе, см. ниже, стр. 10.

Digitized by Google

шится в русском названіи нашей буквы, хотя русское произношеніе ея и не есть ја. Миклошич в отсутствіи в глагольском письмѣ особой буквы ѣ усматриваст признак древности: глаголица сохранила де в этом случаѣ болѣе древнее состояніе языка, чѣм кирилица. Но вѣроятно ли — если даже не сомнѣваться в старшинствѣ глаголицы [1])—что нѣкогда существовавшее двузвучіе ја в одних случаях сохранилось, а в других перешло в новый звук? И возможно ли, чтобы этот звук был с одной стороны столь отличен от стараго, что понадобилось изобрѣсти, вмѣсто одной, двѣ буквы (ѣ и ꙗ), а с другой—та́к походил на него что вновь изобрѣтенныя буквы постоянно смѣшивались? Нѣт, если бы Миклошич был прав, и староцерк. слова́ *дјадъ, *тјало, *сјасти и т. д. в промежуток между изобрѣтеніем глаголицы и кирилицы перешли в дело, тело, сести, между тѣм как *бјалъ, *лјато, *вјара и т. п., наравнѣ с јазъ, јама, јаблъко, всегда сохраняли свой основной выговор, то кириловская буква ѣ составляла бы исключительное достояніе первых и никогда бы не являлась во вторых, в коих писалось бы постоянно ꙗ. Вообще, смѣшеніе двух букв, нарочно изобрѣтенных для Староцерковнаго языка, можно истолковать только та́к, что буквы, выражавшія весьма различные звуки, смѣшивались по винѣ писцов, недостаточно знакомых с книжным языком и вносивших в него особенности своей родной рѣчи. Языки, смѣшивающіе ја и ѣ, это — Польскій и Болгарскій, и из послѣдняго (т. к. о первом не может быть и рѣчи) слѣдует объяснять—как нѣкоторые уже и дѣлали—смѣшеніе ꙗ и ѣ;

---

[1]) Лично я увѣрен в происхожденіи глаголицы из кирилицы: особенно убѣдительное доказательство тому я вижу именно в существованіи в ней буквы ять, выражающей, если не всегда, то во многих случаях, двузвучіе ја, равно как и в существованіи буквы ю: только человѣку, привыкшему к кириловской буквѣ ю (очевидно сокращенной из ѡу, = ι + ου, как ꙗ = ι + α, ѥ = ι + ε), могла прійдти в голову странная мысль выразить эти двузвучія простыми буквами.

Digitized by Google

из болгарских рукописей такое смѣшеніе могло перейти также в сербскія и в русскія. Болгарин же, сочиняя новую „славянскую“ азбуку, в замѣн „грекославянской“ кирилицы, легко мог напасть на мысль замѣнить ѣ и и одним начертаніем, т. к. оба знака для него перед мягкими согласными означали ја, перед твердыми—ја [1]).

Что́ касается созвучій ча, жа, ша, то они дѣйствительно удобно выводятся из кја, гја, хја, не могут быть выведены также из кѣ, гѣ, хѣ: полагаю, что, послѣ смягченія согласных, гласный разширился подобным же образом, как в слогах чи, жи, ши у Русских и Поляков, у коих и в этих случаях перешло в ы [2]).

Замѣна ѣ через ја в двух малородственных языках, в Польском и Болгарском, дѣйствительно говорит в пользу подобнаго-же выговора в Праславянском языкѣ; но это свидѣтельство вполнѣ уравновѣшивается отмѣченным выше появленіем звука е, в большем или меньшем распространенія, у всѣх Славян. Кромѣ того есть доказательства, что не *је*, также существующее у Болгар и Поляков, сужено из *ја*, а, напротив того, *ја* разширено из *је*. Нельзя же допустить, чтобы Македонскіе болгаре, постоянно употребляющіе е на мѣстѣ ѣ, сузили ја во всѣх случаях, как перед мягкими, так и перед твердыми согласными, между тѣм как разширеніе е перед твердыми, при сохраненіи его перед мягкими, подобное русскому переходу је в јо, есть дѣло вполнѣ естественное. Еще убѣдительнѣе доказательства позднѣйшаго происхожденія ја в Польском языкѣ, которыя представ-

---

[1]) В виду этой правильности не было необходимости выразить двоякость выговора на письмѣ. Кромѣ того, весьма возможно, что узкій выговор ѣ и ја в то время еще мало разнился от широкаго; во всяком случаѣ слѣдует думать, что ѣ и ја, уже совпавши у Болгар друг с другом, никогда еще не совпадали с е, от коего они строго отличаются на письмѣ.

[2]) Русскіе слоги жи, ши=жы, шы, а чи стоит посерединѣ между настоящим чи и чы. Срв. слова жило, шило, точило с било и мыло.

Digitized by Google

лепы Потебнею [1]) и могут быть дополнены из Бодуэна-де-Куртенэ [2]): 1) Еслибы ѣ и и у Поляков совпали в видѣ ja (ʼa), то и основное ja должно бы было раздѣлить судьбу ѣ и перейти перед мягкими согласными в je, между тѣм как этого не замѣчается [3]). 2) В изглашеніи, гдѣ нѣт постороняго вліянія на ѣ, он является в видѣ je, напр. dwieście, ręce, żonie, na wozie, na czole и т. п. [4]). 3) Е нерѣдко слышится и перед твердыми, но перед мягкими ни разу не встрѣчается a: wiek, bies, człowiek, śmiech, chléb (род. chleba), bieda (ряд. с biada), dzieło (ряд. с działo). 4) Как отмѣчено Бодуэном, в Старопольском иногда читается e в таких словах, которым в настоящее время присвоено *a*, напр. kwiet, wietr, miera, powieda. Таким образом, как болгарское, так и польское ja на мѣстѣ ѣ должно считаться позднѣйшею замѣною je и не доказывает древности такого выговора [5]).

Наконец, в русском названіи буквы ѣ я усматриваю эвфемизм: вмѣсто древняго названія, совпавшаго с весьма неблагопристойным глаголом, подставили другой вполнѣ приличный глагол. Названіе ятя не соотвѣтствует не только русскому его выговору, но не соотвѣтствует также болгарскому, который перед мягким согласным, на мѣстѣ ѣ, ста-

---

[1]) Потебня. К исторіи звуков русскаго языка. 72.

[2]) Бодуэн-де-Куртенэ. О древнепольскомъ языкѣ, § 74, стр. 76.

[3]) Единственное приводимое Потебнею исключеніе (cześnik=чашникъ) легко объясняются перепначеніем, примѣнительно к слову cześć.

[4]) У Болгар, вслѣдствіе утраты склоненій, слова почти никогда не кончаются на ѣ, а в таких аористах, как видjá, появленіе а легко объяснить аналогіей остальных лиц: видjáх, -хми, -хте, -хъ.

[5]) Конечно, е замѣнявшее ѣ не было тожественно с е=основному е, а болѣе приближалось к а, т. к. иначе нельзя бы было понять, почему только замѣнитель ѣ переходит в ja, тогда как исконное е у Болгар сохраняется, а у Поляков переходит в o.

Digitized by Google

вит je, а не ja; названіе же γέατ, ἰατ, которое мы находим в „болгарском абеценаріи“ едвали слѣдует читать jat', а— jat, и оно доказывает только тó, чтó нам и без того извѣстно: что глагольское письмо не отличало ѣ от ѩ.

Считая несомнѣнным, что, по свидѣтельству всѣх славянских языков, ѣ был чѣм-то в родѣ е, я не согласен также видѣть в ѣ восходящій двугласный іа (это мнѣніе высказано *Шерцлем* в его Сравнительной грамматикѣ, его же считал вѣроятным и *Колосов* [1]), или подобный ему—еа, который является у *Шлейхера*, в Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung I и в первых изданіях Компендія, а также у *Бодуэна* (О древнепольском языкѣ, стр. 76). Эти толкованія основаны на убѣжденіи, что ѣ был близок к ja: т. к. в нем нельзя предполагать согласный элемент j, который дѣлал бы его несочетаемым с зубными, а у Юговосточных славян и с губными, то допускают, что j явился лишь впослѣдствіи, из родственнаго ему гласнаго і или е. Двугласный іа построен чисто теоретически, но еа был указан братьями Цанковыми в живом славянском языкѣ (в Болгарском) и на основаніи того предположен Шлейхером и для Древнеболгарскаго (Староцерковнаго)—однако, Цанковскій дифтонг в дѣйствительности есть ничто иное, как своеобразное изображеніе звука а с предшествующим мягким согласным. Не нахожу, чтобы из предполагаемых іа и еа особенно удобно выводились соотвѣтственные современные звуки, а тѣм менѣе, чтобы сами эти двугласные могли бы быть выведены из основных общеевропейских ē и аі, которыя, как извѣстно, замѣняет славянскій ѣ. Не считаю также вѣроятным, чтобы для дифтонга стали изобрѣтать простую букву.

Послѣднее соображеніе говорит и против мнѣнія *Ша-*

---

[1]) Колосов (Загадочные звуки в исторіи русскаго языка) говорит, что „ѣ равно или дифтонгу ia, или звуку е видоизмѣненному слитіем с ним и и получившему какое-то особенное произношеніе, может быть похоже на ä, 'а. Впослѣдствіи Колосов нѣсколько измѣнил свое мнѣніе. См. выше, стр. 6.

Digitized by Google

фарика, что ѣ означал двугласный аі [1]). Шафарик не доказал своего взгляда ни указаніем на замѣну в греческих словах дифтонга аі буквою ѣ (цѣсарь=κατσαρ), ни ссылкою на русскія и словацкія созвучія кѣ, гѣ, хѣ, якобы свидѣтельствующія о неумягчительном характерѣ древняго ѣ: вѣдь греческое αι при началѣ славянской письменности уже читалось как простой звук, а русско-словацкая несмягчаемость задненебных—завѣдомо позднѣйшее явленіе.

Из ученых, считавших ѣ простым звуком, нѣкоторые точнѣе опредѣляли его качество, говоря, что он произносился как *узкое е*. В таком смыслѣ высказался *Копытарь*, руководившійся словенскою замѣною ѣ, и *Бетлинг*, ссылавшійся на смягченіе кѣ, гѣ, хѣ в цѣ, зѣ, сѣ (влъцѣ, бозѣ, доусѣ), подобное переходу ки, ги, хи, в ци, зи, си (влъци, бози, доуси) и потому свидѣтельствующее о близости ѣ к и [2]). Такой выговор приписывал ѣ и *Шлейхер*, который, в послѣднем изданіи своего Компендія велит произносить эту букву как долгое, узкое е, а также и *Миклошич*, правда, только в слогах тѣ, дѣ, сѣ, зѣ. В пользу этого взгляда можно сослаться на появленіе в нѣкоторых окончаніях и вм. ѣ, которое по видимому удобно объясняется дальнѣйшим суженіем узкаго е (є), под вліяніем предшествующаго мягкаго элемента: мѣст. пад. кони, конихъ, рядом с рабѣ, рабѣхъ, соблазнительно выводить из конјє, конјєхъ [3]). Но имѣем ли мы право предполагать формы конјѣ, конјѣхъ? И ка́к, если ѣ = є, мы объясним переход его в а (напр. биите, люблиахъ, печаль)? Дѣйствительно, нѣт никакой необходимости предполагать в Праславянском языкѣ суще-

---

[1]) Šafařík. Počátkové staročeské mluvnice. Wýbor z literatury české.

[2]) Kopitar. Glagolita Clozianus. Бетлингъ. Грамматическія изслѣдованія о Русскомѣ языкѣ. Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ. Т. I, кн. 1.

[3]) Таким образом объясняет эти формы и Миклошич (Vergl. Gramm.. I². 241), хотя это и не вяжется с его взглядом на основной звук ятя.

Digitized by Google

ствованіе непереднимаго впослѣдствіи созвучія jѣ, т. к. ѣ чередующійся с и равен основному ai, и смѣняющее его и можно выводить из jai: как *marja(m) дало море, так *marjai дало *морѣи, мори [1]). Явленіе, на которое ссылается Бетлинг, в сущности представляет лишь частный случай только что указаннаго „перехода“ ѣ в и: рядом с и, употребительным в ед. ч. повелительнаго, во множественном и двойственном мы видим ѣ (тещи, тещѣте, тещѣта), а в им. пад. мн. ч. окончаніе и слѣдует считать замѣною ѣ (пророци, вм. пророцѣ) [2]).

Итак повторяю, что ѣ нельзя отожествлять с *je* или с *ja*, что нѣт основанія считать его ни дифтонгом (*ai*, *ia* или *ea*), ни узким или долгим (или зараз и узким и долгим) *e*, но что *несомнѣнны, с одной стороны, близость ею к e, а с другой—переход его, при извѣстных условіях, в* a [3]). *Полагаю поэтому, что* ѣ *звучал как* ä, *т. е. как* e *близкое к* a, *тогда как общеевропейское* e *дѣйствительно представляло середину между* a *и* i.

В пользу такого взгляда на произношеніе ѣ говорят также и этимологическія соображенія: *ii* есть тот звук, в коем естественнѣе всего было совпасть основным звукам, замѣною которых служит славянскій ѣ.

Звуки эти суть *долгое e* (напр. в словах сѣсти, дѣло, мѣсяць, орѣхъ) и *двугласный ai* (свѣтъ, бѣсъ, вѣмь, пѣна). Ai лежит также в основаніи славянскаго *и* (*и*=i, in, а чаще всего—ai), но ai обращающееся в *и* не то, которое переходит в ѣ: *и* образуется из ai и потому соотвѣтствует литовскому и греческому *ei*, а ѣ слѣдует выводить из ai,

---

[1]) Эту мысль высказал уже Колосов. Загадочные звуки.

[2]) Miklosich. Vergl. Gramm. III², 7. Я думаю, что окончаніе и первоначально было свойственно только мягкому различію (напр. кони, мьчи, платји) и впослѣдствіи только введено в твердое, на мѣсто ѣ.

[3]) Не слѣдует притом забывать, что это переход древній, общеславянскій, а не новѣйшій, как переход ѣ в ie или i, в нѣкоторых новославянских языках.

Digitized by Google

дающаго в Греческом языкѣ οι, в Литовском ai. Сравним мѣстные падежи часѣ, часѣхъ с мѣстными же падежами οἶκοι, ἵπποισι, императивную форму берѣте с оптативною φέροιτε; обратим также вниманіе на подъемное значеніе ѣ, которое соотвѣтствует значенію греческаго οι, нпр. **цвѣтъ : расцвитати : цвьтѫ**=λοιπός : λείπω : ἔλιπον [1]). Чередованію в небном ряду звуков οι и ει в ротовом соотвѣтствует чередованіе о и е, коему мы находим полное соотвѣтствіе в Славянском языкѣ: и у Греков, и у Славян *е* составляет достояніе первообразнаго глагола, а первообразному имени присвоено *о*—и вот, видя, что, с одной стороны φόρος : φέρω=λοιπός : λείπω, а с другой — φόρος : φέρω = (из)боръ: берѫ, мы можем заключить, что дифтонговое *и* первоначально звучало *ei*, а дифтонговой *ѣ*—*oi*. Такое значеніе этого *ѣ* подтверждается также появленіем на мѣстѣ его, перед гласными, двузвучія oj, как в настоящем поѭ, при неокончательном пѣти, и в существительных бой, лой, покой, рядом с глаголами бити, лити, почити [2]). И дифтонг *ai*, который соотвѣтствует дифтонговому *ѣ* в Литовском языкѣ (бѣсъ — baisùs страшный, мѣна — mainas, звѣзда — żwaizdé), указывает на древнѣйшій праславянскій выговор oi: т. к. на мѣстѣ литовскаго *a* у Славян стоит *о*, то и на мѣстѣ *ai* должно было стоять *oi* [3]).

Итак прихожу к тому выводу, что в Общеславянском языкѣ первоначально не существовало звука *ѣ*, а существовали на мѣстѣ его два звука—ē и oi, которые впослѣдствіи совпали, для чего второй (другого пути я не вижу) дол-

---

[1]) Срв. также **свѣтъ — свитати — свьнѫти, мѣжити — мигъ — мьгнѫти.**

[2]) С *покои* и *почити* срв. греч. κοίτη и κεῖται.

[3]) Мысль, что *ѣ* можно бы считать за oi мимоходом высказал уже Колосов (Замѣтки о звуках русскаго и старославянскаго языков. Филол. Зап. 1874, 2, 15); но он не остановился на ней, т. к. в таком случаѣ не находил объясненія для умягчительности ѣ (смягченія перед ним задненебных).

Digitized by Google

жен был пройти через ступень ŏ [1]); в то же время, вѣроятно, и намѣстник древняго ē не оставался неизмѣнным, а шел на встрѣчу приближавшемуся к нему дифтонгу: сначала произносили дēло и своiтъ, потом дāло и свōтъ, наконец — дāло и свāтъ [2]). Замѣны ē и oi (ā — ŏ, ā), по всей вѣроятности, первое время были всегда долгими и только впослѣдствiи слѣлались способны к сокращенiю.

Роман Брандт.

---

[1]) Разумѣю здѣсь то ŏ, которое слышится во французком словѣ peur: ŏ среднее между ω (о в словѣ or) и ā (père), а не между о (peau) и i, какое звучит в словѣ peu.

[2]) При таком взглядѣ на ѣ становится понятным двоякое смягченiе перед ним к, г, х: из кā, гā, хā сдѣлалось ча, жа, ша (мълчати, дьржати, слышати), а из кō, гō, хō — цѣ, ѕѣ, сѣ (вълцѣ, боѕѣ, дусѣ); притом смягченiе перваго ряда слогов могло произойти еще в то время, когда в них слышалось просто долгое е, а второй ряд представлял еще неумягчительный дифтонг ei. В предложенном здѣсь объясненiи двоякаго дѣйствiя ѣ на задненебные я произвел только подстановку oi и ŏ на мѣсто ai: основная мысль его принадлежит Гейтлеру (Starobulharská fonologie, § 129, 130, 142). Взгляд Гейтлера принят Миклошичем (Verg. Gramm. I², 242).

Digitized by Google

ИЗСЛѢДОВАНІЯ
ВЪ ОБЛАСТИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

I.

Родительный падежъ единственнаго числа, именительный и винительный множественнаго числа на ѣ.

Въ памятникахъ древне-русской письменности мы очень часто находимъ родительный п. ед. ч., именительный и винительный пад. множств. ч. съ окончаніемъ *ѣ* или *е*. Родительный пад. ед. ч. на *ѣ*, *е* встрѣчается преимущественно отъ именъ, имѣющихъ основу на а̂ съ предшествующимъ j или мягкою согласною, или, какъ мы будемъ впередъ выражаться, имѣющихъ основу на jа̂, и ото всѣхъ мѣстоименій женскаго рода; именительный пад. множ. ч., преимущественно отъ именъ и мѣстоименій съ основою на jа̂ и винительный п. множ. ч. преимущественно отъ именъ и мѣстоименій, имѣющихъ основу на jа и jа̂. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

XI вѣкъ.

Остромирово Евангеліе: родит. п. ед. ч.: въ въторникъ в҃ *недѣлѣ*, въ срѣду г҃ *недѣлѣ*, въ пѧтъкъ г҃ *недѣлѣ*, въ сѫботѫ г҃ *недѣлѣ*, вт҃къ вл҃кыя *не*ⁱ*лѣ* [1]);

Изборникъ Святославовъ 1073 года: родит. п. ед. ч.: нозѣ *ѥѣ*, имен. п. мн. ч.: лѣтаѭть *пѫтицѣ*; вин. п. мн. ч.: *вьсѣ* хотѧ помыслы разумѣти [2]).

---

[1]) Остромирово Евангеліе, изд. Востокова, 12 об., 19 об., 21, 21 об., 153 об.

[2]) Изборникъ Святославовъ, изд. Общества древней письменности, 169, 129 об., 17 об.

Digitized by Google

Изборникъ Святославовъ 1076 года: родит. п. ед. ч.: мьшю *іеѣ*; вин. п. мн. ч.: *въдовицѣ* заштиштаита [1]);

Архангельское Евангеліе 1092 года: имен. п. мн. ч.: жены пришьдъшая, *зряште*....; вин. п. мн. ч. *ключь* [2]);

Слова Григорія Богослова: имепит. п. мн. ч.: равьны *надежде* [3]).

Изъ этихъ памятниковъ — Острмр. Евангеліе писано въ Новгородѣ, Изборники — въ Кіевѣ; гдѣ писаны Архангельское Евангеліе и Слова Григорія Богослова, съ точностію нельзя опредѣлить, но первое, судя по слову *весьдѣ* [4]) (съ *ѣ*, как къ великорусскомъ нарѣчіи, а не съ *е*, какъ въ малорусскомъ) и по замѣнѣ *ѣ* черезъ *и*: *удобиѥ*, (=*удобѣѥ*), двѣ *ризи* [5]), писано въ новгородской области; послѣднія писаны тамъ же, если можно судить по позднѣйшей припискѣ.

XII вѣкъ.

Мстиславово Евангеліе до 1117 года: род. п. ед. ч.: ст҃ыя мч҃нцѣ *Еѳиміѣ*, прдбныя Пелагія инъгда *блудьницѣ*, ст҃ыя мч҃цъ *Анастасіѣ*, сщ҃еніе ст҃ыя *Софіѣ*, ст҃ыя *Киликіѣ*, ст҃го пррка *Захаріѣ*, стыя мца *Евдокіѣ*, стыя Ѳеодосія *дѣцѣ* [6]).

Грамота кн. Мстислава Юрьевича Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 года: вин. п. мн. ч.: молите Ба за мя и за *моѣ* дѣти [7]).

Галицкое Евангеліе 1144 года: род. п. ед. ч.: Домьны,

---

[1]) Буслаевъ, Историческая хрестоматія, 296, 294.

[2]) Дювернуа, Журналъ Мин. Народн. Просв. 1878 г., X. 187, 186.

[3]) Будиловичъ, Изслѣдованіе о языкѣ XIII словъ Григорія Богослова, 25.

[4]) Амѳилохій, Описаніе Евангелія 1092 г. 30.

[5]) Журн. Мин. Нар. П. ib. 186.

[6]) Извѣстія Акад. Наукъ X, 113, 115, 117, 118, 119, 125, 126, 128.

[7]) Ibid. 498.

Digitized by Google

Хотимьѣ, Савы, *Ильѣ*, Григорья, *Натальѣ*, вин. п. мн. ч. *ключѣ* [1]).

Стихирарь 1157 года: вин. п. мн. ч.: вѣрьныя *кънязѣ нашѣ* възвесели [2]).

Добрилово Евангеліе до 1164 года: имен. пад. мн. ч.: *птицѣ нбсные* позобаша [3]);

Грамота новгородскаго князя Ярослава Владиміровича 1189—1199 г.: род. п. ед. ч.: *чюжее* жены; вин. п. мн. ч. г҃ гривны *старые* [4]).

Торжественникъ Московскаго Успенскаго собора:

1) Житіе Ѳеодосія печерскаго: род. пад. ед. ч. ст҃ыя *влдцѣ* нашея *Бцѣ*, ни единоя *неделѣ*, отъ *келіѣ*, отъ *братіѣ* [5]); вин. п. мн. ч.: постави *келіѣ* многы; обиходити ему *келіѣ* мниховы *вьсѣ*, на *прьвые* грѣхы, привезоша г҃ возы пълъны *суще* къръчагъ, принесоша ему *хлѣбьцѣ*, повелѣ въсыпати *ѣ* (укрухы), съ *трое* или съ четверы *пригръщѣ*, *свѣщѣ горущѣ* имяхуть [6]);

2) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ: род. пад. един. ч. отъ *българинѣ*, съмрьти *тое пагубьное*, уности *моеѣ*, отъ *землѣ*, съзьдавъ *еѣ* (церковь), на мѣстѣ *ветъхоѣ деревяноѣ* (церкви) [7]); имен. п. мн. ч. немилостивіи *кръвопиіцѣ*; винит. п. мн. ч. предавъ *воѣ*, *воѣ* дьржа, видѣша свѣтъ и *свѣщѣ*, бл҃гословяще *князѣ*, за *нашѣ* грѣхы [8]);

3) Сказаніе о св. Агапіи: родит. п. ед. ч. отъ *землѣ*, отъ *бурѣ*; им. п. мн. ч. сѣдѣху *пътицѣ*, *душѣ* суть чл҃в-

---

[1]) Буслаевъ, Матеріалы для исторіи письменъ, 11, 12.

[2]) Извѣстія, ibid. 516.

[3]) Ibid 509.

[4]) Русско-Ливонскіе Акты, 2.

[5]) Чтенія, 1879 г., I, 1, 12 об., 14, 18 об., 27, 34, 35, 40 об.

[6]) Ibid. 12, 13 об., 14, 26 об., 27, 29 об., 30 об.

[7]) Чтенія 1870 г., I, 1, 2 об., 5 об., 10, 12 об., 13 об.

[8]) Ibid. 5; 1 об., 3 об., 7, 11, 13.

Digitized by Google

чьскыя, вин. п. мн. ч. цѣлованѣ *ѣ*(монаховъ), вижю *пѣтицѣ* перьнаты, глядан *стьжицѣ* малы [1]);

Златоструй Императорской Публичной Библіотеки: род. п. ед. ч: кыихъ грѣхъ *простыне* просити хощеши, из *иное* вьси, отступи отъ *земль*, единоя *дшѣ*, не положи *ѣ*, капля *единое*, напъланяться гумна *пшенице*, *дшѣ* своея, отъ дше, отъ *земль*, отъ *пустынь*, бес *польз*, корени *ее*, у *куще*, отъ своея *воле;* им. п. мн. ч. къде *рабыне* почивають; вин. п. мн. ч. за *свое* дѣти [2]);

Сборникъ поученій: родит. п. ед. ч. отъ цр҃кве *бжи*, им. п. мн. ч. *чашѣ* срѣбрьны, винит. п. мн. ч. *повалушѣ* испьсавъ, разлучиша *мужь* отъ женъ, роняху *крупицѣ* [3]);

Торжественникъ Императорской Публичной Библіотеки родит. п. ед. ч. по *тьмницѣ*: винит. п. мн. ч. изведи три *муже* [4]);

Ярославскій списокъ Пандектъ Никона Черногорца: род. п. ед. ч. по *келіе*, *келіе своее*, уста *ее*, до *земле*, отъ *друюе*, съвлещи *тоѣ самоѣ* срачицѣ [5]);

Патерикъ Синайскій: род. п. ед. ч. по имущю *херото нѣ*; вин. п. мн. ч. поимаше *свое* волы [6]);

Изъ этихъ памятниковъ — Мстиславово Евангеліе и обѣ грамоты писаны несомнѣнно въ Новгородѣ, тамъ же писаны Стихирарь и Патерикъ, какъ показываетъ взаимная смѣна ѣ и ч, а также вѣроятно, Златоструй, Сборникъ поученій и Пандекты; южной Руси несомнѣнно принадлежитъ только Галицкое Евангеліе; мѣсто написанія остальныхъ памятниковъ на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ нельзя опредѣлить.

---

[1]) Поповъ, Библіографическіе Матеріалы, I, 44, 45; 43, 45; 42, 43, 44.

[2]) Малининъ, Изслѣдованіе златоструя по рукописи XII вѣка 267—268.

[3]) Извѣстія, X; 561, 548, 550, 561, 568.

[4]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XXXII, 25.

[5]) Ibid. LV, 220, 224, 230.

[6]) Ibid. LXXXII, 68, 62.

Digitized by Google

XIII вѣкъ.

Толковый Апостолъ 1220 года: род. п. ед. ч. *пищѣ*, развѣ *пищѣ* ти *одеж҃ѣ*, *нужѣ*, *вечерѣ*, *обьще*, до *пятьдесятьнице*, без *волѣ* б҃іе, *земле;* имен. п. мн. ч. *тьмницѣ*, *блудьницѣ*, *еликьскыѣ любодѣицѣ*, *чашѣ* б҃іѣ заповѣди; вин. п. мн. ч. *творцѣ*, *учителѣ*, *князѣ*, *строителѣ*, *дѣлателе*, *е* (=ꙗ) [1]);

Договоръ Смольнянъ съ Ригою послѣ 1230 года: род. п. ед. ч. безъ его *воле*, у *судье*, у *вольное* жены, до *нее* не *которое земле*; винит. п. мн. ч. будуть розбоиници,— выдачи *е*, мнѣ *е* (гостей) пущати, про *свое муже* и про *свое* Смолняны [2]);

Новгородсяая грамота 1257—1263 года: родит. п. ед. ч. что ся учинило *тяже*, *иное* грамоты у нас пѣтуть [3]);

Грамота литовскаго князя Гердена 1264 года: род. п. ед. ч. отъ *тое* земли [4]);

Новгородская грамота 1265 года: род. п. ед. ч. отъ *лодье*, суждальской *земле*, не рядити; имен. п. мн. ч. волости *новгородьскые*; вин. п. мн. ч. *судье* не слати [5]);

Новгородская грамота 1270 года: род. п. ед. ч. отъ посадника *Павше*, оть *лодъе;* винит. п. мн. ч. *свое* грамоты подаялъ еси, *старые* (грамоты) оправливати, про *купче новгородьскые* [6]);

Новгородская Кормчая 1282 года: родит. п. ед. ч. из *нѣволѣ* г҃ гривны *продаже*, не дати *воле*, от *городне*, *задницѣ* не имати [7]), не терпя *нужныѣ* работы, *житіискіѣ*

---

[1]) Воскресенскій, Древне-славянскій переводъ Апостола 56—57.

[2]) Извѣстія, X, 601, 602, 603; 600, 602, 603.

[3]) Русско-Лив. Акты, 9.

[4]) Ibid. 13.

[5]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ I, 1—2.

[6]) Ibid. 3—4.

[7]) Русскія Достопамятности, I, 32, 33, 45, 54.

Digitized by Google

печали не любя [1]); имен. п. мн. ч. *чье* купы, *княже* куны, *робье* дѣти; винит. п. мн. ч, по *своѣ* купы, крадеть *свинье*, будуть дъчери...., — даяти часть на *нѣ*, ты *тяже все* судять [2]), *искусныѣ* ризы, на *онучѣ*, все дни [3]);

Смоленская грамота 1284 года: род. п. ед. ч. при докончаньи грамоты *сее* [4]);

Поученія Ефрема Сирина до 1288 года: род. п. ед. ч. въ лѣто *семое тысящѣ* [5]);

Псалтырь 1296 года: родит. п. ед. ч. *бо̃любивые сее* жены [6]);

Патерикъ Скитскій 1296 года: род. п. ед. ч. съвлещи *тоѣ самоѣ срачицѣ* [7]);

Грамота Рижанъ къ Витебскому князю Михаилу Константиновичу около 1300 года: родит. п. ед. ч. отъ *своіе братье*, мы *вашее братье* не обидѣли, безъ *виньное* вины, своего брата *душе* постерега, тобе было *тое* обиды постеречи, не отложишь *всякое* неправды; винит. п. мн. ч. есть миръ доконцанъ межи *земле*, *дѣтыные свое* пославъ, послали *свое коне*, *тые коне* обизрелъ, мы *свое* обиды не положимъ [8]);

Галицкій списокъ Евангелія: род. п. ед. ч. не имѣша *зл҃ѣ* многы, *ст҃ое Анастасье*, *мч҃нцѣ*, *прр҃чьцѣ*, *Огафье*, *Евдокье*; им. п. мн. ч. приидоша *птицѣ* нбсныа, жены ...*бывше* рано у гроба.... *гл҃юще*.... *видѣвше* [9]);

Духовная новгородца Климента: вин. п. мн. ч. жена моя пострижеться въ *чернице* [10]);

---

[1]) Калайдовичъ, Паматинки россійской словесности, XII вѣка, 103, 104.

[2]) Рус. Достопамятности, I, 47, 54; 32, 37, 43, 52.

[3]) Калайдовичъ, о. с. 102, 103, 109.

[4]) Извѣстія, X, 629.

[5]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, VI, 144. (Записки Ак. Н. XII, 2).

[6]) Буслаевъ, Истор. Хрест., 84.

[7]) Ibid. 413.

[8]) Извѣстія, X, 634—636.

[9]) Срезневскій, Свѣд. и зам., LXIX, 431, 434.

[10]) Ibid. XXXV, 38—39.

Digitized by Google

Финляндскій Прологъ: родит. п. ед. ч. до *вѣкшѣ*, отъ *опитьмів*, отъ *тьмницѣ* [1]);

Сборникъ Императорской Публичной Библіотеки: род. п. ед. ч. отъ *палѣе*; имен. п. мн. ч. *овцѣ*, *пьяницѣ* кличють [2]);

Изъ вышеназванныхъ памятниковъ значительная часть приходится на долю сѣверной Руси, именно: три грамоты, Кормчая, Духовная и Псалтырь принадлежатъ Новгороду, двѣ грамоты — Смоленску, Патерикъ — Суздалю; на долю южной Руси приходятся Поученія Ефрема Сирина и Галицкій списокъ Евангелія. Затѣмъ Рижская грамота писана новгородскимъ нарѣчіемъ, какъ показываетъ смѣна ц и ч, а сборникъ писанъ гдѣ нибудь въ сѣверной Руси, какъ показываетъ слово *здѣ*. Мѣсто написанія Апостола по имѣющимся у насъ даннымъ нельзя опредѣлить.

XIV вѣкъ.

Смоленская грамота 1300 года: родит. п. ед. ч. *тоѣ* любви [3]);

Новгородская грамота 1305—1308 года: вин. п. мн. ч. *судье* слати *свое* [4]);

Новгородская грамота 1307—1308 года: вин. п. мн. ч. за *нѣмцѣ* [5]);

Поликарпово Евангеліе 1307 года: род. п. ед. ч. отъ *смоковницѣ*; вин. п. мн. ч. въ *свиньѣ* [6]);

Южно- и западно-русскіе акты:

1) 1350 года: род. п. ед. ч. безо *всакоѣ* хитрости, отъ Покрова Бцѣ; вин. п. мн. ч. есмы дали *своѣ* печати.

2) 1359 года: род. п. ед. ч. купилъ дѣдицтво панъны

---

[1]) Ibid. XLI, 30.

[2]) Лавровскій, Описаніе семи рукописей Имп. Публичн. Библіотеки, 18, 22.

[3]) Русско-Лив. Акты, 23.

[4]) Собраніе гос. грамотъ, I, 7.

[5]) Ibid. 14.

[6]) Буслаевъ, Историч. Хрестоматія, 104, 100.

Digitized by Google

Радивоньковоѣ дѣдину *ее* и вотнину отца *ее*, унукомъ *ее*, племеню *еѣ*, староста *русскоѣ* земли;

3) 1366 года: родит. п. ед. ч. у брата его *Захарьѣ*, старостою *руськое* земли [1]);

Грамота Олега Разянскаго послѣ 1356 года: родит. п. ед. ч мл҃твою *стое* Бци, манастырь *стое* Бц҃и, изъ отчины изъ *своее* [2]); и др.

Изъ этихъ памятниковъ одни принадлежатъ Новгороду, другіе—Смоленску, третьи—Рязани, четвертые—южной Руси. Къ южно-русскимъ принадлежитъ и Поликарпово Евангеліе, какъ показываютъ слова *камѣнье*, *вчѣнье*, *рожѣнье* съ *ѣ*, а не съ *е* [3]).

Формы, подобныя вышеприведеннымъ, продолжаютъ встрѣчаться въ сѣверно-русскихъ памятникахъ XV—XVII вѣка, но въ род. п. ед. ч. ихъ имѣютъ: часто—мѣстоименія и прилагательныя женскаго рода и рѣдко — существительныя; въ именит. и винит. п. мн. ч. ихъ имѣютъ: часто—мѣстоименія и прилагательныя всѣхъ родовъ и очень рѣдко—существительныя. Причины такого измѣненія въ употребленіи этихъ формъ заключаются въ слѣдующемъ.

1) Имена съ основою на jâ, вслѣдствіе вліянія на нихъ именъ съ основами на *â* (*жена*) и на i (*кость*), мало по малу стали усваивать себѣ окончанія этихъ послѣднихъ, какъ въ формахъ другихъ падежей, такъ и въ формахъ род. п. ед. ч. и им.-вин. мн. ч., которыя такимъ образомъ стали окончиваться на *и* или (рѣдко) на *ы*. Въ словахъ на *ца* и *за* (первоначально *ця* и *зя*, такъ какъ *ц* и *з* были въ древнѣйшій періодъ мягкими звуками), *ы* въ род. п. ед. ч. и им.-вин. мн. ч. явилось очень рано, вмѣстѣ съ

---

[1]) Головацкій, Памятники дипломатического и судебно-дѣлового языка русского въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ, 4—6.

[2]) Извѣстія, X. 678—680.

[3]) Буслаевъ, Матеріалы, 30—31; Потебня, Отчетъ о 20-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, 800—801.

Digitized by Google

отвердѣніемъ *ц* и *з*; въ Архангельскомъ Евангеліи 1092 г. мы находимъ род. п. ед. ч. *пользы*, имен. п. мн. ч. *въдовицы* [1]), въ Златоструѣ XII вѣка родпь. п. ед. ч. *пользы* [2]). Достовѣрные примѣры замѣны падежныхъ окончаній основъ на jâ надежными окончаніями основъ на *â* и *i* явились въ памятникахъ позже, но и они восходятъ уже въ XIII вѣку; мы находимъ: Духовная Новгородца Климента XIII вѣка: дат. п. ед. ч. кланяюся игумену и всеи *братье* [3]); Духовная Ивана Калиты 1328 года: родит. п. ед. ч. *княшни* моее [4]); Договоръ Симеона Гордаго съ братьями 1341 года: род. п. ед. ч. *княшни*, дат. п. ед. ч. *братьѣ* [5]); Духовная Симеона Гордаго 1353 года: род. п. ед. ч. своее *купли* [6]) грамота Олега Рязанскаго послѣ 1356 года: род. п. ед. ч. стое *Бци* [7]); Лаврентьевскій списокъ лѣтописи 1377 года: по *землѣ*, на *каратьѣ*, бес *купли*, в цркви стго *Ильи*, понесѣте ны в *лодѣ*, чюжея *земли* ищеши, собрася *братьи*, ископаша печеру и *кѣльи* и др. [8]); Апостотъ XIV вѣка: стыа *Пятницы*, стыа *Софеи* (ibidem *абладомъ*) [9]). Въ XV вѣкѣ именныя формы род. п. ед., им.-вин. мн. ч. на *и*, *ы* употребляются наравнѣ съ формами на *ѣ*, *е*; въ XVI и XVII вѣкахъ первыя уже значительно преобладаютъ надъ послѣдними.

2) Съ XIV вѣка мы начинаемъ замѣчать въ сѣверно-русскомъ языкѣ отпаденіе конечнаго чистаго гласнаго иногда послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ, но особенно часто послѣ j, который въ этомъ случаѣ иногда не употребляет-

---

[1]) Журн. Мин. Н. Пр. 1878 г., X, 186.
[2]) Малининъ, Изслѣдованіе Златоструя. 284.
[3]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, XXXV, 38.
[4]) Собраніе госуд. грамотъ, I, 32.
[5]) Ibid. 36.
[6]) Ibid. 38.
[7]) Извѣстія, X, 678—679.
[8]) Повѣсть временныхъ лѣтъ по лаврентьевскому списку, 4, 21, 23, 27, 30, 39, 105.
[9]) Воскресенскій, Др. слав. Апостолъ, 177.

Digitized by Google

ся графически. Именно мы находимъ: Новгородская грамота 1375 года: *учинилось* [1]); 1-ая Новгородская лѣтопись XIV вѣка: *явишись* [2]); Евангеліе XIV вѣка, *блюдитесь* [3]); Договоръ Риги съ Полоцкомъ 1405 года: *надеючесь* [4]), гдѣ съ произошло изъ *ся*; Новгородская грамота 1396 года: за *Олексѣевом* печатью, гдѣ и=й=j произошло изъ *ю*; та же грамота: не поминати *то* грамотѣ [5]), Полоцкая грамота 1465 года: *ваше* милости слуга [6]), гдѣ *то*, *ваше* надо читать *той*, *вашей;* конечный j произошелъ здѣсь изъ *ѣ*, *е*: *той* изъ *тоѣ*, *тое*. Изъ разсматриваемыхъ нами формъ отпаденіе гласнаго замѣчается только въ формахъ род. п. ед. ч. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій, но не всегда.

3) Уже въ праславянскомъ языкѣ произошло смѣшеніе именительнаго п. мн. ч. основъ на *ā* и *jā* съ винит. п. мн. ч., кончившееся совершеннымъ исчезновеніемъ формъ имен. п. мн. ч. Въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи (какъ и вообще въ славянскихъ языкахъ), смѣшеніе имен. п. мн. ч. съ винит. распространилось на основы на *ja* и *ŭ* (муж. р.) и замѣчается уже въ XIII вѣкѣ: грамота литовскаго князя Гердена въ Ригу послѣ 1264 года: им. п. мн. ч. тие *люди* [7]); Новгородская Кормчая 1282 года: *люди* выѣзуть [8]); грамота Рижанъ около 1300 года: горожяне...., *которым* были [9]), Ирмолой Новгородско-Софійской библіотеки XIII вѣка: *отроцы* отъ пещи избавивъ [10]). Въ XIV вѣкѣ это смѣшеніе уже не рѣдкость: Новгородская грамота 1317 г.: им. п мн. ч. вси *малыи кы*, вин. п. мн. ч. *мои* недругы; грамота Олега Рязанскаго послѣ 1356 г.: имен. п. мн. ч.

---

[1]) Собраніе госуд. грамотъ, I, 21.
[2]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, III, 39.
[3]) Извѣстія, VI, 280.
[4]) Русско-Лив. Акты, 119.
[5]) Ibid. 86.
[6]) Idid. 203.
[7]) Ibid. 13.
[8]) Русск. Достопамятности, I, 42.
[9]) Извѣстія, X, 133.
[10]) Ibid. VI, 37.

Digitized by Google

си вси *погосты, ямьщики* [1]); новгородская грамота 1373 г.: взялѣ у насъ товаръ *разбойники* [2]); Договоръ Новгорода съ Ганзою 1392 г.: им. п. мн. ч. *послы* заморьскѣ [3]); новгородская Минея XIV в.: им. п. мн. ч. вси полцы *рускыя* [4]); Палея XIV вѣка: им. п. мн. ч. *аи҃глы... престолы:...* серафими, суть же и служебніи дѣи: *аг҃глы* облакомъ, *аг҃глы* росамъ [5]); Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: пустити *воробьи*, нача *вои* совкупляти, послаша *лѣпшіѣ мужи*, удавиша кони (им. п.) *чл҃вци* (вин. п. [6]). Въ послѣдующее время для обозначенія именительнаго и винительнаго падежей мн. ч. стала употребляться одна и та же форма; эта форма въ основахъ на *а* и *і* (муж. р.) — форма винительнаго пад.: *труды, добры, гости, пути*; а въ основахъ на *ја* — форма именительнаго п.: *лучи, сини, твои*. Такимъ образомъ формы вин. п. мн. ч. муж. р. на *ѣ*, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, вышли изъ употребленія.

4) Вышесказанное касается именъ существительныхъ, мѣстоименій и именъ прилагательныхъ нечленныхъ; что же касается до именъ прилагательныхъ членныхъ, т. е. состоящихъ изъ соединенія имени съ мѣстоименіемъ *и*, то они въ своей мѣстоименной части сохранили употребленіе и формы имен. п. мн. ч., и формы вин. п. мн. ч. независимо отъ того, какую форму имѣетъ ихъ именная часть. Такимъ образомъ явились четыре формы членныхъ прилагательныхъ мужск. р., употребляющіяся безразлично и въ значеніи имен. п., и въ значеніи вин. п. мн. ч.:

а) Формы, состоящія изъ имен. п. мн. ч. имени и мѣстоименія, напр.: *прочіи* (Варяги) идоша Црюграду, князи изымахомъ *лѣпшіи* [7]).

---

[1]) Извѣстія, X, 679.
[2]) Русско-Лив. Акты, 76.
[3]) Ibid. 87.
[4]) Извѣстія, VI, 293.
[5]) Ibid. X, 665.
[6]) Повѣсть вр. лѣтъ по Лавр. сп. 33, 37, 43, 46.
[7]) Ibid. 49, 164.

Digitized by Google

б) Формы, состоящія изъ им. п. мн. ч. имени и вин. п. мѣстоименія: посла к Игорю *лучіе* боляре, послаша *лѣпшіе* мужи [1]);

в) Формы, состоящія изъ вин. п. мн. ч. имени и им. п. мѣстоименія: *мертвыи* срама не имамъ, сквозѣ *половечьскыи* вои [2]), и

г) Формы, состоящія изъ вин. п. мн. ч. имени и мѣстоименія: *безбожныѣ* сѣ́бове измаплевы высѣкоша, срѣтоша *половечьскыѣ* князи [3]).

Членнымъ прилагательнымъ послѣдовали и членныя мѣстоименія.

5) Звуковое совпаденіе вин. п. мн. ч. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій муж. р. съ вин. п. мн. ч. жен. р. повело къ употребленію формъ им. п. мн. ч. муж. р. вмѣсто формъ им.-вин. п. жен. р. Такимъ образомъ мы находимъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи: *врежаеми* бываютъ молитвы, ношаху слы печати *злати*, а гостье *сребрены*, *свои* главы сложимъ, зажгожа двери къ угу *устроены* [4]). Съ появленіемъ формъ им.-вин. п. муж. р. на *ы* и *іѣ*, *іе*, при существительныхъ жен. р. стали употребляться и эти формы: Духовная Ивана Калиты 1328 г.: ѣчашки *круглыи* [5]); грамота Олега Рязанскаго послѣ 1356 г.:

---

[1]) Ibid. 20, 43.

[2]) Ibid. 42, 162. Подобныя формы, образовавшіяся, конечно, независимо отъ русскихъ, были и въ средневолгарскомъ языкѣ: грамота Константина Асѣня до 1278 года: *стыи* и *православныи* цр̃іе (здѣсь, впрочемъ, ы иногда = и), Срезневскій, Св... Зам., LXXXI, 14.

[3]) Ibid. 153, 162.

[4]) Ibid. 128, 23, 42. Подобное употребленіе формъ имен. п. мн. ч. муж. р. можно видѣть и въ древнѣйшихъ памятникахъ: Юрьевское Евангеліе 1118—1128 года: *были* силы (Амфилохій, Описаніе Юрьевскаго Евангеліе, 85), Прологъ XIII вѣка: о женахъ, да будутъ *молчалиѣ* (Лавровскій, Описаніе семи рукописей, 14), но приведенные примѣры могутъ имѣть другое объясненіе.

[5]) Собраніе гос. грамотъ, I, 32.

Digitized by Google

возрѣвъ есмь въ ...*ныи* грамоты [1]); Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: нарицаху *лучьшіѣ* жены [2]). Въ томъ же XIV в. имена и мѣстоименія средн. р. въ им.-вин. п. мн. ч. стали принимать окончанія именъ и мѣстоименій муж.-жен. р.: Духовная Ивана Калиты 1328 года: имен. п. мн. ч. *мыты, которыи*... (вмѣсто *мыта, которая*); Духовная Димитрія Донского 1371 года: села *княжи Ивановы* [3]) и друг. Въ XV вѣкѣ правильныя формы им.-вин. ср. р. прилагательныхъ и мѣстоименій существовали еще въ языкѣ, но въ XVI и XVII вѣкахъ они, по всей вѣроятности, были уже совсѣмъ вытѣснены изъ употребленія формами им.-вин. п. муж.-жен. р. и въ настоящее время сохраняются только въ самомъ незначительномъ числѣ: пок*а*, пот*а*, пок*а*мѣстъ, въ *та* поры (поры—род. ед. ч.) и т. п.

Такимъ образомъ формы мн. ч. на *ые*, *іѣ*, *іе* стали употребляться въ значеніи им.-вин. п. всѣхъ родовъ рядомъ съ формами на *ыи* и *іи*.

Въ настоящее время формы на *ѣ*, *е* сохраняются въ сѣверно-русскомъ языкѣ (=въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ) въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) въ родительномъ п. ед. ч, жен. р. мѣстоименій *и*, *тъ*, *весь*, *самъ*, *одинъ*: *ее*, *тое*, *всее*, *самое*, *одное*. Эти формы употребляются въ настоящее время въ значеніи нетолько род., но и вин. падежа [5]). Здѣсь конечный гласный мо-

---

[1]) Извѣстія, X, 679.

[2]) Повѣсть вр. лѣтъ по Лавр. сп. 117.

[3]) Собраніе гос. гр. I, 32.

[4]) Ibid. 51.

[5]) Начало употребленія формъ род. п. ед. ч. жен. р. въ значеніи вин. п. восходитъ къ тому же времени, къ какому восходитъ и употребленіе формъ род. п. муж. р. въ значеніи вин. п., т. е. къ праславянскому періоду. Мы находимъ: Успенскій Торжественникъ XII вѣка: умысли съзьдати црк҃вь и съзьдавъ *еѣ*.... (Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, Чтенія, 1870, I, 12 об.), Лаврент. списокъ лѣтописи: видиши мя (Ольгу) *больное*

Digitized by Google

жетъ произноситься или какъ чистое *е*, или какъ *ё*. Точно опредѣлить, гдѣ произносятъ *е* и гдѣ *ё*, пока невозможно, но есть вѣроятіе, что формы *её* и т. п. особенно распространены въ сѣверно-велико-русскомъ нарѣчіи, хотя они извѣстны и въ южно-велико-русскомъ и въ бѣлорусскомъ: сѣв.-вр. нарѣчіе: Моложскій уѣздъ Ярославской губ. у *неё* [1]); Пошехонскій уѣздъ Яросл. губ. коса *её* [2]); Олонецкая губ. *тоё* [3]); Ковровскій уѣздъ Владимирской губ. со *тоё* тоски, *её* любить [4]): Шадринскій уѣздъ Пермской губ. сыновья *её*; увёзъ *іё*, отъ *іё* [5]); юж.-в.-русское нарѣчіе: московская губ. *её*, *тоё*, *всеё*, *самоё*, *одноё*; Симбирскій у. на *тоё* рѣку, *всеё* ночку [6]); Нижегородскій уѣздъ выпивалъ *её* [7]); Нижнедѣвицкій уѣздъ Воронежской губ. *тоё* косыньку [8]); бѣлорусское нарѣчіе: Ржевскій уѣздѣ Тверской губ. *яё* не взяли [9]); Виленскій уѣздъ Виленской губ. *яё* доля [10]); Дисненскій уѣздъ Виленской губ. *её* вода мыла [11]);

сущю (Повѣсть вр. лѣтъ, 40); точно также род. п. употребляется вмѣсто вин. въ средне-болгарскомъ, др. чешскомъ и дрв.-польскомъ языкахъ: ср. болг. Синаксарь 1330 г. приѩть кѩ Захария, (Ламанскій, О нѣкоторыхъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ. Загребѣ и Вѣнѣ, 21); чешск. средневѣковые памятники: uzřěl jí *stojéce*, uzřě tvaž *stojéce*, viděch dievku krev *ločúce*, slyšal ženu *plačúce* (Sbornik věděcký II, 105); дрпольс. памят: вин. п. ед. ч. *wszejǫ* (читай: wszeje), (Miklosich. Vgl. Gram. III, 440). Сравни серб. вин. п. ед. ч. жен. р. je.

[1]) Этнографическій Сборникъ, I, 143.

[2]) Ibid. II, 76.

[3]) Рыбниковъ, Пѣсни, IV, 298.

[4]) Смирновъ, Пѣсни крестьянъ Владимірской и Костромской губ., 11.

[5]) Пермскій Сборникъ, II, 164, 165.

[6]) Кирѣевскій. Пѣсни, I, 26; II, 61.

[7]) Ibid. II, 93.

[8]) Этнограф. Сборникъ, I, 261.

[9]) Ibid. 261.

[10]) Сборникъ памятниковъ народной поэзіи въ сѣверо-западномъ краѣ, 282.

[11]) Ibid. 229.

Digitized by Google

(Могилевская губ.?) расплесць *её* косицу [1]). Формы *ее* и т. п., повидимому, неизвѣстны въ сѣв.-великорусскомъ нарѣчіи; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ объ нхъ существованіи нпчего достовѣрнаго; но за то они очень распространены въ южно-великор. и бѣлорусск. *ее, тое, одное, всее.*

2) въ родительномъ пад. ед. ч. жен. р. именъ прилагательныхъ: *доброе, добрые.* Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ конечный гласный этихъ формъ звучитъ какъ *ѣ*, напримѣръ, въ ситскомъ говорѣ (Моложскій уѣздъ Ярославской губ.) безъ *великіѣ* безъ милости, отъ *разумныѣ* матушки, середзи дороги *широкіѣ* [2]); въ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ онъ звучитъ или какъ *и*, или какъ *я*; впрочемъ есть указанія, что онъ звучитъ иногда и какъ *е*; въ пѣсняхъ, записанныхъ въ Пинскомъ уѣздѣ мы находимъ: до *новое* стайни [3]); ср. въ пѣсняхъ изъ Лидскаго уѣзда Виленской губ. три бочки *ячменичнае* муки, двѣ бочки *крынічнае* воды, съ *повнае* баролачки [4]).

3) въ именительномъ-винительномъ мн. ч. мѣстоименія *мой, твой, свой, чей* всѣхъ родовъ. Эти формы извѣстны въ великорусскомъ и въ бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ: сѣв.-в. русское нарѣчіе: Ковровскій уѣздъ Владим. губ. заводы мы *мое* фабричные, *мое* горемычные, *свое* руки [5]), Моложскій уѣздъ Яросл. г. за *свое* руки, *свое* уста [6]); Каргопольскій уѣздъ Олонец. губ. *чье* [7]); бѣлорусское нарѣчіе: *твое* кони, *мое* рыболовы, *мое* ручки, *свое* видзерцы [8]); въ южно великорусскомъ нарѣчіи эти формы находятся въ рав-

---

[1]) Записки Имп. Русскаго Географическаго общества по отдѣлу этнографіи, V, 167. (Сборникъ г. Носовича).

[2]) Этнограф. Сборникъ, I, 153, 158, 161. Сравни Колосовъ, Зап: Ак. II., XXX, I, 52.

[3]) Безсоновъ. Бѣлорусскія пѣсни, 72.

[4]) Этнограф. Сборн., I, 289, 291.

[5]) Смирновъ, Пѣсни, 23, 79.

[6]) Этнограф. Сборн., I, 144, 160.

[7]) Колосовъ, Записки Ак. Н., XXVIII, II, 41.

[8]) Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, 18, 35, 38.

Digitized by Google

ном употребленіи съ формами *мои, твои, свои, чьи*. Надо замѣтить, что конечный гласный въ нихъ звучитъ всегда какъ чистое *е*. Сверхъ мѣстоименій *мой* и пр. формы на *е* имѣютъ мѣстоименія *весь* и *сь* : *вєсь, сь* (въ выраженіи: и тѣ и *сь*), употребляющіяся во всѣхъ говорахъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ.

4) въ именительномъ-винительномъ мн. ч. именъ прилагательныхъ всѣхъ родовъ: *добрые, синіе*. Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ конечный гласный этихъ формъ звучитъ какъ *ё*. въ ситскомъ говорѣ: голубушки *милыё, любезныё* мои; *совѣтныё*, столы *дубовыё*, поля *чыстыё* [1]); въ шенкурскомъ: вереюшки *дубовыё*, грядочки *тяловыё*, петелки *мелковыё*. слуги *вѣрныё* [2]), въ другихъ же говорахъ онъ звучитъ какъ чистое *е* [3]). Въ говорахъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ онъ произносится какъ *я* и *и*; въ пинежскомъ говорѣ, часто сохраняющемъ гласные звуки въ древнѣйшемъ видѣ, онъ иногда звучитъ какъ *е*: волы *яловые*, сохи *золотые*, яремца *буковые* [4]).

Сверхъ того, въ великорусскомъ нарѣчіи сохранились скудные остатки формъ на *ѣ, е* род. п. ед. ч. им.-вин. п. мн. ч. именъ существительныхъ мужескаго и женскаго рода. Что касается до первыхъ формъ, то какъ ни мало у насъ свѣдѣній объ нихъ, однако можно сказать навѣрно, что они хотя и въ незначительной части, но все таки существуютъ и въ сѣверно- и въ южно-в. русскомъ нарѣчіи онежск. отъ *Добрынь* [5]), москов. у *свиньѣ*, вокругъ *землѣ* и т. п. О существованіи въ великорусскомъ нарѣчіи формъ им.-вин. п. мн. ч. на *ѣ, е* мы заключаемъ изъ формы *коне*) (им. п. мн. ч), употребляющейся въ катунскомъ говорѣ (Балахнинскаго уѣзда Нижегородск. губ.) [6]). Въ большомъ

---

[1]) Этнограф. Сбор., 145, 147, 156.
[2]) Кирѣевскій, Пѣсни, V, 132; VI, 96.
[3]) Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXVIII, II, 25.
[4]) Безсоновъ, Бѣлор пѣсни, 73.
[5]) Гильфердингъ, Онежскія Былины, 847.
[6]) Нижегор. Сбор. III, 155.

Digitized by Google

употребленіи находятся они въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: Виленск. губ. *оне* кладуць, *даждже* дробные [1]), Пинск. уѣздъ *ратас* твос, *подвое* твос [2]).

Въ южно-русскомъ (малорусскомъ) нарѣчіи съ формами на *ъ*, *е*, произошло слѣдующее: основы на *д* и *і* въ род. п. ед. ч. и пм.-вин. мн. почти не оказали вліянія на основы на *jd*; конечный гласный въ родит. п. ед. ч. членныхъ прилагательныхъ жен. р. отпалъ здѣсь лишь въ немногихъ случаяхъ; замѣна формъ пм. п. мн. ч. формами винит. п. произошла во всѣхъ именахъ и мѣстоименіяхъ, кромѣ немногихъ исключеній; формы им.-вин. п. мн. ч. именъ прилагательныхъ средняго рода (какъ и въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи) исчезли; но за то древнее *ѣ*, *е* въ большей части говоровъ замѣнилось мягкимъ *і*. Когда именно имѣла мѣсто эта замѣна, нельзя сказать; можно однако предположить, что въ галицкомъ говорѣ, гдѣ разсматриваемыя нами формы теперь оканчиваются только на *і*, во второй половинѣ XIV вѣка конечный гласный звучалъ еще близко къ *е*: галицк. актъ 1359 года: дѣдиницу отца *ее* [3]), хотя іѣ. староста русскоѣ *земли*.

Такимъ образомъ въ современныхъ южнорусскихъ говорахъ мы находимъ древнія формы на *ѣ*, *е* въ слѣдующемъ видѣ:

I) Формы род. п. ед. ч. жен. р. а) именъ существительныхъ: украинско-галиц. *землі*, *душі*, сѣдлецк. *земље-душје* [4]); б) им. прилагательныхъ: укр.-галиц. *доброі*, *стар*, *шоі*, волынск. *доброје*, *старшоје* [5]), и в) мѣстоименій: укр.

---

[1]) Этнограф. Сбор., III, 205, 210.

[2]) Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, 72, 73.

[3]) Головацкій, Памятники, 5, 6.

[4]) Житецкій, Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 309.

[5]) Труды этнограф.-статистической экспедиціи въ юго-западный край, II, 178 (*старшоје*).

Digitized by Google

галицк. *ii*, *jei*, *toi*, сѣдлецк. *jije*, *moje* [1]); эти послѣднія формы употребляются и въ значеніи винительнаго падежа; и

2) Формы именительнаго-винительнаго над. мн. ч. а) именъ существительныхъ муж. и жен. р.: укр.-галицк. *сухарі*, *землі*, сѣдлецк.-заблудовск. *сухарје* [2]), *земље* [3]); б) им. прилагательныхъ всѣхъ родовъ: укр.-галицк. *добрії*, *добрії*, сѣдл.-волынск.-заблудовск. *добрије* [4]), и в) мѣстоименій всѣхъ родовъ: укр.-галицк. *моі*, *твоі*, *своі*, *всі*, сѣдл. волын.-заблуд. *моје* [5]) и пр. *всје* [6]).

Формы на *ѣ*, *е*, встрѣчаемыя и въ древне-русскихъ памятникахъ, и въ современномъ русскомъ языкѣ уже давно обратили на себя вниманіе ученыхъ.

Наиболѣе научное мнѣніе объ нихъ высказано г. Бодуэномъ-де Куртенэ. Оно сводится къ тому, что русскія формы род. п. ед. ч. на *ѣ*, *е* обязаны своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи и что древнѣйшее окончаніе этихъ формъ уступило мѣсто окончанію род. п. ед. ч. основъ на согласную и *ĭ*: *матере*, *крьве*, *камене*, *словесе* [7]). Съ этимъ мнѣніемъ однако нельзя согласиться по слѣдующимъ причинамъ.

1) Слова съ основною на согласную и *ĭ* были въ славянскомъ языкѣ настолько малочисленны сравнительно со словами, имѣющими основу на *jŏ*, что не могли оказывать вліянія на эти послѣднія.

2) Они издавна стали слѣдовать склоненію основъ на *i*, какъ въ другихъ падежахъ (*матерьі*, *кровьі*, *словесьмь*),

---

[1]) Житецкій, Очеркъ, 304 (*jije*).
[2]) Ibid. 300.
[3]) Труды эти.-стат. эксп. IV, 251 (*сѣјецје*).
[4]) Ibid. 264 (*воронје*), 242 (*добрје*); Этнограф. Сборникъ III, 95 (*волосје*).
[5]) Этнограф. Сборникъ, ibid., 92 (*своје*), 95 (*моје*).
[6]) Житецкій, Очеркъ, 299; Труды IV, 221.
[7]) Филологическія Записки 1880 г., V, 10 (библіографія).

Digitized by Google

такъ и род. п. ед. ч., который уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка нерѣдко оканчивается на *и*: Архангельское Евангеліе 1092 года: *крови* [1]); Пандекты Антіоха XI вѣка, злата и *камени* [2]). Слова Григорія Богослова XI вѣка: *словеси, небеси* [3]); Златоструй XII вѣка: *словеси, тѣлеси, имени, отрочати* [4]) и т. п.

3) Если даже допустить, что въ род. п. *земле* е перешло изъ формъ *матере* и др., то какъ объяснить *е* въ вин. мн. ч. *муже*, при формахъ *матери, камени, словеса*? Отвѣта на этотъ вопросъ г. Бодуэнъ-де-Куртенэ не даетъ.

Г. Потебня, говоря о бѣлорусскихъ формахъ имен. п. мн. ч. *мас* дзѣткі, *твае* ключы, замѣчаетъ: „*е* есть непосредственная замѣна *а*“, „продуктъ чисто-звуковаго стремленія“ [5]), но впослѣдствіи взялъ назадъ слово „непосредственная“ и призналъ болѣе вѣроятнымъ, что *е* въ приведенныхъ бѣлорусскихъ формахъ примыкаетъ къ *я* изъ *а* [6]).

Колосовъ высказался объ древне-русскихъ формахъ на *ь*, *е* въ томъ смыслѣ „на замѣну *а* черезъ *ь* можно смотрѣть какъ на замѣну его черезъ *е*, явившееся однако не непосредственно изъ *а*, а изъ его замѣны *я* черезъ перегласованіе“ [7]).

Что касается до „перегласованія“ *я* въ *е*, то въ ударяемыхъ слогахъ оно дѣйствительно существуетъ въ современномъ русскомъ языкѣ, но только въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія: олонецк. *зеть, грезь, чешша* [8]) (=*зять, грязь, чаща*) и в галицкомъ: *лежєти, конје, взјєвъ* (=*лежати, коня, взявъ*), въ другихъ же говорахъ оно неизвѣстно. Можно считать исключеніемъ формы

---

[1]) Амфилохій, Описаніе Ев. 1092 г., 25.
[2]) Матеріалы для Словаря и грамматики, V, 186.
[3]) Будиловичъ, Изслѣдованіе, 15.
[4]) Малышевъ, Изслѣдованіе Златоструя, 284.
[5]) Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, 83, 84.
[6]) Къ исторіи звуковъ рус. яз., I, 10.
[7]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка, 60.
[8]) Колосовъ, Записки Ак. Н. XXVIII, II, 43.

Digitized by Google

запречь, запрёгъ, трёсъ, вмѣсто *запрячь, запрягъ, трясъ*, но *е* въ этихъ формахъ вѣрнѣе объяснять, не прибѣгая къ „перегласованію"; именно, оно могло явиться подъ вліяніемъ съ одной стороны формъ *запрягу́, трясу́*, гдѣ неударяемое *я* произносилось близко къ *е*, и съ другой—формъ какъ *берегу́—берёгъ, несу́—нёсъ*. Съ этимъ *е* можно сопоставить *о* въ великорусск. формахъ *пло́титъ, со́дитъ, то́щитъ* [1]), *по́льты*, явившееся подъ вліяніемъ съ одной стороны формъ *плачу́, сажу́, тащу, пальто́*, (въ окающихъ говорахъ *плочу́* и т. д.) и съ другой — формъ *ношу́—но́ситъ, прошу́—про́ситъ, кольцо́—ко́льца* (въ акающихъ говорахъ *нашу́* и т. п.). Въ древне-русскомъ языкѣ *е* изъ *я* не встрѣчается, если не принимать въ расчетъ такіе несомнѣнные болгаризмы какъ *іюнѣ* въ ко *Цр҃ѣ*-града (Остромирово Евангеліе [2]); *зъля вонѣ*, видить поряду *вьсѣ* пропыренья врагъ (Пандекта Антіоха XI вѣка [3]); *дѣвицѣ, банѣ, вечерѣ* (им. п. ед. ч.). Слова Григорія Богослова [4]) и др. Все это заставляетъ насъ отказаться отъ объясненія разсматриваемыхъ нами формъ на *ѣ, е* изъ древнѣйшихъ на *я*.

Максимовичъ высказалъ мнѣніе, что *ѣ* въ *моѣ* дѣти (Мстиславова грамота 1130 г.) и въ *мечѣ своѣ* (Договоръ Игоря съ Греками) есть нечто иное, какъ изображеніе звука *и* [5]).

Г. Житецкій отозвался объ формахъ на *ѣ, е* такимъ образомъ: „Извѣстно, что русскій языкъ съ самаго начала своей исторіи не имѣлъ юсовъ, какъ не имѣлъ звука *ѣ*, и вотъ древне-русскіе писцы одну неизвѣстную имъ величину замѣняли другою, т. е. вм. ѧ писали *ѣ*. А такъ какъ въ древне-славянскихъ рукописяхъ они видѣли частое смѣшеніе *ѣ* съ *я*, такъ какъ съ другой стороны въ русскомъ

---

[1]) Форма *ко́титъ* сюда не относится. Въ ней *о* совершенно правильно: *котитъ* при *катать*, какъ *вскочитъ* при *скакать*.

[2]) Остомирово Ев. 238, 286 об.

[3]) Матеріалы для словаря и грам., VII, 17, 40.

[4]) Будиловичъ, Изслѣдованіе, 11.

[5]) Собраніе сочиненій, III, 320.

Digitized by Google

языкѣ ѧ произносился какъ *я* (послѣ шипящихъ часто какъ *а*), то весьма могло быть, что первоначально въ этихъ формахъ *ѣ* означало *я* и потомъ, путемъ прогрессивной ассимиляціи, изъ *я* образовалось *іе*, слѣдоват. *ѣ*=*іе*“ [1]).

Объясненія этихъ авторовъ отличаются совершенною ненаучностью. Максимовичъ долженъ былъ знать, что рядомъ съ формами на *ѣ* въ памятникахъ древне-русскаго языка встрѣчаются и формы на *е*, которое никакъ нельзя считать графическимъ изображеніемъ звука *и*. Г. Житецкій также долженъ знать, что *ѣ*, какъ звукъ, существовалъ въ русскомъ языкѣ по крайней мѣрѣ до второй половины XIII вѣка, потому что переходъ *е* въ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ, начавшійся въ русскомъ языкѣ въ это время, не распространился на *ѣ* (немногія великорусскія исключенія нельзя принимать въ расчетъ) и такимъ образомъ звуковое различіе между *ѣ* и *е* несомнѣнно существовало и для древне-русскихъ писцовъ *ѣ* небылъ „неизвѣстною величиною.“

Наконецъ г. П. Лавровскій объяснялъ появленіе *ѣ* въ формахъ род. п. ед. ч. *Собѣ*, *пятницѣ* и т. п. „неопредѣленностью древняго носоваго звука ѧ, заключавшаго въ себѣ, вѣроятно, что-то среднее между *ян* и *ен*“ [2]). О достоинствѣ этого объясненія излишне распространяться.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію своего мнѣнія о формахъ на *ѣ*, *е*, мы должны рѣшить вопросъ о томъ, какимъ именно звукомъ они оканчивались. Мы видѣли выше, что гг. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Потебня и Колосовъ стоятъ за *е*, Максимовичъ—за *ѣ*; на чьей сторонѣ правда?

Если мы обратимся къ древне-русскимъ памятникамъ, то увидимъ, что въ нихъ эти формы оканчиваются на *ѣ* несравненно чаще чѣмъ на *е*, такъ, въ числѣ примѣровъ, приведенныхъ нами изъ памятниковъ XI вѣка; одиннадцать

---

[1]) Очеркъ звуков. исторіи, 82.
[2]) О языкѣ сѣв.-русск. лѣтописей, 62.

Digitized by Google

имѣютъ *ѣ* и только два—*е*; въ числѣ примѣровъ изъ памятниковъ XII вѣка шестьдесять девять имѣютъ *ѣ* и только двадцать три—*е*, и т. п. Въ тѣхъ изъ памятниковъ, которые описаны въ мѣстностяхъ, гдѣ *ѣ* часто или рѣдко произносилось какъ *и* или близко къ *и*, разсматриваемыя нами формы, кромѣ *ѣ* и *е*, оканчиваются иногда и на *и*:

Остромир. Евангеліе: въ *ѥдиныи* сѫботы=τῆς σαββάτων на погребени стыѧ *Бци*; сравни: стѣи мц҃и *Василиси*, стыимъ мкомъ Вавѵлѣ и *Ерміони* (вм. *Василисы*, *Ерміонѣ* [1]).

Златоструй XII вѣка: мѣры любъве *тои*; сравни *миру* =*мѣру* [2]);

Сборникъ поученій XII вѣка: *неизрекомыи* суть мукы, еи҃ни *славныи* имены; сравни: *приситила*=*присѣтила* [3]).

Духовная новгородца Климента XIII вѣка: на *свои* рукы; сравни: со *всимь* моимь племенемь [4]).

Псалтырь 1296 года: по *еи* воли, от лица *земли*, въ бо̃любивыя *мужи*; сравни: в *лици* ст҃ыхъ [5]).

Сюда же можно отнести: волѫ іеи творита въ Изборникѣ Святославовомъ 1076 года [6]), отъ рѫкы *твоѥи* въ Пандектахъ Антіоха XI в. [7]), *кънязи* нашѣ въз... въ Кондакарѣ XII вѣка (ibidem *рачѣ*=*рацѣ*) [8]), нѣколику *братіи*, видѣша ключа *невреженыи* въ Успенскомъ Торжественникѣ [9]), неимѣнія дѣля глубины *земли* въ Юрьевскомъ Евангеліи 1118—1128 года [10]), ст҃ыя *мч҃ци* Акѵлины въ Минеѣ XII

---

[1]) Остромирово Ев., 110, 228; 213 об. 214 об.

[2]) Малининъ, Изслѣдованіе Златоструя, 284.

[3]) Извѣстія, X, 553, 563, 555.

[4]) Срезневскій, Свѣд. и Зам., XXXV, 38, 39.

[5]) Буслаевъ, Истор. Хрестом., 84, 86; 91.

[6]) Ibid. 294.

[7]) Амфилохій, Описаніе Воскресенской Ново-іерусалимской библіотеки, 50.

[8]) Извѣстія, X, 516.

[9]) Чтенія 1879, I, 17 (Житіе Ѳеодосія Печ.); 1870, I, 13, об. (Сказаніе о Бор. и Гл.).

[10]) Амфилохій. Описаніе Юрьев. Ев., 62.

Digitized by Google

вѣка [1]), се въдале Варламе... *пожни*.... *пожни* и ловища (им. п. ед. ч. *пожня*) въ Вкладной Варлаама Хутынскаго [2]), ст҃ыя мц҃а *Фотиніи*, с҃тго мч҃ка *Андрѣи* (им. п. ед. ч. *Андрѣя*) въ Мстиславовомъ Еванг. до 1117 года [3]).

Изъ поименованныхъ памятниковъ значительная часть писана въ Новгородской области, другіе же (Изборникъ 1076 года) писаны въ южной Руси, въ мѣстностяхъ, гдѣ въ настоящее время обычно произношеніе *ѣ* какъ *и*.

Конечно, въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ *и* можетъ и не быть фонетической замѣной *ѣ*, но въ остальныхъ оно не можетъ имѣть другаго объясненія.

Если мы обратимся къ даннымъ современнымъ русскаго языка, то увидимъ слѣдующее:

Великорусскія и бѣлорусскія формы имен.-винит. п. мн. ч. *мое*, *твое*, *все* (=*вси*), *оне* и т. п., указываютъ на то, что конечный гласный звучалъ въ нихъ нѣкогда какъ *ы*, потому что если бы онъ звучалъ какъ *е*, то на него распространился бы дѣйствующій во всемъ сѣверно-русскомъ нарѣчіи законъ перехода всякаго конечнаго *е* (изъ древнѣйшаго *е*) послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ и подъ ударе-ніемъ въ *о*.

На то уже указываютъ южно-великорусскія и бѣлорусскія формы род. п. ед. ч *ее*, *тое* и т. п. (не *её*).

На то же указываютъ всѣ малорусскія рефлексы древнихъ формъ на *ѣ*, *е*: род. п. ед. ч. *землі* и *земље* и т. п въ нихъ *і* является въ двухъ говорахъ, гдѣ *ѣ* произносится всегда какъ *і*, а *је* въ тѣхъ, гдѣ *ѣ* произносится болѣе или менѣе часто какъ *је*. Замѣтимъ, кстати, что малор. *землі* не имѣетъ ничего общаго съ великор. *земли*. послѣдняя форма въ украинскомъ и галицкомъ говорахъ звучала бы *земли*, съ твердымъ *и* на концѣ.

Если вышеуказанныя данныя единогласно говорятъ за

---

[1]) Извѣстія, VI, 47.
[2]) Ibid. X, 510.
[3]) Ibid. 127, 134.

Digitized by Google

ѣ, то имѣются данныя, говорящія и за *е*. Это сѣв.-русск. род.-вин. п. ед. ч, *её*, *моё*, род. п. ед. ч. и им. мн. *добрые*. По эти формы, хотя они имѣютъ значительное распространеніе, тѣмъ не менѣе надо считать позднѣйшими, сравнительно съ *ее*, *добрые*, *её*, *моё*, употребляясь въ значеніи вин п. подчинялись аналогіи такихъ формъ вин. п. ср. р., какъ *моё*, *твоё*, *своё*; сравни современ. новгород. чрезъ.... *сюсѣшную* капалью, па *ею* красу и т. п., гдѣ форма *ею* образовалась изъ формы *ее* или *её* по аналогіи *мою*, *твою*, *свою* и друг. [1]), что же касается до формъ *добрые* и т. п., то находящемуся въ нихъ звуку *ѣ* не слѣдуетъ придавать особаго значенія: въ сѣверно-великорусскомъ парѣчіи *ѣ* подъ удареніемъ передко, а безъ ударенія часто звучитъ какъ *ѣ*; сравн: дѣло *повелѣное* [2]), *медвѣдка*, *ѣствушка*, казна *несмѣтная* [3]) и другіе примѣры, приведенные Колосовымъ [4]).

И такъ, древне-русскія род. пад. ед. ч. и имен. мн. жен. р. и вин. мн. муж. р. оканчивались на *ѣ*.

Сравненіе русскаго языка съ другими славянскими показываетъ намъ, что разсматриваемыя нами формы не могутъ считаться спеціально-русскими и что они восходятъ къ праславянскому періоду.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ польскаго языка имена и мѣстоименія въ род. п. ед. ч. жен. р. и им.-вин. мн. муж. и жен. р. [5]) имѣютъ окончаніе *je*: Precationes 1375

---

[1]) Новгородскій Сборникъ, III, 5. Нѣчто подобное произошло съ формою род. п. ед. ч, *její* и въ чешскомъ языкѣ: она получила значеніе притяжательнаго мѣстоименія 3-го лица и даже стала склоняться по образцу именъ прилагательныхъ, отъ нихъ, быть можетъ, она заимствовала и долготу конечнаго гласнаго.

[2]) Рыбниковъ., Пѣсни, I, 2, 3, 38, 115.

[3]) Ibid. I, 48*ѣ*; 251, 265.

[4]) Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей нар. рус. яз., 75.

[5]) Въ то время, къ которому относятся первые памятни-

Digitized by Google

года: tworziczel neba y *zeme*, z *dzenice Marie*, otpusczi *nasse* wini [1]); Флоріанская Псалтырь: do oblicza *zeme*, ne ostawisz *dusze* moiey, z *zeme*, garnecz *nadzeie* moiey, *palce moje* strogili sǫ szaltarz, zamǫcy *ie* (=ц. слав. ꙗ), ti roztarglies *studne* [2]); Шарашпатацкая Библія: s *szemye*, oszlyǫtko, *oslycze* swej, do *czemnicze*, *winnicze* nye bǫdzes obrzazowacz, *owoce*.... gemi (им. п. ед. ч. *owoc*, муж. р.), uczynyl *suknye* koszane, stworzyl *je* (=ц. слав. ꙗ), sǫ *dusze* zywe [3]). Эти формы сохраняются и донынѣ и въ самомъ польскомъ языкѣ (формы род. п. ед. ч. только въ народныхъ говорахъ) [4]); и въ близко родственномъ ему языкѣ кашебскомъ, въ которомъ мы находимъ: z *pjivnice*, z *jeje* żarka, bèli gótove *nuoże*, bèle stare *konie*, na *tônjce* [5]).

Конечное *je* въ приведенныхъ нами формахъ и имъ подобныхъ нельзя считать произшедшимъ изъ ꙗ. Формы род. п. ед. ч. на ę въ народныхъ польскихъ говорахъ, даже тѣхъ, которые, подобно опольскому, описанному Л. Малиновскимъ, постоянно сохраняютъ въ чистотѣ конечный носовой гласный,—совершенно неизвѣстны; въ письменныхъ памятникахъ XV—XVI столѣтій они встрѣчаются, но въ высшей степени рѣдко; такъ, въ Флоріанской Псалтыри ихъ замѣчено только двѣ. Эти формы намъ представляются неболѣе, какъ ошибками или описками, ничѣмъ не отлича-

---

ки польскаго языка, въ немъ уже существовало употребленіе формъ вин. п. мн. ч. муж. р. въ значеніи им. п.

[1]) Archiv für Slavische Philologie IV, 191.

[2]) Psalterz królowéj Małgorzaty, wyd. staraniem hr. Dunina Bórkowskiego, 2, 7, 8, 33, 1, 2, 42.

[3]) Biblia królowéj Zofii, wyd. przez Małeckiego, 2, 44, 91, 3, 4, 6, 8.

[4]) Напримѣръ, въ опольскомъ говорѣ:
miñośnice, *studnie*, *kuźnie*. Malinowski, Beiträge zur Slawische Dialectologie, 23.

[5]) Гильфердингъ, Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря 103, 91, 95, 119. Ср. Hanusz, O samogłoskach nosowych w narzeczu Słowińców Pomorskich, Kabatków i Kaszebów, 5, 22, 28, 40.

Digitized by Google

ющимися отъ тѣхъ, которыя мы находимъ напримѣръ въ Шарашпатацкой Библіи: *duszǫ* maa, *zemyǫ* nye wyrzucila, rǫka *przichodnyową* (им. п. ед. ч.), *kadzidlnicza* swǫ (вин. п. ед. ч.) [1]). Формы им.-вин. мн. ч. съ носовымъ гласнымъ въ исходѣ не встрѣчаются ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ современномъ народномъ языкѣ.

Въ языкѣ вымершихъ полабскихъ Славянъ, близкому къ польскому и въ особенности къ кашебскому, мы находимъ такія формы имен.-винит. п. мн. ч. *nüze* (цер. слав. *ножѧ*), *krągile* (ц. слав **крѧгылѧ*, нѣм. Krengel) *rüce* (ц. слав. *овьцѧ*), *rize* (ц. слав. *вѣжѧ*), *müje*, *tüje*, *süje* (ц. слав. *моѧ* и т. д.) [2]). Въ этомъ языкѣ носовые гласные постоянно сохраняются; слѣдовательно, приведенныя формы не могутъ происходить изъ формъ на ę.

Въ языкахъ верхне- и нижне-лужицкомъ, а равно въ языкѣ лужицкой Библіи 1548 года, русскому *ѣ*, церковнославянскому ꙗ въ падежныхъ формахъ соотвѣтствуетъ *je*: в. и н. луж. родит. п. ед. ч. *role*, *zmije*, *jeje*, *mojeje*, Библія: *zeme*, *pokladnicze*, *teye*, *woneye*, *galileyskeye* [3]); вер. и ниж. луж. им.-вин. п. мн ч. *role*, *duše*, *je*, *moje*, Библія: *penyze*, *moie*, *twoie* [4]). Въ будишинскомъ и другихъ говорахъ, гдѣ древнему *ѣ* соотвѣтствуетъ теперь *i*, разсматриваемыя нами формы оканчиваются также на *i* [5]). Это обстоятельство указываетъ на то, что луж. *je* не произошло изъ *ja*=ꙗ.

Въ чешскомъ языкѣ какъ древнемъ, такъ и новомъ,, формы род. п. ед. ч. жен. р. и им.-вин. мн. ч. муж. и жен. р. оканчиваются на je; ихъ мы находимъ напрммѣръ, въ Легендѣ о св. Екатеринѣ XIV вѣка: род. п z svej *zemè*,

---

[1]) Biblia kr. Zofii, 42, 85, 93, 107.

[2]) Schleicher, Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprachen, 226, 225, 252.

[3]) Archiv für Sl. Philologie I, 215, 237. 208.

[4]) Ibid. 216, 210.

[5]) Pful, Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache, 9.

Digitized by Google

jejie, tejto *chvíle*, им. п. sluhy, *ježto* sě mučie, вин. п. nade *vše krále*, ve *vše kraje*, mnohé *zémě* [1]). Тоже окончаніе мы видимъ и въ словацкомъ языкѣ: род. п. *zeme*, им.-вин. *zeme*, *moje*, *naše*. Такъ какъ ни въ чешскомъ, ни въ словацкомъ языкѣ разсматриваемыхъ нами формъ съ окончаніемъ *ja* не встрѣчается (памятники въ родѣ Краледворской рукописи, конечно, въ счетъ не идутъ) и такъ какъ, сверхъ того, въ словацкомъ языкѣ церковно-славянскому ѧ всегда соотвѣтствуетъ *ja*, *a* (только послѣ губныхъ *ä*), то поэтому приведенныя чешскія и словацкія формы не могутъ быть рефлексами формъ на ꙗ.

Въ памятникахъ церковно-славянскаго языка формы род. п. ед. ч. и имен. мн. ч. жен. р. на *ѣ* (*я*, *а*) неизвѣстны. Формъ вин. п. мн. ч. намъ извѣстно только четыре, да и тѣ находятся въ такихъ памятникахъ, языкъ которыхъ уже переходитъ въ средне-болгарскій: Саввина Книга: *нищаѧ* всегда съ собоіѫ имате; Слуцкая Псалтырь: уничижилъ еси *вьсѣ* отстѫпажщаѧ отъ правъдъ твоихъ, прѣстѫпъникы попъщевахъ *вьсѣ* грѣшъныѧ земли; Евангельскіе Листы Ундольскаго: съвѧжѣте *ѣ* (плѣвелы) [2]). Въ средне-болгарскомъ языкѣ формы на *ѣ* (*я*, *а*), хотя и не часто, но встрѣчаются въ памятникахъ: Норовскій Стихирарь XI—XII вѣка: *неавьеныа* мѫдрости глѧбинѫ [3]), Грамота Іоанна Асѣня II послѣ 1218 г.: до *коя* либо *ꙁемѣ*, до... *Карвунъскыѣ* хоры, Симеона Неманѣ [4]); Октоихъ XIII в. юж.-сл. Ак. Наукъ: *тѫчѣ*, явишѫсѧ, исушивше всѧ *тѧчѣ*, сльзъ *тѫчѣ* даждь ли, *чтѧщаѧ* тѧ просвѣти, *поѧщаѧ* тѧ просвѣти, просвѣти... *поѧщаѧ* тѧ и *величаѧща*, облакы.... *точѧща* намь водѫ и *напаѣѧща*, слъзы пролѣимь *очищаѧща* скврьны, *поѧща* спс҃еши люди, слышахѫ *мироносица*, *конча* земныѧ

---

[1]) Život sv. Kateřiny, vydal Pečírka, 7, 9, 19, 49, 5, 11, 21.

[2]) Срезневскій, Памятники юсоваго письма, 74, 162, 194.

[3]) Ibid. 214.

[4]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки. LXXXI, 9, 15.

Digitized by Google

(=*коньцѧ*) [1]); Синаксарь XIII вѣка: *всея землѧ* [2]). Поученія Ефрема Сирина XIII — XIV вѣка: *всѣ* слабости; Сборникъ Севастьянова: разби всѧ сыжды и *стъклѣницѣ* [3]). Но остается вопросомъ, тождественно ли по образованію это средне-болгарское *ѣ* съ русскимъ, или оно представляетъ собою позднѣйшее, спеціально болгарское образованіе. Послѣднее, по нашему мнѣнію, вѣрнѣе. Въ памятникахъ церковно-славянскихъ и въ особенности средне-болгарскихъ мы встрѣчаемся нерѣдко съ замѣною ѧ-са *ѣ*·мѣмъ (*я*, *а*), и на оборотъ: Клоціева Глаголита: *распѣлъ* (=распѧлъ) [4]); Македонскій Листокъ: *ѧмь* (= *ѣмь*); Евангельскіе Листы Ундольскаго: *Гюріѧ* (род. п. ед. ч.) [5]); Евангеліе XII—XIII вѣка: *пѧтелъ* (=пѣтелъ), *мѣкькы* [6]); Сборникъ XIII вѣка: на *трьпѣзѧ* (мѣстн. п. ед. ч.), *лютѧ* (=*лютѣ*) [7]); Октоихъ XIII вѣка южно-слав. Академіи: *славлѣ* (=*славлѧ* = *славлѭ*), *авѣ* (*авѧ*=*авѭ*=*авлѭ*). *земѧ*, *бурѧ* (имен. п. ед. ч.) [8]); Хиландарское четвероевангеліе 1322 года: великаго *цра* [9]); Сборникъ 1348 года: *жрѣбѣ* (=*жрѣбѧ*) [10]); Служебникъ 1532 года: *прѣдстателѧ*, *рѣшителѧ* (род. п. ед. ч.), *сирѧ* [11]).

Въ ново-болгарскомъ языкѣ встрѣчаются формы множ. числа жен. р. на *я*: *къштя* високи [12]); это *я*, можетъ быть тотъ же звукъ, что и ср. болг. *ѣ*.

---

1) Archiv für Slav. Phil, III, 343, 334.
2) Ламанскій, О нѣкоторыхъ рукописяхъ, 19.
3) Срезневскій, Пам. юсоваго письма, 398, 222.
4) Kopitar, Glagolita Clozianus, 13.
5) Срезневскій, Пам. юс. письма, 193, 195.
6) Ламанскій, О нѣк. рукоп., 325.
7) Starine, V. 50.
8) Archiv f. Sl. Phil., III, 339, 348.
9) Срезневскій, Пам. юс. п., 350.
10) Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам., XXXVI, 45.
11) Плотниковъ, Средне-болгарскій служебникъ, 1552 года, 21, 40.
12) Періодическо Списаніе, 1870 г., I, 104.

Digitized by Google

Въ сербскомъ и словинскомъ языкахъ мы не знаемъ никакихъ слѣдовъ существованія разсматриваемыхъ нами формъ.

Родство русскихъ и западно-славянскихъ формъ на *ѣ* съ южно-славянскими на *ѧ* не можетъ подлежать сомнѣнію. Чередованіе *ѧ* и *ѣ*, восходящее къ праславянскому періоду, хотя и нечасто, но встрѣчается въ славянскихъ языкахъ: ц.-слав. *дрѧзга*, рус. *дрязга* и серб. *дриjезга*, пол. drzazga; русское *прямъ*, серб. *према*, словац. *priam*, (изъ **прѧм-*) и ц.-слав. *прѣмъ*, словинск. sprémiti se; рус. *румянъ*, серб. *румен*, (изъ **румѧнъ*) и ц.-слав. *румѣнъ*, пол. rumiany, rumieniec, и т. п. Взаимное отношеніе *ѧ* и *ѣ* тождественно съ взаимнымъ отношеніемъ *ж* и *ы* въ ц.-сл. *иджшть* и *иды*, *пржжати* и *прыгати*, и русскіе формы *землѣ*, *мужѣ* одинаковы по образованію съ формами *жены*, *рабы*: какъ *ѣ* въ первыхъ, такъ и *ы* въ послѣднихъ одинаково восходятъ къ индо-европейскому *ân*, *an* и образовались черезъ опущеніе носоваго согласнаго предъ послѣдующимъ согласнымъ (s) и происшедшее отъ того удлиненіе краткихъ рефлексовъ индо-европ. *a* [1]). Не слѣдуетъ удивляться, что *ѣ* въ указанныхъ формахъ стоитъ послѣ j и мягкихъ согласныхъ: оно отличается по своему происхожденію и по качествамъ отъ *ѣ* изъ дифтонга *ai* и потому послѣ j и мягкихъ согласныхъ не замѣняется *и*, какъ въ мѣстномъ п. ед. ч.; оно отличается по своему происхожденію и по качествамъ и отъ *ѣ* изъ и.-европ. *â*, и потому послѣ j и мягкихъ согласныхъ не звучитъ какъ *a*. Не слѣдуетъ также удивляться и тому, что передъ нашимъ *ѣ* могутъ находиться и *ж*, *ч*, *ш*, и *з*, *ц*: какъ *ѣ* изъ *ai*, такъ и *ѣ* изъ *â* сами производятъ смягченіе гортанныхъ, а *ѣ* изъ *ân*, *an* въ *землѣ*, *мужѣ* находится только въ тѣхъ именахъ, которыя образованы при помощи суффиксовъ *ja*,

---

[1]) Ср. Schmidt, Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus, I, 80—88, 176—178.

Digitized by Google

jâ и въ которыхъ смягченіе гортанныхъ произведено j-мъ суффикса.

Само собою разумѣется, что *е* въ формахъ *матере, камене, идѣте, учителе* по своему происхожденію не имѣютъ ничего общаго съ *ѣ* въ *землѣ, мужѣ*.

Намъ приходилось упоминать о вліяніи въ русскомъ языкѣ склоненія именныхъ основъ на *â* и *i* женскаго рода на склоненіе именныхъ основъ на *jâ*, и мы указывали, что окончанія *и*, *ѣ* въ род. п. ед. ч., им.-вин. мн. *земли*, дат.-мѣстн. ед. *землѣ* перешли въ эти формы изъ формъ *жены, кости, женѣ*. Точно такое же вліяніе имѣло и склоненіе основъ на *а* и *i* мужескаго рода на склоненіе основъ на *jа*: мѣстн. п. ед. *царѣ*, род. мн. *царей*, обязаны своимъ происхожденіемъ формамъ *рабѣ, гостей*. Начало этого вліянія относится къ XIII—XIV вѣку. Раньше началось вліяніе именныхъ основъ на *jа*, *jâ* на именныя основы на *а*, *â*, но въ русскомъ языкѣ оно не получило такого сильнаго развитія, какое мы видимъ въ языкахъ сербскомъ и словинскомъ, и ограничилось въ обще-русскомъ языкѣ сравнительно немногими формами. Слѣды этого вліянія—формы род. п. ед., и им. и вин. п. мн. ч. на *ѣ* и его рефлексъ и отъ основъ на *а*, *â* мы встрѣчаемъ уже въ первыхъ памятникахъ русскаго письма:

XI вѣкъ.

Изборникъ Святославовъ 1073 года: отъ дрьжимыя въ рукѣ челюсти *жрѣтель* [1]):

Архангельское Евангеліе 1092 года: въскрилѣ *ризѣ* его (τοῦ ἱματίου). Сравни ibidem: въскриляя *ризѣ* [2]);

XII вѣкъ.

Мстиславово Евангеліе до 1117 года: сѣтыя мучнцѣ Христовѣ [3]);

---

[1]) Извѣстія, X, 425.
[2]) Амфилохій, Описаніе Ев. 1092 г., 14, 15.
[3]) Извѣстія, X, 133.

Digitized by Google

Вкладная Варлаама Хутынскаго послѣ 1192 года: *ниви* и пожни и ловища [1]);

XIII вѣкъ.

Новгородская грамота 1270 гооа: у *Кюрили* [2]);

Новгородская Кормчая 1282 года: по полу *гривнѣ* полъ *гривнѣ* [3]);

Духовная новгородца Климента д҃ *гривне*, г҃і *ногате*, полъ *гривне*, у *козѣ* [4]);

XIV вѣкъ.

Новгородскія грамоты:

1317 года: *Андрѣевѣ* дѣти, на *порукѣ*, пословѣ *Михайловѣ* [5]);

1318 года: пословѣ *Махайловѣ человалѣ* крестъ [6]);

1392 года: смотрѣвъ въ *грамотѣ* в *старѣи* въ *заморьскѣи* въ *хрестнѣи* и въпасъ свои, миръ опришънии и *грамотѣ* опришьнии, не поминати то (=той) *грамотѣ*, де *Михайлѣ*, нѣтъ *измѣнѣ* [7]);

Евангеліе 1355 года: аще будемъ грубо написали или кдѣ *переступилѣ* [8]);

Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: выволокоша *рыболове* [9]);

Служба Іоанну Златоусту 1380 года: написанъ бы҃ молитвенникъ сии рабу бж҃ю попу ерѣю Микулѣ стго *Николѣ* [10]);

---

[1]) Ibid. 510.
[2]) Собраніе гос. гр., I, 4.
[3]) Рус. Достопамятности, I, 37, 50.
[4]) Срезневскій, Свѣд. и За., XXXV, 39.
[5]) Собраніе гос. гр. I, 15, 16, 17.
[6]) Ibid. 22.
[7]) Рус.-Ливонскіе Акты, 86—87.
[8]) Буслаевъ, Матеріалы, 31.
[9]) Повѣсть врем. лѣтъ, 110.
[10]) Извѣстія, X, 685.

Digitized by Google

Псалтырь Новгородскаго Софійскаго собора: вьсходя^т *юрѣ* и низъходя^т поля [1]);

Палея: *хѣровимѣ* многоочитии [2]);

Двинская Рядная: тысячя *бѣлкѣ*, взяле двѣ тысячи *бѣлкѣ*, с҃ тысячь *бѣлкѣ* [3]);

Новгородскіе Юридическіе акты XIV—XV вѣка: половину *отцинѣ*, полъ четверта сорока *бѣлкѣ*, *сасини* дѣтѣ, половина тои *подскотини* (им. п. ед. ч. подскотина), пятери *гонѣ* (им. п. мн. ч., им. ед. гонъ), съ *иви*, отцину *Мѣхѣеви* дочери Ѳедосьину, съ Лукерьиною землою *Петрови жони*, до *Назареви* земли [4]);

Синодальный списокъ Новгородской лѣтописи: безъ *знатбѣ*, у *Нѣжятѣ*, *шнекѣ* (мн.) привезоша, отъ *Хревъковѣ* улици, съ *Бѣлѣѣ*, объ ону страну *окѣ*, воевати *городѣ Черниговьскѣе*, *рѣкѣ* возъ [5]);

Ипатьевскій списокъ лѣтописи XIV—XV вѣва: быхомъ *вѣдалѣ*, бѣаху *полонилѣ*, половци *наворотилѣ*, ратнѣѣ люди, *полонилѣ*, есмы, *инѣи* (имен. мн. ч. муж. р.) и друг [6]);

XV вѣкъ.

Евангеліе 1409 года: при всѣхъ черньцехъ ст҃го *Николе* [7]);

Новгородская грамота 1426—1461 года: промежи своего княженья и промежи новгорочкои *отцинѣ*;

Рязанская грамота 1496 года: городскіи *рыболове* [8]);

Акты XV—XVI вѣка: полъ сѣма сорока *бѣлкѣ*, отъ

---

[1]) Ibid. 676.

[2]) Ibid. 665.

[3]) Срезневскій, Св. и Зам., XXIX, 79, 80.

[4]) Акты Юридическіе, 110, 111, 115, 116.

[5]) Полное собраніе рус. лѣтописей, III, 9, 13, 20, 22, 25, 30, 32, 33.

[6]) Лѣтопись по Ипатскому списку, 504, 505, 515, 546, 548, 556.

[7]) Буслаевъ, Матеріалы.

[8]) Собраніе гос. гр., I, 23. 327.

Digitized by Google

Павлове межи, на другой сторонѣ *Вѣшере* рѣки, отъ *Вѣшере* рѣки [1]);

XVI вѣкъ.

Сѣверно-русская Духовная: у *Мини* [2]);

Переяславскій актъ 1563 года: *рыболове* ловятъ озеро Переславское. [3]).

XVII вѣкъ.

Новгородская крѣпостная книга 1612 — 1613 годовъ: съ *Иворе́ве* улице, съ *Павлове* улицы [4]);

Актъ 1667 года: до *берези*, отъ *берези* до *берези* [5]);

Значительная часть поименованныхъ памятниковъ принадлежитъ новгородской области и писаны новгородскимъ нарѣчіемъ; изъ приведенныхъ нами формъ многія, конечно, могутъ быть объясняемы иначе: *ъ* въ *порукъ*, *Михайловъ* можетъ быть графическимъ изображеніемъ *и*, но оно можетъ также изображать и собственно *ъ*, какъ показываютъ формы на *е*.

Въ современныхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ формы на *ъ* вмѣсто *ѣ* мало извѣстны (это зависитъ можетъ быть, отъ той небрежности, съ какою и у насъ записывались и записываются до сихъ поръ произведенія народной поэзіи); однако мы ихъ находимъ и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи: онежск. отъ Мамелфы *Тимофеевнъ* [6]), каргопол. *уговаривале* [7]); и въ южно-в.-русскомъ: московск.

---

[1]) Акты, относящіеся до юридическаго быта др. Россіи, изд. Калачовымъ, II, 414—415.

[2]) Акты Юрид., 441.

[3]) Акты археограф. эксп. I, 288.

[4]) Акты, изд. Калачовымъ, II, 391, 399.

[5]) Ibid. 454.

[6]) Гильфердингъ, Онеж. Былины, 775.

[7]) Колосовъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей, 117.

Digitized by Google

у вашей *сестрѣ* [1]) и въ бѣлорусскомъ: виленск. *была* господары, *хадзила* стральцы (*я* изъ *ѣ*) [2]).

Въ малорусскихъ говорахъ такія формы представляютъ явленіе обычное: украинск. с *правді*, *дідової дочкі*, до *торбинкі*, *ратинкі*, батько и мати *такі раді*, *добрі* люде, *дубі*, *кісточкі* [3]); галицк. наметы *бѣлі*, *шівкові*, *срібні* підкови, *кленові* ушка, *мѣдяні* човна, *золоті* весла [4]). Такъ какъ въ украинскомъ и галицкомъ говорахъ южно-великорус. скимъ ы и и послѣ согласныхъ почти всегда, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣйствуетъ аналогія другихъ словъ и формъ, соотвѣтствуетъ *и*, а не *і*, то приведенныя формы по образованію одинаковы съ старыми новгородскими формами на *ѣ*.

Звуковое тождество родит. п. ед. ч. *сестрѣ* съ дат. и мѣстн. п. ед. ч. было причиною, что съ одной стороны форма род. п. *сестры* стала употребляться въ значеніи формы дат. и мѣстн. п.: рукопись XVI вѣка: дубъ... подобенъ *березы красны*; 2-ая Новгородская лѣтопись по списку XVI вѣка: о *опришнины*, в деревни *Княжщины*, на *Вьшеры рѣки*, въ *земшины* [5]); Новгородская крѣпостная книга XVII вѣка: къ *горы* [6]); пѣсни, записанныя для Р. Джемса въ XVII вѣкѣ: охте мнѣ, *молоды*, горѣвати [7]); современныя олонецкія былины: въ моей *дружины*, ко *дружины*, ко матушкѣ *Нѣмры* рѣкѣ, по *избы*, по *правды*, по *истины* [8]);

---

[1]) Кирѣевскій. Пѣсни, II, 65.

[2]) Этногр. Сбор., III, 210, 225.

[3]) Труды эти.-стат. эксп., II, 93, 79; 92, 96, 100, 101.

[4]) Головацкій, Народныя Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, 33, 34, 67.

[5]) Тихонравовъ. Памятники русской отреченной литературы, I, 80; Новгородскія лѣтописи, изд. Археогр. Коммиссіи, 98, 69, 105, 106.

[6]) Акты, изд. Калачовымъ, II, 392.

[7]) Бусаевъ, Истор. Хрестом., 1034. Употребленіе формы *молоды* показываетъ, по нашему мнѣнію, что пѣсни записаны для Р. Джемса не въ Москвѣ, какъ обыкновенно полагаютъ, а гдѣ нибудь на сѣверѣ, можетъ быть, въ Архангельскѣ.

[8]) Рыбниковъ, Пѣсни, I, 9, 11, 28, 36, 39.

Digitized by Google

ржевск, на *галавы* [1]). Съ другой стороны нѣкоторыя формы дат. п. ед. ч. стали употребляться въ значеніи формъ род. п.: Новгородская грамота 1307—1308 год.: у *владыцѣ* [2]); Современн. галицк. до *мамцѣ* (имен. п. ед. ч. *мамка*) [3]).

Явленіе, которое только что разсмотрѣно нами въ именномъ склоненіи, имѣетъ мѣсто и въ склоненіи мѣстоименномъ съ тою разницею, что въ этомъ послѣднемъ оно коснулось только формъ им.-вин. п. мн. ч., но за то (можетъ быть, благодаря вліянію косвенныхъ падежей), получило гораздо большее распространеніе. Какъ форма родит. п. *земль* вызвала форму *сестрь*, такъ точно формы им.-вин. п. *всѣ*, *сѣ* вызвали формы *тѣ*, *онѣ*, *однѣ*, *самѣ*, которыя встрѣчаются уже въ памятникахъ XIV вѣка.

Новгородскія грамоты: 1305—1308 года: на *тѣ* грамоты, 1317 г.: *тѣ* (головы) пондуть, 1318 г.: *тѣ* грамотѣ (вин. п.) [4]).

Московскіе акты: 1328 г.: *тѣ* (люди) (вин. п.), 1356 г.: *тѣ* села, 1371 г.: *тѣ* села [5]).

Минея XIV вѣка: *онѣ* (мужи) начаша [6]).

Ипатьевскій списокъ лѣтописи: бояре *самѣ* [7]).

Эти формы имѣютъ значительное распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ, какъ въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ (впрочемъ о существованіи въ нихъ въ настоящее время формы *самѣ* у насъ нѣтъ свѣдѣній), такъ и въ малорусскомъ: украинск. *ті*, *вонї*, *самі* (при *они*, *сами*).

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи (какъ и въ

---

[1]) Этнограф. Сборн., I, 282.

[2]) Собраніе гос. гр. I. 14.

[3]) Головацкій, Нар. Пѣсни, II, 79. Съ нашимъ объясненіемъ формъ дат. мѣстн. п. на ы.—ср. объясненіе Лескина въ Kuhn's Baitrage, VI, 170—171.

[4]) Собраніе гос. гр., I, 11, 15, 18.

[5]) Ibid. 32, 42, 51.

[6]) Извѣстія, VI, 292.

[7]) Лѣтопись по Ип. сп., 525.

Digitized by Google

старинномъ) формы *онъ*, *одинъ* употребляются при существительныхъ не только женскаго рода, но и мужескаго: *ёнъ* принимаютъ, подаваютъ *енъ* (старики), подъѣзжаютъ *онъ* (Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ), *онъ* крестами побратался (богатыри) [1]. Ученіе о формахъ *онъ* и *одинъ*, какъ о формахъ женск. р., излагающееся обыкновенно въ нашихъ грамматикахъ, ни на чемъ не основано.

Надо замѣтить, что форма *тъ* не можетъ считаться спеціально русскою: она существуетъ также въ словацкомъ языкѣ: tie, но, конечно, въ немъ явилась независимо отъ русской формы. Что касается до ново-болгарск. *тъ* (подъ удареніемъ =*тя*), то это, вѣроятно, форма не им.-вин., а род.-вин. п. мн. ч., т. е. =*тъхъ*; сравни въ языкѣ седмиградскихъ болгаръ: jessant dessen-*taf* poroncsenie bose, é dal gospodin bog dessen-*taf* poroncsenie [2]), гдѣ taf надо читать *тяф*=тѣхъ.

Формы на *ъ* перешли и въ склоненіе основъ на *і* въ нарѣчіяхъ сѣверно-великорусскомъ и малорусскомъ, но въ первомъ употребленіе ихъ, если можно основываться на имѣющемся у насъ матеріалѣ, не отличалось и не отличается обширностью: Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: положити *мощъ*, на *мощъ* Ѳеодосьевы, взяша *мощъ* [3]); новгородскіе акты XIV—XV вѣка: *дъжть* [4]); устюженскій актъ XVI вѣка: *спередъ* [5]); современ. новгородск. *издале* [6]); шарписк *сыздале* [7]). Сравни въ Договорной грамотѣ смоленскаго князя Мстислава съ Ригою 1229 года: кто то у *Ру-*

---

[1]) Рыбниковъ, Пѣсни, I, 3, 7, 72.

[2]) Miklosich, Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen 108, 109.

[3]) Повѣсть врем. лѣтоп., 139, 140.

[4]) Акты Юридическіе, 111, 143.

[5]) Акты, изд. Калачовымъ, II, 399.

[6]) Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXVII, II, 11.

[7]) Пермскій Сборникъ, II, 181.

Digitized by Google

се (=въ *Руси*) гостит [1]); соврем. вел.-рус. *позадъ*, въ *кровь*, на *Русь* и т. п. Въ малорусскомъ нарѣчіи формы на *ъ* отъ основъ на *і* распространены гораздо болѣе: украинск. им.-вин. мн. *гости*, *люди*, *двері*, даже *вічі*, *уші*, сравни заславск. *двере* [2]).

Подобный переходъ формъ на *ъ* въ склоненіе основъ на *і* замѣчается и въ западно-славянскихъ языкахъ. Мы его находимъ а) въ польскомъ: шарашпатацкая Библія: вин. п. мн. ч. dzwyrze [3]), современ. twarze, dłonie и т. п. (ср. тв. п. мн. drzwiami, мѣстн. drzwiach), б) въ верхне-лужицкомъ: род. п. ед., им.-вин. мн. ч. kosće, husle и т. п. (ср. kosćam, kosćach) и в) въ словацкомъ и моравскомъ: им.-вин. п. мн. jasle, dveře [4]); (ср. слов. jaslam, jaslach).

Наконецъ формы на *ъ* перешли въ русскомъ языкѣ и въ склоненіе личныхъ мѣстоименій. Древнія формы *мене*, *тебе*, *себе* совершенно утрачены великорусскимъ и бѣло, русскимъ нарѣчіями (въ малорусскомъ они сохранились), въ которыхъ они должны были бы звучать, по закону перехода конечнаго ударяемаго *е* въ *ё*, *менё*, *тебё*, *себё*, и замѣнены въ нихъ формами *мень*, *тебь*, *себь*, образованными по образцу *земль*. Эти послѣднія формы явились въ русскомъ языкѣ очень давно, если только можно основываться на данныхъ памятниковъ, въ которыхъ мы находимъ: Слова Григорія Богослова XI вѣка: отъ *себь*, у *себь*, у *тебь* [5]); Пандектъ Антіоха XI вѣка: *себь* самого [6]); Успенскій Торжественникъ XII вѣка: въ *себь* мѣсто [7]); Новгородская Кормчая 1282 года: отъ *себь* [8]); Апостолъ

---

[1]) Собраніе гос. гр., II, 1.
[2]) Труды эти.-ст. эксп., II, 162.
[3]) Biblia kr. Zofii, 55.
[4]) Sušil, Moravské národné písne, 11, 22, (2-gie wyd.).
[5]) Будиловичъ, Изслѣдованіе, 12.
[6]) Матеріалы для сл. и грамм., VII, 8.
[7]) Чтенія 1879 г. I, 38 (житіе Ѳеодосія Печ.).
[8]) Русскія Достоп., I, 33.

Digitized by Google

1307 года: отъ *мень*, одѣсную *мьнь* [1]); Евангеліе 1325—1361 года: до *тебь* [2]) и др. Въ малорусскихъ говорахъ эти формы, хотя и очень рѣдко, но встрѣчаются: пружанск. сами *собі* не пожніте, не мене молодого, не коня вороного [3]). Конечно, они могутъ имѣть и другое объясненіе: *мень* (какъ и *меня*) можно считать формами одного образованія съ литовск. manęs, но первое объясненіе намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ.

Существовали ли въ русскомъ языкѣ, рядомъ съ разсматриваемыми формами на *ь*, также и формы на *я* изъ *ы*?

Въ письменныхъ памятникахъ съ древнѣйшаго времени и по сю пору, въ однихъ часто, въ другихъ рѣдко, даже очень рѣдко, мы находимъ начертанія: *ея*, *моея*, *добрыя* (род. п. ед. ч.), *моя*, *добрыя* (им.-вин. мн. муж.-жен. р.) и т. п., но къ высшей степени сомнительно, чтобы начертанія *ей*, *моей*, *мой* въ настоящее время гдѣ нибудь въ Россіи произносились такъ, какъ они написаны, а начертаніе *добрыя* передавало произношеніе какого-нибудь окающаго говора, гдѣ *я* не есть обычная замѣна неударяемаго *е* [4]). Сверхъ того надо имѣть въ виду слѣдующее:

1) Въ великорусскихъ выраженіяхъ: по *ся* поры, по *ся* дни [5]); форма *ся* есть форма вин. п. мн. ч. средняго рода, а формы *поры*, *дни*—род. п. ед. ч.; сравни въ Успенскомъ Торжественникѣ XII вѣка: въ *та* дни [6]), современное великорусское въ *та* поры, пока мѣстъ; также мы объясняемъ и форму *ея* въ малорусскомъ (украинск.) *вося* = вовсе [7]). Эти выраженія представляются намъ архаизмами

---

[1]) Воскресенскій, др. слав. переводъ Апостола, 129.

[2]) Извѣстія, VI, 278.

[3]) Сборникъ нам. нар. поэз. в сѣв.-зап. краѣ, 91.

[4]) Ср. Колосовъ, Обзоръ звуков. и форм. особенностей, 228, 237.

[5]) Буслаевъ, Историч. Грамм., I, 4, 159.

[6]) Чтенія, 1879, I, 10 об.

[7]) Ср. Потебня, Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, 48.

Digitized by Google

сравнительно съ выраженіями: великорус. по *съ* ани, въ *тѣ* поры, малор. во *всі*: въ этихъ послѣднихъ формы средняго рода замѣнились формами муж.-жен. р. Сравни в.-рус. по *та*, по *ка* и малор. по *ті*, по *кі*.

2) Формы им.-вин. п. мн. ч. *учителя*, *сыновья*, *боляре*, *крестьяне*, впервые являющіяся въ XIV вѣкѣ: Лаврентьев. списокъ лѣтописи: *Древняя* [1]), не могутъ считаться происшедшими изъ **учителѧ*, какъ показываютъ существующія рядомъ съ ними формы *береѧ*, *боѧра*, *крестьѧна*; и тѣ и другія — новѣйшія образованія, явившіяся вслѣдствіе того, что имена собирательныя един. ч. на *а* и *я* съ теченіемъ времени начали употребляться въ значеніи формъ множ. ч. другихъ, несобирательныхъ именъ: *господа* — какъ множ. ч. отъ *господинъ*; *братья*, *князья* — какъ множ. ч. отъ *братъ*, *князь* [2]). Сравни общ.-польск. имен.-вин.-п. мн. ч. grunta, organa, вел.-польск. им. мн. svacia, furmania [3]), словацк. им. мн. synovia, hostia, zatia (=ц.-слав. здтиіе).

Если наше сомнѣніе справедливо и формъ *ей* и *моей* и т. д. въ современномъ русскомъ языкѣ дѣйствительно не существуютъ, то мы считаемъ возможнымъ заключить отъ настоящаго къ прошедшему и отвѣтить на поставленный нами выше вопросъ отрицательно. Замѣтимъ кстати, что и въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ слѣдовъ существованія падежныхъ формъ на *м* и его рефлексъ *ja*.

А. Собольскій.

---

[1]) Повѣсть врем. лѣтъ, 8.
[2]) Ср. Kuhn's Beiträge, VI, 42.
[3]) Archiv für Sl. Ph., III, 159.

Digitized by Google

РУКОПИСНАЯ „ЧЕТЬЯ" 1397 ГОДА

западнорусскаго происхожденія.

Въ 1880 году поступила въ Церковно-Археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи, изъ Сѣдлецкой губерніи, рукопись, заключающая въ себѣ житія святыхъ и поученія на нарочитые праздники и дни святыхъ, въ листъ писанная на простой бумагѣ. На 286 листѣ ея находится слѣдующая киноварная подпись: „Списана бы҃ книга сиѧ. нарицаемаѧ четьѧ. въ градѣ оу Камѧнци. при великомъ короли Андрѣи. В лѣ҃ ҂ѕ҃.ц҃.є҃ ѵ҃ѕ. индикта. въ. ѕ҃. а тогды держалъ. ѿ короля. Камѧнець. панъ Третина. кухмистръ. А пса҃. сію книгьу. нѣхто҃е. Березка. з Новгоро҃ка с Литоско҃с҃о. поповичь. попа литовоцко҃ сн҃ъ. Семиоповъ долъбнича. и҃ в нитрополии. а пса҃ есми ѿ початка книги са҃. ѿ до҃ки до половины. ѿ ст҃го Семиѡпа. до соро҃ ст҃ыхъ". На слѣдующемъ листѣ — другая киноварная же подпись, писанная тою же рукою: „Списана бы҃ книга сиѧ. повелѣние҃ раба бж҃іѧ. Ѳеѡ҃ра." Упоминаемый здѣсь король Андрей есть, по всей вѣроятности, родной братъ Литовскаго короля Ягелла, возставшій на него изъ-за измѣны православію, а рабъ Божій Ѳеодоръ, можетъ быть, князь Острожскій Ѳеодоръ Даниловичъ. Что же касается города Каменца, то это или нынѣшній Каменецъ-Подольскъ, или же бывшій городъ Каменецъ въ предѣлахъ нынѣшней Гродненской губерніи. Во всякомъ случаѣ рукопись писана въ западной или югозападной Россіи и относится къ тому времени, отъ котораго весьма мало осталось письменныхъ памятниковъ мѣстнаго происхожденія. Составъ рукописи, впрочемъ, не возбуждаетъ особаго интереса. Большая часть статей ея уже извѣстна въ спискахъ сѣвернорусскихъ.

Digitized by Google

Найдется развѣ до трехъ—четырехъ статей, доселѣ неизвѣстныхъ, и значительное число варіантовъ, бросающихъ новый свѣтъ на извѣстные доселѣ памятники. Но главный интересъ рукописи сосредоточивается на ея языкѣ, заключающемъ мѣстныя особенности того времени. Въ видахъ первоначальнаго ознакомленія съ языкомъ рукописи, извлекаемъ изъ нея словарь словъ древнерусскихъ и малорусскихъ, а также взятыхъ изъ иностранныхъ языковъ.

Але—но.
Абы—чтобы.
Авжьды—то, по крайней мѣрѣ.
Аеръ—воздухъ.
Ажь, ажьбы—если, чтобы.
Атъ—да, чтобы.
Божить—дѣлать убогимъ.
Борзо—скоро, поспѣшно.
Бороню—возбраняю.
Боротье—борьба.
Вадить—паговаривать.
Валфромей—Варооломей.
Валька—борьба, война.
Вдяченъ—благодаренъ.
Взаль—назадъ.
Видѣцъ—очевидецъ.
Винфантій—Вонифатій.
Ворогъ—врагъ.
Володѣти—владѣть.
Врядникъ—чиновникъ.
Всегды—тогды—всегда, тогда.
Вѣстоноша—вѣстникъ.
Геона—геенна, адъ.
Глезно—голень.
Година—часть времени, часъ, время.
Годовать—кормить.
Гольядъ—Голіафъ.
Гольтяй—бѣднякъ.
Гораздъ—вполнѣ, совершенно, хорошо
Голка—молва, (глаголъ молчать).
Грытань—гортань.
Гѣмонъ—игемонъ, предводитель.
Дей—де.
Докуль—доколѣ.
Долони—ладони.
Дружина—общество (апостоловъ).
Евга—Ева.
Епистолія—посланіе, письмо.
Етеръ—нѣкоторый, другой.
Завтреня—заутреня.
Запоны—занавѣски.
Забороло—стѣна.
Завжьды—завсегда.
Зачепка—препятствіе.
Зды—здѣсь.
Зимуровать—изъ камня выстроить.
Иньщій—иной, другой.
Испрѣнье—споръ, распра.
Казать—говорить.

Digitized by Google

Калугиръ—старецъ, монахъ.
Клеть—комната, домъ.
Кликать—кричать, звать.
Клопота — забота, безпокойство.
Коло — участь, жребій, колесо.
Колько—сколько.
Коромола—крамола, бунтъ.
Кремида—(χαραμις), черепица, кирпичъ, глина.
Крыница—источникъ, колодязь.
Кукуръ—пѣтухъ.
Легальница—ложе, постель, колыбель.
Лихо, лихота—зло, бѣдствіе, несчастіе.
Ложница—спальня, чертогъ.
Лохань—сосудъ, ванна, купель.
Лужа—болото, грязь.
Лыскарь—нын. рыскаль, заступъ.
Любо—или.
Лякаться—бояться.
Метлица—сорная трава.
Мешкать—медлить.
Межи—между.
Моланья—молнія.
Мытница — помѣщеніе для храненія податей, собираемыхъ мытарями.
Наваливать — наговорить, наклеветать.
Нетбать—необращать вниманія.
Небога—бѣдная, несчастная.
Нинечи—нынѣ.
Нѣколи—нѣкогда.
Овогды—иногда, когда нибудь.
Одва—едва.
Опрочь—кромѣ.
Орудовать—усиленно работать, управлять.
Осподарь—домовладыка, хозяинъ дома.
Осельникъ—туземецъ, мѣстный житель.
Отказывать—отвѣчать.
Панъ—господинъ.
Пакъ—же, да.
Пахъ—запахъ.
Пекло—адъ.
Пекольный—адскій.
Пережь—прежде.
Перечини—перелоги, ложбины.
Пищаль—самопѣль.
Плоховство—смиреніе.
Плюсняники—нѣчто въ родѣ обуви.
Повабливать — вызывать, похваляться.
Поворозъ — веревка, цѣпь, оковы.
Поклепникъ—клеветникъ.
Полецать—обѣщать.
Полѣпшеніе — улучшеніе, польза.
Полома—пламя.
Попель—пепелъ
Портище—одежда.

Digitized by Google

Посулопманіе — взяточничество.
Нотаковникъ — ласкатель.
Правица — правая рока.
Пригола — несчастіе, случай.
Пригорщи — пригоршни.
Пригана — поношеніе, укоризна.
Прикро — непріятно, больно.
Притужать — лаять, (почали пси дворнии при (тоужати).
Пріязньство — любовь.
Пророковать — пророчествовать.
Пытать — спрашивать.
Пятикостіе — пятьдесятница.
Рада — собраніе, совѣтъ.
Радити — совѣщаться.
Рахманьство — простота.
Рокъ — время, срокъ.
Рота — клятва, божба.
Рѣчникъ — витія, ораторъ.
Рядъ — очередь.
Свѣдокъ — свидѣтель.
Сердоболь — сродникъ, родственникъ.
Сесь — сей.
Скарбъ — сокровище, казна.
Скоропія — (σκόρπιος) скорпіонъ.
Скрыня — сокровищница, сундукъ.
Смерканье — сумерки.
Смутокъ — печаль, скорбь.
Соромъ, соромота — стыдъ.
Спочатка — сначала.
Сотоно — сатана.
Столецъ — престолъ.
Судино — сосудина, сосудъ.
Сулица — копье, рогатина.
Суправне — усердно.
Толща — толщина.
Треба — жертва.
Туга — грусть, тоска, несчастіе.
Тьмяность — темноватость. (?)
Убордзе — скоро, вскорѣ.
Узбудовать — выстроить.
Узрастъ — возрастъ.
Упаханина — пашня.
Упередь — прежде.
Уразъ — вредъ, рана.
Успытать — спросить.
Ущюнуть — разубѣждать, отклонять.
Хижица — избушка.
Цѣсарь — кесарь.
Черница — монахиня.
Чи — развѣ, ли.
Чинить — дѣлать.
Чють — слышать.
Чьти — чести (род. п.).
Якъ — какъ.
Што — что.

Изъ многаго мы выписали только весьма немногое; но полагаемъ, что и этого достаточно для того, чтобы обратить на рукопись вниманіе спеціалистовъ.

И. Петровъ.

Digitized by Google

ЛИНГВИСТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АБСОРПЦІИ.

Предварительныя замѣчанія.

§ 1. Когда нам показывают и вмѣстѣ с тѣм называют какой-нибудь предмет, то в нашем умѣ ассоціируются (связываются) между собою идея или представленіе этого предмета и названіе его.

От повторенія ассоціація идеи предмета и названія становится болѣе и болѣе сильною.

Я припоминаю, как, будучи маленьким, недоумѣвал, отчего если, напримѣр, стол назвать *столом*, то это названіе подходит к этому предмету, а если назвать, напримѣр, *скамьей* — вѣдь и так можно бы звать этот предмет — то это названіе кажется неподходящим для стола. Отсюда видно, как сильно могут ассоціироваться слова со своим значеніем.

Вообще, слова языка суть комплексы (сочетанія) звуков, ассоціированные со своим значеніем.

§ 2. Разсматривая слово

набрасывал,

мы замѣчаем, что оно, имѣя соотвѣтствующее значеніе, вмѣстѣ с тѣм разлагается на части, тоже имѣющія значеніе (на части знаменательныя или морфологическія).

В нашем словѣ часть

брас

— главная, корень, выражает извѣстное дѣйствіе;

Digitized by Google

остальныя части — придаточныя, опредѣляющія (модифицирующія) значеніе корня:

на-

— **префикс**, показывает, что дѣйствіе, выражаемое корнем, направляется на поверхность чего-нибудь;

-ыва-

— **суффикс**, указывает на повторяемость дѣйствія;

-л

— **окончаніе** прош. вр., ед. ч., м. р.

Кромѣ того,

на + брас + ыва-

— **основа**, выражает идею, обозначаемую корнем и усложненную разсмотрѣнными нами оттѣнками направленія и повторяемости; основа соединяется с окончаніями.

И так, морфологическія, знаменательныя части слов: корень, префикс, суффикс, окончаніе, основа.

§ 8. Морфемы или морфологическія части не суть фикціи, но дѣйствительныя части слов. В самом дѣлѣ,

1) заимствованныя слова принимают префиксы, суффиксы и окончанія, свойственныя словам природным; тоже вновь создающіяся слова являются с морфологическими частями, имѣющимися в языкѣ. Это появленіе раньше не употреблявшихся соединеній морфологических частей, эта подвижность морфем доказывает дѣйствительное существованіе их в языкѣ. Ср.

лимон, лимона...
лимонщик
лимонный
лимонóвый
слимонить
налимониться
влимониться (влюбиться);

2) слова, употреблявшіяся прежде с одними префиксами, суффиксами, окончаніями, принимают иногда другія вмѣсто них. Ср., напр., произношеніе

держут вм. держат;

Digitized by Google

3) встрѣчаются описки, а также ошибки в произношеніи, представляющія подстановку одной морфемы вмѣсто другой [1]).

4) морфемы, вообще являющіяся только соединенными, получают иногда самостоятельное существованіе. Так

вич,

напр. в поговоркѣ: „наши *вичи* ѣдят одни калачи“ [2]).

§ 4. Попробуем объяснить психологически образованіе в умѣ разсмотрѣнных нами морфологических категорій.

Предположим, мы слышим падежную форму какого-нибудь слова. Мы воспринимаем при этом ассоціацію звуков, как они слѣдуют один за другим при произнесеніи этого слова. Когда мы слышим другую падежную форму того же слова, то мы опять воспринимаем ассоціацію звуков в их послѣдовательности. Эта новая ассоціація сходною частью ассоціируется с первою ассоціацією, благодаря чему эта часть усиливается. Слыша новую падежную форму того же слова, мы опять воспринимаем ассоціацію звуков по их смежности, и часть этой ассоціаціи, ассоціируясь со сходною частью первых двух ассоціаціи, усиливает ее, и т. д.

Пусть A обозначает сходную часть падежных форм какого-нибудь слова, соединяющуюся с несходными частями B, C, D... Мы можем представить описанный процесс в слѣдующем видѣ:

$$(1)\ldots\ldots\begin{cases} A-B \\ | \\ A-C \\ | \\ A-D \\ \ldots\ldots \end{cases}$$

[1]) Ср. мое разсужденіе – Изученіе малограмотных написаній, Фил. Записки, 1881, N 3, § 34 (тоже в отдѣльном оттискѣ).

[2]) Буслаев, Историческая грамматика русскаго языка[3], Москва, I, 1868, стр. 144.

Digitized by Google

Или на примѣрѣ:

бог — а
|
бог — ом
|
бог — у
.....

Таким-то образом **выдѣляется основа слова, соединяющаяся с разными окончаніями** [1]).

При этом слѣдует обратить вниманіе на то, что с каждою падежною формою ассоціируется соотвѣтствующее значеніе, слагающееся из идеи предмета, усложненной падежным оттѣнком значенія.

При произношеніи разных падежей одного и того же слова повторяется идея одного и того же предмета, усложняющаяся разными падежными оттѣнками.

Обозначив идею предмета посредством α, падежные оттѣнки — посредством β, γ, δ..., мы можем изобразить этот процесс слѣдующим образом:

α — β
|
α — γ
|
α — δ
.....

Эта система ассоціацій образуется в связи с предшествующею системою, при чем α соотвѣтствует A, а β, γ, δ... являются соотвѣтствующими для B, C, D...

Когда мы слышим одну и ту же падежную форму разных слов, одинаково склоняющихся, то чрез это **усиливается падежное окончаніе, соединяющееся с разными основами:**

---

[1]) Постепенное усиленіе основы можно представить графически так:

A—B A—B A—B
\ | \ и т. д.
C D C

$$(2)\ ^{1})\ldots\ldots\left\{\begin{array}{l|l} A-B & \alpha-\beta \\ \quad\ \ | & \quad\ \ | \\ E-B & \varepsilon-\beta \\ \quad\ \ | & \quad\ \ | \\ F-B & \zeta-\beta \end{array}\right.$$

. . . . .

На примѣрѣ:

бог — а
|
человѣк — а
|
дух — а
. . . . .

Подобнымъ же образом мы можем представить себѣ возникновеніе в нашем умѣ остальных разсмотрѣнных нами морфологических категорій, напр. префиксов:

---

[1]) Систему ассоціацій—(1) мы можем назвать ассоціаціею матеріальных родичей, а систему ассоціацій — (2) ассоціаціею формальных родичей. Под категорію формальных родичей подойдет также то, что понимает Н. В. Крушевскій:

—т о к
|
—н о с
|
—в о д
. . . . .

Всѣ эти слова ассоціируются между собою по сходству коренного гласнаго (чему соотвѣтствует также нѣкоторое сходство в значеніи). [Ср. Крушевскій, К вопросу о гунѣ, изслѣдованіе в области старославянскаго вокализма, Рус. Фил. Вѣстн., 1881, N 1, сноска на стр. 31—32 и положеніе 5-ое на стр. 107 (тоже в отдѣльном оттискѣ)].

Постепенное усиленіе окончанія мы можем графически представить слѣдующим образом:

A—B A—B A—B
/ / \ и т. д.
E E F

Мы уже разсматривали такое же усиленіе основы. В результатѣ получается:

A—B и т. д.

Digitized by Google

$$(1)\ldots\ldots\left\{\begin{array}{c|c} G & \eta \\ | & | \\ H - G & \vartheta - \eta \\ | & | \\ I - G & \iota - \eta \end{array}\right.$$

.....

Примѣр:

даю
|
вы — даю
|
раз — даю
.....

$$(2)\ldots\ldots\left\{\begin{array}{c|c} H - G & \vartheta - \eta \\ | & | \\ H - K & \vartheta - \varkappa \\ | & | \\ H - L & \vartheta - \lambda \end{array}\right.$$

.....

Примѣр:

вы — даю
|
вы — ношу
|
вы — вожу
.....

и т. д.

Вот в самом общем видѣ путь образованія в умѣ различія морфологических частей слов. От наблюденій над образованіем рѣчи дѣтей можно ожидать бо́льшаго разъясненія этого вопроса.

Digitized by Google

Глава I.

Морфологическая абсорпція подъ вліяніемъ фонетическихъ измѣненій.

§ 5. Основа такихъ словъ, какъ

хоῦφος (легкій),

по грамматикѣ Курціуса, кончится на ο [1]).

Однако, разсматривая падежныя формы этого прилагательнаго:

И. ед.	хоῦφος
Д.	хоῦφῳ
Р.	хоῦφου
	.....

мы замѣчаемъ, что сходною частью (основою) во всѣхъ этихъ формахъ является комплексъ хουφ-.

§ 6. Какимъ же образомъ возникло ученіе объ основахъ на ο?

Форма Р. ед. на -ου (ū) имѣется въ діалектахъ іоническомъ, аттическомъ и позднѣйшемъ дорическомъ. В лесбійскомъ, беотійскомъ и древнѣйшемъ дорическомъ эта форма оканчивается на -ω (ō).

Не родственны ли между собою эти окончанія -ου и -ω?

В іоническомъ, аттическомъ и позднѣйшемъ дорическомъ ō можетъ измѣниться въ ū, но не обратно. В діалектахъ же лесбійскомъ, беотійскомъ и древнѣйшемъ дорическомъ ō сохраняется. Все это позволяетъ считать разсматриваемые нами гласные ō и u, которые являются окончаніями одного и того же падежа, родственными между собою: ū есть дальнѣйшее развитіе ō.

Гомерическій Р. ед. въ такихъ словахъ, какъ хоῦφος, окан-

---

[1]) Курціусъ, Греческая грамматика для гимназій въ переводѣ Кремера[3], Москва, 1874, I, § 124.

Digitized by Google

чивается на -οιο. Звуковые законы позволяют считать это окончаніе родственным с разсмотрѣнными нами: ι между гласными исчезает, а два краткіе о образуют ō. Такимъ образомъ -ω в Р. ед. можно считать дальнѣйшимъ развитіемъ из -οιο (-ου ⪯ -ω ⪯ -οιο).

Сравненіе форм χοῦφος и χούφοιο позволяет нам дойти до основы на о: χουφο-.

Разсмотримъ для примѣра еще форму В. мн.

χούφους.

В беотійском и древнѣйшем дорическом эта форма оканчивается на -ως. Окончаніе -ους мы можем считать дальнѣйшимъ развитіем из -ως.

В критском соотвѣтствует форма В. мн. на -ονς; -ως может считаться дальнѣйшимъ развитіем из -ονς: ν перед ς исчезло с замѣнительным удлиненіем.

В формѣ В. мн. на -ονς мы опять находим о, которое и относим к основѣ.

Анализируя подобным образом падежныя формы втораго склоненія, мы восходим до болѣе древней основы на о (χουφο-).

§ 7. Сравнивая болѣе древнюю основу χουφο- с болѣе поздней χουφ-, мы замѣчаем, что основа во времени сократилась в пользу окончаній, под вліяніем фонетических измѣненій.

В то время, когда основою был комплекс χουφο-, форма И. ед. разлагалась на χουφο-ς (основа χουφο- и признак И. ед. -ς); когда же основа сократилась, та же форма стала дѣлиться на χοῦφ-ος (болѣе короткая основа χουφ- и болѣе длинное окончаніе -ος). Подобным же образом форма В. ед. в період, предшествовавшій сокращенію основ втораго склоненія, разлагалась на χουφο-ν, по сокращенію же основ—на χοῦφ-ον.

§ 8. Сокращеніе основ имен прилагательных в положительной степени отражается и на степенях сравнительной и превосходной.

Digitized by Google

Сравнительная степень прилагательнаго κοῦφος в періодъ до сокращенія основъ втораго склоненія разлагалась на κουφο-τερος (основа κουφο- и признакъ сравнительной степени И. ед. муж. -τερος), по сокращеніи же—на κουφ-ότερος [1]).

В самомъ дѣлѣ, новый признакъ сравнительной степени -ότερος (resp. -ώτερος) распространился на нѣкоторыя прилагательныя иного образованія, напр. отъ ἐπίχαρις (пріятный) сравнительная степень—

ἐπιχαριτ-ώτερος.

Рядомъ с окончаніемъ сравнительной степени -ότερος (resp. -ώτερος) продолжало существовать болѣе древнее окончаніе -τερος. Можно указать причину, благопріятствовавшую сохраненію послѣдняго окончанія. Сравнивая формы сравнительной степени отъ прилагательныхъ разно образованныхъ, напр. κοῦφος и γλυκύς (сладкій):

κουφότερος ‖ γλυκύτερος,

мы находимъ, что признакъ сравнительной степени, общій в том и другом прилагательном, есть -τερος:

κουφό—τερος
γλυκύ—τερος
.....

От прилагательнаго γεραιός (старый) сравнительная степень

γεραίτερος.

Эта форма представляет соединеніе новой, болѣе краткой осно-

---

[1]) Для краткости я не говорю о превосходной степени на -τατος, потому что она образуется совершенно параллельно с сравнительной степенью на -τερος (Meyer Gustav, Griechische Grammatik, Leipzig, 1880, § 394).

Показаніе признака сравнительной степени -ότερος (resp. -ώτερος)— согласно с ассоціаціем не одних только матеріальных, но и формальных родичей. Ассоціація матеріальных родичей:

κοῦφ—ος
κοῦφ—ον
.....
κουφ—ότερος

Ассоціація формальных родичей:

κουφ—ότερος
πονηρ—ότερος (худшій)
.....

То же слѣдуетъ сказать и о положительной степени:

κοῦφ—ος ‖ κοῦφ—ος
κοῦφ | ον ‖ πονηρ—ός
..... ‖ .....

Digitized by Google

вы положительной степени с сохранившимся древним признаком сравнительной степени, только что разсмотрѣнным нами [1]).

Однако форма γεραίτερος, подъ вліяніемъ родичей матеріальных, напр.

γέρ—ων (старик)
|
γερ.—αίτερος
. . . .

а также родичей формальных —

γερ—αίτερος
|
παλ—αίτερος (древнѣйшій),

стала разлагаться на γερ-αίτερος.

Новое окончаніе сравнительной степени -αίτερος распространилось на нѣкоторыя прилагательныя другаго образованія, напр. от μέσος (средній) сравнительная степень

μεσ-αίτερος.

Такія формы, как γεραί-τερος, παλαί-τερος, φίλ-τερος, μεσ-αίτερος, образованныя от новой, болѣе краткой основы положительной степени, поучительны: онѣ доказывают существованіе живой связи между положительною степенью и сравнительною (также превосходною). Всѣ онѣ возникли по сокращеніи основ втораго склоненія.

§ 8. Сдѣлаю замѣчаніе, касающееся изслѣдованія сокращенія основ в пользу окончаній.

Так как ход звуковых измѣненій в отдѣльных языках аріо-европейских своеобразен, то одною из задач сравнительнаго языковѣдѣнія является **выясненіе своеобразнаго хода сокращенія основ в пользу окончаній в связи с своеобразным ходом звуковых измѣненій в этих языках.**

Напримѣр, легко замѣтить своеобразный путь сокращенія „сигматическихˮ основ в языках славянских и греческом.

---

[1]) Подобное же соединеніе представляет φίλτερος, сравнительная степень от φίλος (милый). Эта форма сравнительной степени встрѣчается у Гомера; слѣд., в языкѣ гомерическом основы втораго склоненія уже сократившіеся. Подобнаго рода умозаключенія можно примѣнять и к остальным діалектам.

Digitized by Google

Согласный s этих основ в славянских языках, очутившись в И. В. ед. средн. р. в концѣ слова, исчез, в древне-греческом же сохранился:

нево(с) ‖ γένος (род).

Между гласными разсматриваемый согласный в славянских языках сохранялся, в древне-греческом же исчез, вслѣ чего произошло „слитіе“ гласных, напр. в Р. ед.

нєвєсе(с) ‖ γενεσος	
	γένεος
	γένους
нєв-о	γέν—ος
нєв-єсє	γέν—ους
.....	.....

И так, в славянских языках начало сокращенію сигматическихъ основъ положено в тѣх падежах, в которых конечное s основы находилось в концѣ слова, в древне-греческом же—в тѣх падежах, в которых этот согласный находился между гласными.

§ 10. Перехожу к сокращенію префиксов в пользу корней под вліяніем фонетических измѣненій.

Воспользуюсь примѣром, подробно разсмотрѣнным проф. И. А. Бодуэном-де-Куртенэ в статьѣ „О такъ называемой „эвфонической вставкѣ“ согласнаго к въ славянскихъ языкахъ“ [1]).

Болѣе древняя форма предлогов съ-, къ-, есть съи-, къи-.

Когда дѣйствовал основно славянскій законъ устраненія согласных с конца слогов, конечный согласный этих предлогов перед слѣдующим согласным (кромѣ j), должен был исчезнуть:

---

[1]) Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки, выпускъ I, Воронежъ, 1877 (отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ“), стр. 17—58.

Digitized by Google

сътѣмь
сътоѭ
....,

сохраниться же он мог только в соединеніи с слѣдующим гласным, или согласным j:

въноушити
вънѫтрь
сънѣсть
сънимь
вънимати
.....

Наши предлоги сходною частью теперь стали имѣть только комплексы съ-, въ-, с которыми и ассоціировалось значеніе, свойственное этим предлогам; отсюда их конечное и в нѣкоторых случаях, сохранившись, отошло к корню:

въ-ноушити
въ-нѫтрь
съ-нѣсть
съ-нимь
въ-нимати
.....

Таким образом возникли нѣкоторые новые корни, начальное и которых раньше принадлежало разсмотрѣнным предлогам [1]).

---

[1]) Ср. напр. *о нем, обнимать*, гдѣ имѣется и послѣ других предлогов; *нутрь, нутро*.

Такія формы, как съ-нимь, показывают, что переход и от разсмотрѣнных нами предлогов к корням, начинающимся гласным или же согласным j (слившимся вмѣстѣ с конечным и предлога в мягкое и') произошел не только в сложеніях (напр. въ-ноушити, въ-нимати...), но и при сочетаніи наших предлогов с падежными формами личнаго мѣстоименія. „Касательно личнаго мѣстоименія..... слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ извѣстный періодъ развитія аріоевропейскихъ языковъ (именно, когда прежнія нарѣчія дѣлаются предлогами) предлоги, сочетающіеся съ косвенными падежами, составляютъ почти такую же неразрывную часть этихъ падежей, какъ, на-

Digitized by Google

§ 11. Мы разсмотрѣли сокращеніе основ в пользу окончаній и префиксов в пользу корней под вліяніем фонетических измѣненій.

Н. В. Крушевскій оба эти процесса свел к одному, выразив свое обобщеніе слѣдующим образом: „В обоих случаях мы видим, что *звуки, принадлежащіе одной морфологической единицѣ, отрываются от нея и интегрируются другой единицей; при чем сокращенію подвергается предшествующая морфологическая единица в пользу послѣдующей.* За неимѣніем болѣе подходящаго термина, назовем этот процесс *морфологической абсорпціей*" [1]).

Процесс морфологической абсорпціи мы уясним себѣ лучше, если обратим вниманіе на то, что каждый человѣк учится языку, что, слѣдовательно, в умѣ каждаго из нас отдѣльно совершаются ассоціаціи языковаго матеріала, который мы слышим от других. Поэтому, когда в древнегреческом были формы κουφος, κουφονς..., онѣ ассоціировались между собою сходною частью κουφο-; когда же вслѣдствіе фонетических измѣненій мало-по-малу образовались формы κοῦφος, κούφου, κούφῳ..., то в умѣ греков этого времени эти формы ассоціировались между собою своею сходною частью κουφ-.

примѣръ, флексійныя окончанія. Доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, энклитичность (безударенность) двусложныхъ (и даже трехсложныхъ) существительныхъ и переходъ ударенія на сочетающіеся съ ними предлоги въ языкахъ русскомъ, чешскомъ и др., напримѣръ, по̀ полю, на̀ море, по̀ пусту, за̀ городъ, и́зъ носу, по̀дъ лѣсомъ видитъ, а по̀дъ носомъ не видитъ и т. п. (Бодуэнъ-де-Куртенэ, loc. cit., стр. 31).

Что сочетанія предлогов с падежными формами мѣстоименій, а также имен чувствуются как цѣльныя слова,—это доказывают еще написанія малограмотных, напр. *просалдачину, надругойжа, наваша* (на ваше)...

[1]) Лингвистическія замѣтки (I..... III. О морфологической абсорпціи), Р. Ф. В., 1889, N 3, стр. 54 (в отдѣльном оттискѣ стр. 22).

Digitized by Google

Теперь мы легко замѣтим ошибку в сужденіи:

„По чутье этимологической тожественности предлоговъ εἰν и νῦν въ сложеніяхъ и сочетаніяхъ, предохраняющихъ ихъ конечный согласный отъ исчезновенія, и εἰ и νῦ въ сложеніяхъ и сочетаніяхъ, обусловившихъ исчезновеніе конечнаго согласнаго ν (н), осталось неприкосновеннымъ и ненарушеннымъ, и это чутье было, прежде всего, *причиною безсознательнаго забвенія о происхожденіи старинныхъ сложныхъ формацій и безсознательнаго непониманія ихъ*" первоначальнаго [1]) „*состава*" [2]).

Развѣ может народ, или точнѣе — индивидуумы составляющіе народ, безсознательно не понимать *первоначальный* состав слов, другими словами, понимать или не понимать то, что было, быть может, тысячу или гораздо болѣе лѣт до появленія их (индивидуумов) на свѣт? Равным образом не происходило и безсознательнаго забвенія *первоначальнаго* состава слов, а просто в умах индивидуумов извѣстнаго времени слова, вслѣдствіе пропешедших фонетических измѣненій, стали ассоціироваться не тѣми сходными частями, которыми они ассоціировались в умах индивидуумов прежняго времени, до этих измѣненій.

Глава II.

Морфологическая абсорпція через посредство пропорціональной аналогіи.

§ 12. Разсмотрим основу слова

χάρις (милость).

Другіе падежи этого слова:

Р. ед. χάριτος

Д. χάριτι

.....

---

[1]) Это слово я прибавил из слѣдующаго далѣе предложенія: „Но при забвеніи и непониманіи первоначальнаго состава словъ народъ..."

[2]) Бодуэн-де-Куртенэ, loc. cit., стр. 84.

Digitized by Google

Если мы сопоставим склоненіе слова χάρις со склоненіем, напр., слова φύλαξ (сторож):

Р. ед. φύλακος
Д. φύλακι
.....,

то замѣтим, что в склоненіи послѣдняго слова перед окончаніями -ος, -ι... имѣется κ так же, как в склоненіи перваго слова перед тѣми же окончаніями имѣется τ, с тою разницею, что κ имѣется перед всѣми окончаніями, между тѣм как τ имѣется перед окончаніями, начинающимися с σ:

И. ед. χάρις ‖ φύλαξ (=φύλακς)
Д. мн. χάρισι ‖ φύλαξι (=φύλακσι).

Обративши вниманіе на то, что сочетаніе τσ в греческом дает σ, мы заключаем, что и в словѣ χάρις в И. ед. и Д. мн. прежде имѣлось τ перед σ, подобно тому, как, напр, в словѣ φύλαξ в тѣх же падежах перед σ имѣется κ.

Когда τ перед σ еще сохранялось, то сходною частью (основою) всѣх падежных форм слова χάρις была комплекс χαριτ-.

В греческом языкѣ, кромѣ имен на -ις с Р. ед. на -ιτος, -ιδος и -ιδος, напр.

ἔρις ἔριδος (спор)
ὄρνις ὄρνιθος (птица)

имѣются еще имена на -ις с Р. ед. на -εως, напр.

πόλις πόλεως (город).

От таких слов, как πόλις, В. ед. оканчивается на -ν:

πόλιν.

Подобным же образом и от слова χάρις В. ед. имѣется

χάριν,

вмѣсто ожидаемаго *χάριτα.

Форма χάριν возникла по аналогіи к πόλιν, благодаря сходству этих слов в И. ед.:

πόλις : πόλιν = χάρις : *x*
x = χάριν.

Посмотрим, благодаря какому именно сходству такія слова, как χάρις, могли образовать В. ед. по образцу таких, как πόλις?

Digitized by Google

Оба эти слова оканчиваются на -ς. Но этого сходства недостаточно. Недостаточно даже того, что оба они оканчиваются на -ις.

В самом дѣлѣ, напр., слово

ἐλπίς ἐλπίδος (надежда),

сходно со словом πόλις не только тѣм, что оканчивается на -ς, но также и тѣм, что перед этим окончаніем одинаково имѣет ι; однако слова, подобныя слову ἐλπίς, не образуют В. ед. одинаково с такими словами, как πόλις. Между нашими словами мы находим то несходство, что слово πόλις имѣет неударенное ι, а слово ἐλπίς — ударенное ι.

Смѣшеніе системы склоненія слов χάρις и т. п. с системою склоненія слов πόλις и т. п. в нѣкоторых словах распространяется и на другіе падежи, кромѣ В. ед., напр. от слова ὄρνις встрѣчается И. мн. ὄρνεις...:

πόλις : πόλεις = ὄρνις : x

x = ὄρνεις.

πόλις : πόλεων (Р. мн.) = ὄρνις : x

x = ὄρνεων.

Такая форма, как ὄρνεις вм. ὄρνιθας позволяет нам заключить, что основою этого слова стал комплекс ὄρν-.

Другой примѣр: от слова γέλγις (головка чеснока) встрѣчаются формы Р. ед.

γέλγιθος, γέλγιδος, γέλγεως [1]).

Значит основою этого слова стал комплекс γελγ-.

Аналогично с этим мы можем принять и для слова χάρις основу χαρ-.

Мы уже видѣли (§ 8) существованіе живой связи между положительною степенью и сравнительною. Прилагательное ἄχαρις (α + χαρις непріятный) образует сравнительную степень от основы ἀχαριτ-: ἀχαρίστερος (= ἀχαριτ-τερος). Сообразно с тѣм, что основою слов χάρις, ἄχαρις стал

[1]) Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie[4], Leipzig, 1873, p. 174.

Ib. p. 622—другіе примѣры того же рода.

Digitized by Google

комплекс χαρ-, ἀχαρ-, эта послѣдняя основа распространилась и на сравн. степень, которая вслѣдствіе этого стала разлагаться на ἀχαρ-ίστερος. Вновь образовавшійся признак сравнительной степени -ίστερος распространился на нѣкоторыя прилагательныя другаго образованія, напр. λᾶλος (говорливый)—λαλ-ίστερος, κλέπτης (вор)—κλεπτ-ίστερος...

И так, основа слова χάρις сократилась через посредство пропорціональной аналогіи, под вліяніем формальных родичей, напр. πόλις, гдѣ основою является комплекс πολ-:

πόλ—ις πόλ—εως
| |
πόλ—εως (Р. ед.) στάσ—εως (возстанія)
|
δυνάμ—εως (силы)
....

Мы видим, что комплекс πόλ- является основою слова πόλις согласно с ассоціаціею как матеріальных, так и формальных родичей этого слова.

Что касается комплекса χαρ-, то он является основою слова χάρις согласно с ассоціаціею формальных, но несогласно с ассоціаціею ближайших матеріальных родичей этого слова:

χάρ—ις χάρι—ς
| |
πόλ—ις χάρι—τος
| |
στάσ—ις χάρι—σι (Д. мн.)
.... [1]).

Разсматривая сокращеніе основ втораго склоненія под вліяніем фонетическихъ измѣненій в нѣкоторых матеріальных родичах (именно в нѣкоторых падежах), мы находили это сокращеніе согласным с ассоціаціею и формальных

---

[1]) Если же примем во вниманіе менѣе близких матеріальных родичей:

χάρ-ις
|
χαρ-ά (радость)
.....

Digitized by Google

родичей; в сокращеніи же основы слова χάρις мы видим столкновеніе несогласных между собою—ассоціаціи формальных родичей и ассоціаціи ближайших матеріальных родичей нашего слова, причем перевѣс оказывается на сторонѣ ассоціаціи формальных родичей.

Впрочем мы не должны думать, что падежныя формы какого-нибудь слова, ассоціируясь между собою сходною частью, могут образовывать лишь одну ассоціацію.

Всѣ падежи слова πόλις ассоціируются между собою сходною частью πολ-.

Падежи И. и В. ед., кромѣ того, ассоціируются между собою сходною частью πολι-:

πόλι—ς
|
πόλι—ν

Мы видѣли, что такія слова, как χάρις, образуют по образцу слов πόλις и т. п. преимущественно В. ед. Не в связи ли это с представленной ассоціаціей падежей И. и В. ед. слов πόλις и т. п.?

Другіе падежи слова πόλις ассоціировались между собою сходною частью πολε-:

πόλε—ως
|
πολέ—σιν
.....

В самом дѣлѣ, мы видим распространеніе части πολε- на Д. мн., гдѣ вм. πόλισι встрѣчаем форму πόλεσι.

Обратимся к слову χάρις. Мы уже видѣли, что основою этого слова, по ассоціаціи с формальными родичами, является комплекс χαρ-; сходною же частью всѣх падежных форм нашего слова оказывается комплекс χαρι-.

Всѣ формы слова χάρις, кромѣ И. и В. ед. и Д. мн., ассоціируются между собою сходною частью χαριτ-, согласно с нѣкоторыми формальными родичами.

Digitized by Google

χάριτ—ος χάριτ—ος
| |
χάριτ—ι φύλακ—ος
....

Не лишне при этом обратить вниманіе на прилагательное ἐπίχαρις (ἐπι+χαρις), которое образует путем аналогіи свою сравнительную степень (ἐπιχαριτ-ώτερος) от основы положительной степени ἐπιχαριτ-.

Сокращеніе основ имен на -ŭς параллельно разсмотрѣнному нами сокращенію основ имен на -ĭς.

§ 13. Я уже показал в другом мѣстѣ [1]), как звуки предлога абсорбируются (поглощаются) корнем, переходят к корню, через посредство пропорціональной аналогіи.

Здѣсь я только сдѣлаю добавку к своему объясненію.

В русском языкѣ предлоги, оканчивающіеся на согласный, кромѣ этой краткой своей формы, являются еще в полной формѣ, в которой за согласным слѣдует гласный о, напр.

в ‖ во
без ‖ безо
к ‖ ко
.....

Эти предлоги, соединяясь с падежными формами напр. слова „огонь“, начинающагося гласным звуком о, являются в своей краткой формѣ, а при падежных формах напр. слова „вторник“, начинающагося двумя согласными фт, они являются в полном видѣ; напр.

въ-огонь ‖ во-вторник
безъ-огня ‖ безо-вторника
къ-огню ‖ ко-вторнику
.....

Под вліяніем подобнаго сходства и образовались такія формы, как

---

[1]) Изученіе малограмотных написаній, loc. cit., § 22.

Digitized by Google

овторник
овторника
овторнику
.....

В самом дѣлѣ:

вогонь : огонь = вовторник : x
x = овторник
безогня : огня = безовторника : x
x = овторника
и т. д.

§ 14. Абсорпція через посредство пропорціональной аналогіи может происходить и в обратном направленіи.

Примѣром может служить слово

Аршава [1]).

Происхожденіе этого слова можно представить себѣ слѣдующим образом:

вархангельск : архангельск = варшаву [2]) : x
x = аршаву.

15. Абсорпція через посредство пропорціональной аналогіи отличается от абсорпціи фонетическо-морфологической [3])

1) тѣм, что для нея измѣненія фонетическія не составляют необходимости,

2) тѣм, что направленіе ея может быть и регрессивное, и прогрессивное.

---

[1]) Ср. Крушевскій, Об „аналогіи" и „народной этимологіи", Р. Ф. В, 1879, N 3, стр. 116.

[2]) Собственно „в^варшаву" (в͡в ⇄ в).

[3]) Нельзя ли таким образом называть морфологическую абсорпцію, происходящую под вліяніем фонетических измѣненій?

Digitized by Google

Глава III.

Морфологическо-семазіологическая абсорпція.

§ 16. Слово „бывал"—собственно причастіе; в сложной формѣ оно получило значеніе прилагательнаго и затѣм —существительнаго, напр.:

Бывалый человѣк.

Не спрашивай стараго, спрашивай *бывалаго* [1]).

Подобное явленіе мы встрѣчаем в латинском языкѣ. Так, слово sapiens—собственно причастіе от глагола sapio (и благоразумен); кромѣ того, это слово имѣет значеніе имени прилагательнаго (мудрый, благоразумный) и имени существительнаго (мудрец).

Аналогію представляет греческій язык: πιστός—причастіе от глогола πείθω (убѣждаю); это слово имѣет также значеніе прилагательнаго (вѣрный) и существительнаго (οἱ πιστοί).

и т. д.

И так, мы можем подмѣчать законы развитія значенія так же, как можно находить законы, напр., фонетических измѣненій.

В подтвержденіе этого приведу еще нѣкоторые другіе примѣры.

Значеніе необходимости дѣйствія измѣняется въ значеніе дѣйствительности дѣйствія. Скт.

dṛçyáte

сначала означало только „videndus est", а затѣм это значеніе разлилось в „videtur" (т. е. „его дѣйствительно видно"). Оба эти значенія близки между собою: дѣйствіе, которому необходимо совершиться, дѣйствительно совершается и, наоборот, се-

---

[1]) Даль, Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Буслаев, Историческая грамматика русскаго языка[3], § 55 (стр. 109—117)—разсматривается такое измѣненіе значенія причастій.

Digitized by Google

ли дѣйствіе совершается, то оно необходимо. Подобнымъ же образомъ в нѣмецком такія выраженія. как

es ist wahrzunehmen
man kann wahrnehmen,

часто употребляются совершенно в одном и том же значеніи с

es wird wahrgenommen.

Далѣе, в латинском напр. в выраженіи

Superstitione *tollenda* religio non tollitur (Cic. div. II. 72).

gerundivum обозначает не необходимое или возможное дѣйствіе (религія не уничтожается тѣм, что *должно* [*может*] *уничтожаться* суевѣріе), но дѣйствительно совершающееся дѣйствіе (*с уничтоженіем* суевѣрія не уничтожается религія). То же самое слѣдует сказать и про *gerundium* напр. в выраженіи

Dividendo copias periere duces nostri (Liv. XXV. 38) [1]).

Имена с суффиксом -τι- (resp. -σι-) в греческом означают названіе дѣйствія, а далѣе—предмет дѣйствія, напр.

δό-σι-ς

значит 1) даваніе, даренie, 2) то, что́ дается или дарится, — дар. Аналогію представляет русскій языкъ:

питье

означает 1) названіе извѣстнаго дѣйствія, 2) то, что́ пьется—напитокъ. Также:

даяніе

1) даваніе, 2) то, что́ дается—подаяніе. И т. п. [2]).

Уменьшительныя названія предметов с теченіем времени становятся обыкновенными и тогда образуют новыя уменьшительныя имена. Ср. напр. слово

кольцо,

которое по образованію есть уменьшительное от слова „коло“ (круг, колесо), но в настоящее время вовсе не чувствуется как уменьшительное и образует новое уменьшительное имя — „ко

---

[1]) Brugman, Die arische passivbildung mit suffix *-ya-* und die futurparticipia auf *-ya-* (Osthoff und Brugman, Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, I, Leipzig, 1878), p. 200—201.

[2]) Полное собраніе примѣров и на основаніи их обстоятельное разсмотрѣніе переходов значенія могло бы послужить предметом отдѣльных изслѣдованій.

Digitized by Google

лечко" [1]). Подобным образом в ново-греческом языкѣ такія имена, как

χέρι рука,

по образованію уменьшительныя—χέρ-ι(ον), вовсе не имѣют оттѣнка уменьшительности [2]).

§ 17. И. И. Срезневскій обратил вниманіе на слѣдующую сторону в развитіи значенія:

„Многія выраженія, чѣмъ долѣе и болѣе употребляются, тѣмъ легче стягиваются въ одно какъ будто нераздѣлимое слово или даже и теряютъ свою первоначальную стройность, такъ что и принимать ихъ нельзя иначе какъ нераздѣльныя слова. Такъ спасибо вм. спаси Богъ, завтра вм. заутра...."

„Подравнивая по значенію выраженія, составленныя изъ двухъ и болѣе словъ, съ одиночными словами, находимъ, что и очень многія одиночныя слова въ той или другой формѣ, получая въ живой рѣчи особенный оттѣнокъ значенія, употребляются какъ особенныя выраженія, большею частію добавочныя, объяснительныя. Таковы напр. знать.... кажись.... опрометью.... осенью..."

„И эти одиночныя слова-выраженія могутъ такъ же утрачивать свою первоначальную стройность, искалѣчиваться, какъ напр.: дѣ вм. дѣетъ или дѣялъ, молъ вм. молвилъ или молвитъ....."

„Многія изъ выраженій, не только искалѣченныхъ временемъ, но и стройныхъ, не только однословныхъ, но и составленныхъ изъ двухъ и болѣе словъ, многими считаются нераздѣлимыми словами и ставятся въ разрядѣ словъ неизмѣняемыхъ, особенно нарѣчій." [3]).

Описанный процесс, мнѣ кажется, можно назвать мор-

---

[1]) Ср. Буслаев, Историческая грам.[2], стр. 142, пункт 5.

[2]) Vlachos, Elementar-Grammatik der neugriechischen Sprache, Leipzig, 1871, p. 11.

[3]) Замѣчанія объ образованіи словъ изъ выраженій, Записки Академіи Наукъ, XXII, 1873, стр. 246—247.

Digitized by Google

ологическо-семазіологическою [1]) абсорпціей.

Разсмотрим слово

подушка.

Это слово состоит из под + ушка (ср. ухо). Попробуйте объяснить состав этого слова человѣку уже ознакомившемуся со школьною грамматикой, — он удивится и скажет, что это слово ему вовсе не казалось сложным. Слово, первоначально сложное с префиксом, перестало чувствоваться относительно своего состава и начало чувствоваться как простое.

Слово

долой

тоже не чувствуется в своем морфологическом составѣ, а только в цѣлости [2]).

И так, значеніе слова, состоящаго из корня и префикса или из корня и окончанія, первопачально чувствовавшееся не только в цѣлости, но и в составѣ, с теченіем времени может начать чувствоваться только в своей цѣлости, но не в составѣ. Таким образом в языкѣ являются новые корни.

§ 19. Сравнивая фонетическо-морфологическую абсорпцію и морфологическую абсорпцію через посредство пропорціональной аналогіи с абсорпціею морфологическо-семазіологическою, мы замѣчаем то существенное различіе между ними, что в первом случаѣ одна морфологическая единица поглощает сосѣдніе *звуки* другой, значеніе же вновь получающихся морфологических единиц сохраняется прежнее; во втором же случаѣ происходит измѣненіе в *значеніи* — слово перестает пониматься относительно своего состава и понимается только в своей цѣлости.

---

[1]) Семазіологія—ученіе о значеніи.

[2]) Это собственно Д. ед. *долови*, откуда древняя и областная форма *долѣ* (*кур.*). Буслаев, Историческая грамматика[2], стр. 64, 163. Даль, Словарь.

Digitized by Google

При морфологическо-семазіологической абсорпціи *фонетическія измѣненія* не составляют необходимости, как это имѣет мѣсто при абсорпціи фонетическо-морфологической, а также мы не видим и *дѣйствія пропорціональной аналогіи.*

При фонетическо-морфологической абсорпціи и при морфологической абсорпціи через посредство пропорціональной аналогіи одна морфологическая единица отрывает *часть звуков* другой единицы; при абсорпціи же морфологическо-семазіологической морфологическія части цѣликом сливаются одна с другою.

В словѣ „подушка" префикс слился с корнем, а в словѣ „долой" окончаніе слилось с корнем; префикс и окончаніе сливаются с главною частью слова. Если направленіе абсорпціи в первом случаѣ мы обозначим знаком →, то во втором случаѣ мы должны обозначить его, наоборот, посредством ←. Мы видим, что и по направленію этот вид морфологической абсорпціи отличается от двух предъидущих видов.

Теперь мы замѣчаем ошибку в разсужденіи Н. В. Крушевскаго „О морфологической абсорпціи". С примѣром сокращенія основ в пользу окончаній *под вліяніем фонетических измѣненій* он сопоставляет примѣры *морфологическо-семазіологическаго* слитія префиксов с корнем и приходит к выводам о морфологической абсорпціи *под вліяніем фонетических измѣненій.* Чтобы придти к этим выводам, нужно, очевидно, и во втором случаѣ взять примѣры сокращенія префиксов в пользу корней *под вліяніем фонетических измѣненій* (ипр. в-нимать).

§ 20. Слѣдует еще обратить вниманіе на морфологическо-семазіологическое слитіе суффиксов с корнями. Напр., в словах

κοῦφος

χάρις

.....

значеніе корня слилось с значеніем суффикса (-ο-, -ιτ-) в ол-

Digitized by Google

но нераздѣльное цѣлое. С сокращеніем основ в этих словах звуки суффиксов перешли к окончаніям, а новое значеніе корней (=первоначальное значеніе, слившееся с оттѣнком значенія суффикса) связалось с комплексами *хоуф-, хар-*

От этих случаев нѣсколько отличаются такіе, как

дым.

Конечный звук **м** этого слова отражает первоначальный суффикс **-тъ*. Оттѣнок значенія нашего суффикса слился с значеніем корня. Вслѣдствіе сокращенія основы разсматриваемаго слова гласный звук суффикса перешел к окончаніям. Новое значеніе, корня, равное первоначальному значенію, слившемуся с оттѣнком значенія суффикса, должно теперь связаться с комплексом *дым*, соотвѣтствующим по звукам первоначальному корню, да еще части первоначальнаго суффикса, оттѣнившаго (модифицировавшаго) первоначальное значеніе корня. Такіе звуки, как звук *м* в нашем словѣ, являющійся остатком первоначальнаго суффикса, называют *коренными опредѣлителями* (Wurzeldeterminative). И так, то, что называют коренным опредѣлителем, в нашем словѣ есть продукт скрещенія морфологическо-семазіологической и фонетическо-морфологической абсорпціи. А так как значеніе суффикса путем морфологическо-семазіологической абсорпціи слилось с значеніем корня в одно *нераздѣльное* представленіе, то, слѣдовательно, **коренных опредѣлителей, как дѣйствительной, живой морфологической части слов, не существует в языкѣ, в противоположность суффиксам.**

§ 21. Постараюсь увеличить число примѣров морфологическо-семазіологической абсорпціи.

В греческом значеніе нѣкоторых глаголов, сложных с предлогами, слилось в одно нераздѣльное представленіе; поэтому-то аугмент в этих глаголах имѣется не перед простым глаголом, но перед сложным, который принимается за простой, напр. imperfectum от

ἀμφισβητέω (сомнѣваюсь) — ἠμφισβήτουν, καθεύδω

Digitized by Google

(сплю) — ἐκάθευδον (но и καθεῦδον), καθίζω (сижу) — ἐκάθιζον.

Переход значенія нарѣчія в значеніе предлога тоже может служить примѣром морфологическо-семазіологической абсорпціи.

Попробуем объяснить развитіе т. н. совершеннаго вида, напр. формы

наклал.

Можно предположить, что до времени сліянія предлога с глаголом, такіе глаголы не выражали совершеннаго вида; они выражали дѣйствіе, *совершавшееся* в границах, опредѣляемых предлогом. Вслѣдствіе этой опредѣленности, дѣйствіе с теченіем времени стало представляться в своем результатѣ, *совершившимся* в направленіи, указанном предлогом. Совершенно аналогичным образом значеніе формы

накладу,

благодаря той же ограниченности, с теченіем времени стало представляться не как дѣйствіе *совершающееся*, но как такое, которое *совершится* в направленіи, опредѣленном предлогом.

Разсмотрим происхожденіе слова

ὦρος (год).

В этом словѣ -ς есть признак И. ед. Сочетаніе -ρο- можно признать за суффикс. Гуттурное придыханіе в нашем словѣ могло развиться из согласнаго j, развившагося из ι перед гласным. В этом ι можно видѣть тот же корень, что и в глаголѣ

εἶ-μι (иду)
ι-μεν (идем) [1]).

---

[1]) В этих формах звуки корня (ει ‖ ι) находятся в одинаковых условіях, а между тѣм гласный корня в том и другом случаѣ не одинаков. Необходимо предположить, что условія, в которых находится коренной гласный в этих формах, раньше были неодинаковы. Обратимъ вниманіе на

στᾶ-τός ‖ ἵ-στη-μι
δο-τός ‖ δί-δω-μι
θε-τός ‖ τί-θη-μι
.....

Digitized by Google

В гласном же -ω- мы можем видѣть суффикс, с которым, как с ударенным, соединена краткая форма корня. Значеніе первоначальнаго корня и обоих суффиксов слилось в одно нераздѣльное представленіе, и образовался новый корень φρ, в котором первоначальный корень отражается лишь в густом придыханіи [1]).

Едва ли в явленіях такого рода [2]) можно видѣть „перенесеніе центра тяжести слова с одного корня на другой, то-есть, перенесеніе роли главнаго корня на придаточный корень, исполнявшій прежде в данном словѣ второстепенную роль (роль приставки, суффикса или т. п.)" [3]). Никакого перенесенія в таких случаях не происходит; но значеніе корня в словѣ сливается с значеніем придаточных морфологических частей в одно цѣльное, нераздѣльное представленіе, возникает таким образом новый корень, который во времени, правда, может подвергнуться большим измѣненіям.

Форма οἶκοι по образованію есть мѣстный падеж (Locativus), но путем морфологическо-семазіологической абсорпціи она стала частицей („до́ма").

Мы замѣчаем, что в слогѣ, предшествующем ударенному, послѣдовательно имѣется гласный краткій.

Аналогично с этим для формы ἴμεν мы предполагаем первичным удареніе наокончаніи: *ἰμέν. Эту форму мы можем возвести к формѣ *εἰμέν, в которой гласный ε без ударенія исчез. (вообще, в словах гласные неударяемые легче сокращаются, нежели гласные ударяемые).

И так, ι есть краткая форма нашего корня, развившаяся из полной посредством исчезновенія ε.

[1]) Представленное объясненіе происхожденія слова ἆρος не есть несомнѣнное, но только возможное.

Osthoff und Brugman, Morphologische Untersuchungen, I, p. 1—4.

Curtius, Grundzüge[4], p. 357—358.

[2]) См. Бодуэн-де-Куртенэ, Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки, loc. cit., стр. 42—47, гдѣ подробно разсматриваются формы „выну", „вынешь" и т. д.

[3]) Бодуэн-де-Куртенэ, Подробная программа лекцій в 1876—1877 учебном году, Казань, Варшава, 1878, стр. 11.

Digitized by Google

Не лишне еще обратить внимание на развитіе аугмента и греч. и санскритѣ, сложнаго склоненія прилагательных в славянскихъ языкахъ и на сложенія (напр. Вышгород..).

Глава IV.

Вліяніе „народной этимологіи“ на чутье морфологическаго состава слов.

§ 22. Случается слышать произношеніе „небель“ вм. „мебель“.

В словѣ „мебель“ содержится комплекс звуков, совпадающій со звуками русских слов: *бѣль*, *бѣлить* и т. п. Благодаря этому совпаденію, слово „мебель“, будучи услышано, может ассоціироваться со словами „бѣль“, „бѣлить“ и т. п. общею с ними частью — *бель*.

Перед частью *-бель* в словѣ *мебель* имѣется часть *ме-*, для которой в русском языкѣ нѣт тожественной по звукам знаменательной части. Знаменательная часть *не-*, хотя не тожественна, но сходна по звукам. Поэтому она легко может послышаться перед *-бель*, отчего и возникает слово

небель.

И так, слово в том языкѣ, в который заимствуется, может разложиться морфологически иначе, чѣм в языкѣ, из котораго заимствуется. Слова заимствуются не только сообразно звукам и сочетаніям звуков, свойственным тому языку, в который они заимствуются, но также и сообразно с морфологическими частями, имѣющимися в языкѣ заимствующем. И чѣм болѣе эти языки различаются между собою по звукам и их комбинаціям и по морфологическому составу, тѣм с большей неточностью будут восприниматься слова из одного языка в другой.

Digitized by Google

Разсматриваемое явленіе сводится к *автоморфизму* в языкѣ [1]).

Процесс этот совершается также относительно нѣкоторых природных слов языка. Дѣло в том, что нѣкоторыя природныя слова в чутьѣ народа мало по малу становятся безродными.

„Что напр. *finger* происходит от *fangen*, *stall*—от *stellen*, *heu* —от *hauen*, это может быть уже неизвѣстным нѣмецкому народу, между тѣм как происхожденіе слов *fang*, *stelle* и *hieb* от тѣх же самых глаголов чувствуется еще живым [2]).

Слова безродныя, будучи услышаны, могут восприняться не точно, в формѣ иных морфологическихъ частей, существующихъ в языкѣ и по звукам (и по смыслу, если возможно) близко подходящих к этим словам. Так напр. новые Римляне слышали слово *Capitolium* в формѣ своих слов *campo* поле и *oglio* масло, и таким образом возникло слово *Campidoglio* [3]).

Фёрстеман разсмотрѣнный нами процесс назвал *народной этимологіей* [4]) (Volksetymologie), представляя его себѣ слѣдующим образом:

„И необразованному народному уму (не только ученым) свойственно стремленіе уяснять себѣ, в случаѣ неясности и неизвѣстности, происхожденіе слов и их взаимную связь [5])."

„Народ этимологизирует, т. е. стремится сдѣлать для себя ясным происхожденіе своих слов [6])."

„В словѣ „Campidoglio", по моему способу выраженія, высказалась народная этимологія слова „Capitolium" [7])."

Однако нам не случается наблюдать стремленія в народѣ к этимологизированію. Наш процесс сводится не к *стремленію* этимологизировать, но к *необходимости* автоморфичнаго вос-

---

[1]) Ср. Изученіе малограмотных написаній, loc. cit., § 1.

[2]) Förstemann, Ueber deutsche volksetymologie, Zeitschr. f. vergl. Sprachforsch. V, I, 1852, p. 3.

[3]) Förstemann, loc. cit.

[4]) Народная этимологія = народное словопроизводство.

[5]) Förstemann, loc. cit., p. 2—3.

[6]) Ib., p. 2.

[7]) Ib., p. 3.

Digitized by Google

пріятія чуждых народу слов, воспріятія в той формѣ, к которой привык народ (точнѣе — индивидуумы, составляющіе народ) и которая ближе подходит к воспринимаемому слову.

Из сказаннаго вытекают слѣдующія замѣчанія, касающіяся **метода** изслѣдованія разсматриваемаго нами процесса:

1) Изслѣдователь не должен фантазировать, говоря, что такое-то слово в чутьѣ народа имѣет такое-то значеніе, но должен на самом дѣлѣ справляться с народным чутьем.

2) Болѣе точная постановка изслѣдованія народной этимологіи была бы такая. Изслѣдователь должен разсмотрѣть свое собственное произношеніе сравнительно с произношеніем наблюдаемаго субъекта (необразованнаго). В разговорах с послѣдним он употребляет иностранныя слова и замѣчает, в каком видѣ тот их воспринимает.

3) Разсматривая произношеніе „небель", я замѣтил, что *не-* легко могло послышаться вм. *ме-*. В самом дѣлѣ, звуки н' и м' различаются между собою тѣм, что один — передне-язычный, другой же—губной; но их сближает то, что оба они—носовые, мягкіе, а кромѣ того за тѣм и другим слѣдует узкое é.

Подобным же образом случается, что произносят

некрут

вм. рекрут. Звук н'—носовой, недрожащій, звук р'—не носовой, дрожащій; но они оба передне-язычные, мягкіе; вот при каких условіях вм. незнаменательнаго комплекса р'æ мог послышаться знаменательный комплекс н'æ.

Теперь мы легко поймем, что для изслѣдованія народной этимологіи большую важность имѣет изслѣдованіе **ослышек**. Ср. вм. франц. ami послышалось ăн'і (они):

вм. ami—они
гора—кора
дочк—точка
.....

Послѣдовательность в ослышках позволяет добыть за-

Digitized by Google

копы ослышок. Так мы можем предвидѣть, что если в словѣ имѣется и, то вм. этого слова легко может послышаться слово с н; вм. звонкаго согласнаго в словѣ может послышаться соотвѣтствующій глухой и на оборот.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

§ 23. Мы уже видѣли существованіе живой связи между степенью положительною и сравнительною (resp. превосходною).

Попробуем разсмотрѣть такую же связь между нѣкоторыми другими флексійными формами.

Греческіе Dativ'ы на -σι по происхожденію суть Locativ'ы: появленіе -σι вм. -ϭ объясняется вліяніем Locativ'a singularis на -ι [1]). Отсюда мы видим существованіе связи между падежною формою ед. ч. и соотвѣтствующею формою мн. ч.

§ 24. Как объяснить сохраненіе σ между гласными в таких формах, как ἔστασι? Если согласному σ окончанія σαι предшествует согласный звук (напр. πέπλεκσαι, γέγραπσαι), то σ не может исчезнуть. Под вліяніем таких форм perfect'a согласный σ окончанія σαι сохраняется и в настоящем времени [2]).

Однако в так называемом первом спряженіи согласный σ нашего окончанія исчезает: λύῃ (*λύϭαι). Мнѣ кажется, это явленіе находится в связи с тѣм, что в первом спряженіи произошло сокращеніе основ:

λύ—ω
|
λύ—ουσι
|
λύ—ϭαι
.....

Благодаря сокращенію основ, явилось болѣе длинное окончаніе -ϭαι, не вполнѣ совпадающее с окончаніем -σαι perfect'a согласных основ (πέπλεξαι, γέγραφαι), так что послѣднее окончаніе и не способствовало сохраненію σ в окончаніи -ϭαι.

Другое дѣло—второе спряженіе. Основа в этом спряженіи не сократилась:

---

[1]) Meyer G., loc. cit., p. 307.

[2]) Ib., p. 198—199,—приводятся объясненіе и других случаев сохраненія σ между гласными.

Digitized by Google

ἵστα—μαι
|
ἵστα—σαι
|
ἵστα—ται
.....

Окончаніе настоящаго времени -σαι совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ окончаніемъ perfect'a, что и обусловило сохраненіе согласнаго σ въ этомъ окончаніи.

Вообще, дѣйствіе аналогіи слѣдуетъ разсматривать со стороны звуковой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, со стороны близости значенія [1]).

§ 25. В словѣ

βουλή

ου развилось изъ ο (ср. дорич. [2]) βολά). Также:

атт. δῆμος ‖ дор. δᾶμος
„ τοῦς ‖ „ τῶς
.....

Однако не во всѣхъ случаяхъ въ аттическомъ діалектѣ изъ ο развилось ου. Напр. въ такихъ образованіяхъ, какъ

ὠνείδιζον
λέγομεν
δίδωμι
σοφώτερος
.....

ο сохранилось.

Эту особенность я объясняю слѣд. образомъ. Наши формы чувствовались въ связи съ такими, которыя имѣютъ ŏ, т. е. гласный по качеству звука сходный съ ο, отличающійся же отъ ο только тѣмъ, что кратокъ, тогда какъ ο — гласный долгій, а кромѣ того ŏ въ древне-греческомъ вообще не измѣняется въ ĭ. И такъ:

ὠνείδιζον ‖ ὀνειδίζω
λέγομεν ‖ λέγομεν
δίδωμι ‖ δίδομεν
σοφώτερος ‖ κουφότερος
.....

Эта связь и мѣшала въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ долгому ο измѣниться въ ĭ одновременно съ такими словами, какъ βουλή и т. п.

---

[1]) Ср. Изученіе малограмотныхъ написаній, loc. cit., § 29.
[2]) Имѣется въ виду древнѣйшій дорическій діалектъ.

Digitized by Google

§ 26. Как объяснить происхожденіе „взаимнаго" залога? Форма

боремся,

т. е. бором себя, бором друг друга,—совершенно понятна. Но как отвѣтит борющійся, если его спросить — что он дѣлает? Он, без сомнѣнія, отвѣтит:

борюсь.

Появленіе такой формы вызывается соотвѣтствіем форм „возвратнаго" залога, нпр. *моемся* ‖ *моюсь*:

моемся : моюсь = боремся : x

x = борюсь.

И так, формы взаимнаго залога впервые возникли во мн. ч., а затѣм явились и в ед. ч. путем аналогіи.

В поясненіе приведу извѣстный разсказ о том, как ученик пишет родным, чтобы они его взяли на каникулы: „всѣ мои товарищи разъѣхались, позвольте и *мнѣ разъѣхаться*."

§ 27. Попробуем объяснить происхожденіе perfect'ов с аспираціею в греческом.

Если мы будем образовывать нѣкоторыя формы, напр. от глаголов τρέφω и τρέπω, то замѣтим, что нѣкоторыя формы должны образоваться совершенно сходно. Эти формы: fut. act. и med.; aor. I act. и med.; perf., plpf., aor. I. fut. pass. При таком большом сходствѣ, perfectum act. однако должен был бы различаться в наших глаголах: в одном глаголѣ перед -α стояло бы φ, в другом глаголѣ -π—(τέτροφα ‖ τέτροπα). Это различіе мы и встрѣчаем у Гомера. Но затѣм сходство распространилось в на perf. (plpf.) act.:

θρέψω : τρέψω =

= ἔθρεψα : ἔτρεψα =

= τέθραμμαι : τέτραμμαι =

= ἐθρέφθην : ἐτρέφθην =

.....

= τέτροφα : x

x = τέτροφα.

И так, т. н. perfect'ы с аспираціею суть образованія по аналогіи и глаголам, основа которых оканчивается на соотвѣтствующій придыхательный согласный.

§ 28. В санскритѣ *к² перед палятальными гласными отражается в видѣ ε (т. е. ϙ̂), перед непалятальными — в видѣ к (явленіе сходное с чередованіем к ‖ ч в славянских языках). Ср. напр.

Digitized by Google

árcati (°-k²a₁-) свѣтит || arkás (-°k²a₂-) луч, молнія
arcís луч, пламя

úcyati находит удовольствіе || ókas обыкновенное мѣстопребываніе.

Но как объяснить существительное vākjàm рѣчь, не vācjàm? Мнѣ кажется, подобные случаи объяснимы вліяніем таких имен, как arkás, ókas.....

Ср. от корня bhuj пользоваться
bhojyà- (part. fut. pass.) || bhógya- adj. полезный.
..... [1]).

Казань, Август 1881.

В. Богородицкій.

---

[1]) Ср. Ascoli, Vorlesungen über die vergleichende Lautlehre des Sanskrit, des Griechischen und des Lateinischen, übersetzt von Bazzigher und Schweizer-Sidler, Halle, 1872, стр. 32 и сноска 2 на стр. 33.

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО СЛОВ
О НОВѢЙШЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНІИ ЯЗЫКОЗНАНІЯ.

„Il faut inspirer avant tout aux jeunes gens l'esprit scientifique et les initier aux notions, aux tendances des sciences modernes." *(Claude Bernard).*

Зачатки научнаго языкознанія собственно относятся к двадцатым годам текущаго столѣтія. Какъ ни нова, какъ ни молода наша наука, она имѣетъ уже свою исторію и в этой исторіи можно выдѣлить три различныя эпохи.

В первую эпоху, в періодъ дѣятельности Боппа, Потта и ихъ послѣдователей, все вниманіе, всѣ силы „ученых" направлены были в одну сторону, поглощались одною задачею, однимъ стремленіем к интеграціи гетерогенных до того фактов науки. Исходною точкою всѣх разысканій служила тогда (новая еще) мысль о родствѣ языков индоевропейских, убѣжденіе в общем их происхожденіи. Конечно, на первых порах это убѣжденіе было не столько индуктивною истиной, сколько плодом интуиціи, догадкою, апріорическим положеніем. Однакоже, только основываясь на подобном положеніи и можно было перейти от простаго сопоставленія аналогических явленій „родственных" языков к постепенному отожествленію их морфологическаго матеріала, к интеграціи их морфем. Рука об руку с этим интегрующим движеніем в области морфологіи. выработывались в наукѣ критеріумы, необходимые для дальнѣйшаго ея развитія в том-же направленіи. Такими критеріумами слѣдует считать именно открытія в области т. н. „звуковых соотвѣтствій" (Lautverhältnisse).

Digitized by Google

Итак, постепенная интеграція фонем и морфем родственных языков составляет характерную черту первой эпохи исторіи языковѣдѣнія.

И в слѣдующем, втором періодѣ развитія науки о языкѣ преслѣдуются тѣ-же самыя цѣли, замѣчается все тотже процесс интеграціи; но интеграція пріобрѣтает уже другой характер, из неопредѣленной, никогерентной, становится опредѣленною, когерентною. Умы изслѣдователей не довольствуются уже одним общим, неопредѣленным сознаніем первоначальнаго тожества тѣх или других элементов языков индоевропейской семьи; является потребность в приведеніи всего болѣе или менѣе гомогеннаго в области этих языков к извѣстным строго-опредѣленным абстракціям фактов — одним словом, раждается стремленіе возстановить, возоздать недоступный сам по себѣ индоевропейскій праязык, на основаніи доступных нам его отраслей. Первый опыт исполненія этой задачи сдѣлан был Шлейхером и Фиком.

Бо́льшая когеренція интегрующих стремленій Шлейхеровой школы, в сравненіи с школою Боппа, сказалась и в слѣдующих ея чертах:

1. в болѣе опредѣленной формулировкѣ „звуковых соотвѣтствій“ и вмѣстѣ с тѣм болѣе послѣдовательном примѣненіи их к дѣлу [1]).

2. в бо́льшем единствѣ принципа морфологических объясненій:

а) с одной стороны, по Шлейхеру, всѣ суффиксы и флексіи сводятся к „мѣстоименным“ корням, в то время как Бопп признавал за ними и возможность происхожденія от корней „глагольных“ [2]);

---

[1]) *A. Schleicher*, Compendium der vergleich. Grammatik, etc. Weimar. 1876⁴. pp. 15—16 *).

[2]) Ср. напр. взгляды этих ученых на „характер“ Optativ'a (i—ja), на происхожденіе суффикса -tar и т. п.: Bopp, Vergleichende Grammatik etc. Berlin. 1870. II³. 568. 1871. III², 198.—Schleicher, Compendium, 1876⁴. 698. 426—27.

Digitized by Google

б) с другой стороны Шлейхер — вопреки Боппу — допускает первоначальное тождество тѣх и других корней [1]).

3. в анализѣ самих корней, в разложеніи этих недѣлимых, по ученію Боппа, морфологических единиц на элементы болѣе простые и менѣе многочисленные. (Рѣчь идет о теоріи т. н. „коренных опредѣлителей", Wurzeldeterminative, Фика) [2]).

Наконец, интеграція лингвистических познаній подвинулась еще вперед, когда признано было Курціусом тожество морфологических процессов словообразованія и словоизмѣненія [3]). Но, обобщая, интегрируя основные принципы морфологіи, Курціус в тоже время разложил, дезинтегровал, цѣльный до того индоевропейский праязык на ряд послѣдовательных слоев образованія, и эта работа была тѣм важнѣе, что в ней сказалась реакція против общих (методологических) взглядов Шлейхера на язык и языковѣдѣніе.

Начатое Курціусом дѣло успѣшно продолжал В. Шерер [4]): чисто-механическим пріемам Шлейхера (вытекавшим из ложнаго представленія о языкѣ вообще), он проти-

---

[1]) Schleicher, Compendium. 1876⁴. 332. Bopp, Vergl. Gramm. 1868. I³. 197.

[2]) A. Fick, Vergleich. Wörterbuch der indogerm. Sprachen. Göttingen. 1870²=1876. IV². 1—120.

[3]) Zur Chronologie der indogermanisch. Sprachforschung. Leipzig. 1867¹=1873². pp. 72. 73, 74....

Независимо от Курціуса тѣже взгляды высказаны были *А. Людвиком*: „Zwischen wortbildung und fiexion,—говорит он, резюмируя свое ученіе (1865),—besteht keine absolute, ursprüngliche verschiedenheit; letzere ist nur eine weiterentwicklung der ersteren" (Agglutination oder adaptation? Prag. 1873. p. 115).—И вообще, по справедливому замѣчанію *Bergaine* (в Mémoires de la Société de linguistique, Paris. 1875. II. 358), „l'idée de considérer la déclinaison comme un cas particulier de la ‚dérivation est venue à plus d'un linguiste."

[4]) Zur Geschichte der deutschen Sprache, Berlin. 1868¹. =1878². 8°. XXIII. 660.

Digitized by Google

выставил новые научные принципы, основанные на пониманіи языка—с одной стороны, как психо-физіологической функціи (человѣческаго) организма, с другой—как продукта народной культуры. Выработкѣ этих взглядов содѣйствовал, впрочем, не столько сам Шерер, сколько два других изслѣдователя: Штейнталь и Уитней. Никто лучше Штейнталя не вникнул в психическій механизм языка, как индивидуальнаго процесса [1]), никто яснѣе Уитнея не изложил условій существованія и развитія языка, как процесса общественнаго [2]). — Как бы то ни было, нельзя отрицать, что Шерер первый формулировал методологическія слѣдствія новых взглядов на природу языка и рядом с физіологическим принципом измѣненій языка выдвинул вперед психологическій принцип аналогіи и дифференцированія. С Шерера и начинается третій період в исторіи языковѣдѣнія, и мы вправѣ считать его основателем новѣйшаго психологическаго направленія нашей науки. Правда, в одно время с Шерером и совершенно независимо от него, тѣже взгляды проводил и И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, но его монографія [3]), слишком спеціальная для болѣе обширнаго круга читателей, к сожалѣнію, осталась без вліянія и до сих пор еще не оцѣнена по заслугам.

Но в чем-же состояли (новые) взгляды Шерера? [4]).

1. Язык, по Шереру, представляет непрерывную цѣпь

---

[1]) В статьѣ: Assimilation und Attraction в Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. 1860. I. 93–179 и во 2-ой ч. кн. Abriss der Sprachwissenschaft, Berlin 1871[1]=1881[2]. I. 290—487.

[2]) В лекціях, читанных в 1867 г. в Yale-College:
Die Sprachwissenschaft etc. Whitney's Vorlesungen bearbeitet von Dr. *Jolly*. München. 1874. pp. 1—257....
cf. *Whitney*, La vie du langage. Paris. 1875. pp. 1—147...

[3]) Einige Fälle der Wirkung der analogie, etc. в Beiträge zur vergl. Sprachforschung. 1868. VI. 19—88.

[4]) Scherer, Zur Geschichte[2], XIV—XVIII. 26—30.

Digitized by Google

явленій, в которой постоянно чередуются два „противоположных“ процесса—аналогія и дифференцированіе.

2. Аналогія состоит в объединеніи (интеграціи) гетерогенных морфем языка. Необходимым условіем ея проявленія Шерер считает присутствіе в данных формах извѣстнаго общаго признака. Для того напр., чтобы форма *a* могла ассимилировать себѣ форму *b*, *a* и *b* должны обладать общим свойством *x*, которое и отличает их от других, родственных форм языка, так что:

$$a = x + a, \qquad b = x + \beta;$$

перевѣс *a* над *b*, замѣна (вытѣсненіе) $\beta - a$ будет зависѣть (в общем) от большей употребительности первой формы.

Шерер различает два рода аналогіи:

а) Формальную, Formübertragung, (сюда он относит измѣненія в области флексій и суффиксов),

б) радикальную, Wurzelübertragung, о которой, впрочем он не высказывается опредѣленно [1]).

Кромѣ аналогіи и разных видов ея, Шерер допускает в языкѣ еще ряд родственных, но отнюдь не тождественных процессов, между прочим, т. н. ипостазис, т. е. замѣну функціонально различных форм языка друг другом.

3. Дифференцированіе, как процесс „противоположный“ аналогіи состоит в развѣтвленіи (дезинтеграціи) гомогенных морфем языка; при чем однакож дифференцирующіе моменты сами по себѣ не видоизмѣняют еще функціи даннаго слова или формы, и подобная перемѣна является лишь чѣм-то вторичным, добавочным (nachträglich).— Стало быть, теорія дифференцированія свободна от упрека в нѣлесообразности.

Всѣ названные Шерером процессы лучше всего можно наблюдать в новѣйших фазисах „жизни“ языка; но методологическіе принципы, извлеченные из наблюденія послѣдних, слѣдует примѣнять и к изслѣдованіям в доисторичe-

[1]) Op. ibid. pp. XIV. 28. 241. ss.

Digitized by Google

ской области. Этот научный пріемъ Шерер называетъ „проекціею отъ настоящаго къ прошедшему“ (Projection aus der Gegenwart in die Vergangenheit) [1]). Нельзя не замѣтить, что здѣсь онъ опять таки расходится съ Шлейхеромъ, который проводитъ рѣзкую границу между исторической и доисторической „жизнью“ языка, называя первую періодомъ паденія, послѣднюю періодомъ развитія [2]). В связи с этимъ различіемъ взглядовъ и самое представленіе о праязыкѣ у того и другаго изслѣдователя совершенно различны: по Шлейхеру (индоевропейскій) праязыкъ является стройною, законченною системою, чѣм-то неподвижнымъ, безжизненнымъ; Шерер, напротивъ того, допускаетъ в праязыкѣ безконечное (неопредѣленное) разнообразіе и богатство формъ [3]).

Нечего говорить, что при такомъ принципіальномъ различіи взглядовъ, Шерер и по частнымъ вопросамъ науки рѣзко расходится с Шлейхером; скептическія отношенія, в какія онъ сталъ к догматическимъ ученіямъ послѣдняго не остались без вліянія: Шлейхеров авторитет был поколебленъ, стройная система его пошатнулась. С тѣх пор дальнѣйшая реакція противъ ученій Шлейхера и его школы сдѣлалась неизбѣжною. И в самом дѣлѣ, вскорѣ замѣчается уже в наукѣ рѣшительное стремленіе к дезинтеграціи праязыка. Первым и вмѣстѣ с тѣм самым крупным фактом в исторіи дезинтегрующаго движенія является гипотеза Асколи о существованіи в индоевропейском праязыкѣ двух разрядов гортанных согласных [4]). Сдѣлавшись предметомъ многочисленныхъ разысканій [5]), эта гипотеза навела изслѣдова-

---

[1]) Scherer, Zur Geschichte², 59.

[2]) Schleicher, Compendium⁴, 4.

[3]) l. c. 333—34.

[4]) Corsi di Glottologia. I. Fonologia comparata etc. Torino-Firenze. 1870. pp. 29—143. 178—196.

[5]) Перечень относящейся сюда литературы можно найти, между прочимъ,

у *Curtius'a*, Grundzüge der griechischen Etymologie, Leipzig. 1879⁵. pp. 88—88. 739.

и *Pezzi*, Glottologia aria recentissima. Cenni storico-critici. Torino. 1877. pp. 4—17. §§ 1—2.

Digitized by Google

телей на путь к ряду неожиданных открытій, которыя, с одной стороны, произвели окончательный переворот в исторіи индоевропейскаго „вокализма“ [1]), с другой, укрѣпили в умах изслѣдователей вѣру в непреклонность (непарушимость) „звуковых законов“ языка. Чѣм болѣе прививалось это убѣжденіе, тѣм болѣе стала ощущаться потребность в психологическом объясненіи всего, что́ (в языкѣ) непонятно было с точки зрѣнія одной фонетики.

С этою мыслью, формулированной ясно и сознательно, с послѣдовательным примѣненіем ея к дѣлу встрѣчаемся впервый раз в книгѣ А. Лескина „Die Declination im slavisch-litauischen und Germanischen“ [2]).

I. В своем изслѣдованіи Лескин вездѣ исходит из того основнаго принципа, что никогда имѣющіяся в языкѣ морфемы не основываются на исключеніях от дѣйствующих в нем звуковых законов (p. XXVIII).

II. Правда, есть в языкѣ всегда и формы, которых нельзя объяснить фонетически—но их и не слѣдуетъ объяснять таким образом: это т. н. новообразованія (Neubildungen), т. е. формы или созданныя, или видоизмѣненныя путем аналогіи.

Первое из этих положеній Лескин ограничивает оговоркою, что и звуковые законы допускают исключенія, если только под этим именем понимать такіе случаи, в которых ожидаемый фонетическій процесс не имѣет мѣста по извѣстным опредѣленным причинам, гдѣ, стало быть,

---

[1]) Очерк исторіи вопроса см. у *Curtius'a* l. c. 91 — 94. и в трудѣ *F. de Saussure'a*, Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. Leipsick. 1879. pp. 2—5.

Ср. также: *J. Schmidt*, Zwei arische a-laute, в Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung, 1879. XXV. 63.

Интересныя поправки к показаніям этих авторов заключает статья *Бругмана* „Zur beurtheilung der vocale a, o, e.“ в его Morphologische Untersuchungen, 1880. III. 91—96.

[2]) Leipzig. 1876. 8°m. XXIX. 158.

Digitized by Google

вянскіе praesentia 1 sg. на—m [1]) представляют именно такой случай).

Наконец, Остгоф и Бругман полагают, что, изучая языки в древнѣйших фазисах их развитія, изслѣдователь должен примѣнять к дѣлу принцип аналогіи в той же мѣрѣ и даже в **большей** мѣрѣ, чѣм при изученіи новѣйших періодов....

Послѣднее замѣчаніе, однакож, едва-ли основательно. Возраженія против него и вообще критику взглядов Остгофа и Бругмана читатель найдет в статьѣ **Мистели** Lautgesetz und Analogie [2]).

Изложенныя выше мысли Остгоф развил подробнѣе в своей публичной лекціи. Вот содержаніе первой ея части [3]).

Современное языковѣдѣніе строго различает в жизни языка два существенных момента:

I. момент **физіологическій**—измѣненія в области звуков языка, совершающіяся, в одних и тѣх же хронологических и топографическихъ предѣлах, по строго-опредѣленным, **безусловным** законам.

II. момент **психологическій**—измѣненія в области форм языка, обусловленныя вліяніем ассоціаціи представленій, в силу которой сходныя чѣм-либо „морфемы“ все болѣе ассимилируются друг другу.

Всѣ мнимыя уклоненія от звуковых законов объясняются с помощью послѣдняго принципа. Ненарушимость этих законов Остгоф доказывает индуктивным и дедуктивным путем.

1. **Индуктивныя** доказательства Остгофа состоят в слѣдующем:

а) Новѣйшія изслѣдованія в области современных язы-

---

[1]) *Brückner*, Zur Lehre von den Neubildungen, в Archiv für Slavische Philologie. 1878. III. 237—88.

[2]) в Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1880. XI. 365—475. XII. 1—27.

[3]) Das physiolog. Moment in der Formenbildung, 6—22,

Digitized by Google

ков (по преимуществу, по „народным“ говорам) обнаружили непредполагавшуюся до того последовательность фонетических процессов.

б) Во многих случаях ту-же последовательность удалось констатировать, в последнее время, и в области древних языков.

Кажущіяся исключенія были объяснены (удовлетворительно):

α) или спеціальными физіологическими условіями (напр. вліяніем ударенія),

β) или же дѣйствіем психическихъ факторовъ (о чем ниже).

Есть поэтому основаніе полагать, что и в будущем, по мѣрѣ новых научных открытій, предѣлы „случайнаго“ „неправильнаго“ в языкѣ будут все съуживаться, уступая почву „стройному“, „законному“.

с) В пользу такого предположенія говорит, в самом дѣлѣ, исторія языкознанія, показывая, что достовѣрность лингвистическихъ выводов всегда находилась в прямой зависимости от послѣдовательнаго примѣненія звуковых законов. Положительные результаты получены были наукой только в тѣх случаях, гдѣ измѣненія звуков допускались в строго-опредѣленных границах.

2. Но менѣе убѣдительны и дедуктивныя доказательства ненарушимости звуковых законов.

Остгоф находит именно, что послѣдовательность фонетических процессов вытекаст из самой природы языка:

а) в языкѣ отдѣльных индивидуумов она является естественным результатом тожества анатомическихъ и физіологическихъ условій произношенія;

b) в языкѣ цѣлых народов она объясняется:

α) отчасти дѣйствіем біологическихъ причин, м. п. однообразіем климата, что́ в свою очередь обусловливает единство особенностей органов рѣчи;

β) отчасти же дѣйствіем причин соціологическихъ, извѣстною в общественной жизни наклонностью людей к подражанію. Объединяющее вліяніе этой силы в языкѣ—по-

Digitized by Google

сомнѣнно.—В подтвержденіе послѣдней мысли, Остгоф приводит весьма удачную параллель из области письма, именно, тот факт, что индивидуальные почерки в предѣлах одного и того-же народа всегда сохраняют один общій характер, извѣстный тип. Эта параллель была-бы еще убѣдительнѣе, еслибы Остгоф не упустил из виду в данном случаѣ значенія наслѣдственности. Ибо, если вліяніе этого фактора на почерк можно считать доказанным [1]), то, посудите сами, насколько роль его должна быть важнѣе в такой функціи, как произношеніе и рѣчь вообще.

По вопросу о ненарушимости звуковых законов, послѣ Остгофа, высказывались уже и другіе ученые, между прочими, проф. Дельбрюк [2]). И он признает в явленіях фонетических послѣдовательность, но релятивную, не абсолютную.

a) Заключая индуктивно от настоящаго к будущему, он находит (вопреки Остгофу), что нельзя полагать, чтобы когда либо удалось нам вникнуть безусловно во всѣ звуковыя отношенія любаго языка. До сих пор, по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго не сдѣлано...

b) И с точки зрѣнія дедуктивной безусловность звуковых законов кажется Дельбрюку невѣроятною. Абсолютные законы предполагают абсолютное единство языка, которое на дѣлѣ никогда не достигается. Напротив того, во всѣх языках всегда замѣчается борьба двух противоположных сил и стремленій: с одной стороны вы видите в языкѣ стремленіе индивидуумов к эманципаціи, с другой вас поражает нивелирующее давленіе масс на единицы. Одно стремленіе нарушает, другое возстановляет единство языка, но, во всяком случаѣ, единство лишь относительное. И не мудрено! Если так разсуждать, даже язык отдѣльных индивидуумов явится вполнѣ послѣдовательным

---

[1]) *Th. Ribot*, L' hérédité, étude psychologique, Paris. 1873[1]. p. 13—1881[2].

[2]) Einleitung in das Sprachstudium. Ein Beitrag zur Methodik der Sprachforschung. Leipsig. 1880. pp. 101—128.

Digitized by Google

только in potentia, в среднем выводѣ в извѣстный опредѣленный моментъ (in Momentandurchschnitt). Да и то еще пришлось бы тогда выдѣлить из языка все наносное (заимствованное) и все, что обусловлено дѣйствіем психическихъ факторов... Но за подобными тонкостями в нашей (эмпирической) наукѣ гоняться нечего. Для нас вполнѣ достаточно, если мы можем быть увѣрены в том, что в языкѣ извѣстной опредѣленной группы индивидуумов, в извѣстное опредѣленное время, одни и тѣже звуки, при тождественных условіях, непремѣнно подвергаются одним и тѣмже измѣненіям. Никто лучше Г. Пауля не выяснил причин этого явленія [1]). Соображенія его основаны на общих условіях произношенія. В произношеніи-же он различает, кромѣ движенія органов рѣчи, еще два других момента:

1. ощущенія, которыми сопровождаются движенія органов при произношеніи — чутье движенія (bewegungsgefühl);

2. слуховыя ощущенія (lautempfindungen).

И тѣ и другія, при естественных условіях, перцепціи безсознательныя; но это, разумѣется, не исключает вовсе возможности контроля над звуками и созвучіями, которыя мы слышим или произносим. Напротив того, контроль подобный существует, и пусть только произойдет существенное уклоненіе в произношеніи от обычной нормы, оно непремѣнно будет замѣчено. Но уклоненіе, говорю, должно быть существенное, ибо, в то время как возможность видоизмѣненій произношенія безконечна, наши способности перцепировать (сознательно) эти различія имѣют свои предѣлы. Итак, если в языкѣ со временем происходят значительныя перемѣны в произношеніи, не будучи замѣчены никѣм из говорящих, то потому только, что онѣ совершаются медленно, по безконечно малым толчкам и что каждое, ничтожнѣйшее даже уклоненіе произношенія от нормы сопровождается соотвѣтственною, но незамѣтною для нас перемѣною и чутья движенія и слухового ощущенія. Само

[1]) Principien der Sprachgeschichte, 40—60.

Digitized by Google

собою, что, послѣ каждой перемѣны этих моментов, фонетическій процесс может опять возобновиться и опять ускользнет от вниманія говорящих. Один и тот же язык, который является гетерогенным, если вы наблюдаете его в значительные промежутки времени, покажется вполнѣ гомогенным, если вы станете разсматривать его в промежутки времени малые. То что̀ вѣрно о перемѣнах звуков во времени, касается, конечно, и перемѣн звуков в пространствѣ. Взгляните на язык любаго народа в извѣстное опредѣленное время: несмотря на всю свою гетерогенность на значительном пространствѣ, на пространствѣ ограниченном—он непремѣнно будет гомогенен. — Иначе и быть не может:

I. Окружающая среда непремѣнно вліяет на наше произношеніе: мы слышим произношеніе других, приноровляем к нему свое, и таким образом новыя слуховыя ощущенія, которыя мы получили извнѣ, (косвенно) видоизмѣняют наше прежнее „чутье движенія“, приспособляя нас, наравнѣ с другими, к воспріятію новых перемѣн в звуковом строѣ языка, без обращенія на них вниманія. Одним словом, в группѣ индивидуумов, которые часто соприкасаются друг с другом, возникновеніе рѣзких различій произношенія просто немыслимо.

II. Но и независимо от вліянія общества (среды), в языкѣ индивидуумов, принадлежащих к нему, есть уже задатки единства произношенія. И этих задатков, по мнѣнію Пауля, слѣдует искать,

a) не столько в одинаковом у всѣх „устройствѣ“ органов рѣчи;

b) сколько в двух других факторах, которые уклоняют произношеніе от нормы у всѣх индивидуумов в одну и ту-же сторону. Эти факторы:

1. тожество ударенія,

2. тожество т. н. „безразличнаго уложенія органов рѣчи“ (Indifferenzlage, Normalstand).

На значеніе послѣдняго фактора для фонетики, на

Digitized by Google

сколько я знаю, впервые указал В. Шерер [1]; при чем Шерер имѣл в виду не пассивное уложеніе органов во время спокойствія, по **активное**, т. е. такое уложеніе, какое чаще всего свойственно органам даннаго народа во время рѣчи. Разумѣется, это „уложеніе“ в различных языках и говорах бывает различно. — Уложеніем говорильных органов опредѣляется **общій ход** фонетических процессов в языкѣ, тѣ **общія стремленія**, которыя замѣчаем в его исторіи... Мы вправѣ сказать, что устойчивость звуков и созвучій даннаго языка **обратно-пропорціональна** их удаленію от точки **безразличія** (инерціи) органов. К этой **точкѣ** направлены и **спонтанеическія** и **комбинаторныя** перемѣны звуков; линія, по которой они движутся, есть вмѣстѣ с тѣм и **линія меньшаго сопротивленія**. И здѣсь мы имѣем дѣло с **чисто-механическим** явленіем, с тою аксіомою физіологіи, что нервная волна прежде всего разряжается по путям болѣе „изъѣзженным“, гдѣ сила сопротивленія сравнительно незначительна... Прибѣгать к объясненію фонетических процессов с помощью „стремленія к **облегченію** произношенія“ нам незачѣм; в основѣ подобнаго пріема лежит вѣдь принцип т. н. „экономіи природы“, **сбереженія сил** — принцип **телеологическій**, стало быть, **ненаучный**... Прогрессивные изслѣдователи языка час от часу все болѣе убѣждаются в этом, и ряды поборников пресловутой „категоріи“ становятся все рѣже. Если не ошибаюсь, гипотеза о „стремленіи к облегченію произношенія, в современной наукѣ только толерируется, доживает свой вѣк [2].

---

[1]) Zur Geschichte², 32—35.

[2]) Характерны в этом отношеніи слова *Зиверса*: „Schon diese wenigen Beispile genügen um zu zeigen, dass der Begriff der Erleichterung der Aussprache, *wenn er überhaupt weiter bewahrt werden soll*, sehr relativ gefasst werden muss“. Grundzüge der Lautphysiologie (Phonetik). Leipzig. 1876¹. p. 126= 1881². p. 197.

По *Grützner'y*, Physiologie der Stimme und Sprache (в Hermann's Handbuch der Physiologie, II. 2.), Leipzig. 1879.

Digitized by Google

Но я уклоняюсь от предмета.

Мы видѣли выше, что и Пауль, подобно Остгофу, высказывается в пользу безусловной послѣдовательности звуковых законов. Совершенно иначе, по его мнѣнію, представляется в языкѣ дѣйствіе психических факторов или, как он выражается, „групп представленій, имѣющих отношеніе к языку“ (Wirksamkeit der auf die Sprache bezüglichen Vorstellungsgruppen [1]). Под этим именем нужно разумѣть всѣ вообще ассоціаціи представленій, соотвѣтствующих фактам и категоріям языка. Есть два рода подобных групп:

А.) группы объективныя, которыя отражают только существующія уже отношенія языка.

В.) группы субъективныя, которыя впервые образуются в „душѣ“ говорящих — путем (вторичной) ассоціаціи представленій.

На возбужденіи объективных групп основана простая репродукція рѣчи; продуктивная же дѣятельность в этой области зависит от участія групп субъективных. Разумѣется, строгое разграниченіе между дѣйствіем тѣх и других групп представленій в языкѣ подчас невозможно. Как трудно сказать нпр. воспроизводит-ли говорящій в данный момент слышанное раньше слово или форму, или-же спонтанечески создает их на основаніи групп представленій, которыя есть у него в „душѣ“!...

Рождается вопрос: каковы свойства этих групп? Отвѣт: наши группы представляют:

a) или простые ряды, серіи представленій, нпр.

bord — aborder — abord
cord — accorder — accord
dos — adosser — ados.

b) или-же параллельныя (аналогичныя) отношенія, пропорціи, нпр.

---

p. 227, гипотезу, о которой идет рѣчь, впервые высказал Kempelen (1791).

[1]) Principien, 61—77.

Digitized by Google

vif : vive = bref : brève
cheval : chevaux = animal : animaux
chantons : chantez = chantions : chanticz.

На серіях основывается чутье этимологической связи слов, на пропорціях чутье для систем словообразованія и словоизмѣненій. И в самом дѣлѣ, каждый раз, когда создается в языкѣ новое слово, новая форма, в чемже состоит дѣятельность говорящих, если не в рѣшеніи пропорціи, в нахожденіи четвертаго пропорціональнаго к трем данным?...

Самая группировка представленій основывается на внѣшнем (матеріальном) или внутреннем (функціональном) сходствѣ, или тожествѣ элементов языка. В большинствѣ случаев это сходство (тожество) ассоцирующихся элементов языка совпадает с настоящею их гомогенностью, с этимологическим их родством; нерѣдко однакож оно является результатом случайнаго, вторичнаго совпаденія (сближенія) элементов первоначально гетерогенных. Подобное же совпаденіе, в свою очередь, обусловливается:

a) с одной стороны—фонетическою порчею языка (перерожденіем звуков);

b) с другой—(существенными) перемѣнами в области значенія слов или форм языка.

Тѣ же самые факторы, дѣйствуя на элементы гомогенные затемняют их этимологическую связь, вырывают их из морфологических систем, которым они принадлежали, одним словом, изолируют их.

И в том и в другом случаѣ мы имѣем дѣло с дезорганизаціею групп представленій, существовавших в „умѣ“ носителей даннаго языка; и в том и другом случаѣ за дезорганизаціею непремѣнно слѣдует реорганизація. Реорганизирующей силою является в этом случаѣ аналогія [1]):

Пауль различает два рода аналогіи [2]): матеріальную

---

[1]) Principien, 78—100.
[2]) Ibidem, 100—130.

Digitized by Google

(stoffliche) и формальную (formale). Эта классификація принята также Остгофом [1]).

Подъ категорію **матеріальной** аналогіи подходятъ всѣ случаи, гдѣ **общимъ признакомъ** являются основы и корни словъ или формы языка. Если же общій признакъ лежитъ въ **функціи**, въ значеніи формъ, другими словами, если аналогія основана на тожествѣ грамматическихъ „категорій", то ее называютъ **формальною**.

Наглядный примѣръ **матеріальной** аналогіи представляютъ случаи спряженія с **градаціею** (stammabstufende conjugation) во французскомъ [2]):

Даны, положимъ, латинскіе Conjuctiv'ы praesentis:

fáciam	faciámus	lúccam	luccámus
fácias	faciátis	lúccas	luccátis
fáciat		lúceat	
fáciant		lúceant	

По звуковымъ законамъ, лат. *c* (ci, ce) въ серединѣ словъ, между гласными, **передъ удареніемъ** переходитъ во франц. яз. въ звучное *z* (s), **послѣ ударенія** — въ беззвучное *s* (ç, ss). Стало быть, мы должны ожидать во франц. слѣдующихъ **рефлексовъ**:

face	*fasions	*luicc	luisions
faces	*fasiez	*luiccs	luisier
face(t)		*luicet	
facent		*luicent	

Если-же, на дѣлѣ, являются формы:

fasse	fassions	luise	luisions
fasses	fassiez	luises	luisiez
fasse		luise	
fassent		luisent	

то это объясняется вліяніемъ **аналогіи**: въ одномъ случаѣ перевѣсъ при ассимиляціи получили формы Sing., въ другомъ — формы Pluralis.

---

[1]) Das psycholog. Moment in der Formenbildung, 22—46.

[2]) Dr. *Neumann*, Zur Laut- und Flexionslehre der Altfranzösischen. Heilbronn. 1878. pp. 83—88.

Digitized by Google

Возьмем, далѣе — Praesens Indicat. глаголов: amare и levare:

ámo	amámus	lévo	levámus
ámas	amátis	lévas	levátis
ámat		lévat	
ámant		lévant	

фонетическим путем получились отсюда в древне-французском яз. рефлексы:

aim(e)	amons	lieve	levons
aimes	amez	lieves	levez
aime(t)		lieve(t)	
aiment		lievent	

В новѣйшее время, с одной стороны, формы с *a* вытѣснены в силу аналогіи формами с *ai*, с другой, наоборот, формы с *ie* уступили мѣста формам с *e*. Стало быть:

aimons	lève
aimez	lèves
	lève
	lèvent.

Вот еще один примѣр, в родѣ предыдущих [1]). Нормальные рефлексы латинскаго (Praes. Ind.):

adjúto	adjutámus
adjútas	adjutátis
adjútat	
adjútant	

должны звучать (и в самом дѣлѣ звучали прежде):

в итальян. яз.		во французском:	
ajúto	aĭtámo	ajút	aĭdóns
ajúti	aĭtáte	ajúdes	aĭdéz
ajúta		ajúde	
ajútano		ajúdent	

В итальянском яз. развились отсюда два образца спряж.: по аналогіи к ед. ч. ajúto... создано мн. ajutámo ajutáte и наоборот, к 1, 2 л. мн. (aĭtámo, aĭtáte) приурочено ед.

---

[1]) *Othof*. Das Verbum in der Nominalcomposition im romanischen, etc. Jena. 1878. pp. 266—67 [2]).

Digitized by Google

aíto, aíti, aíta... и 3 мн. aítano. — Во французском удержались только „слабыя“ формы (с неударенною основою); слѣд.,

aide (др. ait), по аналогіи с: aidóns
aides aidéz
aide
aident

Вездѣ в предыдущем дѣйствію аналогіи подверглись различныя формы одного и того же слова; но нерѣдко нивелирующее ея вліяніе сказывается и на различных словах, этимологически родственных.

Есть звуковой закон, по которому романское ударенное *ó* (из лат. ō или ū) — при извѣстных условіях — переходит во франц. в *eu* [1]). Уклоненія от этого закона, по видимому, — многочисленны; но их не трудно объяснить аналогіею. Если напр. вм. ожидаемой формы *ameur (=amorem; ср. sueur, chaleur, honneur = sudorem, calorem, honorem) находим во французск. amour, то по тому только, что *ameur ассимилировалось др.-фр. словам: amourer, amoureus, amourete и прч. В других существительных на -eur, *eu* удержалось, ибо ни одно из них не подверглось столь сильной аттракціи родственных форм с *ou*, как amour [2]). — Встрѣчаются и обратные случаи, в коих активным (апперцепирующим) моментом являются именно сущ. на -eur, напр. chaleur, p(e)eur, и подчиняют себѣ форму прилагательных: chaleureux, p(e)eureux = *chaloureux, *p(e)oureux.

Я нарочно подобрал примѣры, гдѣ вліяніе аналогіи проявляется в двух различных направленіях, чтобы обратить вниманіе читателей на неуловимость психических процессов языка, в сравненіи с строгою послѣдовательностью процессов физіологических...

---

[1]) *G. Paris*, Phonétique française: o fermé, в Romania, recueil trimestriel etc., 1881. X. 38—54.

[2]) Ibidem. 44—46.

Digitized by Google

Перехожу к примѣрам аналогіи формальной. Ради краткости ограничусь однимъ случаемъ.

В классическом латинском языкѣ, как извѣстно, лишь немногіе глаголы типа acuo—ui, minuo—ui, tribuo—ui образуют Participia perfecti на -utus: acutus, minutus, tributus.... В средневѣковой латыни, напротив того, ок. -utus распространилось путем аналогіи и на другія гл. с perfect'ом -ui (-ui служило здѣсь „общим" признаком, Verbindungsmerkmal). Отсюда, рядом с Perfect'ами:

tenui являются Particia (perf.)	tenutus
debui	debutus
habui	habutus
recipui	reciputus
volui	volutus
parui	parutus,

которым соотвѣтствуют романскія формы:

итал.	tenuto	франц.	tenu	румын.	ţinut
	dovuto		du		.....
	avuto		eu		avut
	ricevuto		reçu		....
	voluto		voulu		vrut
	paruto		paru		părut

Разумѣется, и формы, как:

итал.	perduto	франц.	perdu	румын.	perdut
	venduto		vendu		vindut
	veduto		vu		vezut
	venuto		venu		....

предполагают существованіе средне-вѣковых латинских part. perf. на -utus [1]), несмотря на отсутствіе perfect'ов на -ui... Но развѣ возможна аналогія без общаго (связывающаго) момента? — Нѣт, но здѣсь отсутствіе его только кажущееся. И в самом дѣлѣ,

1) гдѣ praesentia глаголов оканчивались на *-eo* (напр.

---

[1]) *F. Diez.* Grammatik der Romanischen Sprachen. Bonn. 1871³. II. 133—34.

Digitized by Google

video), там и без perfect'ов на *-ui* образованіе part. perf. на -utus вполнѣ понятно:
tribui (tribuo) : tributus=tenui (teneo) : tenutus.... (1)
teneo (tenui) : tenutus=video (vidi) : *vidutus.... (2)

2) С другой стороны, рядом с perfect'ами на *-ui* в позднѣйшей латыни все болѣе распространялись и формы на -i resp. si [1]). Эти параллельныя формы на i при ui могли:

a) или дать толчок к образованію параллельных форм на *ui* при основных на *i*. (Относительно *veni* напр. такое предположеніе оправдывается провансальским vinc=*vĕnui и древне-испанским vieno=vĕnuit)

b) или же просто обусловить непосредственную ассоціацію part. на utus с perfect'ами на i (si).

Всѣ случаи формальной аналогіи, подобно предыдущим, подходят (в сущности) под формулу **пропорціи**; стало быть, ее можно назвать (также) **аналогіею пропорціональною** [2]), сохраняя для аналогіи матеріальной названіе **серіальной**, Reihenanalogie.

Послѣдній термин, Reihenanalogie, употреблен недавно J. Baunack'ом [3]) в другом, болѣе ограниченном смыслѣ. Он примѣняет его к случаям (морфологической) **ассимиляціи**, какіе замѣчаются между „сосѣдними“ числительными. Ассимиляція здѣсь, как и в области звуков, может быть,

a) или **прогрессивная**, когда уподобленіе совершается по направленію от меньших чисел к бо́льшим, напр. в средне-вѣковом латинском octuaginta (=octoginta) —по аналогіи с septuaginta; pendant к этому находим и

---

[1]) Ср. новѣйшія показанія по этому вопросу в статьѣ *L. Stünkel'я* в Zeitschrift für romanische Philologie (von Dr. Gröber). 1881. V. 47—49.

[2]) Osthoff, Morpholog. Untersuchungen, 1879. II. 141—43.

[3]) Formassociation bei den numeralien, в Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung. 1880. XXV. (V). 225—236...

Digitized by Google

в романских яз: в испан. octuagesimo (ср. septuagesimo) и итал. ottuagesimo (ср. settuagesimo).

b) или **регрессивная**, когда послѣдующія (бо́льшія) числа вліяют на предшествующія (меньшія)

c) или, наконец, двухсторонняя, **билатеральная**. Послѣдній случай имѣет мѣсто напр. в средне-вѣковой латинской формѣ octember (= october), в которой сказалось прогрессивное вліяніе september и регрессивное november, december [1]).

Весьма замѣчателен и другой вид аналогіи, на который обратил вниманіе J. Baunack, именно: аналогія **коррелятивная**. Ея вліянію подвергаются:

a) или **гетерогенные** члены одного и того же ряда (серіи), напр. итал. millanta, по аналогіи с quaranta, cinquanta, sessanta, ottanta (=*octonta), novanta.

b) или же **гомогенные** члены разных рядов (серій), напр. позднѣйшее латин. ducenteni при ducenti и duceni, итал quadragesimo и quarantesimo (ср. quaranta), испан. quinquagesimo и cinqüentesimo (ср. ciqüenta)...

Коррелятивная аналогія имѣет обширное примѣненіе и внѣ числительных: чаще всего ассимилируются друг другу слова, употребляемыя чтами, попарно. Так напр. народное лат.

senexter (=sinister) приноровлено к dexter [2])
grevis (=gravis)..... к levis [3])

Сюда-же относится, напр. [4])
итал. puoli вм. puoi (можешь) ради vuoli при vuoi (хочешь); puole вм. può (может) ради vuole (хочет).

---

[1]) *Michaëlis* (Carolina), Studien zur Romanischen Wortschöpfung. Leipzig. 1875. p. 36.

[2]) Ibid. 35.

[3]) *Diez*, Etymologisches Wörterbuch der Romanischen Sprachen, 1878⁴. p. 173. s. v.

[4]) *Misteli*, Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. 1880. XI. 461.

Digitized by Google

Замѣчательный случай вліянія коррелятивной аналогіи на грамматическія категоріи представляетъ

итал. egli-no (они) : egli (онъ) = canti-no : canti- (Conj. praes.).

Но послѣднія замѣчанія прервали нашъ обзоръ Паулевыхъ взглядовъ на аналогію... Свое подраздѣленіе аналогіи (на матеріяльную и формальную) Пауль справедливо считаетъ лишь относительнымъ и искуственнымъ; на дѣлѣ, в жизни языка два вида аналогіи, которые онъ различаетъ, чаще всего дѣйствуютъ не порознь, а вмѣстѣ [1]).

С аналогіею Пауль отожествляетъ и два другихъ процесса языка: „народное словопроизводство" и „морфологическую абсорпцію" [2]).

А. Заслуга открытія народнаго словопроизводства (Volksetymologie) принадлежитъ, какъ извѣстно, Фёрстеману [3]); всѣ виды народной этимологіи, которые различаютъ теперь в наукѣ, извѣстны были уже и Фёрстеману, хотя у него и нѣтъ еще опредѣленной ихъ классификаціи, какую пытались провести в послѣднее время Андрезен—в Германіи [4]) и Dr. И. Карловичъ — в Польшѣ [5]). Класификація послѣдняго мнѣ кажется самою лучшею, но ее слѣдуетъ развить и дополнить.

Народное словопроизводство состоитъ вообще в сближеніи (ассоціаціи) слов этимологически гетерогенныхъ, при чемъ слова ассоцируются:

а) или вслѣдствіе ложной перцепціи ихъ формы— это т. н. ассонація (приноровленіе чисто-внѣшнее);

b) или же вслѣдствіе ложной апперцепціи ихъ фук-

---

[1]) Principien. 92. 121—23.

[2]) Ibidem. 98. 119—120.

[3]) Ueber deutsche Volksetymologie, в Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung. 1852. I. 1—25.

[4]) Ueber deutsche Volksetymologie, Heilbronn. 1878². p. 4.

[5]) Słoworód Ludowy (Odbitka z „Dwutygodnika Naukowego", I. NN. 15—20). Kraków. 1878. 8°. 49.

Digitized by Google

ціи, значенія — это т. н. **адидсаціа** (приноровленіе внутреннее)

с) или, наконец, ассоціація (форм) обусловливается участіем того и другого момента. Этот вид народнаго словопроизводства назовем **аррадикаціею**.

Как примѣр „ассоціаціи“ можно привести искаженіе древне-франц. verte-grez (=*verte aigret) мѣдянка в vert-de-gris [1]), или же отожествленіе второй части выраженія „vau (val) de Vire“ („долина Вира“, рѣченка в Нормандіи, гдѣ в XIV ст. дано было начало „водевилям“) с ville, откуда (безсмысленное) слово „vaudeville“ [2]).

Случаи „адидсаціи“ имѣем: [3])

в vilain (=лат. villanus), соб. „житель деревни“, затѣм „грубый“ и наконец—под вліяніем vil (=vilis)—„низкій, подлый, скверный“.

в surplis (*surpelis=superpelliciun), которое чувствуется сложным из sur и pli,

в выраженіях: chevalier errant, juif errant, гдѣ errant (ложно) принимается в смыслѣ „блуждающій“ (errer =errare) вм. „путешествующій“: errer=дрор. edrar, лат. iterare.

в словах: bonheur, malheur, коих вторая часть вопреки происхожденію (от eur=augurium) — тождественна для чутья языка с heure=hora.

Наконец, под категорію „аррадикаціи“ подходят м. н. случаи: [4])

древне-франц. calfatrer „конопатить“ (=calfater, нѣм. kalfatern) смѣнено формою calfeutrer, под вліяніем feutre „шесть, волос (для набивки)“,

---

[1]) Замѣчательно, что древняя форма verte-grez чувствовалась (нѣкоторыми индивидуами XIV в.) = vert de Grèce. *E. Littré* Dictionnaire de la langue française. Supplément. Paris. 1881. p. 344°. s. v.

[2]) Andresen, l. c. 26.

[3]) Ibidem. 25. 26. 28—29.

[4]) Andresen, l. c. 27. 26—28.

Digitized by Google

средне-вѣковое лат. arangia „апельсинъ“ во франц. яз. является в видѣ orange (*arange), благодаря приноровленію начальнаго слога к *or* „золото“,

нѣм. sauerkraut, соб. діалектическая форма sûrkrût, остроумно разложена чутьем народа на chou croûte.

В courte-pointe „стеганое одѣяло“ — courte не имѣет ничего общаго с court „краткій“ и представляет искаженіе древняго (непонятнаго народу) coulte = culcita (puncta).

toute fois развилось из древне-франц. toutes voies (ср. итал. tutta via), благодаря внѣшней и внутренней близости слов voie и fois.

Замѣчательный примѣр „народнаго словопроизводства“ сообщает Виктор Гюго: надпись на одной старинной башнѣ в Парижѣ (la Tour Rolland) „Tu, ora!“ народ читал: Trou-aux-rats [1]).

Во всѣх этих случаях вліяніе народнаго словопроизводства сказалось и в живой рѣчи (фонетически) и на письмѣ (графически). Но иногда видоизмѣняется одно лишь написаніе слова; ср. agace „сорока“ вм. и рядом с agasse (нѣм. Elster) при гл. agacer „irriter, provoquer“.

Предыдущія обобщенія и подраздѣленія можно изобразить в слѣд. таблицѣ:

Ложная

A. Перцепція слов	B. Апперцепція слов
‖	‖
I. Ассоціація	II. Аддеація
пассивная	активная	пассивная
‖	
III. Аррадикація.	
a. фонетическая	b. графическая

B. Что касается морфологической абсорпціи,

[1]) Notre-Dame de Paris. Paris. 1873. I. 296.

Digitized by Google

то первый (сознательный) намек на нее находим у И. А. Бодуэна-де-Куртенэ [1]); мысль казанскаго профессора самостоятельно развил впослѣдствіи его слушатель г. Н. Крушевскій [2]); независимо от этих ученых, тѣже почти взгляды проводили в своих изслѣдованіях: проф. Остгоф в Германіи [3]) и А. Дармстетер во Франціи [4]). Мои личныя воззрѣнія на этот предмет уклоняются кое в чем от мнѣній названных изслѣдователей.

По моему, **морфологическая абсорпція** состоит в том, что звуки одной морфемы поглощаются, **интегрируются** другою, сосѣднею морфемою—предшествующею или послѣдующею.

В первом случаѣ абсорпція будет **прогрессивная** и абсорбирующим элементом является **тема** или **префикс**; во втором, напротив того, она будет **регрессивная**, и здѣсь роль активная (поглащающая) принадлежит также темѣ, или же **суффиксу** (resp. флексіи).

Примѣром регрессивной абсорпціи, на сколько абсорбирующим элементом являются **флексіи** может служить „сокращеніе“ гласных основ индоевропейскаго пра-языка, переход их в основы согласныя в „новѣйших языках нашей семьи“.

В слѣдующих случаях имѣем дѣло уже с (настоящею) **суффиксальною** абсорпціею:

От сущ. forgeur, bûcher образуются (во франц. яз.)

---

[1]) Einige Fälle der Wirkung der Analogie, в Beiträge zur vergleich. Sprachforschung, 1868. VI. 19.

Рецензія на кн. Лескина „Handbuch des Altbulgarischen“, о. о. из Журнала Мин. Нар. Просвѣщ. 1876. стр. 7—8.

[2]) Лингвистическія замѣтки (о. о. из Филол. Вѣсти. IV. 53—62). Варшава. 1880. стр. 21—30.

[3]) Forschungen im Gebiete der indogermanischen Stammbildung. Jena. 1876. II. 165—66.

Das Verbum in der Nominalcomposition, 41—43, 97—100. Термин „абсорпція“ извѣстен был уже Гримму. (p. 41.).

[4]) De la création actuelle de mots nouveaux dans la langue française, Paris. 1877. pp. 69—78.

Digitized by Google

производныя: forger-on, bûcher-on; но стоящія в языкѣ рядом с forgeur. bûcher формы forge и bûche вырабатывают в народѣ (ложное) чутье насчет этимологическаго состава слов forgeron, bûcheron: -er- отдѣляется от „основы“ и поглощается „суффиксом“ -on. Таким образом, в языкѣ раждается новый суффикс -eron и создается ряд новых слов, как moucheron (mouche), puceron (puce)... [1]).

Совершенно тот-же процесс повторяется в исторіи слов: cailloutage, cloutier (производных от древ. caillot, clouet). С одной стороны—древнее caillot было смѣнено caillou и прежняя форма caillotage (от caillot)—в силу аналогіи—измѣнилась в cailloutage; с другой—рядом с словом clouet, мало-извѣстным, находим в языкѣ другое, болѣе употребительное—clou. Ни caillou, ни clou *t* не имѣют; разумѣется, оно (это *t*) должно было чувствоваться чѣмто чуждым „основѣ“ и в формах caillou/age, clou/ier и, слѣдовательно, должно было примкнуть к суффиксу. Непосредственным результатом этой абсорпціи основнаго *t* суффиксами -age, -ier были новообразованія, в родѣ: filou-tage, filou-tier (от filou), bijou-tier (от bijou) и т. д. [2]).

Обратное явленіе—абсорпцію суффикса темою замѣчаем в слѣдующем случаѣ. В латинских словах на -tura, -tor, звук *t* принадлежал суффиксу (na-tura, pic-tura, doc-tor, salva-tor.....); в романских языках *t* „отнесено“ к основѣ, и суффиксами чувствуются только слоги -ura, -or (resp. их рефлексы): nat-ure, peint-ure, doct-eur [3]). Это объясняется реакціею, какой чутье языка подверглось со стороны форм типа: arm-ure (armatura) buv-eur (bibitor), sav-eur (salvator)....

Нерѣдко тема поглощает и предшествующую ей морфему, префикс. Это случается вездѣ, гдѣ, вслѣдствіе забвенія этимологическаго состава слова, форма сложная

---

[1]) Darmesteter, l. c. 72.
[2]) Ibid. 73—75.
[3]) Darmesteter, l. c. 77[3].

Digitized by Google

(с предлогом) чувствуется простой. Ср. франц. souffrir, offrir = срв. лат. *suf-ferire, *of-ferire (suf-ferre, of-ferre).

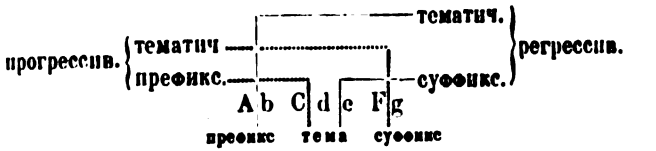
Как образчик абсорпціи прогрессивной, гдѣ активная роль принадлежит префиксу, можно привести формы рус. подчивать и старо-поль. podkać, в коих начальный слог (под-, pod-) чувствуется предлогом, вопреки этимологіи слов:

под-чивать=потчивать=поччивать=*по-чьт-ивать

pod-kać=potkać=po-tkać=*po-tska-ti.

Разные виды абсорпціи, их классификацію, можно представить схематически так:

Абсорпція:



Рядом с морфологическою абсорпціею находим в языкѣ и противоположное явленіе —

морфологическую секрецію,

которая состоит в том, что из одной (относительно) цѣльной морфемы яз. выдѣляется, дезинтегруется другая (вторичная) морфема.

И здѣсь могут быть два случая: выдѣляются — или начальные звуки основной морфемы (секреція префиксальная), или, напротив того, конечные (секреція суффиксальная).

Примѣром секрецін суффиксальной может служить переход тематическаго элемента *-en* в нѣмецком „смѣшаннom" склоненіи к роли флексіи: der mensch-, des mensch-en... [1]). (Разумѣется, развившіяся путем секреціи окончанія могут аналогически распространяться и на другія основы; ср. нѣм. der hirt, des hirt-en).

---

[1]) Osthoff, Forschungen, II. 165—66.

Digitized by Google

На один случай **префиксальной** секреціи (из области польскаго языка) я указал недавно в „Филологических Записках“ 1881. IV. в.

Как особый вид **секреціи** (разновидность ея), можно отмѣтить

морфологическую экскрецію,

которая отличается тѣм, что выдѣленныя (дезинтегрованныя) из основной морфемы элементы языка пріобрѣтают (извѣстную) самостоятельность, становятся отдѣльным словом.

Извѣстны мнѣ два рода подобной **экскреціи**: **начальная** (выдѣленіе начальных звуков слова) и **конечная** (обратное явленіе).

Под первую категорію подходит тот факт в исторіи романских языков, что начальные звуки *l*, *n* апперцепируются народом, как член, resp. интегральная часть его. Таким образом отдѣлялось нпр. [1])

a) начальное *l* в средне-вѣковом лат. *lazurrum = итал. azurro, франц azur, потому что оно „принято“ было за (конечную) часть члена ill(um):

il' lazurrum = il azurrum

b) начальное *n* в средне-вѣковом лат. narancia = итал. arancia, франц. orange (*arange), ибо *n* „казалось“ здѣсь народу (конечною) частью члена un(a):

un' narancia = un' arancia

Весьма замѣчательный примѣр **конечной** экскреціи представляют народныя формы французскаго спряженія в вопросительном и восклицательном оборотах [2]):

Вм. обще-франц. форм:		употребляются здѣсь:	
suis-je	est-il	sui-j'-ti	è-ti
aimé-je	aime-t-il	jém'-ti	èm'-ti
	aime-t-elle		èl' èm'-ti

[1]) *Devic*, Mots d'origine orientale, в Supplément к Dictionnaire Littré, Paris. 1881. pp. 17. 54—55. s. v.

[2]) Darmesteter, l. c. 4—5.

Digitized by Google

В формах èti, èm'-ti — *t* этимологически принадлежит глаголу (ибо est-il, aime-t-il=est ille, amat ille); но для современнаго чутья языка *-ti* не болѣе, как вопросительная частица, которая способна сочетаться с любым лицом (ср. sui-j'-ti, j'ém'-ti..).

Не менѣе поучительны своеобразныя формаціи: *lya* вм. (i)l y a, lyaura, lyavait.... вм. (i)l y aura, (i)l y avait... [1]).

С морфологическою экскреціею можно сопоставить другой процесс языка, состоящій в том, что конечные звуки предшествующей формы пристают, в характерѣ префикса, к послѣдующей формѣ. Примѣр такой префигаціи, пока еще в зародышѣ, можно наблюдать в современном французск. языкѣ, в Pluriel глаголов [2]) и имен [3]), начинающихся с гласнаго:

nous aimons	=	nou	zém-on
vous aimez		vou	zém-é
ils / elles aiment		il / el'	zèm'
Sg. ocil · Pl. les / des yeux	=	lé / dé	zyeu

Префигація члена le, la в ед. ч. представляет явленіе обще-извѣстное. Достаточно назвать:

---

[1]) *Nisard*, Étude sur le langage populaire de Paris et de sa banlieue. Paris. 1872. p. 259.

[2]) Darmesteter, l. c. 3—4.

[3]) Мое предположеніе касательно префигаціи *z-* в Pluriel имен и мѣстоименій, в самом дѣлѣ, подтверждается новѣйшими изслѣдованіями по французской діалектологіи. Так напр. в нѣкоторых лотарингских говорах член опредѣленный, в Pluriel, перед (извѣстными) мѣстоименіями исчез, оставив однакож слѣд своего существованія в префиксѣ *z-*; отсюда, напр. формы как: z-aute-ci вмѣсто (le)s+autres-ci... Доказательством того, что представленіе о множеств. числѣ ассоциировано в умѣ говорящих с префиксом *z-* (s), могут служить и мѣстоименія: zeux (при eaux), zolles вм. eux, elles. (*L. Adam*, Les patois lorrains, Nancy-Paris. 1881. pp. 64. 74. 75).

Digitized by Google

a) из числа книжных форм: lierre (плющ) = древ. l'ierre, hierre = лат. hedera и luette (язычёк) = l'uvette уменьшительное от uva [1]).

b) из числа народных: le loquet = le hoquet, le labit, (mon) lange = (mon) ange [2]).

Обобщая всѣ предыдущія явленія, можно-бы подвести абсорпцію, секрецію (и их разновидности) под одну, болѣе объемлющую категорію, которую я и предлагаю назвать

перемѣщеніем морфологическихъ узловъ слова.

И в самом дѣлѣ, перемѣна чутья языка, какую предполагает каждый раз процесс абсорпціи и секреціи, весьма напоминает перемѣщеніе акустическихъ узловъ вообще и в частности тот случай, когда дѣло идет об открытых (с одного конца) трубах [3]). Как здѣсь, для перемѣщенія акустическихъ узловъ необходима перемѣна длины „падающей волны“ (onde incidente) и длиною послѣдней обусловливается объем новых „конкамерацій“ (новых слоев воздуха) — так точно и толчок к перемѣщенію морфологическихъ узловъ слова (к перемѣнѣ границ между морфемами) непремѣнно исходит извнѣ, от других форм языка и интегруемыя или дезинтегруемыя элементы слова должны быть гомогенны с морфемою, обусловливающей перемѣщеніе.

В заключеніе, нельзя умолчать здѣсь о той параллели, какую представляют процессы абсорпціи и секреціи в лингвистикѣ с одноименными процессами в біологіи.

Ради наглядности прилагаю здѣсь таблицу классификаціи главных случаев перемѣщенія морфологическихъ узловъ слова.

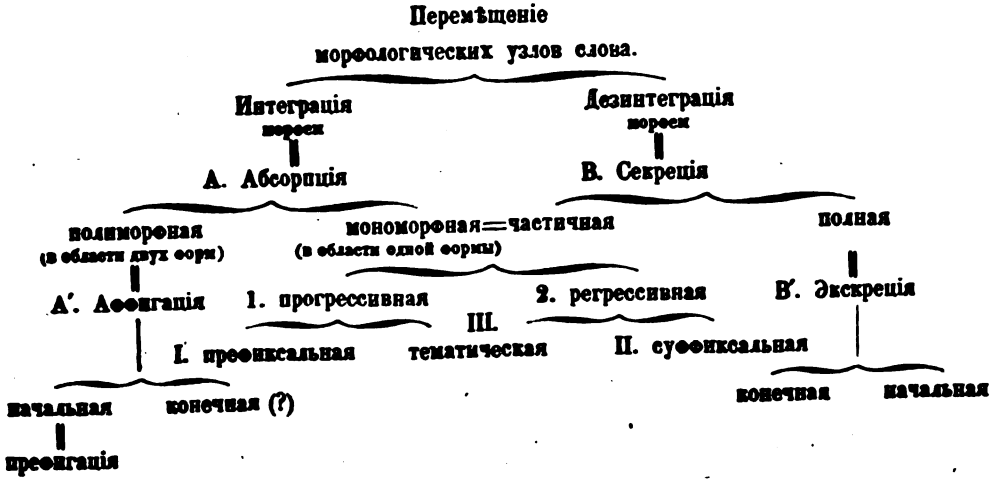
---

[1]) *Scheler*, Dictionnaire d'étymologie française. Paris — Bruxelles. 1873². pp. 274ᵃ. 279ᵃ.

[2]) Nisard, l. c. 271—72.

[3]) *Gavarret*, Acoustique biologique. Phénomènes physiques de la phonation et de l'audition. Paris. 1877. pp. 91—99.

Digitized by Google



Digitized by Google

Коли зашла уже рѣчь о классификаціи психических явленій языка, воротимся еще раз к аналогіи, чтобы сгруппировать разные ея случаи, подвести их под новыя категоріи.

I. Если разсматривать процесс аналогіи, как борьбу за существованіе между формами языка, и взять во вниманіе одни лишь количественныя отношенія между ними, то получится слѣдующая классификація (она принадлежит проф. Мистели) [1]:

В борьбѣ за существованіе

A. однѣ формы языка получают перевѣс над другими, а именно:

a. масса форм преодолѣвает и подчиняет себѣ:

α. массу . . . . . (1)

β. спорадическія формы . . . . (2)

b. спорадическія формы увлекают за собою:

α. спорадическія . . . . . (3)

β. массу форм . . . . . (4)

B. однѣ формы языка скрещиваются, сливаются с другими. Это т. н. психическое смѣшеніе форм или контаминація. „Смѣшенію" подвергаются:

1. или отдѣльныя формы (слова̀) языка.

Ср. франц. refuser
португ. refusar
испан. rehusar
италь. rifusare
} ⇐ *refusare = { refutare + recusare [2])

2. или же группы форм (и слов). В послѣднем случаѣ:

a. или каждая форма порознь пріобрѣтает характерныя черты обѣих групп;

b. или просто члены одной группы чередуются с членами другой, как нпр. в италь. Perfect'ах типа [3]):

---

[1]) Lautgesetz und Analogie, в Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. 1880. XI. 444—450.

[2]) *Diez*, Etymologisches Wörterbuch[4], pp. XIX. 270. *Förster* (Paul), Spanische Sprachlehre, Berlin. 1880. p. 94.

[3]) *Diez*, Romanische Grammatik, II[3]. 160.

Digitized by Google

Sg.	tacqui	Pl.	tacemmo
	tacesti		taceste
	tacque		tácquero,

гдѣ сильныя формы чередуются с слабыми:

tacqui	tacqemmo	tacci	*tacemmo*
*tacquesti	*tacqueste	*tacesti*	*taceste*
tacque	*tacquero*	tace	tacero

Этот спеціальный случай „психическаго смѣшенія форм“ можно-бы назвать **альтернативною контаминаціею.**

С. приведенныя под А случаи можно окрестить одним общим именем **активной** аналогіи [1]), в противуположность к случаям аналогіи **реактивной** или **реакціонной**, состоящей в том, что формы, которыя дали толчок к ряду новообразованій, со временем сами подвергаются нивелирующему вліянію этих послѣдних.

II. С **реакціонною** аналогіею не слѣдует смѣшивать **аналогіи прогибитивной**,

т. е. тѣх случаев, гдѣ формы языка **ускользают** от дѣйствія звуковых законов, благодаря тѣсной связи (**ассоціаціи**), в какой онѣ находятся с другими, **родственными** формами.

На этот вид аналогіи впервые обратил вниманіе **проф. Бодуэн-де-Куртенэ**; в лингвистической литературѣ находим одни лишь неясные намеки на нее.

Примѣром прогибитивной аналогіи могут служить французскіе Participes passés... Возьмите с одной стороны формы в родѣ:

---

[1]) Само собою, что я беру здѣсь этот термин в другом (совершенно) значеніи, нежели *К. Брукман*, который прилагает его к случаям аналогіи „wo der Drang nach grösserer Deutlichkeit gewirkt hat“ (Nasalis sonans, в Curtius' Studien zur griech. u. lat. Grammatik, 1876. IX, 2. p. 318*).

Digitized by Google

chanté ⇄ др. ор.	chantet ‖	chanted ⇄ лат.	cantat-us
chantée	chantée	chantede	cantāt-a
vendu	vendut	vendud	*vendut-us
vendue	vendu	.....	*vendut-a
parti	partit	partid	partit-us
partie	partie	partide	partit-a

с другой стороны, такія как:

écrit ⇄ др. ор.	escrit	..... ⇄ лат.	script-us
écrite	escrite		script-a
teint	taint (ai = ei)		tinct-us
teinte	tainte		tinct-a

что-же вам бросается в глаза? В однѣх формах до сих пор удержалось в муж. р. конечное *t* (écrit, teint), в других оно исчезло (chanté, vendu, parti). Удержалось оно именно там, гдѣ было поддержано прогибитивною аналогіею форм женских, сохранивших *t* в силу благопріятных фонетических условій (écrite, scripta); гдѣ, напротив того, по звуковым законам *t* в жен. р. исчезло (partie=partita) — там конечное *t* и в муж. р. — не находя никакой поддержки извнѣ (в ассоціаціи форм) — не могло удержаться на долго (partit = parti).

Но я, может быть, слишком распространяюсь об аналогіи... слишком — в сравненіи с тѣм, что могу я сказать о другом психическом принципѣ современнаго языкознанія о **дифференцированіи**.

Настоящее значеніе дифференцированія для нашей науки, как и значеніе аналогіи, впервые опредѣлено было Шерером [1]). Но, в то время как мысли Шерера об аналогіи произвели переворот в наукѣ, поощрив других изслѣдователей, по преимуществу молодых, к ряду новых, самостоятельных разысканій; в то время как аналогія, по мѣткому замѣчанію самаго Шерера [2]), сдѣлалась

---

[1]) Zur Gesch. d. deutsch. Sprache², XIV—XVII. 28—29.
[2]) Zur Geschichte², 26 f).

Digitized by Google

вскорѣ „идоломъ современнаго языкознанія“ — теорія дифференцированія с перваго-же разу принята была равнодушно, почти враждебно; ее тотчас низвели на второй планъ и до сих пор она остается в тѣни. Если не ошибаюсь, статья Dr. Ангермана [1]) — пока единственная монографія по вопросу о дифференцированіи. Причины нерасположенія к новой теоріи должно искать в том, что ее всегда заподазривали (и теперь еще заподазривают) в телеологическом характерѣ... Но развѣ понятое, как слѣдует, дифференцированіе не свободно от этого упрека?...

И в самом дѣлѣ, что же такое дифференцированіе, если не чисто-случайное совпаденіе, коинциденція, формальных различій языка с функціональными?... [2]).

Право, дифференцированіе на столько же чуждо цѣлесообразности, на сколько чужда ея теорія естественнаго подбора. Как естественный подбор в „природѣ“, так и дифференцированіе форм в языкѣ зависят от чисто-механических причин, хотя и результаты их, в самом дѣлѣ, производят на нас впечатлѣніе разумной дѣятельности... Не трудно убѣдиться в этом, взглянув на любой случай дифференцированія.

Пусть будут лат. (средне-вѣковыя) формы:

Sg. N.	rosa	annus	flos
A.	rosam	annum	florem
Pl. N.	rosae	anni	flores
A.	rosas	annos	flores

---

[1]) Bemerkungen über den Differenzierungstrieb, in Sprachwiss. Abhandl. aus Curtius' Gram. Gesellsch. Leipzig. 1874. pp. 3—20.

[2]) Кромѣ Scherer'a и Angermann'a, l. c. 3—5, 6, 12. ср., между прочим,

Osthoff, Forschungen, II. 30—35.
Michaëlis, Studien, 40—42.
Misteli, Ztschr. f. Völkerpsych. XI. 470—75.
Delbrück, Einleitung, 107—108.
Paul. Principien, 113—120. 131—144.

Digitized by Google

и их рефлексы в древне-франц. яз. (до XIV ст.):

Sg.	N.	rose	ans	flor(s)
	A.	rose	an	flor
Pl.	N.	rose(s)	an	flors
	A.	roses	ans	flors.

Сравните эти древнія формы с современными:

Sg.	rose	an	fleur
Pl.	roses	ans	fleurs

и вы сразу замѣтите, что из двух падежных форм, какія свойственны были древне-французскому языку (до XIV ст. включительно) — в борьбѣ за существованіе, путем естественнаго подбора — удержалась в языкѣ одна только форма и именно падеж объективный (Accusativus). Перевѣс Accusativ'a над Nominativ'ом, вытѣсненіе одной формы другою объясняется:

во 1-х, количественными отношеніями этих форм, бо́льшею употребительностью формы объективной, чѣм субъективной.

во 2-х, грамматическими преимуществами древних Accusativ'ов над Nominativ'ами, лучшим приноровленіем (адаптаціею) А-ов, чѣм N-ов к потребностям говорящих. И дѣйствительно:

а) в то время как в древних N-ах соблюдалось лишнее (для народа) различіе между группами (классами) существительных и не выдерживалось болѣе важное (для него) различіе чисел,

б) в А-ах различія между группами (классами) имен вовсе не было; различіе же между числами проведено было послѣдовательно, однообразно. Дезинтеграція чисел шла здѣсь рука об руку с интеграціею основ и формальное различіе (присутствіе или отсутствіе конечнаго s) совпадало, коинцидировало с различіем функціональным (представленіем о множествѣ или единичности предметов). Благодаря этой коинциденціи, представленіе о множ. ч. мало по малу ассоцировалось в умѣ говорящих с окончаніем *s* и оно (это *s*) из падежнаго признака сдѣлалось вдруг дифференцирующим

Digitized by Google

моментом новой грамматической категоріи — „показателем" Pluralis.

Я нѣсколько раз уже замѣчал, — и повторяю это снова — что наши категоріи аналогіи и дифференцированія (абсорпціи и секреціи) совпадают с самыми широкими обобщеніями современной (позитивной) философіи — с понятіями **интеграціи и дезинтеграціи**... Выражаясь языком Герберта Спенсера, я мог бы сказать:

„Развитіе языка (и в частности развитіе морфологическаго его строя) состоит в непрерывном чередованіи двух основных процессов — интеграціи и дезинтеграціи морфем языка, в переходѣ языковаго матеріала от неопредѣленной, инкогерентной гомогенности к гетерогенности опредѣленной, когерентной"...

Пока, я отказываюсь от дальнѣйшаго развитія этих мыслей (со временем, онѣ составят предмет особой статьи) и прямо перехожу к другому вопросу.

Мы все говорили о психических принципах языковѣдѣнія, о психических факторах языка, и читателям, вѣроятно, не раз невольно навязывались вопросы:

как понимать эти „психическіе факторы" с точки зрѣнія экспериментальной психологіи?

и как относятся к ним послѣднія открытія в области „физіологіи и патологіи души"?

Я предвидѣл эти вопросы, и готов отвѣчать на них... Разумѣется, я предполагаю при этом у моих читателей извѣстную подготовку, нѣкоторое уже знакомство с ученіями лучших представителей новой психологической школы в Англіи, Франціи и Германіи. Буду, значит, говорить о послѣдних результатах психологіи, как о вещах болѣе или менѣе знакомых. Напомню одно только, — что единственный путь к научным выводам в области психологіи — вездѣ, гдѣ непосредственный опыт невозможен — это патологическія наблюденія. От них нам и слѣдует ожидать настоящаго освѣщенія механизма языка. Матеріала имѣется много, особенно много собрано его за послѣд-

Digitized by Google

нее время, с тѣх пор, как Dr. Брока сдѣлал открытіе, что всѣ почти случаи разстройства рѣчи сопровождаются пораженіем третьей лобной извилины в лѣвом полушаріи мозга. Как извѣстно, этим открытіем сдѣлан был первый рѣшительный шаг в теоріи церебральных локализаціи вообще и вмѣстѣ с тѣм проложен путь к методическому изученію

афазіи.

В современной медицинѣ под этим именем понимают не одну какую-нибудь болѣзнь, а цѣлую группу родственных патологическихъ явленій (симптомов). Прежде всего, сюда относят:

1. Случаи разстройства координаціи движеній, необходимых для произношенія слов — это спеціальный вид атаксіи (glossoataxia — по терминологіи Jaccoud, или т. н. атактическая афазія).

2. Случаи забвенія слов, как акустическихъ (звуковых) комплексов—это спеціальный вид амнезіи (т. н. amnesia verbalis), или амнестическая афазія.

3. Случаи непониманія слов, прежде понятных, без потери слуха и без нарушенія умственных способностей больнаго. Нѣмецкіе ученые называют эту болѣзнь „Worttaubheit", surditas verbalis.

4. Случаи разстройства ассоціаціи представленій с соотвѣтствующими им словами, вслѣдствіе чего больные произносят слова неподходящія, иногда совсѣм непонятныя. Это т. н. парафазія.

5. Наконец, случаи потери способности воспроизводить (правильно) грамматическія формы языка и синтактическіе его обороты—или т. н. акатафазія, agrammatismus.

К предыдущим явленіям примыкают:

а) случаи патологическаго ускоренія или замедленія рѣчи, обусловленные анормальным (по отношенію ко времени) распространеніем „нервной волны" среди слоев мозговой коры. Эти явленія извѣстны в медицинѣ под именем: bradylalia (=bradyphasia) и „tumultus sermonis".

Digitized by Google

b) Нѣкоторые виды **анартріи** (anarthria corticalis), т. н. у Нѣмцевъ Stottern, заиканье, и Silbenstolpern, смѣшеніе слоговъ.

Афазію и разные виды ея можно подвести подъ одно болѣе общее родовое понятіе **ассеміи** (или „асимболіи"), и разсматривать ее, какъ частный случай потери т. н. facultas signatrix. Кромѣ **афазіи**, которую тогда слѣдовало бы назвать asemia verbalis (I), эта категорія обнимала бы и двѣ другія группы патологическихъ явленій:

II. asemia mimica—**аммимія**, разстройство мимическихъ способностей.

III. asemia graphica, или **аграфія**.

Послѣдняя представляетъ тѣже разновидности, что и **афазіи**:

1. **аграфія атактическая**—разстройство координаціи движеній, совершаемыхъ при написаніи (отдѣльныхъ) буквъ, agraphia literalis.

2. **аграфія амнестическая** — невозможность возпроизвести письменно (цѣлыя) слова, при сохраненіи однакожъ способности написанія отдѣльныхъ буквъ, agraphia verbalis.

3. Wortblindheit, **caecitas verbalis**—непониманіе письма и шрифта, невозможность **прочесть** написанное или печатное (алексія) при сохраненіи зрѣнія.

4. **Парагрaфія** разстройство ассоціаціи между представленіями буквъ и движеніями, необходимыми для написанія ихъ: больные вм. желаемыхъ буквъ, нужныхъ имъ, ставятъ другія, неподходящія.

Обстоятельное разсмотрѣніе всѣхъ названныхъ здѣсь **патологическихъ явленій**, конечно, не относится къ нашей спеціальности; но и намъ, изслѣдователямъ языка, **необходимо** нѣкоторое знакомство с ними. Познакомиться же с результатами изслѣдованій в этой области вовсе не трудно, ибо литература предмета весьма богата и обладает превосходными сочиненіями. Я укажу здѣсь на одно, которое и желал-бы видѣть в руках каждаго из моих читателей—на книгу проф. А. **Кусмауля** „Die Störungen der

Digitized by Google

Sprache" [1]). Кромѣ того особенно важны для насъ, неспеціалистовъ (по медицинѣ), труды Dr. Фальрэ, Dr. Штрикера и Штейнталя [2]).

Прежде всего намъ нужно познакомиться с фактами, на которыхъ будутъ основаны дальнѣйшіе наши выводы и обобщенія.

Начинаю с наблюденій Dr. Broca.

1. Пѣкто Le Long, мужчина лѣт 84, за полтора года до смерти подвергся удару (apoplexia). До конца жизни онъ страдалъ (атактическою) афазіею, при полномъ сохраненіи умственныхъ способностей. Всѣ произвольныя движенія, между прочимъ, и движенія органовъ рѣчи совершались по прежнему, правильно. Тѣм не менѣе, при извѣстныхъ условіяхъ (в нѣкоторыхъ формах), онъ не былъ в состояніи произнести звуковъ, которые в другихъ случаяхъ выговаривалъ без затрудненія. Так напр. онъ произносилъ *r* в toujours, но вм. trois

[1]) Versuch einer Pathologie der Sprache в Handbuch der Pathologie *Ziemssen*'a, XII. 2. A. Leipzig. $1877^1 = 1881^2$. X. 300.

[2]) Dr. *Falret*. Aphasie, aphémie, alalie, в Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales, Paris. 1876. I, 5. 605—44.

Dr. *Stricker*, Studien über die Sprachvorstellungen, Wien. 1880. 8°. 106. (pp. 21—26. 97—103).

Steinthal, Abriss der Sprachwissenschaft (Die Sprache als Mechanismus). Berlin. I. $1871^1 = 1881^2$. pp. 451—487. 491.

Изъ другихъ обще-доступныхъ *пособій* назову:

Dr. *Lépine*, Les localisations cérébrales (I. L'aphasie), в Revue Philosophique (de M. Ribot). 1876. I. 562—67.

Dr. *Onimus*. Du langage... et d'un centre phono-moteur, из Journal de l'Anatomie et de la Physiologie, 1873. pp. 545—64.

W. Wundt. Grundzüge der physiologischen Psychologie, Leipzig, 1880. I^2. 147—49. 222—24.

F. Techmer. Phonetik. Zur vergleich. Physiologie der Stimme und Sprache, Leipzig. 1880. I. 94—102. 193—95. 210—15.

de la Calle. La Glossologie. I. Physiologie du langage (De la faculté de l'articulation). Paris. 1881. pp. 40—60.

Th. Ribot. Les maladies de la mémoire. (Les amnésies partielles), Paris. 1881. pp. 106—38.

Новѣйшій трудъ об *афазіи* — это диссертація Mme *Skwortzoff*, De la cécité et de la surdité des mots dans l'aphasie, Paris. 1881. 8°. 142.

Digitized by Google

у него каждый раз выходило tois: сочетаніе *tr* для него было слишкомъ трудно; носовое õn нисколько не затрудняло его в (отрицаніи) non, в своей же фамиліи (Le Long) он не умѣл воспроизвести того-же звука (произносил: Le Lõ). Кромѣ 4 предыдущих слов (toujours, tois, non и Le Lõ), он зналъ еще одно, пятое, oui. Частицы oui и non больной употреблял правильно; t(r)ois — сдѣлалось у него родовым названіем чисел (причем, в случаѣ надобности, он опредѣлял число точнѣе по пальцам). Все остальное было у него toujours [1]).

2. Другой больной Dr. Broca, Leborgne, болѣе 20 лѣт страдал афазіею, атактическою и амнестическою, до такой степени, что (несмотря на сохраненіе произвольных движеній языка, губ и пр.), он был в состояніи произнести одно только непонятное словечко: tan..... tan..... Впрочем, во время сильнаго раздраженія у него иной раз срывались с языка и длинныя проклятія. Тоже самое было замѣчено и у других больных.

3. Так напр., один пациент Dr Trousseau, по имени Paquet, который всего на всего распоряжался одним (безсмысленным) выраженіем cousiві, среди гнѣва восклицал иногда: „saccon!“ (Очевидно, это был продукт к о н т а м и н а ц і и форм: sacré nom de...). Замѣчательно, что тотже больной не был в состояніи произнести отдѣльно si... si..., и cou выговаривал лишь с большим затрудненіем [2]).

4. Этот случай напоминает мнѣ сообщеніе Dr. Onimus'a [3]), о каком-то больном, который повторял свободно слова Champs-Elysées, Bois de Boulogne, но не мог воспроизвести отдѣльно ни Elysées, ни Boulogne. Послѣднее слово (Boulogne), в соединеніи с ville de, он произносил, но с трудом.

5. Dr. Onimus'y мы обязаны, между прочим, и слѣ-

---

[1]) Kussmaul², 141. 159.
[2]) Ibid. 159. Onimus, 556.
[3]) Du langage. 557².

Digitized by Google

дующим сообщением [1]). Victor Prunac, чиновник, лѣт 58, вслѣдствіе удара подвергся гемиплегіи (одностороннему параличу) и почти лишен был рѣчи. Первое слово, какое он произнес, было—oui, сопровождаемое бранью. Мало по малу больной оправляется, но рѣчь его все таки бѣдна словами и сбивчива; умственныя способности и память предметная вполнѣ сохранены. Больной поет куплеты каких-то пѣсен, но лишь только Dr. Onimus заставит его медленно воспроизвести пропѣтыя слова, больной сбивается, не может вспомнить их болѣе. Если остановить его послѣ двух или трех стихов, он не в состояніи продолжать куплет и принужден начать его съизнова. Отдѣльных слов из своей пѣсни Prunac не умѣет произнести. Цифры, по очереди, 1. 2. 3. 4. 5.... он произносит правильно; но заставьте его назвать одни четныя или нечетныя числа, он непремѣнно скажет нам: 2...3, 4...5, хотя сам и замѣчает свою ошибку. Тоже самое повторяется при чтеніи цифр: 4, 5, 6..., он прочтет без запинки; но при 4, 1, 9.... он встрѣтит непреодолимое затрудненіе. Читать, он читает бѣгло, но только в умѣ; громко-же он в состояніи прочесть лишь немного слов подрядъ, при чем, вм. даннаго слова, нерѣдко он произносит другое, однозвучное с ним по начальному слогу (напр. médical вм. méridional, physique вм. physiologique). Наш больной не умѣет написать самостоятельно ничего, кромѣ слов: Paris и Prunac, но переписывать он может. Dr. Onimus приглашал его раз 15 написать (пропѣтый) куплет Chant du Départ—4 раза ему это удалось, но как!..

Вм. La victoire en chantant nous ouvre la carrière, он пишет: La vitore en tanfant nous hour la barilière

вм. La liberté guide nos pas

—La viverté la limité nige non pas и проч.

Замѣчательно, а) что, несмотря на все искаженіе слов, ритм и рифма стиха сохраняются.

б) что, если заставлять больнаго исправить слова, не-

---

[1]) Du langage, 554—56.

Digitized by Google

вѣрно написанныя, то ему легче написать их вновь, нежели исправить свои ошибки.

в) что больной обнаруживает наклонность воспроизводить все тѣ-же группы букв, которыя ему приходилось писать за минуту до этого. Так напр. однажды, послѣ написанія слова chose, Prunac вм. coquin хотѣл было написать cho... Когда же Dr. Onimus велѣл ему написать нѣсколько раз подряд concorde и затѣм снова coquin, то он поставил уже вѣрно *co*; за то вм. chose, он написал cohse и (послѣ того как обратили его вниманіе на описку) chonse: в послѣднем случаѣ опять отразилось вліяніе начальнаго слога *con*corde.

6. Весьма поучительный случай амнестической афазіи описан Kussmaul'ем [1]). Нѣкто Friedrich Senn, человѣк лѣт 50, каменщик, находясь в Фрейбургской хирургической клиникѣ, по случаю какой-то болѣзни, ко времени своего излѣченія подвергся вдруг гемиплегіи и вмѣстѣ с тѣм амнестической афазіи. Он повторял за другими всѣ названія букв (за исключеніем ypsilon), но, сам по себѣ, не мог прочесть (напзусть) азбуки... Иной раз, вм. названій букв, он невольно перечислял названія цифр — явленіе, которое было замѣчено и у других больных (напр. у пациента Dr. Sander'a, начинавшаго послѣ a, b, c, вдруг считать 3, 4. 5... [2]). — Слова одно- и дву-сложныя Senn повторял без особеннаго затрудненія (иногда, впрочем, коверкая их), но многосложныя слова ему не давались. Так напр. Constantinopel ему никогда не удавалось договорить дальше, чѣм до 3 слога (Constanti....). Свою фамилію (Senn) и названіе родины (Buchheim) он мог вспомнить только при сторонием участіи. На вопрос, в каком округѣ, в какой странѣ

---

[1]) Die Störungen der Sprache[2], 165—168.

[2]) ibid. 174. Аналогичныя явленія можно наблюдать у дѣтей... De la *Calle* передает напр., что одна из его дѣвочек, Pépita, взялась однажды считать un, deux, trois, quatre... и вдруг (безсознательно) стала продолжать: rouge, vert, bleu, noir, blanc. (La glossologie, I. 281—82).

Digitized by Google

лежит эта мѣстность, он отвѣчал „hier“ (Buchheim лежит в Фрейбургском округѣ)... Когда настойчиво возобновляли вопрос, он говорил: die werde ich doch kennen, das weiss ich freilich; но названія не мог вспомнить. Ему подсказывают: Freiburg, Grossherzogthum Baden, тот повторяет: feig—burg—burg—frei... grossherzog, grossfrei... Впослѣдствіи с амнезіею соединилась парафразія и Senn стал смѣшивать самыя обыкновенныя слова: вм. Löfel, он говорил Flöte, вм. Gabel—Gasser. Произнося Ga-bel, Senn, очевидно, вспомнил коррелятивное слово Messer. — Подобный случай приводится и у Dr Stricker'a: больная (C. Kondrat), когда ей предложили два предмета—нож и книгу, назвала первый правильно (Messer), но вм. Buch, под вліяніем предыдущаго слова, сказала Besser [1]).

Точно такія же обмолвки (и описки) встрѣчаются и у здоровых (как слѣдствіе „разсѣянности“). Так напр. Штейнталь передает о себѣ, что ему случилось однажды сказать „Plato und Cato“ вм. Plautus [2]); другой профессор, цитируя ex cathedra химиков Либиха и Мичерліха, назвал их „Mitschich und Liderlich“ [3]).

Все это, очевидно, явленія тождественныя с т. н. коррелятивною аналогіею и контаминаціею в лингвистикѣ. Богатый матеріал для наблюденій в этом родѣ представляет язык дѣтей [4]) и рѣчь иностранцев, пока они не усвоили еще нашаго языка.

---

[1]) Studien über die Sprachvorstellungen, 37.

[2]) Abriss der Sprachwissenschaft, I[2]. 484.

[3]) Kussmaul, l. c. 194.

[4]) Извѣстны напр. сообщенія А. Шлейхера о его же дѣтях. Одно из них, дочь Emma, на основаніи Netz и Mütze создала себѣ новое слово Nütze; другое—сын Erhart, вм. die Sonne blendet mich — говорил: d. S. blänzt mir, скрещивая т. о. два различных глагола: blenden и glänzen.

E. Egger, который приводит эти факты (в Observations sur le développement du langage chez les enfants. Paris. 1881[2]. p. 77.), остроумно замѣняет их французскими эквивалентами: „Supposons — пишет он — qu'une petite française demande son

Digitized by Google

7) Возвращаясь к афазіи, я укажу на случай Dr. Lordat, как на примѣр полной surditas и caecitas verbalis [1]). Вылѣчившись, Dr. L. самъ описалъ свою болѣзнь:

а) онъ слышалъ, что вокругъ него говорятъ, но что именно не могъ различить, онъ перцепировалъ звуки — не слова.

б) онъ видѣлъ и различалъ буквы, но не былъ въ состояніи соединить ихъ въ слоги и слова, и не могъ напр. прочесть даже заглавій своихъ книгъ.

в) онъ размышлялъ о своемъ состояніи, какъ ученый, какъ врачъ, дѣлалъ надъ собою наблюденія, но никакъ не могъ передать своихъ мыслей другимъ.

8) Вотъ еще, въ заключеніе, примѣръ акатафазіи, заимствованный у Steinthal'я [2]). Человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, страдалъ м. п. глазами; желая передать — что одинъ глазъ у него болитъ уже давно, но что прежде онъ могъ все-таки видѣть кое-что, меж тѣмъ какъ теперь онъ ничего не видитъ.... что зрѣніе его изъ года въ годъ становится все хуже и безъ очковъ онъ совсѣмъ уже не разберетъ мелкаго шрифта и пр. и пр.—больной выражался такъ:

„Das eine Auge ... Auge ist immer ... Tränen ... tränig gewesen ... ich kann gar nicht ... früher konnt' ich ... besonders ... natürlicher Weise ... mit den Jahren kleine Stiefe ... Stippe... Schrift ... die Brille".

Тамъ же, стр. 478, Steinthal разсказываетъ о какой то молодой женщинѣ (нѣмкѣ), которая, подвергшись акатафазіи, постоянно сбивалась въ грамматическихъ формахъ, по преимуществу глагольныхъ; между прочимъ, т. п. „спльные" глаголы она спрягала по образцу (по аналогіи) слабыхъ [3]).

---

follet, pour: le *filet* qui lui sert de bonnet; et qu'un petit garçon dise: „le soleil m'ébrouille", pour „le soleil brille tant qu'il m'éblouit".

[1]) Kussmaul, 20. 21. 175—76. Skwortzoff, 66—67.

[2]) Abriss, I[a]. 478—79.

[3]) То же самое замѣчалъ у своихъ дѣтей Шлейхеръ: ви. gegeben, gethan, geschrieben, они говорили gegebt, getut, geschreibt (E. Egger[2], l. c.). — Ср. извѣстную наклонность фран-

Digitized by Google

Но будет с нас и этих фактов! Во всяком случаѣ их достаточно, чтобы уразумѣть слѣдующіе выводы и положенія современнаго ученія о *локализаціях*:

I. Полное сохраненіе умственных способностей, при том или другом разстройствѣ рѣчи (устной или письменной), доказывает, что мышленіе, до извѣстной степени, независимо от языка, и совершается в других *сферах* мозга, нежели процесс рѣчи артикулованной.

Разумѣется, между тѣм и другим центром мозга должны существовать соединительные пути, пораженіе которых и обусловливает *парафазію*.

II. На основаніи случаев, в коих больные теряют способность говорить или писать, продолжая однакож понимать (устную или письменную) рѣчь других (и обратно)—можно полагать, что перцепція и репродукція рѣчи—также функціи различных и независимых друг от друга сфер мозга (сенсорной и моторной).

III. Наконец, независимость афазіи от аграфіи, surditas и caecitas verbalis, служат доказательством, что рѣчь устная и письменная опять таки зависят от особых центров в мозгѣ.

Взаимныя связи этих центров, их координацію, Kussmaul наглядно изобразил в слѣд. схемѣ (см. стр. 141).

Круг *J* обозначает сферу интеллектуальной дѣятельности в мозгѣ (Intellectorium, Apperceptionscentrum), т. е. слои нервных клѣточек (в сѣром веществѣ большаго мозга), гдѣ ощущенія и их комплексы превращаются в (отвлеченныя) представленія.

B и *B'* обозначают *сенсорные* (чувствительные) центры для представленій слов (Wortbilder): *B*—для акустическихъ (Lautbilder), *B'*— для оптическихъ (Schriftbilder).

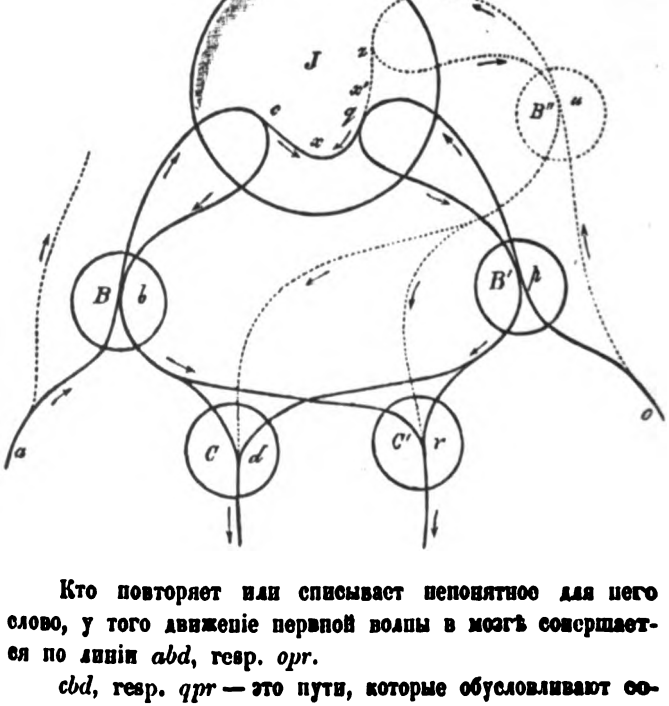
C и *C* выражают *моторные* (двигательные) цен-

пузских дѣтей употреблять формы Participes prendu, éteindu... вм. pris, éteint, по аналогіи с rendu и проч. (E. Egger[2]; 66. de la Calle, l. c. I. 274).

Digitized by Google

тры, обусловливающіе „координацію“ движеній при произношеніи слов (*C*) и написаніи их (*C*)

a — это слуховой нерв (n. acusticus), *o* — зрительный (n. opticus). Каждый из них развѣтвляется на два пути, из коих один служит проводником ощущеній, имѣющих отношеніе к рѣчи (устной или письменной), другой — обозначенный у нас точками — передает мыслящей сферѣ мозга (всѣ) прочія слуховыя, resp. зрительныя впечатлѣнія.



Кто повторяет или списывает непонятное для него слово, у того движеніе первной волны в мозгѣ совершается по линіи *abd*, resp. *opr*.

cbd, resp. *qpr* — это пути, которые обусловливают сознательную передачу наших мыслей: устно, или письменно.

Линія *cxq* служит связующим путем между акустическими и оптическими „представленіями“ слов. Туже функцію, без участія мышленія, исполняют пути *br* и *pd*.

Если вы пишете под диктант, понимая значеніе

слов, то у вас мозг работает по направлению *abcbr*, в противном случаѣ—путь будет короче: *abr*.

При громком и сознательном чтеніи движеніе происходит по пути *opqpd*. Для чтенія без пониманія прочитаннаго нужен только путь *opd*.

Глухонѣмой не может воспользоваться ни путем *abcbd* ни *abcbr*; они недоступны ему, по причинѣ пораженія *C*. Напротив того, при помощи путей *opqpr* и *opqpd* глухонѣмой может выучиться и говорить, и писать. Но для того, чтобы владѣть языком вполнѣ свободно, глухонѣмому нужен новый, вспомогательный центр в мозгѣ *B''*, который — при посредствѣ мыслящих слоев мозга (*J*) — мог-бы вызвать движеніе на линіях: *zud*, *zur*.

В случаѣ полной атактической афазіи центр *C* поражен и слѣд. пути *bd*, *pd* безполезны. Рѣчь самостоятельная, повтореніе подсказаннаго и громкое чтеніе тогда невозможны; но, благодаря цѣльности путей *abc* и *cb*, больной в состояніи понимать все, что слышит, и представлять себѣ слова, как акустическіе комплексы. Пораженія *C* сопровождаются обыкновенно разстройством *C'*, т. е. с афазіею соединяется аграфія.

Во время (частной) амнестической афазіи путь *cb* поражен и проводит толчки *J* только при содѣйствіи *B* (подсказываніе), или *B'* (чтеніе).

У Dr. Lordat (см. выше), кромѣ центров *B* и *B'* пораженію подверглись, как импрессивные, так и экспрессивные пути, и *J* было вполнѣ изолировано....

Карл Аппель.

(*Продолженіе слѣдует*).

Digitized by Google

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

3.

По поводу слов: *маточникъ, островъ буянъ, ирей.*

В глубинѣ литовских пущ
Ciągnie się bardzo piękna, żyzna okolica,
Główna królewstwa zwierząt i roślin stolica.
W niéj są złożone wszystkich drzew i ziół nasiona,
Z których się rozrastają na świat ich plemiona;
W niej, jak w arce Noego, z wszelkich zwierząt rodu
Jedna przynajmniej para chowa się dla płodu.
... Te pary zwierząt główne i patryarchalne
... Dzieci swe ślą dla osad za granicę lasu ...
... Te puszcz stołeczne, ludziom nieznane tajniki
W języku swojém strzelcy zowią *mateczniki*,
Mick., Pan Tadeusz, IV.

Matecznik в этом значеніи ненаходится ни у Линде, ни, в русской формѣ, у Даля и Носовича. Вѣроятно оно, кромѣ *е* во 2-м слогѣ, бѣлорусское или малорусское. Во всякомъ случаѣ в немъ несомнѣнный слѣд преданія, а не личной выдумки. Тут припоминается из Голубиной книги (Безс. Кал. I, 2, 369—72 et pass.) „Страфиль птица, всѣм птицам матн, что живет та птица на синем морѣ... на бѣлом каменѣ... Она плод плодит на синем морѣ"; „Звѣрь всѣм звѣрьям мати... живет звѣрь за Окіаном моремъ... никто его в глазы невидаючи"; далѣе — островъ *буянъ* на морѣ — океанѣ, въ восточной (или „выточной") сторонѣ, гдѣ родина всѣх металлов (Сах. Ск. Р. п. I, 2, 22—3), гдѣ пчелиная матка всѣм маткам старшая (ib. 21), змѣя всѣм змѣям старшая и большая (ib., змѣя—царица, Майков Вр. Зака. N 179) воронъ всѣм воронам старшій брат (26), птица всѣм птицам старшая (ib. 31), волк у котораго на зубах весь скот рогатый (ib. 28; Ао. П. П. I, 131 слѣд.); „Сіянскую гору", „гдѣ живут звѣри (Майк. Вр. Заклин. N 218). М. б. также и кладьбище звѣрей

Digitized by Google

(Майк. ib. N 223). Сюда же ст.-русс. **ирьй*, род. *ирья*, мр. *вирій*, род. *вірья*, теплая страна, куда на зиму улетают перелетныя птицы и уползают змѣи *по деревьям* (вверх) и откуда птицы возвращаются весною, принося с собою тепло (Ас. П. В. II, 137, 405), куда, по Далю (Слов.), спасается временем звѣрь косяками [1]).

Возможно, что „маточник", окруженный, по Мицкевичу, непроходимыми болотами, перенесен из подовѣдомой воздушной дали или с моря океана в глубину лѣсов, между прочим п. ч. *остров* значит также сухое возвышенное мѣсто среди болот и лѣс особняк. Впрочем такое перенесеніе могло состояться и без вліянія языка, в силу соображенія, что птицы могут улетать если не на небо, то в очень дальнія страны, а гадам и звѣрям это трудно: „вирій гадючий особ от птичого: птичий десь на теплих водах, за пущами і за багатирямп (?), а гадючий в Руській землі" (Мр. п. пред. М. Драгоманова, 11). Подобно этому по Швейцарскому повѣрью, на высокихъ, недоступных скалах и снѣжных хребтах Маттенберга есть мѣстность, гдѣ, как в раю, живут прекраснѣйшія козули и козероги, и многія другія странныя и рѣдкія животныя. Лишь одному из 20 охотни-

[1]) К появленію звѣрей оттуда можно отнести повѣрье сообщенное нѣкоим Русином, вѣроятно из дружины Мстислава Володимирича, со слов Ладожан: „Суть и още мужи старци, ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощных странахъ: спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица (ед. в собират. зн.) млада, акы то-перво рожена, и възрастъши и расходится по земли; и пакы бываеть другая туча, и спадають оленци мали въ ней, и възрастають и расходятся по земли". Ип. л. под 1114. Из того что такое чудо отнесено в отдаленный сѣвер, послѣдует что повѣрье непремѣнно финское. Относит. *туча=тжча*, дождь см. Mikl. Lex. и слѣд.: „была туча велми страшна дождева съ громомъ и молоньею", Новг. II, 158; „пала туча велика снѣжная, ib. 157; пала туча велика снѣгу, ib. 159; неясно значеніе в „быть буря велія вѣтряная, и туча, и дождь умноженъ, Нов. I, 108—31. В мр. (галиц.) до сих пор: „засунулося небо тяжкими хмарами, настала туча, а вода з неба як з коновки ллялася... туча як лляла, так ліс" (Зоря галиц. на 1860 г. 548 Корень *так* (теку), откуда через *так-на—тан*.

Digitized by Google

ков, раз в 20 лѣт удается попасть в эту чудную страну (Das paradies der Thiere. Gr. D. Sagen², N 301).

Что до названія „островъ буянъ", то мнѣнію Аоанасьева (l. c. 131—2; ib. I, 439, 667), который, основываясь на предполагаемом равенствѣ значенія в *яръ туръ* и *буй туръ*, усматрпвает в *буй* „понятіе весенняго плодородія", а в *буянъ*—весенняго неба, я противопоставил свое (Слово о П. Иг. 111—3), по которому *буянъ* об островѣ и т. п.—высокій, о человѣкѣ—„що вйсоко несеться", гордый, буйный. Это вполнѣ согласуется с обычным, неминологическим значеніем вр. *буяи*, вокруг открытое, возвышенное мѣсто, откуда — торговая площадь, съв.-вр. *буево*, *буйвище* возвышенное, открытое кругом мѣсто, пустырь на возвышеніи, погост (кладьбище и пр.), выгон, площадь; и с приводимым у Ао. l. c. названіем миопч. острова буяна—*буевой остров*, и съ самѣною острова горою: „На горѣ на *горюнѣ* (по Ао. от *горѣть*, по скорѣе независимо от этимологического сродства, как в примѣтах и пѣснях *гора* сближается с *горе*), *на горѣ на буянѣ*... (Безс. Кал. VI, 204). Так как „на морѣ на оксанѣ на островѣ буянѣ живут три брата, три вѣтра" [Майк. Вр. Закл. N 4; ср. ib. N 1—2=усыня, бородыня да Никита (богатыри—вѣтры); ib. 3: семь братьев семь вѣтров буйных]; так как на этом островѣ „столб от земли до неба (ib. pass.) или „соборнал церковь, желѣзным тыпом загорожена, от земли до неба, покрыта мѣдною крышею" (ib. N 220); то этот „*высокій*" остр. буян (ib. N 142) напоминает остров владыки вѣтров Эола:

„Остров пловучій его неприступною мѣдной стѣною
Весь обнесен, берега-ж подымаются гладким утесом, Одисс. X.

Б. м. блѣдное отраженіе того же сказанія можно видѣть в островѣ *утсталла* (высокій : *уд-* вверх, *сталла* (нѣм. stelle) мѣсто, возвышенность, материк), гдѣ царствует правдолюбивой царь рыбаков *Сатјаврата* (katha sarit sagra v. H. Brockhaus, кн. 25, 140 нѣмец. перев. В той же сказкѣ герой, подобно Одиссею (Од. XII, 430 сл.), спасается от потопленія, повисши на вѣтвях смоковницы). Никакого соотвѣтствія между *буян* в смыслѣ высокаго мѣста и

Digitized by Google

яр, обрывъ (Ao. l. c. 132), ибо послѣднее естественно возникло из юж.-русс. *яр*, означающаго столь характерное для наших мѣстностей явленіе: овраг, иногда поросшій лѣсом, возникающій иногда за нашей памяти на покатой плоскости из водомоин, от весенних потоков. Это значеніе предполагает уже потерянное в вост.-мр., но сохраненное в словац. *jar* поток, поль. у Подгалян,

Szeroki jareczek (весенній ручей), niemożna przetynąć;
Przyjdzie mi, chłopczyno dla ciebie zaginąć. (Zejszner, 75).

Это *яръ* м. б. сродно со сходным по значенію скр. *ир-ина*, поток. *Буянъ* непредполагаетъ ничего подобнаго. К сказанному у меня в Сл. о П. Иг. 111—3 относительно *буй* и пр. прибавлю еще слѣдующее. *Буй* в знач. *глуп* удобно выводиться из значеній величанья, гнѣва, бѣшенства, съумасшествія (см. Mikl. Lex. s. v. и боуяти). В н.-болг. буйна гора (Dozon Бълг. н. п. 34) — высокій, стоячій лѣс; буйна вода, ib. 30 — быстрая? глубокая = высокая? (хорут. *bujica* torrens, Mikl. Lex. боуй); лют буен оген (Doz. ib. 95, 115) — сильный; *буйно*, ib. 62 — сильно. Если остров *буян* без затрудненья возводится к представленію *высоты*, то, по крайней мѣрѣ, для начала изслѣдованія, позволительно спросить, недопустит ли такого объясненія и *ирья* (род. ед. в поученіи Мономаха: „и сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ *ирья* идуть и первѣе (въ) наши руцѣ, и неставятся на одиной земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, Божиимь повелѣньемь, да наполнятся лѣси и поля“, Лавр². 236), мр. *в-úрей*, *в-úрій*, род. *вúръя*.

Как Фик в Z. f. V. Spr. XIX, 251; Wb³. I 757, пытается объяснить ἠλύσιον, как мѣсто куда *восходят* души, из *ἠλυθ-τιο, гдѣ в основаніи—ἐ-λυθ с приставным ε как в ἐλαχύ=скр. *лагhу* и корнем λυθ = скр. *руh*, зенд. *рудh* восходить, при чем аор. ἤλυθε=скр. *а-руh-ат*, буд. ἐλεύσεται (из *ἐλευθσεται)=скр. *рôкшjатê* (из рôhсjатê); так и в *ир-ьй* или *ир-ий* можно бы видѣть кор. *ар-* (скр. *ṙноти*, лат. *or-ior*, греч. ὄρ-νυμι, подниматься вверх), *ûр* (скр. *ûр-тê*, *ûратê*, поднимается, возникает). Впрочем, при такого рода основном

Digitized by Google

ар- можно бы ожидать славянскаго *ор-* и *ри-*, если находятся в связи *орити* (раз-орити, серб. об-орити) рушить, валить и *ри-нжти* толкать, мр. *ринути*, о водѣ, течь; ср. лит. *ar*=союз, *ли*, а также

ри в слѣдующем: „язъ взялъ на нем пожилого за дворъ полполтины денегъ... и тотъ, господине, Михалко, *ріясь* тому (=гнѣваясь на то), да ту деревню сжогъ", 1503 г. Ак. Юр. 19; „Лѣвашъ Колобовъ (будучи третейским судьею между Овцыным и Кобылиным, норовит послѣднему) „*ріясь* тому, что въ Казанское взятье полемъ идучи отрѣзалъ у того Овцына вьюкъ съ платьемъ и съ денгами, и Иванъ Овцынъ намъ (царю) о томъ билъ челомъ, и мы, сыскавъ того дѣла, велѣли про то Лѣваша на конюшнѣ бити", 1555—6, Доп. къ Ак. Ист. I, 75. В нынѣшнем вр.—*рьян* (образованное, как *пьян*), ярый, ретивый, усердный; в 1-м значеніи

„Нарву хмелю рьянава,

Напаю мужа пьянава", Н. п. (Тим. у. Кур. губ.); с чѣм ср. скр. *ир-* (из ар-) в *ир-јати*, =*ира-сја-ти*, гнѣваться, злиться на кого (с датель.), *ир-ин*, сильный, *ир-ја*, подвижный, сильный, энергичный, греч. ἔρις, -ιδος, винит. ἔρι-ν, ссора, распря, спор, состязаніе *(реть)*, лат. *îra*, *iras-cor*. Сюда же и *яръ* гнѣвен (Fick), (ярый хмель, но *ярая* пчела—весенняя, см. Mikl. Lex. яръ 2.), предполагающее **аир-*, *êр-*, как овца *ярка*=лит. ȯris, лот. jērs agnus.

Аѳанасьев (П. В. II, 139) для объясненія сл. *ирий* приводит все то, что стоит у Даля под *вырей*, прибавив от себя лат. *viretum*; но слова эти — неменѣе, чѣм трех разных происхожденій. Сомнительное по значенію кур. *вы́рей*, жаворонок (Ао. прибавляет: „как предвѣстник весны"), по указанію мѣстности, гдѣ встрѣчено, может быть, только мрусским *вирій*=ст.-русс. *ирьй*. Вят. Волог. слова *вырéц*, *вы́рчик* цвѣтник, капустный разсадник на столбах, в коих, сколько извѣстно о тѣх говорах, *выр-* немогло правильно возникнуть из русс. *ир-*, можно бы считать заимствованным из лат. (*viretum*=*вырец*, как поль. *wyka*, род полевого гороху, нѣм. *wicke*, лат. *vicia*, как русс. *вымпел*—

wimpel). Наконец пск.-тв. *вы́рить*, нашептывать, наговаривать, знахарить, мудрить—хитрыть, и *вы́рей* (б. м. *вырѣй?)* колдун, знахарь (связь коих с *ирей* Аѳ. думалъ объяснить тѣм, что на остовѣ *Эѣ*, гдѣ чертог зари и откуда восходит Геліос, живет хитрая волшебница Кирке, П. В. II, 136, 139), предполагают **вар*, говорить, что в лит. *war-d-as*, гот. *waur-da*, ср. р., нѣм. *wort*, лат. *verbum* (основная ф. *вар-дha-*) слово, в вр. *вр-а-ть*, (**вьр-а-ти*, судя по *и* в *завираться;* наст. *вру*, *вреть*; ср. новг. *запрать*, *запрал*, запереть) [1]), лгать словами, говорить вздор, хвастать, при коем *вр-а-чь*, предсказатель, чародѣй (серб., болг.), лѣкарь, (ц.-сл., русс., хорут.), соб. лѣчащій заговорами (ср. *баяти* и *балий* incantator, Бусл. Оч. I, 5, Mikl. Lex. s. v. и *вълхвъ*, если при немъ *вълснѫти* balbtire); в греч. εἴρηκα (=*ἐ-Fρηκα), ῥή-τωρ (=Fρητωρ) и пр. — Приводимое Далем *вырожить*, вылѣчить знахорством, неясно.

Хотя т. о. сближеніе *ирей* с *вырить* есть несомнѣнная ошибка, то оно наводит на слѣдующія соображенія:

Сочетаніе *ва* дает **ў*, откуда—*вы* [2]), не только в па-

---

[1]) Ср. также от другого *вар-* в зн. покрывать, замыкать и пр. (*врѣти*, *вереть*, лит. *verti*)—стар. вр. *врать*: „*ворворки враны* серебромъ, петли серебрены, *обвираны* золотомъ“, XVII в. Забѣлинъ, Дом. б. русс. цариц 578. *Ворворка*: в косу вплетался косник, состоявшій из кисти шолковой, золотой или жемчужной с золотою или жемчужною ворворкою, т. е. верхнею связкою в кисти, ib. См. Даль, ворворка.

[2]) Соотвѣтствіе между *ў* и слав. *вы* (лит. *udrà*=выдра) Миклошичь, V. Gr². I, 152, представляет таким образом, что на пр. *вымѧ*—из *ъı(д)мѧ*, *ъ(д)мѧ*, т. е. принимает, что недопускающее исключенія правило, что *ъı*, *ъ*, *ь* невстрѣчаются в началѣ слова, нѣкогда несуществовало. Это предположеніе ненужно; *в* в *вы-* могло появиться одновременно с превращеніем *у* в *ъı*, т. ч. послѣднее в началѣ слова никогда небывало непокрыто. Подобным образом, думаю, начальное *в* в вост. мр. *вісь*, родит. *óси*, могло появиться только разом с превращеніем основнаго *о* в среднем слогѣ в дифтонг, который, каков бы ни был, т. е. *уо* или другой, непремѣнно начинался с *у*. М. б. это послѣднее выраженіе и не совсѣм точно, но я хочу сказать, что в вост. мр. сочетанія форм *в-ось*, род. *оси* никогда небыло.

Сближеніе *вы(д)мѧ* (*удh-ман) с скр. *ўдh-ан*, *ўдh-ар*, греч.

Digitized by Google

чалѣ, но и внутри (между прочим в случаях формулы *ка, ква, ку, кы*, К Ист. зв. III, 25 сл. Р. Ф. В. 1880, III, 161 сл.). Если путь таков, что из *ва* — дифтонг *уѣ* потом *ја*, откуда у (как в мр., можно думать, *вул* из *вуол*, а это из *вуѣл*); то можно ожидать, что *ја* (будет ли в нем ј коренное или приставное) в подобных случаях даст сочетания *ід*, откуда *іа* и (быть может через *іе*=*ије*) *і*. Так принимают, что *люб-иши* — из *-ие-ши* (Mikl.), а мр. *бір* ближайшим образом из *бієл*, ч. *vůl*, п. *wół* из *wioł*. Т. о. получилась бы возможность объяснения начальнаго славян. и нетолько в тѣх случаях, гдѣ ему соотвѣтствует основное *ai*, прусс. *ai*, лит. *ei*, *ė* (*ила*, если = прусс. ayculo, а не скр. *agra-м*, верхушка, конец, острiе Mikl. Lex.; *ись*, *искати*, *ити*, *ива*, Mikl. Gr². I, 125—6; можно прибавить сближение г. Микуцкаго: *иные*, *ineй*, зап.-русс. *инь*, лит. *inis* (по Микл. заимств. из слав.) и скр. прилаг. *ê-ta*, в жен. р. *ê-tâ* и *ê-nî*, пестрый (о животных), блестящий, сверкающий, о небѣ, водѣ); но и в других случаях, гдѣ такого соотвѣтствия нѣт и в основании лежит *ја* или *а*. Мнѣ и теперь кажется, что хотя в моей статьѣ „О купальских огнях", (Археол. Вѣст. М. Арх. Общ. 1867, III, 5 отд. отт.) и спорно что „основное *а, ја ослабляется* в и", но нѣкоторые случаи отнесены сюда вѣрно.

Подобно выдѣлить случаи относительно позднiе: заимствованное *известь* при ἄσβεστος, calx viva; поль. *ile*, мелко; серб. *имела*, чеш. *jmelí*, между тѣм как русс. *омела*,

---

обо-ар, др. в.-н. *ût-ar* (нов. нѣм. *euter*), лат. *über*, вымя (отличное от *ūber*, изобильный, гдѣ *ū* из *oi*, *ai*, скр. *êdhatê* crescit, Zeit. f. V. Spr. X. 77), всадѣ с тѣм же знач., а в скр. и лоно, скрытое, лишь для друга доступное мѣсто, небесное вымя — облако; это сближение (Mikl. Lex. s. *рамьня* etc.) вѣроятно предполагает сокращение начальнаго *ӯ* в *ў*: лит. *udr-oju*, *-oti*. enterm, вымнуть, хорут. *vimljati*, не о коровах, а о свиньях, собаках, кошках, зайцах; сюда б. м. и лит. *pa-udr-ena liga*, болѣзнь возвращается (усиливается, получает полное вымя?). В подобном случаѣ в латышском находим однако долготу: н.-сл. *овлъ* м. larus, вр. *выпь* ж., бугай птица, ardea stellaris, лот. *ãpis*, *-ja*, м. (=выпль), *ãpiлi*, *ãpêt* кричать о совах, ворковать о диких, голубях (вопить?).

Digitized by Google

ш. *jemioła*, при согласіи лот. *âmals* и лит. *amalis*, *omalas* (при *emalas*, *emolis*) указывают на начальное *а*. Пусть литовско-лат. формы будут и заимствованы из русскаго, хотя доказать это трудно; пусть общеславянская форма начинается с и (послѣднее думает проф. Ягичъ противъ мнѣнія Миклошича и моего, Arch. V, 575 слѣд.): все же прежнее свое сближеніе с скр. *а-малâ*, без пятен, т. е. чисто бѣлая (viscum album) я бы совѣтъ оставилъ, лишь убѣдившись, что отрицательная частица в формѣ ли *о* или и в слав. языках невозможна. Микл. Gr.[2] II, 108, дѣлит: *и-м-ела*, как *бъчела* и относит *и-м*, *jьм* (т. е. хватающая в см. липкая).

За тѣм останется нѣсколько слов с начальным и болѣе древним:

— *Ира*. Такова ли общеславянская форма? Mikl. Lex. (1862—65 г.) s. v. говорит: „radix est *gr* sonare; cf. č. *hra*, p. *gra*, oserb. *hra*, nsl. *gurati se* pro *igrati se*, lit. *graju*; proprie *игра* est clamor". Сближеніе с литов. для подтвержденія такого словопроизводства во всяком случаѣ слѣдует выпустить, т. к. у Нессельм. *graju*, *grajnu* отмѣчено как жмуд. заимствованіе из поль. *grać*, что будет вѣрно, если прибавить „или из бр." [1]). Того же мнѣнія М. в Gr. II, 11: „*игра* вѣроятно в связи с *ир* и первоначально значило „lautes rufen". За приставочное (prothetisch) принимает он и в этом словѣ в Gr.[2] I (1879), 125; но далѣе в этом же соч. по видимому начинает склонятьсѧ к другому мнѣнію: „отношеніе поль. *grać*, *skra*, *wior* к *igrać*, *iskra*, мр. *иверь*, вр. *иверень*, *верень* темно", стр. 536; в верх.-луж. *i* отпадает „в *dźi*, *m'enować*; ср. *hra* : *igra*, *škra* : *iskra*", 560.

---

[1]) Несомнѣнно к *ир* звучать и пр. (скр. *ир-йâ-ти*, звать, призывать, восхвалять, лит. *girti*, *garsas* = голосъ) относятся слова без привязка *и*, между прочим, вр. *граять*, каркать, шумно насмѣхаться, и, с сохраненіем образа каркающей стаи воронья — бранить, порицать (ср. лаять, щекать: „собаки облаяли, вороны огракали, люди узнали"), серб. *грâјати грâја* (о воронах, русс. *воронежай* (дѣйствіе), *гра-чь*, мр. *грайворон*, corvus frugilegus, лит. *gro-ti*, *-oju*, каркать, бранить, порицать, лат. *gra-c-ulus*, нѣм. *krähe*. В серб. и *грâја*, говор, *грâјати*, говорити.

Digitized by Google

По мнѣ, здѣсь неможет быть никакого сомнѣнія. В мр. начальное *і* (осн. *и*) неударяемое превращается в *й*, а ударямое остается: *грати*, *грище*, *грець*, *голка*, *глиця*, *мати*—*маю*, а на западѣ и в *му*, *меш* стоящих не только послѣ неопр. *(матимеш)*, но и перед ним, и в *го* (=йго, ѥго), *му* (йму, ѥму); но *и́грашка*, *и́ва*, *и́ншій* (или с придыханіями). И неударяемое *и* сохраняется, защищенное согласною предлога: *ро́зигри*, первый понедѣльник Петровки, когда в старину хоронили соломяную куклу, т. н. Кострубонька (Максимов, Собр. соч. II, 521). Можно ли возвести подобное явленіе в польском ко вліянію потеряннаго ударенія и его отсутствія, пусть остается вопросом; но в Bibl. Zof. *igrać*, *igrzywy* (или jigrać); там же хотя встрѣчается *mieć* (myecz 36), *nyemyal*, но есть *gimialy*, *gymiali* 34a (=jimiały, нов. miały), *gymienie* (=ji...) 41. В нынѣшнем польском только *mieć*, *miał*, *mam*; *grać* и *igrać* с нѣсколько различными значеніями, *gra* и нѣсколько устарѣлое *igra* [1]), но только *igraszka*. Случаи несомнѣннаго опущенія начальнаго *і* есть и в других славянск. нар. на пр. Mikl. Gr.[2] I, 333. Т. о. за основную слав. форму нужно признать *игра*, м. б. именно *игра́*, с перенесеніем ударенія на 1-ый слог в вин. зв. ед. и во мн. (серб. шток. и̏гра, вин. и̏гру). Появленіе в нем *и* могло бы быть отнесено развѣ в доисторическую старину, если бы это оказалось необходимым, чего я ненахожу.

Значенія сл. *игра*, коими опредѣляются и значенія производных, могут быть возведены к разрядам *дѣйствія*, обозначеннаго корнем, *способа* или *формы* этого дѣйствія и его *орудія*, и приведены в такой порядок:

а) На основаніи вр. *игр-ать* пѣсни, свадьбу, *-ица*, *-ун*, пѣвица, пѣвец, и б) серб. *и̏гра*, хоровод, а равно выраженій относящихся к миѳической пляскѣ солнца (в моей ст. О купальских огнях, отд. отт. 4—5, Археолог. Вѣстн. 1867, III, 101), к движенію в сѣверном сіяніи („сполохи

[1]) „Jegomość X. Biskup obierze ku *igrze* (дѣйствіе) tę *grę* (способ, форма), która się jemu najlepsza będzie widziała“, Górn. Dworz. у Linde s. v.

Digitized by Google

играют"), *игра* — пѣніе, вѣроятно, именно *воспѣваніе*, восхваленіе пѣснью, языческое, приуроченное к опредѣленному времени (ср. вр. *зáигрыши*, вторник на масляной, соб. начало игры. и мр. *рóзигри*, о коем см. выше), сопровождаемое хороводною пляскою и инструментальною музыкой. В этом смыслѣ: „неподобаѥть крестьяномъ игръ бѣсовскихъ играти, ѥже есть плясанье, гуденье (гуд'ба), пѣсни мирьскыя (бѣсовьскыя) и жертвы идольския", Сл. Христолюбца, XIV в., Бусл. Хр. 522.

К значенію клика примыкает вр. *игрец*, собств. nom. agentis, существо поселяющееся в человѣкѣ и причиняющее кликушество и т. п. („игрец тебя подыграй!"), мр. *грець* („бодай тебе грець убив"), м. б. между прочим тоже, что дѣтскіе „*крикливці*", Чуб. I, 141. К значенію пляски, движенія — серб. *коња играти*, мр. *конем играти, на конику виграватн*; в Ип. л. „Угре на фарехъ и на скокахъ играхуть на Ярославли дворѣ", Ип.[1] 56, 20 (1150); о скачкѣ, ристаніи ib. 183, 2; о летающих птицах ib. 183, 12. Под вліяніем такого значенія б. м. поль. *harc*, производимое от *harcerz* = ит. *arciere*, arcarius, лучник (Linde, Matzenauer), осмыслено как *грець*, *герця* (как *швець*, *шевця*), джигитовка, поединок перед битвой („благослови мені... на герці погуляти", Метл. 418—9).—Болѣе общія значенія в *игра* ludus, lusus, *играть кѣм, кого*—нетребуют поясненія; но замѣчательно в) *игра* в значеніи способа, изв. формы хоровода, святочнаго и за тѣм всякаго увеселенія (играть *во* что, на пр. *в ворона* и т. п., *в карты*), что аналогично с г), значеніем музыкальнаго инструмента: „въ бѣсовскіе игры: въ сопѣли, и въ гусли, и въ гудки, и въ домры и во всякіе игры (бы) неиграли"; „скоморохи съ домрами, сурнами, волынками и всякими играми" (Аѳ. П. В. I, 343—4). Отсюда *игрýшка*, мр. *íграшка*, вещь которою забавляются.

Относя *р* к суффиксу (*иг-ра*), можно сблизить корень *иг* с *jаг-*, скр. *jадж-а-ти*, чтить божество, именно восхваленіем, молитвою, жертвою, прич. буд. страд. (necessitatis) *jадж-jа*, достопочтенный, священный = гр. ἅγ-ιος, id, скр. *jаг-ас*, ср. р. = ἅγος, почитаніе, благоговѣніе и пр. (Pott,

Digitized by Google

Wb. III, 575 сл. Fick). Т. о. *ик-ра* означало бы собств. восхваленіе и умилостивленіе божества (пѣніем, пляскою).

На сколько достовѣрно приводимое Нессельманом лит. *jag-aubis* (суф. напоминает скр. *р̀шабha*), бог огня (как инд. *Аіни*, бог домашняго очага, посредник между людьми и богами при жертвоприношеніи?) и на сколько это слово может быть отнесено сюда?

— *Икра* (общесл.) ova piscium, вр. (пск.) *икрó* ср., id, влуж. *jikra* и *jikno* ср. id. Сюда же хорут. *ikre* glandines и поль. *(i)kra*, kostka martwa, opuchnienie śledziony, twardości nabrzmiałe w bokach, болѣзненный нарост в маткѣ.

Судя по слѣдующему, рыбья икра представляется частью внутренности, печенью: *икр-а* и *икр-о* предполагают тему *икр-* = скр. *jакр̀т*, ср. р. = гр. ἧπαρ(τ), ср., род. ἥπατ-ος, печень; *jikno* предполагает тему *икн* = темѣ косвенных падежей вышеупомянутаго скр. слова: род. *jакн-ас*, тв. *jак-н-а̀* = темѣ литов. *jekn-os* (им. мн. ч.), лот. (с потерею j) *akne*, род. *-es*, и мн. *akn-is*, род. *ńu*, печень [1]), = темѣ лат. косвенных пад. при *jecur* (=*jecus) : *jecin-oris*.

Лит. *ikrai*, род. *ů*, икра, заимствовано из русс.

— *Икра*, лытка, wade, откуда б. м. заимствовано лот. *ikrs*, чаще во мн. *ikri* лытки, прусс. *ittroy* = лит. *ikrai*, id, кажется, должно быть отдѣлено от предыдущаго. Связь его с лат. *ocrea*, голенище, пáголенок, наголенник сомнительна.

С обоими вышеприведенными словами неимѣет связи вр. обл. (пск.) *и-кра* (с *и* приставным, в вр. говорах — см. Колосова Обз. звуков. и форм. особенн. нар. русс. яз. 126; в мр. в моих соч. Два изсл. 93—4, Замѣт. о мр. нар. 19—23, E. Ogonowski, Studien auf dem gebiete der Ruthenischen Sprache 54—5) = поль. *kra* (=*кърa*), крыга,

---

[1]) По видимому, рѣшеніе большинства ученых склоняется к тому, чтобы считать такое *a* как в *aknis* и другое подобное в лотышских и литов. говорах, не первообразным, а производным (Arch. f. Sl. Ph. V, 579). В этом отношеніи важен между прочим лотыш. говор, образцы коего в Magazin der Lettisch. Literarisch. Gesellsch. XIV, 2, 162 сл.

Digitized by Google

льдина. Это, по аналогіи с свр. *чка*, наплавной лед (*чкать*. *чыкать*, бить; ср. *прочика*, К ист. зв. III, 96), относится к *кар* (=*скар?) бить, что в *кръ-нъ*, *кур-нос*, серб. *кре-зуб* и др. По видимому иначе—Mikl. Gr. II, 87.

— *Из-окъ*, ц.-сл., cicada, кузнечик и мѣсяц іюнь. Взяв во вниманіе, что многія насѣкомыя называются именами домашних животных в русс. и др. слав. (мое соч. О мно. знач. нѣкр. впров. 212 сл.), литовском (dëwo- v. perkuno- v. dangaus *ožīs*, божій, v. перунов, v. небесный козел, не только бекас [2]), но и божья коровка, coccinella), нѣмецком (Mannhredt, Germ. Mytten 243—5); отношу это слово к скр. *адж-а-* м., *адж-â* ж., козел, коза, *адж-акâ*, козка, лит. *ožīs*=лат. *āzis*, козел, лит. *ož-ka*, коза, гр. *αἴξ* (*αιγ, по Фику, из *αγ-ι-). Замѣтим, что на мѣстѣ слав. *и*, основнаго *ja* из *ă* (*ai-a-) находим в лит. *ō*=лат. *ā*. Названіе мѣсяца по характерному для него насѣкому находит соотвѣтствіе в *чьрвьць*, насѣк. *coccus* и мѣсяц Іюнь.

— *Искра*, scintilla, при поль. *jaskr-y*, *-awy*, яркій, могло бы быть отнесено к разряду *u*=*ai* (см. выше): лит. *aiszkus* ясный, громкій (голос), явный, внятный, при *aszkus*, id и *iszkus* id., и ясный, свѣтлый (о цвѣтѣ). Однако ср. скр. *аччha-* (*аск-) свѣтлый, прозрачный.

---

[1]) Основанія названія птицы и насѣкомаго различны. Ср. названія для scoopax gallinago (кромѣ поль. *słomka*, scol. rusticola=собств. słąka, как видно из слов., чеш. *sluka*, русс. *слука*, серб. *шлука*, от криваго полета): поль. (и русс., если незаимств. из поль.) *be-k-as* (при beczéć), плуж. *biakut* (при *biakaś*, *biacaś*, блеять), поль. *kozielek*, *baranek*, русс. *дикій барашек* („заблеял—кружась в голубой вышинѣ весенняго воздуха, падая из под небес крутыми дугами к низу и быстро поднимаясь вверх", С. Аксаков, Зап. руж. охотн.[3], 44), т. к. во время спариванья поднимаясь на большую высоту, там крыльями производит звук подобный отдаленному блеянью. Отсюда же названія: вышеприведенное литовское, лот. *pe'rkoňa kaza*; нѣм. *hawerzêg*, *hawerzicke*, *hâwerbuck*, *habergeiss*, id., по Гримму неимѣет отношенія к *оесу*, и заключает в себѣ=агс. *häfer*=сканд. *hafr*=лат. *caper*, так что *hafer-bock* есть тавтологія (Mannhardt Wald v. Feldkultus, II, 180), как до нѣкоторой степени и лот. *kiku-kaza*, болотный бекас при *kikuts*, id.

Digitized by Google

Сюда же мѣстоименіе *и* (ja-c), а вѣроятно и союз *и*.

Как думать о формах, как чеш. *jehla*, влуж. *jehla*, *jahla*, хорв. *jagla;* хорут. *jegra* (у Линде)? Почему в названных выше случаях находим в слав. *и(ji?)*, тогда как скр. *jабh-* = слав. *юб-*? — Это оставляю вопросом. Я хотѣл только сдѣлать вѣроятным, что

слав. *ир-* в *ирьй* может соотвѣтствовать основн. *ар-*, что в скр. *арай-а*, ж. *-û* чужой дальній [1]), *âpâm* (abl. от темы *âpa-*) из далека, издали, далеко от, в даль, *apê* (loc. от той же темы) в дали, в дали от..., лот. *ârs* (и ж. âra), все внѣ дома (das aussen), *ārzeme* земля на отшибѣ, чужая страна, лит. *ōras*, тоже что лат. *ārs* (ant oro ēiti, ити на двор; *ore*, на дворѣ, внѣ дома=скр. *âpê*; *oran* на двор), а также воздух, погода, небо; лат. arca (Fick).

Если бы это было так, что *ирьй* представлялся бы далью, или чужой, дальней страной.

Есть однакож еще одна возможность, которую б. м. слѣдует предпочесть остальным: *ūрий*=гр. ἠέρ-ιος, утренній (осн. ф. *ajap-ja; ср. *α-νεψ-ιός*, *нетий* = *наптja); ср. ἦρι, рано; зенд. *ajape*; ср. день, гот. *air*, рано, др. вн. *êr*. В звуковом отношеніи это сближеніе примыкало бы к *иск-* = **aisk-*, с тою разницею, что здѣсь *ū* возникло бы не из одного **ai*, а из *aja*, как в *-и-ши*=*aja-си*. Ирей представлялся бы в таком случаѣ как утренняя (восточная) страна, ср. хорут. jutrowa dežela, morgen land.

А. Потебня.

---

[1]) Отсюда скр. *аранја* м. ср. невоздѣланное и неслужащее постоянным пастьбищем мѣсто, пустошь, лѣс. По слишком большому сходству, вряд ли это сродно с вр. *алань*, *ялань*, *елань*, поляна в лѣсу, мѣсто, то возвышенное, то низменное, годное для покоса и пастьбища.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

К ученію о склоненіи в аріосевропейских языках. Г. Остгофа.

(Kleine beiträge zur declinationslehre der indogermanischen Sprachen. Von H. Osthoff).

(Извлеченіе. См. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Von Dr. Hermann *Osthoff* und Dr. Karl *Brugman*. II. Leipzig 1879, 132—147, 1—76).

I. Ueber den nom.-acc.-voc. dual. der *i*- und *u*- stämme und proportionale analogiebildung.

(Образованіе N.A.V. dual. основ на *i*- и *u*- и пропорціональная аналогія). (Стр. 132—143).

Тождество окончаній N.A.V. dual. -ī, -ū в основах на i- и u- в языках санскритском, старо-бактрійском, старо-словянском, литовском и кельтском позволяет предположить, что эти окончанія принадлежат еще основному языку (Grundsprache). В самом дѣлѣ имѣем:

Digitized by Google

Основа на i-

	Санскр.	Ст.-бактр.	Слов.	Лит.	Кельт.
M.	pátī, kaví	aēthra-paiti	пѫти		dá ḟáith (=*vātī) 2 поэта
F.	ūtí	utayūitī (діал. gāthā)	мощти	nakti, aki	dí ṡúil (=*sūlī) 2 глаза
N.	akṣí (веданч.)	aṣi	очи [1])		dá muir (=*morī) 2 моря

Основы на u-

M.	sūnú	erezu	сыны	súnu	dá mug (=*mogū) 2 слуги
F.	bánū	daḥyu			
N.		voqū (діал. gāthā)			

---

[1]) При этом слѣдуетъ замѣтить, что в веданч. санскритѣ и словянском — окончаніе -I в N.A.V. dual. akṣí, очи при основах ákṣi-, оть- дѣлается принадлежащим к основѣ и переходит в Instr. Dat. (abl.): вед. akṣí-bhyam, слов. очи-ма, оуши-ма. Причина, почему этого нѣт в слов. основах на ŭ- муж. и ж. р.,—та, что законныя формы пѫть-ма, мощть-ма имѣли поддержку в таких же формах мн. ч.— пѫть-ми, мощть-ми, тогда как формы *očĭ-ma и *ušĭ-ma стояли уединенно и, вслѣдствіе этого, легко подверглись вліянію N.A.V. dualia.

Является вопрос: в каком отношеніи находится образованіе N.A.V. dual. при помощи окончаній -i, -ū и образованіе тѣх же падежей у других основ?

Взгляд прежней сравнит. грамматики, по которому в санскритѣ -i и -ū образовалисъ из -yā или -vā, не нуждается в опровержении.

Собственно суффикс N.A.V. dual. в основном языкѣ был -e [1]) (т. е. a_1 Brugman'a и de Saussure'a). Но считать -ī или -ū результатами праязыковой так называемой „контракціи“ из *-ie (-ia_1) или *-ue (-ua_1) невозможно, так как „контрагируются“ в основном языкѣ только гласные группы -a с гласными той же группы.

В данном случаѣ должна бы была произойти консонантизація i или u, и мы бы имѣли напр. в санскритѣ *kavy-a, *sunv-a (или от сильной основы, что весьма вѣроятно,—*kavay-a, *sūnav-a) вмѣсто kaví, sūnú.

Osthoff полагает, что в появленіи -ī, -ū на мѣстѣ законных *-ie (-ia_1), *-ue (-ua_1), нужно видѣть слѣдствіе „ложной аналогіи“ (falsche analogiebildung).

В основах на o- (a_2 Brugman'a и de Saussure'a) в N.A.V. явилось *ek^{1}vō (a$_1$k^{1}vā$_2$) из *ek^{1}vo-e (a$_1$k^{1}va$_2$-a$_1$). (См. Morph. Unt. II. 120). Отношеніе *ek^{1}vō : *ek^{1}vo-s (*a$_1$k^{1}vā$_2$: *a$_1$k^{1}va$_2$-s) вызвало аналогичное (или казавшееся чутью народа аналогичным) отношеніе в основах на i- и u-. Т. о. в санскритском в пропорціях

áçva-s : áçvā (вед.) = kaví-s : x

áçva-s : áçvā = sūnú-s : x

„четвертыя пропорціональныя“ будут kaví или sūnú.

Так как для основ муж. и ж. р. на i- или u- не было такого образца как *ek^{1}vo-s : *ek^{1}vō, то приходится предположить, что онѣ получили окончанія N.A.V. dual. -i, -ū от основ муж. р. Это облегчалось первоначальным тождеством склоненій всѣх женских основ и большей части мужеских.

Греческ. πόλει или ὄσσε=*ὄχϳε или πτῆχες, ἄστεα, νέκυε считать остатками древняго праязыковаго образованія нельзя. Это аналогія (морфологич. ассимиляція) к πόδ-ε, ὀνόματ-ε.

Что формы πόλεις, πτῆχες, ἄστεα—новѣйшаго происхожденія, доказывается отсутствіем „контракціи“ в этих формах -εα $\rightleftarrows$ -ε: в аттическом діалектѣ.

Формы dual. πόλει, φόσει находятся как варіанты в хороших рукописях у Платона, Исократа и др. Здѣсь имѣ-

[1]) См. Morph. Untersuch. I. 159. 226 ff.

Digitized by Google

ется законная „контракція", но в болѣе позднее время от основ πόλε-, πῆχε-, ἄστε-, γένε-, τριήρε- и т. д. возникли подновленныя формы dual. πόλε-ε, πῆχε-ε и т. д., когда уже закон „контракціи" перестал дѣйствовать.

Третье греческое образованіе представляют ἄστη, γένη, τριήρη, πόλη, φύση. Видѣть здѣсь случай „рѣдкой контракціи" εε ⇌ η, как это дѣлает Curtius, нельзя. Формы на -η были сначала у одних neutra и представляли только формы plural., перенесенныя в dual. (из ἄστεα, γένεα). По образцу neutra явились такія же формы и у существительных муж. и ж. р. Самое вѣское доказательство сравнительно поздняго происхожденія всѣх вышеприведенных греч. форм представляет имѣющаяся в дѣйствительности форма dual. на -ῡ (гр. ῡ): у Антифана встрѣчаем ἰχθῦ.

По звуковым законам это не может быть „контракція" из ἰχθύε. Примѣров такой „контракціи" не имѣется. Например: формы imper. ὄμνῡ, στόρνῡ, которыя Curtius объяснял „контракціей" из ὄμνυε, στόρνυε, представляют собой простое перенесеніе формы imperativ'a от глаголов на ω, усложненное вліяніем еще других психических факторов. Первоначально imper. 2 sing. глаголов на -μι образовалось посредством суффикса -θι (-dhí), присоединявшагося к глагольной основѣ: ὄμνῦ-θι.

В глаголах же на -ω эта форма образовалась посредством простой глагольной основы:

φέρε, скр. bhára

Спряженіе на -ω получило перевѣс; сначала вмѣсто окончанія (суффикса) -θι перенесено было -ε глаголов на -ω, и явились формы как ὄμνυε.

Затѣм по типу болѣе многочисленных глаголов на -ω и в спряженіи на -μι 2 л. sing. imp. стали образовывать от одной глагольной основы: *ὄμνυ. На эту послѣднюю форму подѣйствовало весьма вѣроятно вліяніе 2. sing. indicat. ὄμνῡ-ς, вслѣдствіе чего получилось ὄμνῡ.

Подобной же формальной ассимиляціей во 2. sing. ind. объясняется появленіе сильной глагольной основы вмѣсто ожидаемой слабой в формах:

гомер. ἐμ-πίπλη-θι, δίδω-θι вм. *ἐμπιπλᾰ-θι, *διδο-θι

Digitized by Google

рядом со 2 л. sing. ind. εμ-πίπλη-ς, δίδω-ς. Как ὄμνῡ, образованы еще аттич. ἵστη, дорич. эолич. ἵστᾱ, атт. πίμπλη, дорич. ἐγκίκρᾱ, лесбійск. δάμνᾱ. Весьма вѣроятно, что и аттич. ἕξει образовано посредством „пропорціональной аналогіи“:

ἕξ-ει : ἕξ-ιθι = ὄμνῡ : ὄμνῦθι.

В латинском „пропорціональной аналогіей“ вызваны imperativi ī и fer, а именно:

[ī : ī-s (‡скр. é-ṣi) = fer : fer-s (‡скр. bhár-ṣi)] = vehe : vehi-s (‡скр. váha : váha-si).

По типу fer образовались и другіе „апокопированные“ imperativi: dīc, dūc, fac.

Посредством „пропорціональной“ же „аналогіи“ возникли conjuctivi как ῥήγνῡται, ῥηγνύηται:

ῥήγνῡ-ται : ῥήγνῦη-ται = φέρη-ται : φέρε-ται
conj. indic. conj. indic.

Здѣсь чувствовалось отличительным признаком conjuctiv'a присутствіе ῡ̄ перед окончаніем.

В случаѣ, как ῥηγνύηται, остаются тѣже отношенія, только характером conjuctiv'a чувствовалось присутствіе η перед окончаніем, как в conj. φέρη-ται. Это η и было перенесено в conj. ῥηγνύη-ται.

Греческіе глаголы на -νυμι также представляют нѣсколько примѣров „пропорціональной аналогіи“. Так στόρ-νῡ-μι (скр. stṛ-nó-mi показывает, что должно бы быть *στορ-νευ-μι) явилось под вліяніем отношеній δάμ-νᾱ-μι : δάμ-νᾰ-μεν или ἵστᾱ-μι : ἵστᾰ-μεν, вызвавших измѣненіе первоначальнаго отношенія *στορ-νευ-μι : στόρ-νῦ-μεν в

στόρ-νῡ-μι : στόρ-νῦ-μεν.

Приведенных примѣров достаточно для того, чтобы дать понятіе о том видѣ морфологическої ассимиляціи, который называется у Osthoff'a „пропорціональной аналогіей“.

Статья заключается нѣсколькими замѣчаніями общаго свойства относительно процессов „пропорціональной аналогіи“ и „перенесенія форм“ (formübertragung). Но эти замѣчанія не представляют собой ничего новаго и интереснаго для читателей „Вѣстника“ послѣ статьи Н. В. Крушевскаго „Об аналогіи и народн. словопроизводствѣ“, помѣщенной на страницах Р. Ф. Вѣстника.

Digitized by Google

II. Die bildung des loc. plur. im indogermanischen und verwantes.

(Образованіе loc. plur. в индогерманском языкѣ и родственные вопросы). (Стр. 1—76).

Форма суффикса loc. pl. в основном аріо-европ. языкѣ не установлена еще вполнѣ точно. Для ея установленія необходимо разсмотрѣть образованіе loc. pl. во всѣх тѣх языках, которые сохранили этот падеж, т. е. в санскритском, древне-иранском, греческом, словянском и литовском.

Санскрит представляет только одну форму искомаго суффикса — -su (-ṣu).

В діалектах пракрита имѣется кромѣ того еще -sū, но эту форму нельзя считать основной, как это дѣлает Фортунатов, принимающій первоначальную форму суффикса loc. pl. -sun (-sum) или -svan (-svam): prākrit, pāli и новые инд. языки представляют множество случаев вторичной назализаціи.

Древне-иранскій.

Старо-бактр. -hu (-ṣu) || -hū (-ṣū) в діалектѣ gāthā, имѣющем вторичное удлиненіе гласных.

Зенд представляет -hva, -ṣva.

Старо-персидскій клинообразных надписей только

-uvā (⇐*-huvā) ‡ [1]) } ст.-бактр. -hva
-ṣuvā ‡ } ст.-бактр. -ṣva

Старо-греческій представляет только -σι для locat. (dat.) plur.

-σσι в гомерич. κύν-εσσι, πόδ-εσσι, діалектич. ἀγών-εσσι и т. д., которое сводили к °σFι, есть перенесеніе от основ на εσ-, как это доказал Brugman (Curt. studien IX. 297, прим. 12).

-ασσι d. pl. на гераклеических таблицах в πρασσόντασσι и т. д., есть результат взаимнаго уподобленія форм l. pl. (dat. pl.) на -ασι в названіях степеней родства и основах

---

[1]) Отношеніе корреспонденціи.

Digitized by Google

на r- и n-, напр. πατρά-σι, γαστρά-σι, φρᾶ-σί и т. д. и дорической формы на -ασσι, напр. πάντ-ασσι : πρασσόντ-ασσι діалекта Гераклеотов заимствовало α у πατρά-σι, и явилась форма

πρασσόντ-ασσι.

Ст.-словянскій представляет только -хъ ‡ скр. -su, -ṣu, стбктр. -hu, -ṣu : рѫка-хъ ‖ скр. açvā-su, стбктр. urvarā-hu и т. д.

В группѣ балтійской должно ограничиться однимъ литовскимъ, так как старо-прусскій яз. не сохранил и слѣда loc. plur., а в латышском послѣ согласнаго s в суффиксѣ loc. pl. исчез конечный гласный: wilkû-s, sird-is и т. д.

Литовскій. В древне-лит. имѣется только -su: knigo-su „в книгах". В древнѣйшем памятникѣ литовскаго языка — катехизисѣ 1547 г. встрѣчаем исключительно -su, в других книгах XVI в. и -su, и позднѣйшую форму -sa, а в переводѣ библіи Бреткуна -se: namosa, namûsè.

Послѣдняя форма суффикса loc. pl. существует до сих пор и рядом — одно -s (как в латышском).

Знаку носоваго гласнаго, встрѣчающемуся в переводѣ библіи Бреткуна: namosą, wartusą нельзя придавать этимологическаго значенія (как это сдѣлал Фортунатов).

Случаи loc. pl. с постпозицией -pi, -p — žmonėsamp (у людей) и т. д. дали повод Bezzenberger'у предположить первоначальную форму суффикса loc. pl. = -san. Такую форму суффикса loc. pl. Bezzenberger считает аналогией к суффиксу gen. plur. fem. основ на ā- и мѣстоименій на -sāin. Это объясненіе опроверг Leskien, считавшій подобные случаи образованіями по типу мѣстоименных форм — jamimpi, szventamimpi и т. д., в которых носовой согласный был некоп. Правильнѣе всѣх, по мнѣнію Osthoff'a, объясняет Brückner (Arch. f. s. phil. III. 279). Brückner говорит, что постпозиція -pi, -p имѣет мѣсто в gen. при глаголах движенія, для обозначенія направленія — „куда?" и в dat. при глаголах спокойствія, для обознач. мѣста — „гдѣ?" Носовой согласный gen. pl. при этом сохраняется и являются формы как musumpi (к нам), nepriéte-

liumpi (на врагов) и т. д. Окончаніем стало чувствоваться -mpi и было перенесено и в loc. plur., благодаря чему и явились формы как žmonėsamp и т. п.

Формы loc. sing. sunumpi и мѣстоименныя формы— jamimpi, tamimpi допускают два объясненія:

1) носовой согласный в jamimpi тот же, что в скр. yásmin, tásmin и отсюда перенесен в такія формы как sunumpi и другія мѣстоименныя формы, как manimpi, taviimpi

2) и тѣ, и другія формы явились вслѣдствіе „перенесенія окончанія" -mpi из gen. pl.

Таким образом назализованная форма суффикса loc. pl. оказывается сравнительно новѣйшаго происхожденія.

Чтобы имѣть возможность свести всѣ разнообразныя формы суффикса loc. pl. в разных языках к одной основной формѣ, придумали основную индогерманскую форму его — *-s̯va.

В санскритском дѣйствительно имѣется u, происшедшее из сочетанія u̯a (или va) посредством процесса, называемаго „samprasāraṇa". Таким образом санскр. форма суффикса loc. pl. -su или -ṣu могла имѣть в основаніи *-s̯va.

Но процесс, называемый санскритскими грамматиками „samprasāraṇa", совершился в праязыкѣ, а не в отдѣльных, уже раздѣлившихся, языках. Гдѣ имѣются результаты этого процесса, как, напримѣр, в слабой основѣ *k'un — (от *k'u̯an —собака) или слабой формѣ суффикса part. perf. a. -us- (индог. *-u̯as-), там, само собой разумѣется, не может быть сочетанія u̯a рядом с u в одних и тѣх же условіях. Если бы, напримѣр, рядом с g. sing. κυν-ός в греч. имѣлась еще форма *κυον-ος, то это могло бы быть только новообразованіе. Подновленіе процесса „samprasāraṇa" имѣется только в болѣе новых индійских діалектах — pāli и prākrit'ѣ.

Digitized by Google

Против этой аргументаціи можно привести примѣр: греч. ὕπνος (≤ *supnos) || с.л. сънъ || кембр. аремор. hun || скр. svápna || стбктр. qafnō || скапд. svefn.

Но здѣсь нельзя видѣть ни спеціальнаго греч. звук. процесса, по которому ve или vo измѣнилось в u, ни сохраненія в санскр. того самаго va, которое дало u в индогерм. *supna$_2$s. Здѣсь мы имѣем извѣстную градацію основ *supna$_2$-, *sva$_1$pna$_2$-, *sva$_2$pna$_2$- такого же рода, как *g^{l}nu-, *g^{l}a$_1$nu-, *g^{l}a$_2$nu-; *vṛdha$_2$-, *va$_1$rdha$_2$-, *va$_2$rdha$_2$- и т. д. (Ср. de Saussure, Syst. primit. стр. 221—223). Градація эта была вызвана перемѣной мѣста ударенія еще в основном языкѣ, которую, таким образом, слѣдует принять и для склоненія на a$_2$- и ā-. Эта градація основ и объясняет различные корреспонденты греческаго ὕπνος в разных аріо-европейских языках.

Таким образом ὕπνος или сънъ не могут служить доказательством происхожденія -su из -sva ни для отдѣльных языков, ни для основнаго аріо-европейскаго. Лучшее доказательство против предполагаемаго *-sva дает старо-бактрійскій. Если принять, что старо-бактрійскія формы -hva, -ṣva развились из первоначальнаго *-sva и при этом помнить, что спеціально-старо-бактрійскаго процесса „samprasāraṇa“ не было, то нельзя будет объяснить формы -hu, -ṣu. Если же допустить, что процесс „samprasāraṇa“ был в старо-бактрійском и что основное *-sva измѣнилось в -su (-hu, -ṣu), то в таком случаѣ будут непонятны формы -hva, -ṣva того же языка и той же эпохи.

Греческое -σι нельзя вести от -su, корреспондентом котораго на греч. почвѣ было бы *-συ. С другой стороны греч. -σι на греч. почвѣ могло произойти из *-σFι (в ποσ-σί, но не πόδ-ε-σσι). Но этой возможностью нельзя пользоваться для того, чтобы согласить греч. форму -σι через посредство *-σFι с формами этого суффикса в других языках.

По звуковым законам индогерманское *-sva будет имѣть в греческом корреспондентом или *-σFα, или *-σFε,

Digitized by Google

или σFο, (смотря по тому, какой будет гласный: ʌ, a_1, a_2), но отнюдь не *-σFι. Доказательства же, приводимыя в пользу греческаго перехода ε ⇄ ι, совершенно не выдерживают критики (см. Brugm. und Osth. Morph. Unters. II. 19—20). Таким образом греческое *-σFι есть фикція.

Литовскій также не оправдывает принятія основной формы суффикса loc. pl. -sva.

В литовском есть однако случаи исчезновенія v послѣ передне-язычных придувных: sãpnas (сон), sesũ (сестра), -si (себя в средн. глаголах), szẽszuras (тесть) и т. д. Но по какому закону v здѣсь исчезает и остается в таких случаях как svẽczas (гость), sveriù (вѣшаю) (или слов. svekrŭ, svętŭ, svojĭ || sestra, sę и т. д.)—неизвѣстно.

Если допустить, что лит. формы суффикса loc. pl. -sa, -se произошли от *-sva, то придется принять двѣ формы суффикса loc. pl. с ʌ или a_2 для -sa и с a_1 для -se. Древнѣйшая же литовская форма даннаго суффикса -su при этом предположеніи все таки осталась бы непонятной. Таким образом очевидно, что за основную форму loc. pl. необходимо принять не *-sva, а какую нибудь другую, и именно форму -su, встрѣчающуюся в четырех группах (индійской, иранской, словянской, литовской). В словянской и индійской группах имѣется только одна эта форма, а в литовском она является древнѣйшей, что может быть доказано исторически.

Теперь слѣдует объяснить другія формы суффикса loc. pl., которых по звуковым законам нельзя свести к основной формѣ -su.

Иранскій. Прежде всего имѣем старо-бактрійскія -ḥva, -ṣva; старо-персидскія -uvā, -ṣuvā.

Здѣсь очевидно постпозиція старо-бактрійскаго u персидскаго ā (скр. ā). Такая постпозиція весьма часто встрѣчается в ведах: tanū́ṣv ā́ (в тѣлах) и т. д. yā́sv ā́ (в которых) и т. д. Настоящіе же иранскіе корреспонденты ведаических соединеній с ā и будут loc. pl. с окончаніями ст.-бактр. -ḥva, -ṣva, ст.-перс. -uvā, -ṣuvā.

Греческій. Здѣсь форма -σι явилась под вліяніем loc.

Digitized by Google

sing. loc. plur. *ποσ-σό подвергся ассимиляціи к loc. sing. ποδ-ί, сообразно с одинаковым значеніем падежа, вслѣдствіе чего явилась форма ποσ-σί. Древняя форма loc. plur. сохранилась в μεταξύ (посреди). (Pott, Curtius и Gerland объясняют это нарѣчіе посредством μετὰ + ξύν, но -ν в подобных композитах не исчезает без слѣда).

Основа μετακ- имѣется еще также в словѣ μέτασσαι (ягнята средняго возраста), сводимом к *μετακ-jαι.

Литовскій. Лит. -se в loc. pl. объясняется как греч. -σι вліяніем loc. sing. на старую форму с -su. В sing. имѣется mergojè, vilkè, что вызвало в plur. mergosè, vilkûsè и т. д. Другая форма loc. pl. на -sa есть также вторичное образованіе, но древнѣе предыдущаго. Теперь эта форма исчезла. Так как окончаніе loc. sing. -je в свою очередь сводится к первоначальному -ja, то можно сдѣлать догадку, что и форма loc. pl. на -sa произошла вслѣдствіе ассимиляціи древней формы loc. pl. на -su к loc. sing., когда еще здѣсь было -ja; позже, когда a в -ja измѣнилось под вліяніем j в e, тогда и форма loc. pl. -sa измѣнилась в -se. Поэтому то и неимѣется теперь loc. pl. с окончаніем -sa.

У основ на a- и на u- в loc. plur. между основой и падежным суф. имѣется n: vilkunsu (отсюда vilkûsu) из болѣе древняго *vilkansu, sununsu, откуда *sūnûsu.

Osthoff отвергает объясненія Leskien'a и Brückner'a, которые пытались объяснить появленіе этого n, и предлагает свое. По его объясненію, причина, вызвавшая появленіе этого n, есть та же постпозиція -pi, -p, о которой была рѣчь выше. Постпозиція -pi, -p в латышском имѣет мѣсто и в accusativ'ѣ: áru-p („вон", собственно „на воздух"). В литовском же имѣются слѣды такого соединенія, напр.: diévumpi (к богу), dangumpi (к небу), гдѣ, как доказывал это еще Schleicher, имѣем accusativus sing. Так что, если в обще-балтійском періодѣ имѣлись такія формы accus. pl. как *darbuns-pi (к работам), *dangunsпi (к небесам) со значеніем casus directivi, то они могли подѣй-

Digitized by Google

ствовать на формы loc. pl. *darbiċsu или *darbaisu (в работах), *dangusu (в небесах) и передать им свое n.

В основах на i произошло тоже самое: доисторическое *szirdins-pi (в сердцах) дало из *szirdi-su—*szirdin-su. *Szirdinsu измѣнилось в *szirdysu и это наконец дало szirdysė (под вліяніем loc. sing).

Теперь остается разсмотрѣть еще два вопроса, касающихся loc. pl. в греч. языкѣ.

1) Первый вопрос относится к появленію -σ- (=индогерм. -s-) в loc. pl. послѣ конечнаго гласнаго основ на гласный звук, т. е. между двумя гласными, гдѣ -σ- должно было исчезнуть. Между тѣм имѣются такія формы, как іонич. πόλι-σι, νέκυ-σι, ναυ-σί, βασιλεῦ-σι и т. д. Но эти формы представляют собой результаты морфологической ассимиляціи к loc. pl. основ на согласный, т. е. к таким формам как γυναιξί, ποσ-σί и т. д. Доказательства, приводимыя Saussure'ом в пользу существованія -σ- между двумя гласными, неубѣдительны, и случаи -σ- между двумя гласными в loc. plur. обязаны своим существованіем одним психическим причинам.

Другой вопрос касается образованія dat. pl. в греческом, в склоненіи на -o (т. е. -a_2)—λύκοις, λύκοισι и в склоненіи на -ā (ᾱ) с извѣстным его разнообразіем форм dat. pl. (-ᾶσι, -ῃσι, -ῃσι, -ῃς, -αισι, -αις). Прежде всего разберем вопрос, 1) в каком отношеніи находятся окончанія -οισι и -οις друг к другу и к соотвѣтствующим падежным формам основ на согласный, на i- и u-. Затѣм, 2) в каком отношеніи находятся формы dat. pl. склоненія на ā- друг к другу и к формам на -οισι, -οις склоненія на o- (т. е. a_2).

Gerland говорит (Zeitschr. f. Vergl. Sprachf. IX. 36), что форма -οις произошла из -οισι перед начальным гласным слѣдующаго слова. Но как тогда объяснить тот факт, что не имѣется *ἴπας, *χέρς вм. ἵπποισι, χερσί в таких же условіях? Между тѣм форма dat. на -οις есть собственно instr. pl., так что λύκοις ‡ vṛkais. Собственно для

Digitized by Google

λύκοις ожидаемым корреспондентом в санскритѣ должна бы быть форма *vṛ́kes или наоборот, для скр. vṛ́kais греческое *λύκωις, *λύκῳς. Происхожденіе же λύκοις из *λύκωις является весьма вѣроятным, так как ничто не мѣшает предположить, что греческое окончаніе -οις произошло из *-ωις, ср. объясненіе Brugman'om πλεῖστος из *πληιστος (Morph. Unt. I, 32, 44). Формы же на -οισι суть новообразованія из форм на -οις с морфологической ассимиляціей к основам не на o- (a_2), имѣющим окончаніе dat. pl. -σι. Возможно также, что эти формы представляют основную форму loc. pl., только дважды измѣненную вліяніем морфологической ассимиляціи (-ι вм. -υ и сохраненіе -σ- между двумя гласными). Самая форма с -οισι встрѣчается главным образом в языкѣ поэтов, а в прозѣ только —

a) в Лесбійских надписях, гдѣ их существованіе вызвано дифференцирующим стремленіем, так как в Лесбійском діалектѣ вмѣсто acc. pl. на -ονς, -ανς является также на -οις, -αις.

b) в ново-іонійском—как у Геродота и у других прозаиков, так и в надписях.

c) в древне-аттических надписях до 3-го года 86-й олимпіады.

Но при этом во всѣх трех областях имѣется рядом и форма на -οις.

Таким образом -οις не есть „укороченіе" -οισι, но эти двѣ формы или находятся друг к другу в братском отношеніи, или — и это вѣроятнѣе — -οισι есть новообразованіе вмѣсто -οις по типу -σι основ не на o- (a_2).

В dat. (loc.) pl. склоненія на -ā должно разсмотрѣть пять форм: 1) атт. -ᾶσι и іонич.-атт. -ῃσι, (в атт. имѣется чередованіе этих двух окончаній при извѣстных условіях). 2) гомер., іонич., др. аттич. -ῃσι; 3) -ῃς, только гомерич.; 4) -αισι,—лесбійское и др.-аттич.; 5) -αις, единично у Гомера, позже обще-греч. в прозѣ и поэзіи, за исключеніем аттическаго.

Всѣ эти формы носят слѣды вліянія морфологической ассимиляціи.

Digitized by Google

Относительно древнѣйшія формы—атт. -ᾶσι, -ῃσι, іон. -ῃσι в парѣчіях мѣста как атт. Ὀλυμπίᾶσι, Ἀθήνῃσι, также в древне-аттических надписях в dat. pl. ταμίᾶσι, αὐτῇσι и т. д.

От настоящаго loc. pl., напр. скр. pṛtanā-su, ст.-бкт. peṣanā-hu, ст. сл. рѫка-хъ, ст. лит. rankō-su, эти формы отличаются только тѣм, что приняли -ι вм. -υ и -σ- (вслѣдствіе морфологической ассимиляціи). Что касается других форм, то легче других объясняется окончаніе -αις, вызванное морфологической ассимиляціей к -οις в склоненіи на o- (a_2). Весьма вѣроятной, слѣдовательно, является пропорція:

λύκοι : νύμφαι = λύκοις : (νύμφαις).

То, что νύμφαι само есть новообразованіе по типу λύκοι, ничего не говорит против только что приведеннаго объясненія, так как это новообразованіе довольно древняго происхожденія и встрѣчается во всѣх греческих діалектах.

Окончаніе -αισι вызвано вліяніем -οισι. Окончаніе -αισι встрѣчается внѣ поэзіи только в лесбійских надписях и единично в древне-аттическом.

В лесбійском діалектѣ -αισι, как и -οισι, поддерживалось дифференцирующим стремленіем. Так как сомнительно, что -οισι есть древняя форма loc. pl., а напротив -οις кажется древнѣе, то является также сомнительным, что -αισι возникло по образцу -οισι, и всего скорѣе можно думать, что -αις древнѣе -αισι.

В таком случаѣ -αισι может быть двоякаго происхожденія: 1) -αις измѣнилось в -αισι посредством морфологической ассимиляціи к типу -σι основ на согласный, на i-, на u;- 2) сначала явилось -οισι, а потом, по типу отношенія -οις : -οισι, явилось и отношеніе -αις : -αισι.

Аттическое единичное -αισι, встрѣчающееся в надписях в теченіе весьма небольшаго промежутка времени, трудно объяснимо, но можно предполагать, что оно есть результат взаимнаго компромисса между болѣе древним окончаніем -ῃσι или -ᾶσι и болѣе новым -αις. Так как в

Digitized by Google

это время -οισι уже не встрѣчается, то можно догадываться, что оно исчезло уже из употребленія.

Совсѣм другаго рода -ῃσι в гомер. іон. νύμφῃσι, др. атт. надп, ἐπόπτῃσι, τῇσι. Здѣсь ι subscriptum показывает, что окончаніе -ῃσι явилось из *-ηισι, а это послѣднее возникло вслѣдствіе морфолог. ассимиляціи к формам λύκοισι, τοῖσι.

Гомерическое -ῃς явилось уже из -ῃσι в νύμφῃσι по готовому уже отношенію -οις : -οισι.

В концѣ статьи заключаются общіе выводы относительно dat. pl. в греческом, которые я приведу здѣсь.

1) В основном греческом основы на о- (a_2) имѣли окончаніем dat. pl. (instr. pl.) -οις; основы на ᾱ- (Ā) в dat. pl. (loc. pl.) -ᾱσι : τοῖς λύκοις ‖ *-τᾱσι νύμφᾱσι.

2) Большая часть діалектов (всѣ, кромѣ іоническаго и аттическаго), т. е. всѣ дорическіе, эолическіе и лесбійскій сохранили неизмѣнно форму dat. pl. основ на о- (a_2) и под ея вліяніем явилось на мѣсто -ᾱσι новообразованіе -αις : τᾶις νύμφαις как τοῖς λύκοις.

3) Іоническо-аттическая вѣтвь, напротив, держалась крѣпче форм -ᾱσι, -ῃσι основ на ᾱ- (Ā), и, вслѣдствіе этого, -οις основ на о- (a_2) измѣнилось в -οισι по типу -ᾱσι, -ῃσι (τοῖσι λύκοισι как τῇσι νύμφῃσι), причем в аттическом, рядом с новым -οισι прежнее -οις не исчезло.

4) Лесбійскій діалект измѣнил общее дорическо-эолическое окончаніе dat. pl. -οις, -αις в -οισι, -αισι (за исключеніем τοῖς, ταῖς и других подобных форм), оба вѣроятно под вліяніем -σι в dat. pl. основ на согласный. Причиной этого спеціальнаго развитія было совпаденіе dat. pl. -οις, -αις с таким же окончаніем acc. pl. этого склоненія.

5) В аттическом существованіе -οις рядом с -οισι повело к исчезновенію послѣдняго и к появленію -αις в склоненіи на ᾱ- (Ā) в аттическом же.

6) Іон. и древне-атт. -ῃσι рядом с -ῃσι основано на обратном вліяніи -οισι на форму даннаго падежа в склоненіи на ᾱ- (Ā).

Digitized by Google

7) Гомерическое -ῃς явилось из -ησι, побуждаемое существованіем отношенія -αις : οισι в склоненіи на ο- (a_2).

8) Древне-аттическое -αισι, появляющееся только в эпоху исчезновенія -ησι и появленія -αις, есть результат взаимнаго уподобленія форм с -ησι и с -αις.

Казань, 13 апр. 1881 г.

С. Булич.

---

1. *Древность малороссійскаго языка.* Написалъ *Михаилъ Красускій.* Одесса. 1880. in 8°. 28 стр. Ц. 40 к.

2. *Опытъ сближенія славяно-русскихъ глаголовъ съ греко-латинскими по формамъ и корнямъ.* М. 1879. in 8°. 147 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Подъ предисловіем ко второму изслѣдованію подписано П. Б....въ. Г. Лебедев в IV N Фил. Записок за прошлый год в отдѣлѣ библіографіи (стр. 9) предполагает, что эту книгу составил Бодров.

Оба эти изслѣдованія [1]) отличаются противоположными научными достоинствами: в первом они совершенно отсутствуют. Для убѣжденія достаточно привести начало брошюры г. Красускаго: (удерживаю правописаніе подлинника) „Занимаясь долгое время сравненіем арійских языков, я пришел в (?) убе(?)жденіе, что малороссійскій язык не только старше всѣх славянских, не исключая, так называемаго, старославянскаго, но и санскритскаго, греческаго, латинскаго и прочих арійских (стр. 3)".

В основу брошюры г. К-ій положил отчасти вѣрную мысль (говорю отчасти потому, что не одними только числительными именами можно рѣшить его). Вот как г. К. выражается: „нѣт сомнѣніе (?), что названіе чисел, употре-

---

[1]) Перваго нельзя назвать изслѣдованіем, но так величает его автор: „настоящее изслѣдованіе есть лишь кратким извлеченіем (?) из обширнаго труда, приготовленнаго к печати на польском языкѣ" (стр. 3).

Digitized by Google

бляемых всѣми арійскими племенами (,) принадлежит глубокой древности, и если бы могли объяснить их (то есть чисел) происхожденіе, то тѣм самым нашли бы ключ для разрѣшенія арійскаго вопроса. Вот как, по моему, на основаніи форм малороссійскаго языка, можно объяснить происхожденіе названія первых чисел (4)". Затѣм объясняются названія чисел. Для курьеза приводем объясненіе названія три: „малор. *тры* проис. от *тере*, *тре* (трет), ибо средній палец трет о другіе боковые. Италіанское *tre* (три) наиболѣе сохранило первоначальную форму; лат. *tres*, греч. *treis*, нѣм. *drei*, фран. *trois*. Но малорос должен был перемѣнить *тре* на *тры*, чтобы отличить от *тре* в значеніи *трет*. То само и литов. *trys*, поль. *trzy*, рус. *три* и санскр. *tri*, как русское. Однако малорос не говорит *трытіі*, но *третіі*, и тут отыскиваем окончаніе *тъ* в формѣ трс(тъ), которое у Русских сохранилось. Санскр. *tritja*, греч. *tritos*, удерживают *i*, лат. *tertius*, *tertio* переставляют (?) *r* на мѣсто *e* (5)".

В таком родѣ всѣ объясненія. Результат тот, что брошюры этой не стоит читать.

Не то представляет „Опыт сближенія словянорусских глаголов с греко-латинскими по формам и корням". Это изслѣдованіе составляет вклад в русскую филологію. Оно состоит из двух отдѣлов: в первом сближены глагольныя формы (стр. 17—41), во втором глаголы сближены по корням (стр. 45—125). В прибавленіи помѣщены глаголы, заимствованные из лат. яз. (стр. 131—135) [1]) и заимствованные из греческаго (стр. 136—139) [2]).

Всѣх глаголов сближено по корням 1376. При многих глаголах приведены того же корня другія слова. Таких слов 717. Кромѣ того, в предисловіи сближено много сущ. имен (стр. 2—8).

Разумѣется, что в числѣ сближенных глаголов по корням находится много таких, сближеніе которых между со-

---

[1]) Всѣх глаголов 99.

[2]) Всѣх 38.

Digitized by Google

бою не имѣет основанія, на что отчасти указывает сам составитель. В предисловіи он говорит: „сближеніе нѣкоторых глаголов нами только как бы поставлено на очередь“ (стр. 2). Сюда, мнѣ кажется, прежде всего относятся областныя слова, напр. *бала-бóнить* [1]) (шутить) πολυ-φωνέω (много *буню*, шумлю (стр. 53), *ваúлить* (быть неповоротливым, мѣшкать) вáлить (медлить) *ϕαυλίζω*, *ваúла* (неповоротливый), вялый, Фаля *ϕαῦλος* (стр. 55), *кúнить* вопить, кричать), *гумбúть* (говорить) κομπέω, скр. джáпāми (стр. 58), *с-дóбить* (приготовить покойника), с-по-добить [2]) δάπτω, скр. дāбгáйāми (стр. 63), *душúть* (пить часто и много) — **дьждити, дъжгити** duco (ductum) скр. дóхми, — дāхáйāми (стр. 65), *кольчúть* (обрѣзать коротко) κολάζω; *калúкать* [3]) colloquor (collocutum), κολαχεύω, *калúки* (разговоры, рѣчи) colloquia (κολαχεία) (стр. 69), повѣсничать, пайснить *παίζω* (ребячусь), повѣса, паяс *παῖς* (дитя) стр. 94 и мн. др.

Еще болѣе автор запутывает сравненіе тѣм, что иногда одно и тожо сущ. ставит при двух глаголах, напр. **глѣбати**, у-глублять κολυμβάω (плаваю, ныряю), **голжь** (columba) κολυμβάς (утка, нырок) стр. 59), а на стр. 60: голубить (ласкать — подражать голубям) columbo, **голжь**, голубь, *голýба* columbus, columba (κολυμβάς). Впрочем подобные промахи неизбѣжны в дѣлах рук человѣческих и не умаляют достоинств почтеннаго труда г. Б....ва.

Мензелинск.

К. Шейковскій.

---

[1]) Вездѣ курсив подлинника.

[2]) Едва ли это слово можно разложить на подобные элементы.

[3]) Слово это употребляется у русских татар, откуда, вѣроятно, оно перешло в русскій язык.

Digitized by Google

Рукописи *Зеленогорская и Краледворская*. Историко-библіографическое изслѣдованіе Андрея Стороженка. Кіевъ, 1880. 291 стр. Цѣна 1 рубль 25 к. с.

Поэтическіе памятники древней Чешской литературы заключаютъ въ себѣ такой животрепещущій интересъ, что съ самаго обнародованія ихъ не перестаетъ появляться о нихъ масса изслѣдованій. Впрочемъ, какъ ни разнообразны труды, для которыхъ рукописи послужили матеріаломъ,— въ нихъ можно отмѣтить два теченія мысли, совершенно противоположныя: 1) одни изъ изслѣдователей не сомнѣваются въ подлинности памятниковъ, и смотрятъ на нихъ, какъ на драгоцѣнное свидѣтельство о древнемъ бытѣ, поэзіи и языкѣ Чешскаго народа; 2) другіе же стараются доказать, что рукописи не подлинные памятники, а фальсификаты.

Эти поэтическія произведенія остались не безъ вліянія и на русскую науку. Изъ среды русскихъ ученыхъ славяновѣдовъ многіе серьезно и добросовѣтно изучали названные памятники, и плодомъ ихъ занятій явились труды капитальные, какъ напр. разборъ И. Некрасова.

Недавно появившійся трудъ г. А. Стороженка является плодомъ добросовѣстнаго изученія литературы, касающейся данныхъ памятниковъ. Это главная задача его сочиненія. Но предварительно онъ предпосылаетъ исторію открытія рукописей, ихъ содержаніе—и литературное и политическое значеніе ихъ для Чеховъ.

Какъ бы ни рѣшила наука вопросъ о подлинности этихъ памятниковъ; но все таки нужно сознаться, что значеніе ихъ для Чешской литературы было и есть громадно.

Поэтому не безъинтересно будетъ привести на этотъ счетъ отзывы Чешскихъ ученыхъ. Шафарикъ говоритъ, что „картины древности (опоэтизированныя въ рукописяхъ) имѣли тихое, но тѣмъ болѣе прочное по своимъ послѣдствіямъ вліяніе на души Чеховъ, открытыя для всего прекраснаго и возвышеннаго, и измѣнили ходъ новочешской литературы. Можно безъ преувеличенія утверждать, что но-

Digitized by Google

вѣйшая чешская поэзія съ такими поэтами, какъ Колларъ и Челяковскій во главѣ, обязана своимъ возвышеніемъ и облагороженіемъ, своимъ возвращеніемъ съ безплодныхъ пустыхъ общественныхъ выгоновъ къ живому источнику родной, народной мелодіи болѣе всего знакомству съ поэмами Краледворской рукописи и ихъ удивительно плодотворной силой" (стр. 10).

Яковъ Малый такъ опредѣляетъ роль рукописей въ общественномъ возрожденіи Чеховъ: „Народъ, выступающій въ этихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ чешской письменности, достоинъ высокаго уваженія, и Чехъ сознавалъ, что это чешскій народъ не въ современномъ своемъ униженіи, но въ прежней своей славѣ. Исконная задача Чеховъ—отражать отъ себя напоръ чужеземцевъ, отстаивать свою народность противъ гибельныхъ для нея чуждыхъ элементовъ, быть безпрестанно на стражѣ противъ сосѣдей Нѣмцевъ,—все это произвело извѣстную солидарность народныхъ стремленій нынѣшнихъ и древнихъ, и патріотъ сталъ считать своею священною обязанностью продолжать борьбу, начатую его предками подъ одинаковымъ лозунгомъ—защиты народной самостоятельности" (стр. 11).

Самую существенную обширную часть изслѣдованія г. Стороженка составляетъ критическій и библіографическій разборъ литературы данныхъ памятниковъ. Сначала онъ предположилъ только разобрать всѣ сочиненія съ 1817 по 1877 годъ; но въ примѣчаніяхъ у него помѣщены указанія и на труды, выходившіе въ 1880 г. какъ напримѣръ Шемберы: „Kdo sepsal Kraledvorský rukopis roku 1817?" (стр. 288).

Въ библіографическомъ разборѣ мы встрѣчаемъ, какъ руководящія сочиненія Юнгмана, Добровскаго, Ганки, Палацкаго, Иречка, такъ и мелкія статьи и даже переводы.

Эта часть разобрана авторомъ со всею добросовѣстностью и полнотою; такъ что можетъ служить справочною книгой для занимающихся изученіемъ этихъ памятниковъ.

Относительно сомнѣній въ подлинности рукописей г. С. справедливо замѣчаетъ, что опредѣленные отвѣты можно

Digitized by Google

дать только послѣ палеографическаго изслѣдованія рукописей. „Въ настоящее же время обѣ рукописи — книги, по выраженію Ягича, запечатанныя семью печатями“ (стр. 290).

Относительно времени происхожденія рукописей Стороженко высказывается, что „Зеленогорская рукопись сама по себѣ изготовлена, кажется, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Заключающіеся въ ней отрывки написаны, по всѣмъ соображеніямъ, въ XIV в. какимъ-нибудь юристомъ, не лишеннымъ поэтическаго дарованія и знанія пріемовъ народной поэзіи“ (стр. 290).

„Краледворская рукопись относится, повидимому, къ XIV вѣку“. Точно опредѣлить время можно только послѣ обстоятельнаго палеографическаго изслѣдованія (стр. 290).

Послѣдніе выводы г. Стороженко обѣщаетъ развить и доказать въ новомъ самостоятельномъ изслѣдованіи, которое будетъ продолженіемъ разобраннаго нами сочиненія. Будемъ надѣяться, что новѣйшія открытія въ этой области чешскихъ ученыхъ раскроютъ и уяснятъ ему еще болѣе горизонтъ [1]).

Х. Ящуржинскій.

Народныя пѣсни, собранныя въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи Василіемъ Поповымъ, Изданіе Манухина. Москва 1880 г. въ 16 д. большаго листа, стр. 249. Ц. 1 р. 50 к.

О народныхъ говорахъ Пермской губерніи намъ мало извѣстно. Даль въ своемъ предисловіи къ толковому словарю живаго русскаго языка о Пермской губерніи говоритъ: по нарѣчію она западною своею частію принадлежитъ Вяткѣ, сѣверною сближается съ Архангельскомъ, южною (примыкаетъ) къ смѣси сѣвернаго и восточнаго говоровъ, а вся зауральская область принадлежитъ къ Сибири. Здѣсь

---

[1]) Намъ извѣстно, что пражскій профессоръ Гаттала приготовилъ обширное изслѣдованіе, въ которомъ опровергъ всѣ доводы сомнѣвающихся или не признающихъ подлинности Краледворской рукописи. *(Ред.).*

Digitized by Google

постепенно Новгородскій и Суздальскій говоры сливаются, и смѣсь эта не представляетъ столько особенностей, чтобы ее можно было означить своимъ нарѣчіемъ. За симъ Даль приводитъ по нѣсколько особенностей говора изъ разныхъ мѣстъ Пермской губерніи (XXXVI—XXXVII). Колосовъ въ своихъ отчетахъ 2-му Отдѣленію Имп. Ак. Н. (Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-русскаго нарѣчія, 1877 г.) представилъ характеристику говоровъ Пермской губерніи не отдѣльно, а вмѣстѣ съ Архангельской и Вологодской. Но и въ этой характеристикѣ указываются преимущественно особенности рѣчи Архангельской и Вологодской и ни разу не сдѣлано ссылки на матеріалы, доставленные ему директоромъ народныхъ училищъ Пермской губерніи, г. Чеглоковымъ. Въ послѣднемъ своемъ трудѣ „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка“ 1878 г., проф. Колосовъ, также мало затрогиваетъ Пермскій край. Что же касается Чердынскаго уѣзда, то въ изслѣдованіи Колосова есть два, три указанія на тамошній говоръ, сдѣланныя на основаніи маленькихъ сказокъ, помѣщенныхъ въ III т. Сборника Аѳанасьева и записанныхъ съ соблюденіемъ литературнаго правописанія. Очевидно, что для характеристики говоровъ Пермской губерніи изданные доселѣ матеріалы не достаточны, такъ какъ Колосовъ пользовался всѣми доступными источниками (Обз. стр. I).

Въ первой четверти 1879 г. въ одномъ изъ Собраній 2-го отд. Имп. Ак. Н. академикъ Бычковъ заявилъ, что въ письмѣ къ нему членъ-корреспондентъ Отдѣленія, П. А. Лавровскій, сообщилъ, что въ его рукахъ находится обширный рукописный томъ, содержащій народныя пѣсни Екатеринбургскаго уѣзда, собранныя директоромъ народныхъ училищъ Пермской губ. г. Шишонкомъ. Всѣхъ пѣсенъ въ томѣ 447; онѣ раздѣлены на три отдѣла: 1) пѣсни проголосныя, 2) хороводныя, и 3) свадебныя. Г. Лавровскій свидѣтельствуетъ, что едва ли найдется кто либо другой, кто бы такъ хорошо и разносторонне зналъ любопытный Пермскій край, какъ знаетъ его Шишонко, и что при

Digitized by Google

собиранія пѣсенъ онъ обращалъ особенное вниманіе на правильную передачу мѣстнаго говора. Положено: просить Бычкова сообщить П. А. Лавровскому о доставленіи означеннаго сборника пѣсенъ (Сбор. Отд. рус. яз. и слов. Имп. А. Н. т. 20, стр. VIII).

По вотъ уже прошло болѣе двухъ лѣтъ со времени заявленія Бычкова, а о появленіи сборника въ печати пока ничего не слышно. Поэтому-то мы съ нетерпѣніемъ ожидали сборника Попова, напечатаннаго въ 1880 г.

Къ сожалѣнію, сборникъ Попова не оправдалъ нашихъ ожиданій. Пѣсни, въ немъ помѣщенныя, записаны безъ сохраненія особенностей говора: большею частію соблюдено здѣсь литературное правописаніе и только изрѣдка встрѣчаются отступленія отъ него, по преимуществу въ родит. падежѣ прилагательныхъ мужескаго и ср. родовъ.

Не смотря на то, что способъ изданія пѣсенъ съ литературнымъ правописаніемъ скрылъ отъ насъ многія фонетическія особенности Чердынскаго говора, все таки сборникъ Попова представляетъ богатый матеріалъ для характеристики языка данной мѣстности. Здѣсь приведемъ лишь тѣ особенности, которыя бросились въ глаза при бѣгломъ просмотрѣ сборника.

I. *Звуки.* а) гласные:

е начальное вм. *о*: во единый кругъ 16 стр., за единымъ столомъ 199.

е безъ ударенія перех. в *и*: ни родная мать 16.

и на мѣстѣ *ѣ* = циженая 109, къ рученьки 207, ко батюшки.

и вм. *ѣ*: колечико 185, 155, 113, 50, жигучую 29, 37, 71.

и вм. обыкнов. русск. *е* въ иностр. словахъ: Пелагія 212.

е на мѣстѣ *о*: круглелицая 225.

о на мѣстѣ *е*: подворотонка 111.

я (изъ о) въ *у*: попурхиваютъ голубки... клюютъ и гребутъ и попурхиваютъ, и полетываютъ. Здѣсь попурхивать, очевидно, синонимъ при полетывать = попархивать, а не при гребутъ; пурхать = шевелить, шевырять, копаться, разгребать (Даль).

Digitized by Google

я и *е* на мѣстѣ слав. *а*: остягпулъ 26, опъ не выпречь, не впрегчи 52. Младой выпрегчи, впрегчи 54.

выпаденіе гласнаго: въ началѣ—сголовьицо 122, въ серединѣ—мимо ольня 206, узпатъ 243.

вставка — и: тутъ ишли 158. Тутъ и мѣдный тынъ 185. (Конечно здѣсь и для размѣра; но несомѣнно оно начало вставляться сначала во время паденія конечныхъ глухихъ предшествовавшаго слова).

Сюда же можно отнести и—Люди-то баютъ, семущаютъ 61, костоньки заноили.

сюды вм. *а*: вы уты, уты, уты (утки) передайтеся сюды (133).

Наряду съ полногласными формами стоятъ и не полногласныя. Преобладанія тѣхъ или другихъ формъ не замѣтно: млада младешенька 53, молодешенька 51, младой 16, молода 143 и т. п.

стяженіе гласныхъ: дало 200, 204. Ручки, ножки его маленькія 189.

Стяженіе гласнаго вмѣсть съ согласнымъ: слышь 59.

б) *Въ согласныхъ* выдающаяся особенность: замѣна *с* черезъ *з*: зіяетъ 18, зіяла 207 вм. сіяетъ.

ж, ч, ш и *щ* сочетаются съ твердыми: чоботы 30, 43, чорной 158, кружокъ 65, чужы 200, дружочекъ 187, камещокъ 111; хотя встрѣчаются и: душечокъ 187, шижена, шелкова 18; сказалось ли здѣсь литературное правописаніе — не извѣстно.

к сочетается съ тв. и не подъ ударепіемъ: загодовьицо 29, чгрищицомъ 37, талиовать 155, *г* вм. *в*, въ создай цѣтра съ дихарями 47, и твердое: въ подворотонкѣ 110, по дороженькѣ 147, во дальную 240, гостинчики 18.

ц—*ч*, и *ч*: помощь 121 и завѣтъ завѣчада 29, завѣщала я разсаду хорошу 112.

щ—*ч*: выпрегчи, впрегчи и въ ухабѣ сборочи 52, 54.

р, встанпор: плыпши лебедь окурчулася, окурчувшись встрепенулася 120. (*р* въ окурчулась по аналогіи съ встрепенулась, въ пѣснѣхъ другихъ мѣстностей здѣсь—окунулась).

Digitized by Google

вм. *и* —j: Сидь поближе ко ему 243.

р тв. и мягкое: кудерцы 228, терьковато 232, терьки 232. Мягкое *д*: денышко 246.

Есть одинъ случай переходнаго смягченія гортаннаго:

Ракитовый кустикъ...
На томъ на кустицѣ
Сидитъ голубица 100.

Наоборотъ *к* не смягченное: плакучи 240.

II. *Флексіи.* 2) а) въ склоненіи существительныхъ:

батюшко, Иванушко и т. п. склоняются по 1 ск.: у батюшка 40, нанушку плеть подаетъ 58, гоголюшко 111, селезенько 134, тестюшко 218, батюшка в. п. 209; но выносили соловеюшко (в. п.) 36, поклонитися Иванушку на особицу, Семеновичу на особицу 230, но при этомъ и селезенюшка, касатенька, снзъ касатъ кудреватенькой 230, ладушка милый 104.

Мать и дочь пм. мати 44, 124, зв. мати 95 и мать 84, 225, ужъ ты мать ли моя мати 249, зв. дочи 96, 113, вин. п. дочь 211, дочерь свою 217, свою дочь 225.

Тв. п. сущ. темы на *и*: со кистьми, со вѣстьми 51, рѣчьми 125, (м. р. ключьми 79).

Слѣды особаго окончанія зват. над.: эпитетъ свѣтъ и свѣтцу — ставится не только при зват. падежѣ, но и при именит. и даже при косвенныхъ: зв. свѣтъ Пелагія 212, им. лебедка — свѣтцу Дарьюшка 195, свѣтцу Дарья 209, свѣтцу Иванъ 210, свѣтцу Оскла 212, свѣтъ Иванъ—отъ 215, свѣтъ Оскла 222, свезите вы копи мои... меня... ближе... ко свекру... свѣтъ ко Семену Петровичу, дальше отъ матушки, свѣтцу отъ Оклы Демидовны 204. Такъ же точно и рай въ припѣвахъ и рай, и раю, Да раю, раю 200, Да рай, мой рай 202, ладо—въ припѣвахъ—Ладу, ладу 31. Сюда же относится: По кораблячку Ивану (им. п. ед. ч.) погуливаетъ 84.

Боярин мн. ч. бояра 207, 229, при нарѣчіи — посередь (208) есть еще мѣстн. пад. не перешед. въ нарѣчіе: По середѣ хожу 53. Сюда относится: на утрѣ приду 237, пшено—пшена ж. р., бѣлояровой пшены 205, пшеной 116,

Digitized by Google

животъ, эпитетъ, въ вин. п. сходенъ съ род.

Положу я вьюна,

Положу живота 148,

смѣшеніе вин. съ род. въ им. ж. р. назолу даваетъ, назолушку даетъ 23, 53, не давай тоски — назолу 23.

б) въ склон. прилагательныхъ:

Им. и вин. м. р. на *ой*: пятой—отъ голосъ 10, острой 233, маленькой 211, но при этомъ—на зеленый 16.

Очень часты краткія формы, даже есть онѣ и въ относительныхъ: деревенска молодежь 142, калинъ (иный?) мостикъ 134, до чужы дальны стороны 200, ко бережку ко ярку 91, ко синю морю 77.

Род. п. ед. мн. и ср. *ово* и *ова*: за холостова 14, старова, младова 29, изъ тонкова изъ сукна 67, хотя часто встрѣчается и такое написаніе: за младаго 79, дѣвичьяго 199.

Род. жен.: медвяныя росы 205, темныя ночи 60.

Тв. мн. золотми ключьми 79.

Превосх. ст. прил. и нарѣч. съ приставкой *пре* и *добре*: старъ добре 52, пречисто 171, Дѣвица прекрасна 186, въ прехорошенькомъ салопѣ 193, добре жалобно плачетъ 200, престрашенъ сонъ 204.

в) въ мѣстоименіяхъ:

Въ д. п. те 11 и тебѣ 12, вин. п. тя 73, 175 и тебя самою 241, Машу одное 238. При который—часто кой—коя лучше 142, 147. Краткая форма: нынѣ люди не таки 210.

г) Глаголы:

Неопр. наклон. оканчивается и на *ь*, и на *и*; послѣднее пожалуй чаще: варити 20, ходити, тужити 60, распроститися 60, поженитися 63, не выпречь, не впрегчи, сберегчи 54.

Будущ. вр.: подарую 146, услыхаю 149, голосочекъ услыхаю, подлѣ его сяду.

Повелит. краткое: прострѣль-ко 238, перевезь меня 177, подь, поди сюда 157, подь сюда, подойди 140, 227, нете (=не троньте) 47, отворьтеся ворота! 118.

Digitized by Google

3. Словообразованіе.

а) существительныя:

Непрялья, нетолковица 106, сватовщики 185, по поправу 189, во замужъ идти 197, табащикъ 168, замужье 185, вехоточикъ (постилки, ковры) 233, долина: мой милый далѣетъ, во долину отъѣзжаетъ 146, лѣшакъ (лѣшій) 142, гордая гордена 233, *веюшка* — соловеюшка 8, Татьянуша 31, гусенюшки 51, пученьки 69, посидѣночки 204, Деверилко 75, копытычкомъ 92, гуленекъ 147, гуленька, гуленечикъ 248, гостинички 218, далица (даль) 37, 83, переходички 133, туманичкѣ 143, семеничекъ (воробей) 156, писемцо 243.

б) Прилагат.

разосеньненькой 248, спогульливенькая 110, развороненькой 245.

Съ суф. *ный:* лычаныя силянныя (струны) 57, ленное (отъ ленъ) 103, лысаныхъ, пѣганыхъ 110, ремящетые 227, иноходовъ конь 149, терьковато 232 (неровно), порошевато 233 (сорно), утичье, перепеличье, кастатичье, красавичье 211, 215, дѣвью красоту 225.

в) Нарѣчія:

трою, двою 26, 183, позаочно 237, наособицу 230, 248, слегонька 200, ежеденъ 95, тепере 165, теперича 227, тожно (тогда) 233, забѣдно (завидно) 61, *край* дорожки бросали 69. Уменьшительныя: сухошенько, легошенько 145, близешенько, низешенько 144, потихошеньку 207, тошнешенько, горчешенько 216, хорошохонько 24 и т. п. Управленіе: ненадолго, поры время, поры время, часъ, минуты 249.

г) Глаголы:

докатался скатенъ жемчугъ 200, владовати 133, припадываетъ 125, цѣловывати 157, за столъ не стаетъ 233, вклонилася яблонь (въ двери) 219, вздыпула 244, съ милой здравствовался 138, ягода винная, меня дѣвку возняла, меня красну розняла 179, выходила, выгуляла 220. Если ты мнѣ поглянешься 226, поглянулась походочка

твоя 237. Мнѣ ка умъ—отъ твой не глянется 228; сердце поетъ, унываетъ 57, приполстилъ коверъ 212.

Очень много глаголовъ съ нѣсколькими начальными предлогами: вздогадалась 17, призатрусилася 115, изнаставлены 198, прираскладываетъ 245, за того я поизволю 172.

Въ образованіи глаголовъ часто *ся*, *сь* тамъ, гдѣ обыкновенно нѣтъ ихъ въ литературномъ языкѣ: стала кликаться, стала гаркаться 15, припаду, сама послушаюсь (т. е. послушаю) 25, ужъ вы сватайтесь, не сватайтесь меня 154, Дарьюшка подслушалася 199; а иногда нѣтъ *ся*—гдѣ его слѣдовало бы ожидать:

Лучшебъ съ миленькимъ по садику гулять,
Съ милымъ дружкомъ пріаукивати—
Ты ау, ты ау, милъ дружокъ,
Ты подай, ты подай голосокъ 154.

Дѣеприч. на *учи*, *ючи*:

За старова за мужъ плучи,
За младымъ не бываючи 78.
Слезно плакучи
Тебя, мой другъ любезной
Поминаючи 240.

4. Синтаксическія особенности.

Выраженіе подлежащаго:

Вонъ идетъ—расплети косу,
Вонъ идетъ—потеряй красу 205.

Выраженіе сказуемаго:

Ему встрѣчу та, которую искалъ 153. Онъ не выпречь, не впрегчи, ни въ ухабѣ сберегчи 52.

Ты родная моя мать,
Не унять меня гулять 85.

р. п. у милаго *жалости* было 8, создай *вѣтра* съ лихарями 47, сошлю *дровъ* рубить

д. пад. духу его возрадѣла 45.

Самъ цвѣточку любуется 218

вин. пад. Не грози ка молодца 235
Хочешь честь мою вредить 237
Завѣщала я разсаду хорошу 102

Digitized by Google

тв. п. вечеръ дѣвки вечерницкой сидятъ 81. Подъ березою красныя дѣвицы игрищицомъ играли 37.

Особое управленіе при посредствѣ предлоговъ: возыграйте гусли *съ* мысли 85. Я *до* дѣвицы *лечу* 147. Не велитъ гулять поздно все для (=изъ за) тебя козачекъ 176. Побывай ко мнѣ 223. До меня золовка До меня лютая Лучше сестрицы родной 75. *Подлѣ* степушку шатается 189, Подлѣ рѣчку, подлѣ быстру 190.

На людей люди угадываютъ,
На свекровокъ упоравливаютъ 32
Къ дитяткѣ приговариваетъ 224.

5. Удареніе.

По требованію размѣра иногда удареніе необычное:

Я со этой немочи́
Съѣла хлѣба три печи́ 27.
У того же у купца
Растворены воротца́ 173.
Несетъ гусли подъ поло́ю
Звончатыя подъ право́ю 249.

6. Языкъ пѣсенъ дышетъ особенною нѣжностію и задушевностію; этому способствуетъ множество уменьшительныхъ именъ. Далѣе, онъ отличается живостію выраженія разныхъ душевныхъ движеній, чему способствуетъ множество синонимовъ и глаголовъ сложенныхъ съ предлогами. Но за то эти пѣсни, какъ лирическія произведенія, не особенно богаты сравненіями и эпитетами.

а) уменьшительныя; кромѣ перечисленныхъ укажемъ еще: Аннюшенька 161, 173, братчикъ 18, батька 76, бережку 143, вечерницкой 81, воробышко, воробейко, воробеюшко 131, вечеркамъ 142, Ванюшеньку 163, воротца 174, виноградничекъ 226, вѣтрички 240, гоголюшко 111, грамотку 240, гусельцы 249, дѣвонюшка 8, 48, дѣвушки 86, дѣвонекъ 173, дѣвица и дѣвка, дѣтоньки 167, дочушкой 218, дороженька, домичка 248, ягненочками, поросеночками 27, улочки 86, разлапушка 47, кочешечки 86, пирочикъ 88, рѣчушка 100, ладушка 104, садичекъ 153,

Digitized by Google

раздушенька 163, столичекъ 187, колѣночки 199, поличко (поле) 217, ковричка 217, домичка 248.

б) Синонимы:

Зрѣлъ, смотрѣлъ 19; покучу, помучу 22; неровня мнѣ, неверста со мной 52; захныкалси, заплакался 53; скакать, плясать, тѣшиться 68; хороводъ, табунокъ 74; качу, мечу 155; кричишь, зычишь 158; милости—участи 209, выходила, выгуляла 220; не глянется, не нравится 228; распрощанье, разставанье 223; отдалѣла, отошла 235, встошнется, взгорюется 5; воскипѣла, возгорѣла 238; сокрушишь ты, сокрадешь ты жизнь мою 238; утѣшала, уважала 42, отнесло, отлелѣяло 224; стала кликаться, стала гаркаться 15.

в) Эпитеты: при свѣча всегда эпитетъ сальная 62, 240; волки ужасные, хищные 167, дѣвка бравая 87, отъ истинной отъ правды 198; палаты — бѣлокаменны, златоверхіе; жердочка—тоненькая, жаровенькая 5; игры серебряныя 42, гребно весло 48, ко бережку ко ярку.

г) Сравненія:

Въ кремнѣ огня нѣтъ
Въ женѣ правды нѣтъ 93.
Не шумъ шумитъ,
Не громъ гремитъ,
Шумѣла, гремѣла
Быстрая рѣчька 99.
Не по промыслу мальчишка
Заводы заводишь,
Ты заводички заводишь —
Трехъ дѣвонекъ любишь.

Собранныя Поповымъ пѣсни, по языку, можно раздѣлить на два разряда: одинѣ древнія, другія новыя. Въ однихъ старыя названія — батюшка, матушка, ларцы — коробочки и т п., въ другихъ тятенька, матенька, шкатулка и т. п. Въ дополненіе къ предыдущему укажемъ еще нѣсколько словъ и выраженій, встрѣчающихся въ чердынскихъ пѣсняхъ. Есть здѣсь и слова, попадающіяся у Даля: басенькій парень 66, конопляно не вервяно, посконное

Digitized by Google

не ленное 102, 103, со грушины грушицу 222, горючая кровь 228, во дальности живетъ 247, ленъ посѣяли во долы, во желтые во пески 90, Дунай=рѣка вообще 147, 242, животъ, животокъ (=тѣло вообще, организмъ) пропустилъ сухоту по мосму животу 6, 50, игрище 21, каравань (хороводъ) 55, кружокъ (хор.) 65, кутнее окошко 108, красованье 221, ладился замужъ 171, жеребенка лоньшака 27, маслянка (масленица) 95, нравенъ душой, красотой (=любезенъ, милъ) 189, наплыли насады 213, обронила тропъ золоты ключи я со шелковымъ поясомъ со серебрянымъ почарочкомъ 78, притрепала рукой 114, полѣзу въ избу (войду) 233, порошье 233, расшибаетъ печаль 72, способная работа 67, снорову старому 71, свекровка (а не свекровь) 89, ни щелей въ тюрьмѣ нѣтъ; ни протесокъ 248, въ страду робить 239, труденъ — боленъ 156, точмянной уздой 181, тяжело шолъ 191, точмя (=прямо, перпендикулярно) 82, мѣдный тынъ на горѣ 185, утренюю старова дубиной, младова одѣяломъ 30, школьный, мастерный мой 170, шапка соболиная 121.

Сборникъ Попова дѣлится на 5 отдѣловъ: I. Хороводныя пѣсни, NN 60; II. Хороводно-игорныя, NN 11; III. Походеначныя NN 56; IV. Свадебныя, NN 33; V. Проголосныя, NN 12.

Особенный интересъ представляетъ 3-й отдѣлъ — пѣсни походеначныя,—такъ называемыя потому, что подходятъ или молодые люди къ дѣвицамъ, поютъ пѣсню и цѣлуютъ дѣвицъ, или наоборотъ. Такихъ пѣсенъ собрано здѣсь больше, чѣмъ у Шейна, и большая часть изъ нихъ отличается яркостью поэтическихъ красокъ и дышетъ здоровымъ нѣжнымъ чувствомъ; но въ нѣкоторыхъ уже слышится слащавость чувства и галантность выраженія, вѣроятно, по вліянію писарской цивилизаціи.

Образцы пѣсенъ.

Изъ походеначныхъ N 2.

Выходятъ молодые люди, поютъ:

Ѣхалъ панъ, ѣхалъ панъ
Отъ князя боярина

Digitized by Google

Сронилъ панъ, сронилъ панъ
Съ себя шапку бархатну.

Молодые люди бросаютъ заранѣе приготовленныя шапки передъ дѣвушекъ—кому передъ какую угодно.

Кликалъ панъ, гаркалъ панъ
Къ себѣ панью милую,
Къ себѣ развеселую:
Подь сюда—подойди,
Подойди близешенько,
Подними, подними
Мою шапку бархатну,
Принадѣнь, принадѣнь
На мою головушку.

Дѣвушки поднимаютъ брошенныя передъ нихъ шапки, подходятъ къ молодымъ людямъ и надѣваютъ шапки имъ на головы.

Поклонись, поклонись
Поклонись низешенько.

Дѣвушки раскланиваются съ молодыми людьми.

Поцѣлуй, поцѣлуй,
Поцѣлуй милешенько.

Дѣвушки цѣлуютъ, молодые люди уходятъ по мѣстамъ. Ходятъ дѣвушки—поютъ:

Ѣхала паньюшка
Отъ князя боярина,
Сронила паньюшка
Съ себя шаль пуховую

Дѣвушки передъ молодыхъ людей бросаютъ платки.

Кликала паньюшка
Къ себѣ пана милаго.
Подь сюда, подойди
Подойди близешенько,
Подними, подними
Мою шаль пуховую,
Принадѣнь, принадѣнь
На мои на плечики

Digitized by Google

Молодые люди поднимаютъ платки и кладутъ ихъ дѣвушкамъ на плечи.

Поклонись, поклонись,
Поклонись низешенько

М. л. кланяются.

Поцѣлуй, поцѣлуй,
Поцѣлуй милешенько

М. л. цѣлуютъ дѣвушекъ.

N 3. Деревенска молодежь
Лѣтомъ ходитъ за сохой,
Зимой—за обозомъ.
Покчинская молодежь
Взросла на охотѣ,
Лѣтомъ ходитъ по кружочкамъ,
Зимой по вечоркамъ,
По вечоркамъ—то ходитъ,
Дѣвушекъ любитъ,
Коя лучше, коя краше,
Ту и поцѣлуетъ.

М. л. цѣлуютъ дѣвушекъ.

2. Изъ хороводныхъ N 28.

Папушко по двору гуляетъ,
Добраго коня выбираетъ.
Паньюшка у стремени стояла
Папушку плеть подавала,
Сама панья пану говорила:
Не ѣзди ты папушка на службу,
На ту государеву—цареву,
Не быть тебѣ, папушку живому,
Быть тебѣ пану убитому.
Не тужи, слышь, моя панья,
Съѣзжу я въ добромъ здоровьѣ,
Привезу тебѣ паньюшки гостинцы—
Съ Руси русскую дѣвку полонянку
Тоненьку, долгоньку, высоконьку,
Въ бѣленькой рубашкѣ миткалиной,
Въ аломъ, во тафтяномъ сарафанѣ,

Digitized by Google

Въ широкой лентѣ, во низаной,
Въ аленькихъ башмачкахъ во сафьяныхъ,
Въ бѣленькихъ чулочкахъ во бумажныхъ.
Пойду я, выйду я въ новы сѣни
Изъ новыхъ сѣней на крылечко,
Съ крылечика въ чисто поле,
Погляжу на сине море.
Какъ было на синемъ то на морѣ,
Вдругъ забѣлѣлись парусочки,
Вдругъ зачернѣли три стружочка.
Какъ было во первомъ то стружечкѣ,
Везутъ пановo платье,
Пановo платье нѣмецкое.
Какъ было во другомъ то стружочкѣ,
Везутъ пана не живаго:
Убитъ панъ да не до смерти,
Какъ было во третьемъ то стружочкѣ
Везутъ паньюшкѣ гостинцы
Съ Руси русскую дѣвку полопянку,
Тоненьку, долгоньку, высоконьку,
Въ тоненькой рубашкѣ миткалинной,
Въ аломъ во тафтяномъ сарафанѣ,
Въ широкой то лентѣ во низаной,
Въ аленькихъ башмачкахъ во сафьяныхъ,
Въ бѣленькихъ чулочкахъ во бумажныхъ.

Изъ свадебныхъ N 33.

Гордая гордена
Да ой ради радость (припѣвъ послѣ кажд. стиха)
Она во дворъ не ѣдетъ,
Во дворѣ терьковато.
Какъ бы на этѣ терьки
Ржаная солома,
Ржаная, прямая
Тожно я заѣду.
Она на лѣстницу не лѣзетъ,
На лѣстницахъ щеповато.
Какъ бы на эти щепки

Digitized by Google

Желѣзная лопата
Тожно я полѣзу.
Она на мостъ не лѣзетъ,
На мосту то покато.
Какъ бы на эти покаты
Да желѣзный бы заступъ,
Надо острой, точеный,
Тожно я полѣзу.
Ай и наша гордена,
Она въ избу не лѣзетъ,
Въ избѣ порошевато
Какъ бы на эти порошье
Шолковый вѣникъ,
Тожно я полѣзу.
Да и наша гордена
За столъ не стаетъ же,
На лавку не садится.
Какъ бы на этѣ лавки
Вехоточикъ хорошій,
Тожно я и сяду.
Да и наша гордена,
Топи ка ты баню,
Носи ка ты воду,
Ты дѣлай ка щолокъ.
Ты гордая гордена,
Неси ка ты щолокъ.
Неси ка ты и вѣникъ,
Неси ты и мыло,
Иди ка ты въ баню,
Пораспарька ты вѣникъ
Ты ложись на полочекъ,
Раздувай ты жарочекъ.
Да наша гордая гордена,
Веди мужа изъ бани.
Да и наша гордена
Ты стели ему постелю.
Наша гордая гордена

Digitized by Google

На постелю не ложится,
Какъ бы на эту гордену
Плетка перехвостка,
Да тожно она ляжетъ.
Да гордая гордена,
Возьми его на ручку
Да прижми ко сердечку.

Подробная программа лекцій И. А. Бодуэна де Куртенэ (I. Baudouin de Courtenay въ 1877—1878 учебномъ году). Казань, кн. маг. Дубровина и Варшава кн. м. Венде, 1881 г. in 8°, стр. 1—11, 1—320, I—XV. ц. 2 р. 50 к. (7 Mark).

Профессоръ по каоедрѣ сравнительнаго языкознанія въ Казанскомъ Университетѣ и по каоедрѣ Русскаго языка съ старославянскимъ въ Казанской Духовной Академіи, И. А. Бодуэнъ де Куртенэ началъ печатать въ Извѣстіяхъ Импер. Казан. Унив. подробную программу своихъ чтеній еще въ 1878 г. По окончаніи печатанія въ Извѣстіяхъ въ 1881 г. программа вышла и отдѣльными оттисками. Этотъ новый трудъ составляетъ продолженіе прежняго труда того же автора „Подробная Программа лекцій въ 1876—1877 уч. г. Казань. 1878“ Въ новомъ трудѣ авторъ нашелъ возможнымъ устранить тѣ неудобства, которыя были въ первомъ трудѣ, именно: въ библіографическихъ указаніяхъ обозначена разными шрифтами степень важности цитуемыхъ сочиненій. „Толстымъ шрифтомъ, говоритъ авторъ, набраны первыя слова заглавій такихъ сочиненій и статей, съ которыми, занимаясь спеціально даннымъ отдѣломъ науки, прежде всего слѣдуетъ ознакомиться и которыя могутъ быть доступны слушателямъ. Курсивомъ отмѣчены первыя слова заглавій сочиненій тоже важныхъ, но безъ чтенія которыхъ пока можно обойтись. Наконецъ, первыя слова заглавій сочиненій, хотя и имѣющихъ прямое отно-

Digitized by Google

шеніе къ данному отдѣлу или же вопросу, но не представляющихъ ничего особеннаго, набраны разрядкою."

Изъ этого видно, что авторъ назначалъ свою программу только для своихъ слушателей. Но намъ кажется, что такое, удобство дающее возможность разобраться во множествѣ перечисленныхъ сочиненій, не столь необходимо для слушателей профессора Бодуэна. Они, безъ сомнѣнія, въ аудиторіи слышали, что̀ настоятельно нужно прочитать по данному вопросу и съ чѣмъ знакомство можно отложить на будущее время. У такого профессора, который создаетъ школу, слушатели всегда разберутся въ данномъ предметѣ, какъ бы онъ ни былъ сложенъ. Справедливость требуетъ сказать, что Бодуэнъ де Куртенэ именно такой профессоръ. Намъ извѣстно, что изъ его слушателей съ 1876 года вышло восемь русскихъ лингвистовъ, уже заявившихъ себя трудами въ нашей литературѣ. Нѣкоторые изъ ихъ трудовъ даже очень замѣчательны, какъ пролагающіе новые пути въ изслѣдованіи языка, по крайней мѣрѣ въ русской литературѣ. Кромѣ слушателей, считаютъ себя его ученниками и лица сторонніе, извѣстныя тоже немалозначащими лингвистическими трудами. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, программа Бодуэна болѣе необходима для русской публики, въ которой находятся и будутъ находиться лица, нуждающіяся въ надежномъ и опытномъ руководителѣ при лингвистическихъ занятіяхъ.

Новая программа пр. Бодуэна вмѣстѣ съ прежнею обнимаетъ весь предметъ обширной науки сравнительнаго языковѣдѣнія.

Въ программахъ мы находимъ слѣдующіе главные отдѣлы:

I. Введеніе въ языковѣдѣніе (обозрѣніе аріевропейскихъ языковъ и о звукахъ и буквахъ).

II. Классификацію языковъ.

III. Санскритъ.

IV. Нѣмецкій языкъ.

V. Русскую грамматику.

VI. Старославянскій языкъ и

Digitized by Google

VII. Обозрѣніе старославянскихъ памятниковъ въ связи съ славянскою діалектологіею.

Но не всѣ отдѣлы изложены въ программахъ со одинаковою подробностію. Съ большею подробностію изложена фонетика вообще, потомъ русская грамматика, за исключеніемъ синтаксиса, и славянскій языкъ. Что авторъ обратилъ особенное вниманіе на извѣстные отдѣлы это совершенно естественно. Человѣкъ, обладающій педагогическимъ тактомъ и стоящій на высотѣ своего призванія, не станетъ преслѣдовать личныя цѣли и никогда не впадетъ въ крайность увлеченія какимъ либо излюбленнымъ предметомъ, но не имѣющимъ ближайшаго отношенія къ обществу, среди котораго онъ живетъ и которому служитъ. Г. Бодуенъ своимъ курсомъ по сравнительному языкознанію указалъ нашей молодежи именно такой путь, на которомъ никогда нельзя потерять почвы подъ собой. При такомъ указаніи для русскаго филолога или лингвиста занятія всякими иностранными языками должны быть лишь средствомъ познанія и обслѣдованія своего языка, наука о которомъ еще въ зачаткахъ. Тамъ, гдѣ наука кипитъ и бьетъ черезъ край, даже и такія крайности, какъ переводъ Байрона на санскритскій языкъ, или мысль о переводѣ Гоголя на латинскій и т. п., имѣли бы свое оправданіе и были бы извинительны; но у насъ подобныя крайности кажутся изумительными, и имъ нельзя найти никакого оправданія.

Въ концѣ программы Б. находится приложеніе „Палеографико-глоттологическая методологія. Указанія, какъ описывать и характеризовать памятники.“ Такъ какъ у насъ часто еще открываются новые памятники славянской письменности, памятники весьма важные и требующіе описанія, то весьма желательно, чтобы они описывались по опредѣленному плану, чтобы описаніями ихъ можно было удобно пользоваться для научныхъ цѣлей.

Для бо́льшаго распространенія въ обществѣ выработаннаго проф. Бодуэномъ плана, мы позволяемъ себѣ перепечатать его съ небольшими сокращеніями.

Digitized by Google

1.

Год рукописи, если его можно обозначить.

Палеографическая сторона.

2.

Описаніе фона и внѣшних принадлежностей рукописи.

Поврежденія рукописи. Всѣ ли листы сохранились в рукописи? Сколько листов вообще?

Нѣт ли в рукописи болѣе поздних вставок?

На какой бумагѣ писана рукопись? Не на пергаментѣ ли?

Признаки особенные. Цвѣт букв. Рисунки.

Писаны ли строки между прочерками, или же нѣт?

Описаніе переплета. Написи на переплетѣ.

3.

Описаніе букв.

1) Во всей рукописи.

2) В отдѣльных частях ея, если онѣ отличаются в этом отношеніи.

Устав, полуустав, скоропись?

Наклоненіе букв на лѣво или на право.

Форма букв, напр. для *в*: в или в (почти четыреугольное)?

Форма „юсов".

Двоякое начертаніе т: т, Т.

ѡ, в отличіи от о.

и и ї, ї. і и ї. й.

ы или ы.

оу или ѹ.

Употребленіе букв.

щ или шт.

Употребляются ли ф, ѵ (ижица); к', ѣ?

Вязи, монограммы.

Слитіе двух букв в одну: (=ти), (=тк). Ср. щ (шт)

Особенности *правописанія.*

гг по греческому образцу ἄγγλος....

Digitized by Google

Употребленіе *знаков* над буквами.

’, ; ¨ ; ’ ‘

Имѣет ли оно какое нибудь опредѣленное назначеніе?

Употребленіе знаков ударенія.

Исчислить *титлы*.

Знаки *смягченія* над д, н, р.

д’, н’, р’.

„Іотація“: ꙗ, ѥ, ѭ, ѩ.

Употребленіе ѣ: ѣ или ꙗ.

Фонетическія особенности.

4.

Употребленіе ѕ (ѕѣло), в различіи от ꙁ (земля).

„Смягченія“ согласных к, г, х:

1) ц, ѕ (ꙁ), с.

2) ч, ж, ш

в склоненіи, спряженіи и словообразованіи.

стѣ, сти или сцѣ, сци?

чю, чꙗ, чѭ, или чоу, (чꙋ), чѧ, чѫ?

чѧ или чѫ.

бл, пл, вл, мл или в, п, в, м?

пт, (щ), жд, или ч, ж?

5.

Употребленіе ѣ. Смѣшеніе ѣ с знаками другихъ гласных.

Не смѣшивается ли ѣ с и?

во вичи (=въ вѣшти).

Когда употребляются ѧ и ѫ?

Смѣшеніе ѧ и ѫ: 1) между собою;

2) со знаками других гласных.

Заключеніе о функціи ѧ и ѫ.

Может быть, ѧ=ją (jã) (jѧ),

ѫ=ą (ã) (ѧ).

Отношенія в употребленіи букв:

? ѧ : ѫ=ѣ : а

(ją : ą=ja : a)

(ѩ : ѧ=ꙗ : а).

Digitized by Google

ж послѣ гласных вм. ѭ, ꙗ. Cf. а послѣ гласных.— Отсутствіе „іотаціи".

Различеніе и и ы.

ю вм. ꙑ (ы).

6.

ъ, ь.

ъ, ь в корнях 1) ъ,
2) ь,
3) смѣшанно,
4) пропуск.

Смѣшеніе: 1) только ъ в корнях;
2) „ ь „ ;
3) смѣшанно.

NB. В каждом отдѣлѣ при исчисленіи примѣров соблюдать алфавитный порядок.

Употребленіе ъ и ь в концѣ слов, послѣ ризличных согласных в слѣдующем порядкѣ:

1) губные: п, б, (ф), в, м;
2) передне-язычные: т, д, с, з;
3) задне-язычные: к, г, х;
4) язычные „смягченные": ц, т, ш, ж;—шт (щ), жд.

1 s. -мь? 1 pl. -мъ.

3 s., 3 pl.: ть или тъ?

ъ и ь в суффиксах.

ъ и ь на границѣ между корнями (основами) и суффиксами.

Отступленія в употребленіи ъ и ь от признанной стсл. -ой нормы.

Смѣшеніе ъ и ь:

1) между собою,
2) со знаками других гласных.

ъ вм. ь: храмъ съ (=храмъ сь).

ь вм. ъ.

Когда вм. ъ стоит е? напр. оуповажщїйх.

„ „ ь „ е? къ полезным.

е вм. ь (и): поставлен (=:поставившій).

Digitized by Google

о, е, и вм. ъ, ь в концѣ слов и вообще и тѣх мѣстах, гдѣ теперь 0 (нуль) звука.

Пропуск ъ и ь в корнях

Опущеніе ъ и ь в серединѣ слов.

Написаніе их в концѣ, хотя смѣшанно. Когда однакож и в концѣ слов пропускаются ъ и ь?

Написаніе ъ и ь там, гдѣ они собственно вовсе не ожидаются.

ꙁьмїєвь (gen. pl. m.).

Не зависит ли написаніе ъ или ь от звуков слѣдующих, как согласных, так и гласных? Cf. *Zogr.* (*Зогр.*) и другіе „паннонскіе" памятники.

рь, ръ; ль, лъ.

Руководствуясь, между прочим, русским языком, отличать при ръ, лъ случаи:

1) древняго порядка звуков: иръвь, илъть.....

„перестановки", respective „полногласія".

р слогообразующее, без ъ или ь:

съмртонóсїа.

Выводы о назначеніи букв ъ и ь, особенно в сочетаніи с л и р: лъ, ль; ръ, ль.

7.

„*Полногласіе*".

1) ра, ла || оро, оло. ..

2) рѣ, лѣ || ере, оло (єлє).

3) ръ, лъ, рь (ль) || ър, ъл, ьр (ьл) || ъръ, ълъ, ьрь, (ьль).

„*Стяженіе*" („contractio").

въслоужени (loc. s. n.).

Флексіи.

8.

Склоненіе.

Gen. s. m. n. а, оу (ѹ).

Instr. s. m. n. омь, ъмь.

Loc. pl. m. n. ѣхъ, ъхъ (охъ).

Склоненіе с Gen s. на е: 'отроуд'тоу....

Digitized by Google

Склоненіе *мѣстоименій.*

Nom. acc. s. m, adj. ъи или ыи (ыи)?

дроугъи, дроугыи или т. п.?

Склоненіе *прилагательных*: Dat. s. m. n. -омоу или -оуоумоу....?

Gen. s. m. n. -ого или -аго.....?

Gen. s. f. ѿ въсѣкож.

9.

Спряженіе. Глагол и отглагольныя формы.

даси, вѣси, ѣси..... или даши.....?

Imperativus: несѣте или несите?

Aoristi.

Partic. perfecti: възбра́цишоу сѧ.... или възбратившоусѧ....?

Удвоеніе и в Partic. pass.: не'изрєчєнно.

вдохновеніе, доуновеніе, воскресновеніе, мановеніе.....

10.

Dualis.

Синтаксис.

11.

Синтаксическія особенности.

Dativus c. Infinitivo?

Член?

Другія особенности.

Діалектологическіе вопросы.

12.

Выдѣлить, назвать и опредѣлить признаки:

1) исключительно старославянскіе,

2) болгарскіе, сербскіе, русскіе.....

3) характеризующіе 2 говора (нарѣчія) безразлично и т. п.

Какой рецензіи или редакціи разбираемый памятник?

Видно ли в этом памятникѣ вліяніе одного из опре-

Digitized by Google

дѣленныхъ нарѣчій словянскихъ, и какого именно? В чемъ проявляется это вліяніе?

Нѣт ли различій в языкѣ отдѣльныхъ частей рукописи?

Словарчик.

13.

Особенныя слова в алфавитном порядкѣ.

---

† Андрей Николаевичъ Поповъ.

Э. о. проф. Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ и съ конца 1877 г. Редакторъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ А. Н. Поповъ скончался 30-го мая сего 1881 г. Покойный былъ неутомимымъ труженникомъ по разработкѣ и обнародованію памятниковъ старославянской и старорусской письменности и литературы. Своими трудами онъ снискалъ большую извѣстность между спеціалистами и имя его пользовалось вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ. Всѣ его труды отличаются большой эрудиціей и вполнѣ добросовѣстнымъ, безукоризненнымъ исполненіемъ. Въ наукѣ имя его сдѣлалось извѣстно съ 1868 г., когда онъ издалъ свой первый капитальный трудъ „Обзоръ хронографовъ русской редакціи. Какъ дополненіе къ этому труду, онъ напечаталъ въ 1869 году „Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи". Этотъ первый трудъ Попова увѣнчанъ былъ въ 1870 г. полной Уваровской премiей, которую присудила Попову Императорская Академія Наукъ на основаніи отзыва академика Срезневскаго. Второе изслѣдованіе Попова появилось въ 1875 г.—„Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ" (XI—XV вѣковъ), оно также удостоено было Уваровской преміи въ 1877 г. За свои труды А. Н. Поповъ избранъ былъ въ Московскомъ Университетѣ почетнымъ докторомъ русской словесности, а въ Императ. Академіи Наукъ членомъ-корреспондентомъ.

Digitized by Google

Другіе труды Попова — библіографическіе и издательскіе шли въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ 1872 году онъ напечаталъ описаніе рукописей и старопечатныхъ книгъ библіотеки А. И. Хлудова, къ этому описанію въ 1875 онъ напечаталъ первое прибавленіе. Этотъ трудъ весьма обширный и по исполненію образцовый.

Въ 1873 г. онъ издалъ „Завѣщаніе отеческое къ сыну" Ивана Посошкова по автографному тексту, открытому издателемъ.

Въ 1878 г. Древнерусскія полемическія сочиненія противъ протестантовъ. Отвѣтъ царя Іоанна Васильевича Грознаго Яну Рокитѣ.

1. Замѣтки о первыхъ литературныхъ упражненіяхъ кн. А. Д. Кантемира.

Въ 1879 г. I Обличительное описаніе противъ протестантовъ.

2. Обличительныя описанія противъ жидовъ и латинянъ.

3. Матеріалы для исторіи уніи въ югозападной Руси. 1. Ekthesis abo krótkie zebranie spraw, ktore się dzialy na partikularnym, to jest, pomiastnym Synodzie w Brześciu Litewskim.

4. Описаніе сборника русскаго письма конца XII в.

1. Въ 1880 г. Посланіе многословное. Сочиненіе инока Зиновія.

2. Слово Іоанна Богослова объ успеніи Пресвятой Богородицы, въ югославянскомъ и русскомъ изводахъ.

3. Слово Іоанна Архіепископа Солунскаго на успеніе Пресвятыя Богородицы въ спискахъ русскаго извода.

4. Южнорусскій сборникъ 1679 г.

5. Посланіе Геннадія, архіепископа Новгородскаго къ Іоасафу, аріхепископу Ростовскому. 1489 г.

6. Слово на Рождество Христово и Чтеніе на Крещеніе Господне (древнеславянскіе памятники въ Сербскомъ изводѣ XIV в.)

Digitized by Google

7. Слово на зачатіе Іоанна Предтечи (древнеславянскій памятникъ въ русскомъ изводѣ XVI в.

8. Книга Ераэма о Святой Троицѣ.

Въ 1881 г. Посланія священно—архимандрита Фотія къ духовной дщери его дѣвицѣ Аннѣ (1820—1822 г.).

Кромѣ того А. Н. Поповъ началъ было обнародовать труды покойнаго Бодянскаго, уже отпечатанные (вполнѣ или частію), но неизданные въ свѣтъ. Въ Чтеніяхъ Общества А. Н. помѣстилъ съ своими объясненіями и съ новой провѣркой текста:

1) въ 1878 г. Богословіе Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна екзарха Болгарскаго;

2) въ 1879 г. Шестодневъ, составленный Іоанномъ экзархомъ Болгарскимъ

и 3) Житіе преподобнаго отца нашего Феодосія, игумена Печерскаго. Списаніе Нестора. По Харатейному списку Московскаго Успенскаго Собора.

Педагогическая дѣятельность покойнаго выразилась въ нашей учебной литературѣ составленіемъ прекраснаго „Пособія для изученія образцовъ русской словесности", имѣвшаго до 1878 г. четыре изданія.

О жизни А. Н. П., полной разныхъ лишеній и тяжелыхъ пожертвованій, какъ напр. распродажа любимой библіотеки, а также и о симпатической личности его, можно составить нѣкоторое понятіе и по тѣмъ некрологамъ, которые помѣщены въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. (іюль 1881 г.) и въ Вѣстникѣ Европы (іюль 1881 г.); но желательно, чтобы о такой недюжинной личности появилось побольше и воспоминаній, и характеристикъ.

---

† А. А. Котляревскій.

Въ Новомъ Времени, 5-го сего октября, напечатано извѣстіе о смерти въ Пизѣ ординарнаго профессора Кіевскаго Университета по каѳедрѣ Славянскихъ нарѣчій, Александра Александровича Котляревскаго. Покойный былъ

Digitized by Google

извѣстенъ какъ весьма талантливый преподаватель. Изъ сочиненій его большею извѣстностью пользовались: магистерская диссертація „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“ Москва 1868 г. и „Библіологическій опытъ о древней русской письменности“ Воронежъ 1881 г. Послѣдній трудъ былъ только началомъ обширнаго труда, оставшагося такимъ образомъ не напечатаннымъ вполнѣ при жизни автора. Покойный обладалъ большою и прекрасно составленною библіотекою по русской литературѣ и славяновѣдѣнію.

Изъ сочиненій, удостоенныхъ въ этомъ году Уваровской преміи, имѣютъ отношеніе къ нашему изданію два: а) соч. проф. Московской Духовной Академіи Е. Голубинскаго „Исторія русской церкви, т. I, періодъ 1, кіевскій или до-монгольскій“ (удостоено большой преміи, въ 1500 р., на основаніи разбора проф. Кіев. Д. Акад. Малышевскаго), и б) соч. преподавателя царскосельской гимназіи И. Тихомірова „О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей“ (премія въ 500 р.). Послѣднее сочиненіе представлено было въ рукописи.

Указатель новыхъ книгъ и рецензій.

Бодуэнъ де Куртенэ. Подробная программа лекцій на 1877—1878 г. Казань 1881 г. ц. 2 р. 50 к.

Бодуэнъ де Куртенэ И. А. Нѣкоторые отдѣлы сравнительной грамматики словянскихъ языковъ. Отрывки изъ лекцій. Введеніе. Варшава 1881 г. ц. 60 к.

Веселовскій А. Южно-русскія былины. СПб. 1881 г.

Веселовскій. Grois-sans-cresceus и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ. СПб. 1881 г.

Веселовскій. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ III—V. СПб. 1881 г. ц. 60 к.

Верковичъ. Веда Славянъ. Обрядныя пѣсни языческаго времени, сохранившіяся устнымъ преданіемъ у маке-

Digitized by Google

донскихъ и фракійскихъ Болгаръ—помаковъ. Т. II. СПб. 1881 г.

Кириллъ, епископъ Туровскій. Творенія. Кіевъ 1880 г. (Церков. В. N 19, 1881).

Памятники древней письменности. Вып. IV. 1880 г. СПб. 1881. ц. 3 р.

Потебня А. А. Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Этимологическія и другія замѣтки. Варшава 1881 г. ц. 1 р.

Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ *Ровинскій*. Пять книгъ съ атласомъ картинокъ въ 4-хъ томахъ. СПб. 1881 г. (Рец. Забѣлина. Ист. В. N 10).

Цѣлое изданіе, атласъ въ 4-хъ т. (съ 16 раскрашенными картинками, прочія—черныя) и 5-ть книгъ текста на простой бумагѣ ц. 70 р. Атласъ съ 169 раскр. картинками и 5-ю книгами на веленевой бумагѣ ц. 100 р. Атласъ въ 7-ми томахъ съ раскрашенными картинами и черными (вдвойнѣ) и книгами на слоновой бумагѣ ц. 200 р.

Срезневскій. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. СПб. 1881 г. ц. 15 к.

Сборникъ отдѣленія р. яз. и словесн. Имп. А. Н. т. 21—22, 24. СПб. 1881 г.

Стефанитъ и Ихнилатъ. СПб. 1880—1881 г. ц. 50 к.

Сумцовъ. О свадебныхъ обрядахъ (Ж. М. Н. Пр. N 6, Вѣст. Евр. N 7 и Русь—ст. Безсонова).

Шляпкинъ. Русское поученіе XI в. о перенесеніи мощей Николая Чудотворца и его отношеніе къ западнымъ источникамъ (Съ факсимиле рукописи XIII—XIV в.). СПб. 1881 г. 4° 23 стр. ц. 50 к.

Юшкевичъ. Литовскія народныя пѣсни. В. 3—4. Казань 1881 г. ц. 3 р.

Поповъ А. В. Синтаксическія изслѣдованія. Именительный, звательный и винительный въ связи съ исторіей развитія заложныхъ значеній и безличныхъ оборотовъ Воронежъ 1881 г. ц. 2 р. 25 к.

Digitized by Google

Двинская рядная XIV вѣка: *Завке* ста на судѣ, *Савке* рче, *Смене Ночине имале,... взяле* (=Семенъ Ночинъ ималъ, взялъ), *доспеле Смене Ночине* [1]);

Новгородскіе юридическіе акты XIV—XV вѣка: *Марке, Костянтине, Смене, Кире,* Сидоръ *Труфановѣ,* Есипъ *Ѳоминѣ,* Тимоѳеи *Ивановѣ,* Перхурея *Ѳоминѣ, Игнате, Павле* Труфановичь, *Петре* [2]);

Пермская грамота 1605 года: *земскіе* судья [3]).

Всѣ поименованные памятники, какъ это или положительно извѣстно, или можно съ достовѣрностью полагать, писаны въ Новгородской, Двинской, Пермской областяхъ. Изъ этого можно бы было заключить, что мы имѣемъ дѣло съ особенностью сѣверно-великорусскаго говора, если бы не было данныхъ, которыя указываютъ на существованіе формъ въ родѣ вышеприведенныхъ и въ другихъ говорахъ стараго русскаго языка; такъ, въ московской грамотѣ 1540 года мы читаемъ: *иные* игуменъ [4]); подъ лебедянскимъ актомъ 1659 года мы находимъ подпись: попъ *Евсѣе* [5]).

Въ современномъ русскомъ языкѣ формы на *е* извѣстны преимущественно въ сѣверно-великор. говорахъ (почти исключительно въ пѣсняхъ): онежскій говоръ: *Садке, воронке* [6]), *Петре* [7]), целовѣко-тъ *уцливые,* скажи поклонъ *низкіе,* теремъ *ужасные,* насмѣшникъ *женскіе,* вецеръ *послѣдніе,* калика *перехожіе* [8]), монастырь *пречестные,* балхонъ *высокіе,* народъ *православные,* конь *косматые,* воронъ

---

[1]) Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам., XXIX, 79.

[2]) Акты Юридическіе, 110, 111, 114, 115, 116.

[3]) Акты, изд. Калачовымъ, II, 590.

[4]) Ibid 550.

[5]) Акты Юридич., 291.

[6]) Рыбниковъ, III, 193.

[7]) Гильфердингъ, Онежскія былины, 1085.

[8]) Кирѣевскій, I, 53, 55, 88, 89; II, 12, 13. Можетъ быть, въ приведенныхъ формахъ нужно читать, вмѣсто и и і,—о и е: *уцливое, послѣднее* и т. д.; сравни выше *новгороцкое.*

Digitized by Google

старшіе да воронъ *младшіе* [1]); архангельскій говоръ: листъ *гербовыя* (надо читать на концѣ *е*, а не *я*) [2]). Изрѣдка они встрѣчаются и въ южно-великорусскихъ говорахъ, также въ пѣсняхъ: малоархангельск. увидалъ Егорій мѣсяцъ *ясныя* [3]).

Кромѣ русскаго языка, ихъ знаютъ также языки сербскій и средне-болгарскій: старо-сербск. *Дометіе*, *Корьниліе* [4]), *грѣшніе* (азъ *грѣшніе* и умиленніи рабъ) [5]), современн.-серб. *Павле*, *Пеладе*, *ђаконе*, *куме*, *беже*, *царе*; средне-болгарск. *Георгіе*, *Лалое* [6]); сравн. ново-болгарск. *моминския* кладенец, *твоя* гердан, *својо* вилает [7]) и т. п., гдѣ *я* въ *моминския* и *твоя* могло замѣнить *е* подъ вліяніемъ формъ именъ существительныхъ на *а* и *я*, а *јо* въ *својо* — образоваться изъ *је*.

Указанныя формы были объясняемы нѣсколько разъ; мы остановимся на объясненіяхъ гг. Потебни, Колосова и Даничича.

Первые двое въ общемъ согласны между собою. Г. Потебня въ русск. *Варламе*, конь *косматые*, сербск. *Макаріе* сперва видѣлъ замѣну глухихъ звуковъ чистыми: въ *Варламе*, думалъ онъ, *е* — замѣна конечнаго *ъ*; въ *косматые*, *Макаріе* — *е* замѣна *ј* = *јъ* [8]). Впослѣдствіи онъ сопоставилъ русскія формы на *е* съ русскими же на *о*: *Окынфо*, *Яково*, *послухо* и т. п., и призналъ, что *е* въ первыхъ есть не что иное, какъ графическое изображеніе *ь*ʳᵉ, образовав-

---

[1]) Ibid. III, 43, 44, 46; IV, 76.

[2]) Ibid. VI, 116.

[3]) Якушкинъ, Пѣсни, 68 (отд. оттискъ изъ 2 кн. Лѣтоп. русск. литер. и древн.).

[4]) Daničić, Rad jugoslavenske Akademije, XXVI, 57.

[5]) Записки Ак. II., III, снимокъ съ хрисовула Стефана Уроша 1303 года. Сравн. Даничић, Историја облика, 151, прим.

[6]) Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам., LXXXI, 19, 20, 23, 35.

[7]) Dozon, Български нар. пѣсни, 9, 32, 64. Мнѣніе, что въ подобныхъ формахъ опущенъ членъ, намъ кажется ни на чемъ неоснованнымъ.

[8]) Два изслѣдованія, 74—75.

Digitized by Google

шагося изъ ъ^ра, точно такъ же, какъ *о* въ послѣднихъ есть только графическое изображеніе ъ^ра [1]).

Колосовъ сперва сопоставлялъ *Варламе* и т. п. съ *въху, цъто, противь* и видѣлъ въ этой формѣ результатъ смѣшенія глухихъ и замѣняющихъ ихъ чистыхъ звуковъ; формы *мое* (муж. р.), *покое* онъ объяснялъ такимъ образомъ: „извѣстно, что ъ=ь послѣ согласныхъ, = *и* (*й?*) послѣ гласныхъ: *покое* (=*покой*) и под. есть то же, что *Варламе* = *Варламь* изъ *Варламъ*“ [2]). Послѣ онъ взялъ назадъ вышесказанное и заявилъ, что „древне-русскій языкъ не зналъ смѣшенія глухихъ... На форму *Варламе* не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на слѣдствіе перехода ъ въ ь: вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что она предполагаетъ форму *Варламо* и явилась изъ послѣдней вслѣдствіе нерѣдко замѣчаемаго въ сѣверно-великорусскомъ стремленія мѣнять твердые согласные на мягкіе, широкіе гласные на узкіе и на оборотъ. А быть можетъ, *Варламе* черезъ форму *Варламій*. Странно *лѣ* = *ле* на мѣстѣ *лъ* причастія прошедшаго спрягаемаго... Можно бы *ле* объяснять изъ *ло*, толкуя *взяле, имале* изъ *взяло, имало*, какъ *Смене* изъ *Смено, Завке* изъ *Завко*, но точки опоры въ современномъ русскомъ языкѣ для такого объясненія не находится; въ немъ вмѣсто *лъ* — постоянно *л*“. — Въ такихъ формахъ, какъ конь *косматые*, Колосовъ признавалъ *е* явившимся изъ ь [3]).

Остановимся прежде на формѣ *Варламе*. И г. Потебня, и Колосовъ считаютъ эту форму сравнительно новою, происшедшею изъ *Варламъ*, при чемъ первый предполагаетъ переходъ ъ въ ь (графически=*е*), а второй—переходъ *о* (изъ ъ) въ *е*. Оба эти предположенія рѣшительно ни на чемъ не основаны. Изъ разсмотрѣнія данныхъ древнихъ памятниковъ и современнаго языка можно видѣть, что перехода ъ въ ь въ русскомъ языкѣ никогда не существовало и формы на ь вмѣсто ъ (въ родѣ *Варламь*) въ немъ

---

[1]) Къ исторіи звуковъ, I, 43.
[2]) Очеркъ, 74, 88.
[3]) Обзоръ, 2—3, 5.

Digitized by Google

не были извѣстны (нѣсколько описокъ въ счетъ не идутъ) [1]); вслѣдствіе этого въ *е* въ *Варламе* не слѣдуетъ видѣть графическаго изображенія ѣ. Что касается до перехода *о* въ *е*, то его не зналъ и не знаетъ русскій языкъ: *пепель* при *попель*, *ребенокъ* при *робенокъ* и т. п. объясняются инымъ путемъ.

Обратимся къ формѣ *косматые*. И г. Потебня, и Колосовъ согласны, что эта форма предполагаетъ форму *косматыи*, которая, по ихъ мнѣнію, есть не что иное, какъ **косматыjь*,—и приводятъ формы *Можаескъ* [2]), *троецкіи* [3]), *трее* дворянъ [4]), будто бы изъ **Можаjскъ*, **троjцкіи*, **трjе*. Но нѣтъ сомнѣнія, что формы *Можаескъ*, *троецкіи* обязаны своимъ происхожденіемъ не переходу не существовавшаго въ нихъ, въ историческое время, *ьи* въ *е*, а аналогіи формъ *Брянескъ*, *Курескъ*, *молодецкій*, *дворецкій*. И въ *Можаескъ*, хотя и произошло изъ *jь*, но когда звучало, какъ гласный звукъ, звучало одинаково со всякимъ другимъ *и*; сравн. в.-русск. *яйцо* изъ **яjьце* (суффиксъ тотъ же, что въ *кольцо*, *крыльцо*) и род. п. мн. ч. *яи́цъ*, *яи́чко*, *яи́чница* [5]). И въ *троицкій*, *троица* вовсе не происходитъ изъ *jь*: здѣсь суффиксъ тотъ же, что въ *кормилица*, *молодица*. Форма *трее* (которыхъ *трее* дворянъ выпросили ваша братья, новгородск. гр. 1257—1263 года) [6]) уже по тому одному, что она единственная извѣстная форма род. п. мн. ч. на *е*, кажется не болѣе, какъ ошибкою (сравн. им. п. *трье*, *трее*) или описокою; во всякомъ случаѣ со нѣтъ надобности объ-

---

[1]) Въ южно-русскихъ XV—XVII в. памятникахъ ѣ часто стоитъ вмѣсто ѣ, но это ѣ, безъ сомнѣнія, не означаетъ ничего.

[2]) Колосовъ, Очеркъ, 102, 130; Потебня, Къ исторіи звуковъ, I, 37.

[3]) Очеркъ, 132.

[4]) Къ исторіи зв., I, 42.

[5]) Существующія въ разныхъ русскихъ говорахъ формы *яи́цъ*, *яи́чко* обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ *кольцъ*, *колечко*.

[6]) Русско-Лив. А., 9.

Digitized by Google

яснять прямо изъ **трејь*. Такимъ образомъ фактовъ въ пользу *и=јь* не оказывается, а между тѣмъ они имѣются въ пользу *и=и*. На это указываютъ современныя пѣсенныя формы съ двойнымъ окончаніемъ: онежск. дядюшка *родныій*, калачикъ *пшённыій*, калика *незнакомыій*, лѣсъ *шумячиій* [1]) и т. п., образовавшіяся изъ формъ *родныи*, *пшённыи* подъ вліяніемъ формъ *родной*, *пшённый*; бѣлорусск. *рай* [2]), а также старинное русское *Юрьи* въ памятникахъ XIV—XVII вѣковъ (напримѣръ, въ грамотѣ Олега рязанскаго 1356 года, въ Вологодской духовной 1626 года, въ южно-русскомъ галицкомъ актѣ 1421—1430 года) [3]) при *Юрьій* [4]); на это же указываютъ современныя сербскія пѣсенныя формы въ родѣ *старији* (Али ти си од мене *старији*..... Твој је мејдан *старији* од мога) [5]) = русск. *старѣй*. Если *и* въ *косматыи* было (а отчасти и есть) не что иное, какъ *и*, то для того, чтобы приведенную форму поставить въ прямую фонетическую связь съ *косматые*, необходимо допустить переходъ *и* въ *е*, что невозможно [6]).

---

[1]) Рыбниковъ, I, 110, 285, II, 68, 300. Можетъ быть, надо читать *родноій* и т. д.

[2]) Прекрасное соўнце
Весь свѣтъ освѣтило,
Рай сокрасило.
Безсоновъ, Калѣки перехожіе, VI, 307.

[3]) Извѣстія, X, 678; Акты Юр., 460; Головацкій, Памятники, 43.

[4]) Головацкій, ibid., 4.

[5]) Караџић, Српске нар. пјесме, II, 360 (изд. 1875 г.).

[6]) Въ сѣв.-в.-русскихъ говорахъ иногда встрѣчается *е* тамъ, гдѣ мы ожидали бы *и*: *ракетовъ* кустъ, *вехорь* (Рыбниковъ, I, 134; II, 122) и т. п.; но *е* здѣсь явилось не фонетическимъ путемъ: чередованіе формъ *лесъ* и *лисъ* (=лѣсъ) вызвало чередованіе *ракитовъ* и *ракетовъ* и, на оборотъ, *щелье* и *щилье* (ib., I, 177) и друг. Что касается до великорусск. *апрѣль*, *Аграфена*, изъ *априль*, *Агриппина*, то мы думаемъ, что *ѣ* въ этихъ словахъ (*Аграфена* правильнѣе писать *Аграфѣна*, такъ какъ *я* здѣсь — *е*, а не *ё*) надо объяснить такимъ образомъ: въ новгородскомъ говорѣ издревле *ѣ* произносилось близко къ *и*, или

Digitized by Google

Данничъ не касается такихъ формъ, какъ *Варламе* (хотя они донынѣ существуютъ въ сербск. яз. въ значительномъ числѣ), и объясняетъ только формы въ родѣ *Григорїе*. Онъ сопоставляетъ ихъ съ формами имен. п. ед. ч. именъ простыхъ и уменьшительныхъ на *о*: сербск. *Брило, Борило, Стојо, Вако, Лако* (=Василій, Демьянъ), др. русск. *Добрило, Дрочило, Владимирко, Василько*, чешск. Zdenko, Hromádko), наконецъ, съ верхне-лужицкими формами зват. п. ед. ч. муж. р. на *о*: daro, časo, Jano и т. п., и приведенныя формы считаетъ формами им. п. ед. ч. муж. р. съ сохраненною въ цѣлости основою, въ которой конечный гласный *о* еще не ослабился въ *ъ* и потому не отпалъ; послѣ j, думаетъ онъ, это *о* или осталось: *Вујо*, или перешло въ *е: Григорїе* [1]).

Въ этомъ объясненіи мы видимъ цѣлый рядъ ошибокъ: *Брило, Добрило* — по формѣ слова средняго рода: сравни русск. *воротило, обыдало, опивало* и *точило, мило, било*; и нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, будто въ нихъ *о* стоитъ вмѣсто *ъ*; *Вако, Василько* и другія уменьшительныя на *о* точно такъ же по формѣ — имена средн. р.: сравни ст. русск. мое *деревнишко*, мое *попадьишко*, мое *дочеришко* [2]), современ. нѣковск. *дѣвко*, — слова, въ которыхъ *о* никакъ нельзя считать замѣняющимъ *ъ*; верхнелужиц. daro, Jano — формы только зват. п. и уже по одному этому ихъ нельзя ставить рядомъ съ *Добрило* и *Ва-*

какъ и, и новгородскіе писцы нерѣдко замѣняли *ѣ* черезъ и и наоборотъ — и черезъ *ѣ*; начертанія *вирѣль, Агриппѣина*, явившіяся впервые совершенно случайно, съ теченіемъ времени сдѣлались обычными и перешли изъ Новгорода, вмѣстѣ съ книгами, въ среднюю Русь, гдѣ *ѣ* произносился постоянно близко къ *е*. Замѣтимъ, что наиболѣе употребительныя въ великорусскомъ нарѣчіи имена собственныя (заимствованныя изъ греческаго языка) постоянно слѣдуютъ законамъ в.-русской фонетики: *Ерёма, Ѳёдоръ, Ѳёкла, Матрёна* при *Ефремъ* (др. русс. *Ефрѣмъ*, украинск. *Охрім*, греч. Ἐφραίμ).

[1]) Rad, XXVI, 59—60.

[2]) Буслаевъ, Историческая грамматика, II, 190.

Digitized by Google

сколько; они образовались по образцу Božo, mužo (или существовавших прежде ženo и т. п.) точно так же, как ново-болг. формы зват. п. *кумичке*, *Драганке* (им. п. *кумичка*, *Драганка*) [1]) образовались по образцу *душе*, *Милице*.

И так, фактов в пользу сохранения в им. п. ед. ч. слов муж. р. *о* (откуда после *j* — *е*) не существует и *Григорiе* нельзя считать формою более древнею, чем *Григорiи*.

Интересно было бы знать, как объясняет Данничич формы *Варламе* и т. п., формы, которыя, по нашему мнѣнiю, нельзя игнорировать при объяснении *Григорiе*.

Данничич признаетъ, что формы въ родѣ *Григорiе* очень удобно считать формами зват., а не именит. пад. [2]). Это вполнѣ справедливо не только относительно этих формъ, но и относительно формъ *Варламе*. Если мы взглянемъ на данныя сербскаго и русскаго языковъ, то въ числѣ их увидимъ случаи употребления формъ зват. над. въ значении имен. п.: сербск. *Краљевићу*, *Урошу*, *Милошу*, *краљу*, *змају* (је ово огњанити *змају*), *патријару*, *Саво* (поднже се *патријару Саво*) [3]) и друг., бѣлорусск. *негодзяю* (я у це *негодзяю*) [4]), *паничу* (ишоў слѣчны *паничу*), *карабенчику* (*карабенчику* на сцѣнѣ прикованы) [5]), онежск. *кровати* (гдѣ твоя *кровати* тесовал) [6]). Съ послѣднею формою должно поставить рядомъ формы им. п. ед. ч.: др. рус. *юности* (обновится *юности* твоя, Толковая псалтырь XII вѣка) [7]), *милости* (нивѣ будеть *млѣти* его, Прологъ XIII

---

[1]) Dozon, Бълг. нар. п., 8, 29. Сербскія умеьшительныя имена женск. р. *Раде* и т. п., вѣроятно = **Радѧ*, как имена муж. р. *Андре* и друг. = **Андрѧ* (род. п. *Андрета*).

[2]) Rad, ibid., 61.

[3]) Караџић, Пјесме, II, 63, 71.

[4]) Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, 280.

[5]) Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, 11, 146. *Карабенчику* — по образцу *паничу*.

[6]) Рыбниковъ, III, 51.

[7]) Лавровскій, Описаніе 7 рук., 32.

Digitized by Google

вѣка) [1]), др. польск. radości, miłości [2]), современн. моравск. smrti (potkala ho smrti) [3]). Эти примѣры показываютъ, что *Григоріе*, *Варламе* — также формы зват. п., употребленныя въ значеніи имен. п.

Въ сербскомъ языкѣ употребленіе формъ зват. п. въ значеніи имен. п. ограничивалось и ограничивается, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, именами собственными и тѣми изъ нарицательныхъ, которыя означаютъ одушевленные предметы; въ русскомъ языкѣ (особенно въ древнемъ) оно распространялось и на тѣ нарицательныя имена, которыя означаютъ предметы неодушевленные. Отсюда произошло слѣдующее:

1) Формы имен. п. въ родѣ *Варламе* послужили въ русскомъ языкѣ къ образованію формъ им. п. съ одной стороны *ть* (=*те*), *взяле*, *имале*, отъ *ть*, *взяль*, *ималь*,— словъ, которыя едва ли употреблялись когда-нибудь въ зват. п., съ другой стороны — *Савке*, *Садке*, отъ *Савко*, *Садко*, звательный п. которыхъ былъ всегда тождественъ съ имен. п. [4]); сравнительно позднее появленіе *Савке*, *Садке* видно уже изъ того, что въ нихъ гортанный сочетается съ *е*;

2) Формы им. п. въ родѣ *Григоріе* вызвали въ русскомъ языкѣ формы *косматые*, въ сербскомъ—*грѣшніе*, отъ словъ *косматы*, *грѣшни*, никогда не имѣвшихъ особыхъ формъ зват. п.; наконецъ

3) При звуковомъ тожествѣ им. п. сд. ч. съ вин. п. формы им. п. на *е* стали употребляться въ русскомъ языкѣ и въ значеніи вин. п.: въ *поконе*.

---

[1]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, LXXXVII, 163.

[2]) Miklosich, Vorgl. Gr., III, 427.

[3]) Sušil, Moravské nár. p., 10. Сравни Gebauer, Hláskoslovi jaz. českého, 29. Кромѣ мор. smrti, здѣсь приводены еще двѣ др. чешскія формы им. п. hosti (женск. р.) и nosi, въ которыхъ *i*, по мнѣнію автора, замѣняетъ *ь*; но вмѣсто hosti можно читать hostí (= русск. *гостья*), а nosi можетъ быть формою не единств., а множ. ч.

[4]) Форма зват. п. *слове*, несомнѣнно,— новообразованіе.

Digitized by Google

И такъ, формы *Григоріе, Варламе* — древнія формы зват. п., съ давняго времени получившія значеніе им. п.; формы *косматые, Савке* — новыя формы зват. п., не имѣвшія, вѣроятно, никогда значенія только этого падежа и употреблявшіяся также въ значеніи или имен., или вин. и. ед. ч.

III.

Дательный и творительный падежи множественнаго числа на мя.

Въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ парѣчіяхъ имена числительныя *два, три, четыре* образуютъ твор. п. мн. ч. при помощи суффикса *мя: двумя, тремя, четырьмя* (при *двуми, теми, четырьми*). Въ малорусскомъ парѣчіи эти формы неизвѣстны.

Шлейхеръ видѣлъ въ *мя* суффиксъ дат. — отложит. — твор. п. двойств. ч. и возводилъ его къ индо-европ. bhjâms [1]); но это объясненіе не можетъ быть признано удовлетворительнымъ: въ русскомъ языкѣ индо-евр. j послѣ губныхъ согласныхъ (если сохраняется) переходитъ въ мягкое *л*, и поэтому въ *мя* не можетъ заключаться j; иначе, вмѣсто *мя*, мы имѣли бы *мля*: сравни *земля* изъ **земја*.

Лескинъ, опровергнувъ Шлейхера, предложилъ другое объясненіе. Формы *двумя* и друг. образовались, по его мнѣнію, изъ формъ твор. п. мн. ч. *двуми* съ присоединеніемъ къ нимъ конечнаго гласнаго твор. п. двойств. ч. *а*, такъ что *двумя* образовалось изъ **двумј-а*, **двуми-а* [2]). Неудовлетворительность этого объясненія очевидна: **двуми-а* должно дать въ русскомъ языкѣ не *двумя*, а *двумья*.

---

[1]) Compendium, 573 (4-е изданіе). Одного мнѣнія со Шлейхеромъ и Миклошичъ: Vgl. Gr. III, 305.

[2]) Archiv für Slavische Philologie, 1, 56–57; Die Declination im Slavisch-litauischen, 111.

Digitized by Google

Внимательное разсмотрѣніе данныхъ русскаго народнаго языка показываетъ, что формы на *мя* употребляются не отъ однихъ только именъ числительныхъ, но также и отъ мѣстоименій и членныхъ именъ прилагательныхъ, въ значеніи не только тв., но и дат. п. множ. ч.: дат. п. сѣв.-в.-русск. *имя* (=имъ) [1]), тобольск. *тьмя* [2]); твор. п. вятск. и пермск. *имя* [3]), пермск. *всьмя*, *своимя* слезьми [4]), столами *дубовымя*, *дорогимя* гостинцами, дымами *кудрявымя*, парами *медвяныимя*, громами *гремучимя*, молоньями *палючимя*, коврами *шелковымя*, чепраками *золотымя*, молодцами *удалымя*, топорами *булатныимя* [5]) и друг.; вилензск. пѣснями *веселенькимя* [6]) (послѣдній примѣръ, — если въ немъ *я* не опечатка, — можетъ имѣть и другое объясненіе). Сюда можно бы присоединить нарѣчныя формы на *мя*, существующія только въ великорусскомъ нарѣчіи: *волочмя*, *дёрмя*, *кишмя*, *лёжмя*, *лывмя*, *плашмя*, *рёвмя*, *сидмя*, *стоймя*, *торчмя* (малорусск. *ліжма*, *лягма*, бѣлорусск. *кишма*, *лёгма*); такъ какъ значительная часть такъ называемыхъ нарѣчій есть не что иное, какъ падежныя формы именъ существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій, по большей части утратившихъ употребленіе формъ имен. п., то *волочмя* и друг. можно бы считать за формы твор. п. мн. ч. отъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ съ основами на u и i; сравн. *малы*, *вельми*, *кольмы*, *весьма*, *тольма*. Но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что формы *волочмя* не имѣютъ ничего общаго съ *двумя* и т. п. и принадлежатъ къ числу новообразованій. По нашему мнѣнію, они произошли изъ *волочма* подъ вліяніемъ причастныхъ формъ *неся*, *глядя* (быть можетъ, при посредствѣ существо-

---

[1]) Колосовъ, Записки Ак. Н., XXVIII, 74; XXX, 51.

[2]) Id., Обзоръ, 235.

[3]) Id., Записки А. Н. XXVIII, 74; Пермскій Сборникъ, I, 109; II, 174.

[4]) Пермск. Сборникъ, I, 18, 42.

[5]) Ibid. I, 17, 28, 42; II, 128, 140, 152.

[6]) Этнограф. Сборникъ, III. 243.

Digitized by Google

вавшихъ нѣкогда причастныхъ формъ *неса, иди)*, которыя имѣютъ съ ними много общаго и по значенію, и по употребленію: сравни выраженія *сидмя сидѣть* и *сидя сидѣть*.

Формы на *мя* въ памятникахъ русскаго языка начинаютъ встрѣчаться довольно поздно: первый извѣстный намъ случай ихъ употребленія находится въ сѣверно-великорусской Духовной XVI вѣка: *тремя* участки [1]); тѣмъ не менѣе ихъ нельзя считать образованіями позднѣйшаго времени. Ударяемое *я* въ русскомъ языкѣ можетъ восходить только или къ *ja*, или, какъ въ настоящемъ случаѣ, — къ *ѧ* [2]). Это подтверждаютъ сербскія формы множ. ч. на *ме*, которыя употребляются, подобно нѣкоторымъ изъ вышеприведенныхъ русскихъ, въ значеніи и дательнаго, и творительнаго падежей отъ мѣстоименій и именъ прилагательн-

---

[1]) Акты Юрид., 442. Въ Требникѣ графа Шереметова, изданномъ Обществомъ древней письменности (N XXIV—LXIII) и относящемся къ памятникамъ новгородскаго нарѣчія XIV вѣка, мы находимъ слѣдующую форму дат. п. множ. ч.: утѣшеніе *скорбящимя* и плащимся увѣтъ (126). Къ сожалѣнію, эта форма — въ своемъ родѣ единственная изъ извѣстныхъ намъ древнихъ формъ, и мы не можемъ ручаться, что *я* въ ней не описка.

[2]) Великорусск. *нельзя́, опосля́, окромя́* могутъ подать поводъ думать, что въ русскомъ языкѣ нѣкогда имѣло мѣсто образованіе *я* изъ *ѧ* (подъ удареніемъ); но въ *нельзя* не *ѧ* перешло въ *я*, а въ выраженіи *не льзѣ*, (собственно *нѣ льзѣ*), подъ вліяніемъ выраженій *не мѣсто, не досугъ, не время* и т. п., форма имен. п. (неправильная) замѣнила собою форму дат.—мѣстн. п.; въ *опосля, окромя*, быть можетъ, восходитъ къ праславянскому періоду; сравни малорусск. (укр.) *після*, польск. kromia, п. слав. и др. русск. *ныня*, кашубск. pynia (Гильфердингъ, Ост. слав., 84) и друг. Что касается до встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусск. говорахъ формъ *прясной* (=прѣсный), *сясть* (Колосовъ, Обзоръ, 17), *мяч* (=мечъ), *помялышко* (=помѣлышко) (Рыбниковъ, I, 66, 286) и т. п., то видѣть въ нихъ переходъ ударяемыхъ *ѣ* и *е* въ *я* нѣтъ никакой надобности: въ тѣхъ же говорахъ замѣчается переходъ *я* въ *е*, и чередованіе формъ *грязь* и *грязь*, *вещи* и *вящи*, естественно, вызвало чередованіе *сесть* и *сясть*, *меч* и *мяч*.

Digitized by Google

ныхъ: дат. п. *тиме, ониме, свијеме, друзиме, мнозијеме* (XV—XVI вѣка); твор. п. *вашиме, свијеме, кијеме, влажниме, жудниме, злиме* (XVI — XVII вѣка) [1]). Видѣть въ конечномъ *е* этихъ формъ какой-то неорганическій придатокъ, неизвѣстно почему и зачѣмъ явившійся, какъ это дѣлаютъ Даничичъ и другіе, мы не находимъ возможнымъ; по нашему мнѣнію, это *е* есть такой же рефлексъ праславянскаго ѧ, какъ и русское *я* [2]).

Тамъ, гдѣ употребленіе формъ на **мѧ* наиболѣе обширно, т. е. въ сербскомъ языкѣ и сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи, мы замѣчаемъ взаимное смѣшеніе формъ дат. и твор. п. мн. ч. Какое собственное значеніе формъ на *мѧ*? Дательный—творительный падежъ. Относительно принадлежности имъ значенія твор. п. не оставляютъ никакого сомнѣнія южно-в. русск. *двумя* и др.; что же касается значенія дат. п., то мы считаемъ его принадлежащимъ формамъ на **мѧ* на слѣдующемъ основаніи: въ однихъ сѣв.-в. русскихъ говорахъ (какъ и въ сербскомъ языкѣ) формы дат. п. мн. ч. употребляются въ значеніи тв. п., а формы твор. п. — въ значеніи дат. п.: съ *дровамъ*, съ *вамъ*, къ *нами*, по *полями*; въ другихъ, въ томъ числѣ въ шенкурскомъ и вятскомъ, употребленіе формъ твор. п. въ значеніи дат. п. неизвѣстно; форма *имя* въ этихъ послѣднихъ говорахъ употребляется въ значеніи и дат. п. [3]). Относи-

---

[1]) Даничић, Историја облика, 197, 200, 207.

[2]) Съ этимъ *е* не имѣетъ ничего общаго по образованію *е* въ род. — мѣстн. п. мн. ч. *њихе* и дат. — мѣстн. (собственно мѣстн.) и творит. п. ед. ч. *коме, њиме* и т. п.; въ *њихе* оно явилось подъ вліяніемъ дат.—твор. п. мн. ч. *њиме*, а въ *коме* (мѣстн.) и *њиме* (творит. п. ед. ч.) оно произошло изъ ударяемаго ь; сравни русск. *ономé—дни* = *ономь дни*, литовск. *tamè, tùmì* и т. п. Что ь въ сербск. языкѣ не вездѣ слилось съ ь, это видно между прочимъ изъ формъ *коњ, гањ, кањ, поњ* и др. Ниже мы представимъ еще примѣръ сербскаго *е* изъ ударяемаго ь.

[3]) Колосовъ, Записки Ак. Н., XXVIII, 74; XXX, 50; Обзоръ, 235.

Digitized by Google

тельно числа, которому принадлежатъ формы на *.мд, едва ли можетъ быть сомнѣніе: въ сербскомъ языкѣ употребленіе формъ на *ме* въ значеніи формъ двойств. ч. никогда не было извѣстно, хотя остатки двойств. ч. существовали еще въ то время, къ которому относятся выписанныя нами раньше формы на *ме* [1]).

И такъ, русско-сербскія формы на *.мд — формы дат.-твор. п. множ. ч.

Сравнивая эти формы съ формами другихъ индо-европейскихъ языковъ, мы не можемъ не замѣтить, что они родственны съ формами множ. ч.: др. инд. дат.-отлож. п. на bhjas, лат. дат.-отлож.-твор. п. на bus, др. прусск. дат. п. на mans, литовск. дат. п. на mus, ms и слав. дат. п. на *мъ*; особенно же близко родственны они съ латинскими формами дат.-отлож.-твор. п. на bis (nobis изъ nobcis) [2]): и тѣ и другія — формы исключительно мѣстоименныя (въ славянскомъ языкѣ имена числительныя послѣдовали въ нѣкоторыхъ падежахъ мѣстоименіямъ); и въ тѣхъ и въ другихъ формахъ первопачальное *a* перешло въ *e*, которое въ праславянскомъ языкѣ вошло въ составъ *д*. Въ то время, какъ славянскія формы на *мъ*, точно такъ же, какъ и др. прусск. на mans, лит. на mus, ms, сохранили значеніе только дат. п.,—формы на *мд* сохранили, кромѣ того, значеніе отложит. п., слившагося въ данномъ случаѣ съ твор. п., и этимъ объясняется ихъ двоякое употребленіе какъ формъ и дат., и твор. п.

Можно предположить, что двоякое употребленіе формъ на *.мд было причиною того взаимнаго смѣшенія формъ дат. и твор. п., которое мы замѣчаемъ въ сербскомъ языкѣ и въ сѣв.-великорусск. нарѣчіи, и которое почти не встрѣчается въ другихъ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ.

---

[1]) Даничић, Историја, 231—236.

[2]) Полагаемъ, что nobeis вѣрнѣе возводить къ индо-евр. формѣ на bhjame, чѣмъ къ индо-европ. формѣ на .bhime, bhis: ei въ nobeis могло замѣнить ī̄ (*nobīs) подъ вліяніемъ дат. п. ед. ч. *tibei*. Ср. Schleicher, Compend., 569.

Digitized by Google

Кромѣ формъ на *мя* въ русскомъ языкѣ существуютъ еще формы твор. п. мн. ч. на *ме (мѣ?)* и *мы*.

Формы на *ме* извѣстны очень мало: Договоръ Смоленскаго князя Мстислава съ Ригою 1229 года: пьредъ *судіяме* [1]), современное онежск. села съ *поселкаме* [2]); сюда же можетъ быть отнесено приведенное выше виленск. *веселенькимя*. Въ виду малочисленности данныхъ, объ этихъ формахъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Если предположить, что они по суффиксу тождественны съ нарѣчными формами на *мѣ*: ср. болг. *вельмѣ*, ст. сербск. *малъмѣ*, *трѣзмѣ* [3]), современн. словинск. vekomě, ст. чешск. и современн. словацк. velmě, малорусск. (Кобринск. у.) *вельме*, то *судіяме* надо считать=*судіямѣ* и въ *мѣ* можно видѣть особый суффиксъ твор. п. мн. или дв. ч. [4]); но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что нарѣчія *вельмѣ* и др. произошли изъ *вельми* или *вельма*, гдѣ *и* или *а* замѣнилось *ѣ*'ми подъ вліяніемъ формъ *крѣпъцѣ*, *добрѣ*; сравни чешск. darmo, kolmo (изъ darma, kolma), образованныя по образцу skoro.

Формы на *мы* извѣстны въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ: онежск. *дѣвушкамы*, *молодушкамы*, *городамы*; въ настоящее время они принадлежатъ только именамъ существительнымъ, но нѣкогда ихъ имѣли и имена прилагательныя: новгородская грамота 1459—1470 г.: *малымы* островкы [5]), Ипатьевскій списокъ лѣтописи: *околнымы* сторонами [6]). Сюда же относится одна бѣлорусская нарѣчная форма: литовск. грамота 1350 года *вѣлмы* [7]), со-

---

[1]) Собраніе госуд. грамотъ, II, 3.

[2]) Рыбниковъ, III, 372.

[3]) Miklosich, Lexicon (2-е изданіе).

[4]) Прусикъ думаетъ, что *мѣ* въ ст. чешск. velmě восходитъ къ тому же суффиксу, къ которому восходитъ и *ма* въ *вельма*. Archiv für Slav. Phil., II, 702.

[5]) Акты Археогр. Эксп., I, 47.

[6]) Лѣтопись по Ипатск. сп., 613.

[7]) Головацкій, Памятники, 4.

Digitized by Google

времени. *сельмы* [1]), а также польскія (варшавскія и куявскія) формы nogamy, rękamy [2]). По нашему мнѣнію, всѣ эти формы — новообразованія, явившіяся изъ формъ на *ми* подъ вліяніемъ формъ твор. п. мн. ч. на *ы: сыны, селы*, и не имѣющія ничего общаго съ формами на **мд* [3]).

IV.

Дательный, творительный и мѣстный падежи множественнаго числа именъ съ основою на *н*.

На первыхъ страницахъ нашей такъ называемой Начальной лѣтописи мы встрѣчаемъ слѣдующія формы множ. ч. отъ именъ существительныхъ на *янинъ, ьнинъ:* дат. п. *Вавилонямъ*, твор. п. *Древлями*, мѣстн. п. въ *Полѣхъ*, въ *Деревлѣхъ*, на *Съверѣхъ* (сравни *Съверены* = *Съверѣны*). Приведенныя формы находятся въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи [4]); подобныя имъ имѣются и во всѣхъ другихъ спискахъ. Если мы обратимся къ другимъ славянскимъ языкамъ, то увидимъ, что такія формы существовали, а отчасти и въ настоящее время существуютъ въ языкахъ сербскомъ, словинскомъ и чешскомъ; именно въ древне-сербскихъ памятникахъ мы находимъ: дат. п. *граѣмъ, Дубровьчамь, Дѣтьчамь;* твор. пад. *Бошнами, Дубровчами;* мѣстн. п. *Височахъ, граѣахъ, Дьчахъ, Заборахъ, Комарахъ* [5]); въ современн. словинск. языкѣ мы встрѣчаемъ: дат. п. Goričam, Svéčam; тв. п. Goričami, Svéčami; мѣстн. п. Goričach, Svéčach [6]); въ древне-чешскомъ: мѣстн. п. Vraňách [7]); нѣкоторыя др. чешскія формы этого рода суще-

---

[1]) Шейнъ, Бѣлор. п., 255.
[2]) Бодуэнъ-де-Куртенэ, О древне-польскомъ языкѣ, 68.
[3]) Сравни Kuhn's Beiträge, VI, 176.
[4]) Повѣсть времени. лѣтъ, 10, 11, 7, 9, 16.
[5]) Даничић, Историја, 95, 118, 135.
[6]) Miklosich, Vrgl. Gr., III, 134.
[7]) J. Jireček, Nákres mluvnice staročeské, 19.

Digitized by Google

ствуютъ и до сихъ поръ въ видѣ нѣмецкихъ мѣстныхъ названій: Dreulach и т. п. [1]). Надо полагать, что такія формы существовали и въ церковно-славянскомъ языкѣ; въ этомъ насъ убѣждаетъ форма дат. п. *Содомлямъ*, находящаяся съ одной стороны въ русскомъ Архангельскомъ Евангеліи 1092 года [2]), съ другой—въ сербскомъ Никольскомъ Евангеліи [3]), къ которой можно присоединить формы: дат. *Гоморамъ* въ Никольскомъ Ев. [4]) и *Троямъ* въ Хронографѣ Манассіи [5]), мѣстн. п. *Румѣхъ* въ Остромировомъ Ев. (сѣааго мѣка Климента *Румѣхъ* = Κλήμεντος ῥωμαίου) [6]) и въ сербской Минеѣ XVI вѣка (въ *Римѣхъ* = apud Romanos) [7]), въ *Висльхъ* въ Паннонскомъ житіи св. Меѳодія по русскому списку [8]); въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ за форму имен. п. надо принимать *Румѣнинъ*, *Римѣнинъ*, *Висльнинъ*.

Изъ вышесказаннаго видно, что формы *Полямъ*, *Полями*, *Поляхъ*—формы праславянскія.

Изслѣдователи даютъ имъ различныя объясненія. Шафарикъ считаетъ ихъ происшедшими изъ формъ *Полянамъ* и т. д. чрезъ выпускъ суффикса *ан* [9]). Данничъ видитъ въ нихъ остатки склоненія основъ на согласный и объясняетъ ихъ такимъ образомъ: при присоединеніи къ основѣ суффиксовъ *мъ*, *ми*, *хъ* конечный согласный основы—*н* ассимилировался съ *м* или *х* суффикса и затѣмъ былъ выброшенъ [10]). Миклошичъ отрицаетъ всякую связь указанныхъ формъ съ формами *Поляне*, *Полянъ* и считаетъ ихъ

---

[1]) Id., Archiv f. Sl. Phil., II.
[2]) Люверсъ, Ж. М. П. Пр. 1878, X, 186.
[3]) Miklosich, Lexicon, v. *Содомлянинъ*.
[4]) Ibid.
[5]) Miklosich, Vrgl. Grammatik, III, 16.
[6]) Остромирово Ев., 242 об.
[7]) Miklosich, Lexicon, v. *Римъ*.
[8]) Ibid., v. *Висла*.
[9]) Elemente der altböhmischen Grammatik, 38.
[10]) Исторія, 95, 118, 135.

Digitized by Google

происшедшими отъ основъ на *jŏ* (им. п. ед. ч. **Поля*) [1]).

Что касается до объясненія Шафарика, то несостоятельность производства формы *Полямъ* изъ формы *Полямъ* видна уже изъ того, что послѣдней формы ни въ церковно-славянскомъ, ни въ древне-русскомъ (до XIV вѣка) языкахъ не существовало; поэтому мы остановимся только на объясненіяхъ Даничича и Миклошича и прежде на объясненіи послѣдняго.

Между словами, обозначающими названія народовъ, въ русскомъ, какъ и вообще въ славянскомъ языкѣ, дѣйствительно существуютъ слова женскаго рода на *а, я, ь: Морава, Меря, Русь;* со вторымъ изъ нихъ должно быть одинаково предполагаемое Миклошичемъ **Поля*. Какъ употребляются эти слова на тѣхъ же страницахъ Начальной лѣтописи, гдѣ находятся формы *Полямъ* и т. п., можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: начаша воевати на *Мараву* и на Чахи; пріяша Угри и *Морава*, Чехи и Ляхове; преложены книги *Моравьскыя*; Мефодій оста в *Моравѣ*; имаху дань Варязи... на *Чюдь* и на Словѣнехъ, на *Мери* и на всѣхъ Кривичѣхъ; поимъ... Варяги, *Чюдь*, Словѣни, *Мерю*; поляша всю *Русь*; собра... Варяги и Словѣни, *Чюдь* и Кривичи [2]); эти слова, какъ и другія имена собирательныя, склоняются только въ единственномъ числѣ [3]). Правда, можно указать въ Лаврентьевскомъ спискѣ форму им. ч. в *Моравы* бо ходилъ [4]), но она находится въ мѣстѣ не-

---

[1]) Vgl. Gram., III, 16, 291. Сравни впрочемъ ib., 208.

[2]) Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку, 17, 18, 13, 15, 13, 47.

[3]) Имена собирательныя на *а* и *я*, не означающія названій народовъ, въ XIV вѣкѣ начали уже употребляться въ формахъ множ. ч.; первый извѣстный намъ примѣръ такого употребленія находится въ Духовной Ивана Калиты 1328 года: по *поньямъ*, по всѣмъ *поньямъ* (им. п. ед. ч. *поня*; сравни *князья, княжья*). Собр. гос. гр. I, 32. Замѣтимъ кстати, что формы *Дерева* (идс в *Дерева*), *Деревьхъ* (Пов. вр. л. по Лавр. сп. 28, 29)— винит. и мѣстн. п. мн. ч. отъ *дерево* и не имѣютъ ничего общаго съ разсматриваемыми нами формами.

[4]) Повѣсть врем. лѣтъ, 18.

Digitized by Google

порченномъ, какъ видно изъ контекста Ипатьевскаго списка: *Моравы* бо доходилъ, гдѣ *Моравы* — род. п. ед. ч.; въ Ипатьевскомъ спискѣ находимъ также форму мн. ч.: имаху дань Варязи на Чюди и на Словѣнехъ и на *Мѣряхъ* и на всѣхъ Кривичѣхъ, но *Мѣряхъ* — позднѣйшая поправка, какъ видно изъ соотвѣтствующаго мѣста Лаврентьевскаго списка (приведено выше). Итакъ, если слова *Морава*, *Меря*, *Русь* склоняются въ Начальной лѣтописи только въ единственномъ числѣ, то нѣтъ никакого основанія думать, чтобы однородныя съ ними слова **Поля* и т. п. могли употребляться и во множ. ч. Сверхъ того, формы ед. ч. **Поля*, **Полѣ*, **Поли* и т. д. и мн. ч. **Полѣ* (им. п.), **Поль* (род. п.) или имъ подобныя ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи неизвѣстны. Форма *Порича*, находящаяся въ русской Палеѣ XIV вѣка (отъ Афета же си суть рожешіися языци... Мидои, Канодокіи..., *Порича*, иже суть Словѣни [1]), — если не описка, то форма им. (собственно винит.) п. мн. ч. = ц. слав. **Поричѧ* (им. п. ед. ч. *Поричь*, какъ *Кривичь*). Современныя словинскія формы вин. п. мн. ч. Goriče, Svěče принадлежатъ къ числу новообразованій и явились благодаря формамъ Goričam, Goričami, Goričach и т. п.

Въ виду этого мы не можемъ принять объясненія Миклошича.

Что касается до объясненія Даничича, то мы можемъ принять его въ главной его части. Им. п. мн. ч. *Поляне*, род. п. *Полянъ* (сравни *камене* и *каменъ*) ясно показываютъ, что слово *Поляне* имѣетъ основу на согласный звукъ (n); на то же указываетъ и чередованіе въ другихъ падежахъ формъ, подобныхъ *Содомлянемъ* (Зографское Ев.) и *кръстьяномъ* (Клоц. Гл.), *Еюптѣни* (ibid.) [2]) и *Древляны* (Нач. лѣтопись), встрѣчающееся только въ склоненіи именъ съ основою на согласный: тв. п. мн. ч. *каменьми* и *камены*.

---

[1]) Извѣстія, X, 670.
[2]) Miklosich, Vgl. Gr., III, 15.

Digitized by Google

Въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ въ склоненіи основъ на n мы находимъ слѣдующія формы:

	др. инд.	др. бактр.	греч.
дат. п.	açmabhjas	açmabjô	
твор.	açmabhis		
мѣстн.	açmasu	açmahu	ἀκμόσιν
	(основа açman)		(основа ἀκμον).

Этимъ формамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ слав. *Полямъ* (изъ **Полян-мъ*), *Полями* (изъ **Полян-ми*), *Поляхъ* (изъ **Полян-хъ*). Выпаденіе *н* можно бы считать происшедшимъ здѣсь еще въ индо-европейскій періодъ, но чешскій языкъ сохранилъ формы, показывающія, что оно произошло (по крайней мѣрѣ въ мѣстномъ п.) уже на славянской почвѣ. Въ древнѣйшихъ его памятникахъ мы находимъ формы мѣстн. п. Lužás, Dolás, Lubčás, Wrbčas, Břčžás, Komorás и т. п. [1]): сохраненіе *с* (изъ индо-европ. s), между двумя гласными почти постоянно переходящаго въ *х*, указываетъ на то, что передъ этимъ *с* находился нѣкогда другой согласный звукъ, именно *н*. Эти чешскія формы, конечно, древнѣе формъ *Поляхъ* и т. п. (хотя и эти послѣднія — праславянскія) и относятся къ нимъ точно такъ же, какъ форма 1 лица ед. ч. ц.-слав. аориста *приѩсъ* относится къ формѣ *приѩхъ*: и *Поляхъ*, и *приѩхъ* — новообразованія, обязанныя своимъ происхожденіемъ аналогіи формъ *рабѣхъ*, *несохъ* и т. п.

V.

Родительный и винительный, дательный и мѣстный падежи единственнаго числа мѣстоименій личныхъ и возвратнаго.

Въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ существуютъ формы дат. п. *тѣ*, *сѣ*: я *тѣ* дамъ, я женю *сѣ* [2]);

---

[1]) Schafarik, Elemente, 38.

[2]) Въ нѣкоторыхъ сѣв.-в. русск. говорахъ, вмѣсто *сѣ*,

Digitized by Google

съ ними одинаковы по образованію малорусскія (украинск. и галицк.) *мі*, *ті*, *сі*. Подобныя формы, въ генетическомъ отношеніи независимыя отъ русскихъ, существуютъ въ языкахъ сербскомъ (грло *те* болело!), чешскомъ (tě), моравскомъ [1]), польскомъ [2]). Колосовъ и Миклошичъ находятъ возможнымъ считать великорусскія формы *тѣ*, *сѣ* образовавшимися изъ *теѣ*, *сеѣ* чрезъ стяженіе [3]), но противъ такого объясненія говоритъ уже то обстоятельство, что формы *тѣ*, *сѣ* употребляются и въ тѣхъ южно-в. русскихъ говорахъ, въ которыхъ (какъ въ московскомъ) формы *теѣ*, *сеѣ* неизвѣстны. По нашему мнѣнію, в. русск. и бѣлорусск. *тѣ*, *сѣ*, малорусск. *мі*, *ті*, *сі* произошли вслѣдствіе вліянія на формы *ми*, *ти*, *си* формъ *мнѣ*, *тебѣ*, *себѣ*: *ѣ* этихъ послѣднихъ перешло въ формы *ми*, *ти*, *си* и замѣнило въ нихъ собою *и*.

Насколько древни эти формы, трудно рѣшить. Возможно, что въ русскомъ языкѣ они существуютъ съ давняго времени; на это указываетъ форма *те* (се пишю къ *те*, чадо узлюбленое), которая намъ попалась въ поученіи черноризца Георгія по южнорусскому списку XIII вѣка [4]); но эта форма крайне рѣдкая и уже по этому одному весьма сомнительная.

Въ южно-в. р. и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ форма *тѣ*

слышится *сё* (Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXX, 44).— Что въ женю *сѣ*, *сѣ*—форма дат. п., на это указываетъ *си* въ женю*си*. Въ древности съ дат. п. возвратнаго мѣстоименія соединялись только нѣкоторые глаголы, управлявшіе дат. п. (напримѣръ, ц. слав. *съжалити си*), но впослѣдствіи форма дат. п. возвратнаго мѣстоименія перешла къ глаголамъ, управлявшимъ вин. п., и на оборотъ, форма вин. п. возвратнаго мѣстоименія—къ глаголамъ, управлявшимъ нѣкогда дат. п. (*сжалиться*).

[1]) Šembera, Zakladové dialektologie česko-slovenské, 36.

[2]) Malinowski, Beiträge z. Slav. Dialektologie, 50.

[3]) Обзоръ, 234; Vgl. Gramm., III, 303.

[4]) Срезневскій, Свѣд. и Зам., VII, 161 (Зап. Ак. Н. IV). Что этотъ списокъ южно-русскій, видно изъ написаній *поучѣнье*, *весѣлье* и т. п.

Digitized by Google

употребляется не только въ значеніи дат., но и въ значеніи род.-вин. п., конечно, вслѣдствіе вліянія именныхъ формъ род.-винит. на *ѣ*: ю.-в. р. волкъ *тѣ* съѣшь, бѣлор. у *цѣ*. [1]).

Въ сѣверно-в. русскомъ нарѣчіи и немногихъ говорахъ южно-в. русскаго употребляются формы род. п. *тія, сія, тея, сея* и дат. п. *тіи, сіи, теи, сеи, тои, сои* [2]), неизвѣстныя ни въ памятникахъ великорусскаго нарѣчія стараго времени, ни въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ. Гг. Потебня [3]), Колосовъ [4]) и Миклошичъ [5]) считаютъ ихъ происшедшими изъ формъ *тебя, себя, тебѣ, себѣ* чрезъ выпускъ *б*; но *б* въ русскомъ языкѣ между гласными никогда не выпадаетъ (одинъ примѣръ *баушка*, вмѣсто *бабушка*, ничего не доказываетъ), а потому объясненіе названныхъ ученыхъ не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. По нашему мнѣнію, эти формы образовались инымъ путемъ. Къ формамъ дат. п. ед. ч. *ти, си*, подъ вліяніемъ формъ *тебѣ, себѣ*, присоединилось окончаніе этихъ послѣднихъ—*ѣ*, и такимъ образомъ они дали формы *тіи, сіи*, по образованію такія же, какъ и русск. *двуѣ*, польск. dwuch, obuch, образованныя чрезъ присоединеніе къ окончанію род. п. дв. ч. *у* окончанія род. п. мн. ч. *ъ*; словинск. тв. п. ед. ч. ribum, ženum, образованныя чрезъ присоединеніе къ окончанію тв. п. ед. ч. u (=ц. слав. *ѣмъ*) окончанія

---

[1]) Шейнъ, Бѣлор. п., 280.

[2]) Ежегодникъ Владимірск. Губ. Стат. Комит. I, 85, 86 (меленковск. говоръ); 122, 123, 125 (муромск.); Кирѣевскій, I, 34, 38 (нижегородск.); Эти. Сб., I, 143, 161 (сытск.); II, 4 (пошехонск.) и др. Формы *тои, сои* (произносятся *теи, сеи*) извѣстны только въ говорѣ новосильскомъ, Тульской губ. (Эти. Сб. II, 99).

[3]) Два изслѣдованія, 90.

[4]) Обзоръ, 196.

[5]) Vgl. Gramm., III, 308.

Digitized by Google

того же пад. m (= ц. слав. мь); моравск. 3 л. мн. ч. zvoniju, strojiju [1]), образовавшіяся чрезъ присоединеніе къ окончанію 3 л. мн. ч. і (= ц. слав. д) окончанія и (= ц. слав. ж), и друг. Формами дат. п. *тіѣ*, *сіѣ* были вызваны къ существованію формы род. *тія*, *сія*, съ окончаніемъ формъ *тебя*, *себя*.

Формы *тель*, *тея*, *сель*, *сея* или образовались изъ *тіѣ* и пр. подъ вліяніемъ формъ *тебѣ* (какъ *тоѣ*, *соѣ* — подъ вліяніемъ *тобѣ*, *собѣ*), или въ ихъ основаніе легли не формы *ти*, *си*, а формы *тѣ*, *сѣ*.

Въ сложеніи съ глаголами формы возвратнаго мѣстоименія, вмѣсто *ся*, *си*, *сѣ* (изъ *сь*), иногда звучатъ *са*, *сы*, *со*: *билса*, *билсы*, *билсо*. Изъ этихъ формъ первая распространена въ разныхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія (встрѣчается нерѣдка и въ малорусскомъ: обещанса [2]); вторая намъ извѣстна изъ пошехонскаго [3]), третья — изъ олонецкаго и мезенскаго [4]) говоровъ. Въ старинныхъ памятникахъ русскаго языка формъ *сы* и *со* намъ не встрѣчалось, форма же *са* въ нихъ сравнительно не рѣдкость, начиная съ XIV вѣка; къ нему относится Спильвестровскій сборникъ, въ которомъ мы читаемъ: насладнса [5]).

Изъ ученыхъ на эти формы обратилъ вниманіе только Колосовъ; онъ призналъ ихъ происшедшими изъ формъ *ся*, *си*, *сѣ* путемъ отвердѣнія *с* [6]). Мы можемъ согласиться только съ первою частью этого объясненія: формы *са*, *сы*, *со* дѣйствительно образовались изъ формъ *са*, *сы*, *сѣ*; но мы должны отвергнуть вторую его часть; отвердѣніе *с*, какъ

---

[1]) Sušil, Moravské nár. p., 23.
[2]) Труды эти.-ст. Экси., II, 16 (Заславск. у.).
[3]) Эти. Сб., II, 7.
[4]) Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXX, 44.
[5]) Извѣстія, X, 650.
[6]) Обзоръ, 155—156.

Digitized by Google

признаетъ самъ Колосовъ, совершенно неизвѣстно въ русскомъ языкѣ, ни въ древнемъ, ни въ новомъ [1]).

Наше мнѣніе о происхожденіи этихъ формъ таково. Какъ скоро конечные глухіе звуки ъ и ь стали исчезать изъ произношенія, — падежныя формы возвратнаго мѣстоименія, присоединяясь къ глаголу въ 3 лицѣ ед. и мн. ч. и къ супину, соприкасались непосредственно съ конечнымъ *т* глагола (мягкимъ, или твердымъ,—все равно), и *с* мѣстоименія подвергалось ассимиляціи съ этимъ *т*, результатомъ которой былъ переходъ *с* въ *ц*, первоначально, конечно, мягкое: бьет*ця*, бьет*ци*, бьет*цѣ*. По памятникамъ *ц* изъ *с* извѣстно намъ только съ XV вѣка, но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что оно явилось гораздо раньше. Это *ц* имѣло ту же судьбу, что и всякое другое *ц* (изъ *к*), т. е. въ нѣкоторыхъ говорахъ, во всѣхъ или только въ немногихъ случаяхъ, подверглось отвердѣнію; такимъ образомъ явились формы бьёт*ца*, бьёт*цы* [2]), бьёт*цо* [3]). Твердость согласнаго звука сообщилась отъ нихъ и тѣмъ формамъ возвратнаго мѣстоименія, въ которыхъ *с* сохранилось, т. е. при бьёт*ца* явилось бил*са*, при бьёт*цы* — бил*сы* и т. д.

Какъ форма *ся* въ сокращеніи звучитъ *сь*: бью*сь*, такъ форма *са* звучитъ *съ*: бью*съ*.

Изъ другихъ славянскихъ языковъ формы, подобныя русскимъ *са*, *сы*, *со*, встрѣчаются только въ словацкомъ и и верхне-лужицкомъ, именно въ первомъ *sa*, во второмъ *so* (=ц. слав. *сѧ*); они, очевидно, не находятся въ связи съ русскими формами, и потому мы не имѣемъ надобности говорить объ ихъ образованіи.

---

[1]) Намъ могутъ указать на слова *суда*, *отсуда*, какъ на происшедшія изъ *сюда*, *отсюда* чрезъ отвердѣніе *с*. Но *суда* и *сюда* — слова разнаго происхожденія; сравни ц. слав. *сѫду*, др. русск. *ѻ̃судѣ* (Архангельск. Ев.; Амфилохій, Описаніе, 23).

[2]) Этнограф. Сб., II, 7.

[3]) Колосовъ, Зап. Ак. Н. XXX, 44.

Digitized by Google

VI.

Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій.

Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ раздѣляется на два вида: къ первому относятся тѣ падежныя формы, которыя образованы чрезъ присоединеніе падежной формы члена (мѣстоименія *и*) къ соотвѣтствующей формѣ имени или мѣстоименія; ко второму относятся тѣ, которыя произошли путемъ присоединенія падежной формы члена къ одной и той же формѣ имени или мѣстоименія. Къ какому виду относятся существующія въ современномъ русскомъ языкѣ формы членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій?

Что касается до имен. и вин. п. всѣхъ чиселъ и родовъ, то ихъ формы принадлежатъ несомнѣнно къ первому виду: в. русск. *слѣпой*, бѣлор. *слѣпый*, малор. *сліпий* и т. д. есть не что иное, какъ *слѣпъ-и* и т. д. [1]).

Формы род. п. ед. ч. муж.-ср. р. оканчиваются въ сѣв.-в. р. парѣчіи на *ово, ова*, въ южн.-в. р. на *ова* (если удареніе на второмъ отъ конца слогѣ) и *ава* (если на этомъ слогѣ ударенія нѣтъ), въ бѣлор. *ога* и *ага* (условіе существованія *о* или *а* такое же, какъ въ южно-в. р.), въ малор. *ого*. Принимая въ соображеніе, что формы на *ава, ага* извѣстны только въ акающихъ парѣчіяхъ, мы должны признать:

1) что въ основѣ современныхъ русскихъ формъ род. п. ед. ч. муж.-ср. р. лежитъ форма *ого*;

2) что южно-в. р. и бѣлор. формы на *ава* и *ага* принадлежатъ къ числу рефлексовъ ся, а не формы на *аго*, и

3) что этой послѣдней формы (или ея рефлексовъ) въ современномъ русскомъ языкѣ не существуетъ.

---

[1]) Все, что мы говоримъ о формахъ на *ый, ій, ое, ая* и пр. относится, mutatis mutandis, и до формъ на *ій, ей, ее, аю* и пр.

Digitized by Google

Противъ послѣдняго вывода, повидимому, говорятъ фамиліи *Бѣла́го, Жива́го, Мертва́го* (произносятся такъ, какъ пишутся), представляющія формы род. п. ед. ч. муж. р. отъ именъ прилагательныхъ, но они, какъ показываетъ сохраненіе *г* и удареніе на второмъ слогѣ, не могутъ считаться чисто русскими: въ основу ихъ легли русскія правописныя формы *бѣлаго, живаго, мертваго* и существующее произношеніе установилось гдѣ-нибудь среди Поляковъ, подъ вліяніемъ польскаго языка. Сравни вполнѣ русскія фамиліи *Ма́лово, Солово́во, Хитрово́* (вм. *Хи́трово*) и др.

Формы на *ого*, очевидно, не имѣютъ ничего общаго по образованію съ формами на *аго* и относятся ко второму виду.

Что касается до древне-русскаго языка, то въ памятникахъ его извѣстны формы и на *аго*, и на *ого:* надпись на антиминсѣ 1149 года: *новгородьского, ростовъскыо* [1]), новгородская грамота 1189—1199 г.: *старого* [2]), съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что первыя встрѣчаются по преимуществу въ тѣхъ памятникахъ, въ языкѣ которыхъ болѣе или менѣе сильно чувствуется церковно-славянскій элементъ; въ другихъ же (въ грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера) они очень рѣдки. Поэтому можно думать, что формы на *аго* въ живомъ древне-русскомъ языкѣ въ историческое время его существованія или существовали въ незначительномъ числѣ, или, что болѣе вѣроятно, совсѣмъ не существовали. Замѣтимъ, что современные славянскіе языки, имѣющіе формы на *ого* (сербск., словинск., верхнелужицк. яз.), не знали и не знаютъ формъ на *аго* или ихъ рефлексовъ [3]).

---

[1]) Извѣстія, X, 96.

[2]) Русско-Лив. Акты, 1.

[3]) Въ древнихъ сербскихъ грамотахъ изрѣдка встрѣчаются и формы на *аго*, но ихъ (какъ и нѣкоторыя другія находящіяся тамъ формы) не слѣдуетъ признавать за чисто-сербскія, какъ показываетъ конечное *о*.

Digitized by Google

Формы род. п. ед. ч. женск. р. въ современномъ русскомъ языкѣ существуютъ въ двухъ видахъ: 1) на *оѣ* и 2) на *ыѣ* съ ихъ рефлексами. Формы на *ыѣ* теперь встрѣчаются (почти исключительно въ пѣснѣхъ) въ нарѣчіяхъ великорусскомъ, бѣлорусскомъ и очень рѣдко въ малорусскомъ, причемъ на ы лежитъ иногда удареніе; въ русскихъ грамотахъ и актахъ, до XVII вѣка включительно, мы находимъ ихъ очень часто, напримѣръ: у *переславьскіе* соли (московск. гр. 1432 г.), отъ *Архангельскіе* деревни (устюжск. гр. 1555 г.), *такіе ложные воровскіе духовные* писать не велѣть (суздальская гр. 1646 г.) [1]. Они одного образованія съ ц. слав. на *ыа* и принадлежатъ къ первому виду склоненія членныхъ именъ прилагат. и мѣстоименій (*ыѣ* изъ *ы+ѣ*).—Формы на *оѣ* не имѣютъ ничего общаго съ формами на *ыѣ* и извѣстны въ русскомъ языкѣ съ давняго времени: Успенскій Торжественникъ XII вѣка: *съмрьти* тоѣ *пагубьноѣ*, на мѣстѣ *ветьхоѣ деревяноѣ* (церкви) [2]. Они относятся ко второму виду.

Относительно формъ дат. п. ед. ч. муж.-ср. р. на *ому* не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что они принадлежатъ также ко второму виду. Они встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ; напримѣръ, въ Мстиславовомъ Евангеліи XII вѣка мы находимъ: *худому*, въ Монастырскомъ уставѣ того же вѣка: *сѣному* таинъству [3]. Съ ними не имѣютъ ничего общаго формы на *уму*, извѣстныя въ церковно-слав. языкѣ и встрѣчающіяся въ тѣхъ русскихъ памятникахъ XI—XIV в., въ которыхъ ц.-славянскій элементъ особенно силенъ; ихъ въ историческую эпоху живой русскій языкъ, вѣроятно, не зналъ, какъ не знали и не знаютъ языки сербскій, словинскій и верхне-лужицкій, употребляющія только формы на *ому*.

Формы дат. п. ед. ч. женск. р. на *оѣ* (др. русск. *ои*, малор. *ій*, *уй*) извѣстны съ давняго времени: надпись на

---

[1]) Акты, изд. Калачовымъ, I, 91, 217, 261.
[2]) Чтенія 1870, I, 12 об., 13 об. (сказ. о Б. и Гл.).
[3]) Извѣстія, X, 90, 511.

Digitized by Google

крестѣ послѣ 1211 года: давшюму... *стои* Сооіи [1]), и принадлежатъ ко второму виду. Формы на *ьи*, которыя нерѣдко встрѣчаются въ древне-русскихъ памятникахъ (въ тѣхъ же, въ какихъ встрѣчаются и формы на *аго* и *уму*), въ современномъ русскомъ языкѣ неизвѣстны. Можно предполагать, что въ живомъ древне-русскомъ языкѣ они или существовали въ незначительномъ числѣ, или совсѣмъ не существовали; встрѣчающіяся изрѣдка въ др. русскихъ памятникахъ формы въ родѣ *прѣчьскьи* (Златоструй XII в.) [2]), подобныхъ которымъ нѣтъ въ ц. слав. языкѣ, не могутъ говорить противъ послѣдняго предположенія, такъ какъ они могли произойти чрезъ присоединеніе къ русск. формѣ *пророчьскои* ц. слав. окончанія; сравни нерѣдкія въ др. русскихъ памятникахъ формы *бремя*, *преже*, *злото* [3]), *новгородьскуому* [4]), прошедшія чрезъ соединеніе въ одно цѣлое русскихъ и ц. славянскихъ формъ: *бремя* — чрезъ соединеніе рус. *беремя* и ц. слав. *брѣмѧ*, и т. д.

Замѣтимъ, что изъ другихъ славянскихъ языковъ въ настоящее время ни одинъ не знаетъ формъ на *ьи*; въ древнѣйшій періодъ они достовѣрно существовали, кромѣ ц. славянскаго и средне-болгарскаго, только въ чешскомъ языкѣ, и то въ самомъ незначительномъ числѣ [5]).

Сказанное о формахъ дат.-п. на *оіі* и *ьи* относится и до тождественныхъ съ ними формъ мѣстнаго п.

Относительно формъ твор. п. ед. ч. муж.-ср. р. на *ымъ* (др. русск. *ымь*) и женск. р. на *ою* (*оіі*) не можетъ быть сомнѣнія, что они, какъ и тождественныя съ ними формы другихъ славянскихъ языковъ, не исключая и церковнославянскаго,—относятся ко второму виду.

Формы мѣстн. п. ед. ч. муж.-ср. р. на *омъ* (др. русск. *омь*, малор. *ім*, *ум*) извѣстны въ русскомъ языкѣ очень

---

[1]) Ibid., 172.
[2]) Малининъ, Изслѣдованіе о Златоструѣ, 273.
[3]) Надпись 1161 г. Извѣстія, X, 101.
[4]) Мстиславово Ев. Ibid., 88.
[5]) Schafarik, Elemente, 65.

Digitized by Google

давно: Договоръ Смоленска съ Ригою 1230 года: на *ѣмьскомь* бѣрѣзѣ [1]), и принадлежатъ ко второму виду. О существованіи въ русскомъ языкѣ формъ на *мьı* можно сказать то же, что и о формахъ дат. п. на *мъı*. Замѣтимъ, что въ другихъ славянскихъ языкахъ формъ на *мьı* неизвѣстно въ настоящее время; въ древности они достовѣрно существовали, кромѣ п. славянскаго и средне-болгарскаго, только въ чешскомъ языкѣ, и то въ самомъ незначительномъ числѣ [2]).

Изъ формъ множ. ч. только одна форма род. п. всѣхъ родовъ (именъ) принадлежитъ къ первому виду (*сльııьıхъ*= *слъıхъ* + *ııхъ*); формы остальныхъ косвенныхъ падежей принадлежатъ ко второму виду. — То же самое мы видимъ и во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ.

Что касается до формъ род.-мѣстн. п. дв. ч., теперь уже не существующихъ, то въ др. русск. языкѣ они оканчивались не только на *ума*, какъ въ ц.-слав. языкѣ, но и на *ома*: Тріодь постная XI вѣка: отъ *прьıчистою* руку [3]), Мстиславово Ев: *стою* мчику [4]), Успенскій Торжественникъ *стою* и *блаженою* страстрьıцю [5]), *стою* мчику (род. п.), о *стою* мчку (мѣстн. п.) [6]). Послѣднія формы принадлежатъ ко второму виду. Существовали ли въ живомъ русскомъ языкѣ формы на *ую*, по пеимѣнію данныхъ, нельзя рѣшить.

Формы дат.-тв. п. дв. ч. всѣхъ родовъ на *ьıма*, существующія и теперь въ сѣв.-в.-русскихъ говорахъ въ значеніи твор. п. мн. ч., принадлежатъ ко второму виду, какъ и тождественныя съ ними формы другихъ славянскихъ языковъ.

Такимъ образомъ изъ современныхъ русскихъ падеж-

---

[1]) Извѣстія, X, 600.
[2]) Jireček. Nákres mluvnice st.-české, 31.
[3]) Ibid., 445,
[4]) Ibid., 115.
[5]) Чтенія, 1879, I, 1.
[6]) Ibid., 1870, I, 9 об.

Digitized by Google

ныхъ формъ членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій (кромѣ имен. и винит.) къ первому виду достовѣрно принадлежатъ только двѣ формы род. п.: ед. ч. на *ыѣ* и мн. ч. на *ыхъ;* всѣ же остальныя принадлежатъ ко второму виду, т. е. состоятъ изъ падежныхъ формъ въ соединеніи съ одной и той же формою имени или мѣстоименія.

Обыкновенно полагаютъ, что въ формахъ втораго вида соединяется съ формами члена основа имени или мѣстоименія, т. е. *слѣпого* состоитъ изъ основы *слѣпо* и род. п. *его*, *слѣпымъ*—изъ основы *слѣпъ* и дат. п. *имъ*, и т. п. Но такое объясненіе возбуждаетъ три важныхъ вопроса: 1) откуда взялась въ этихъ формахъ основа, когда они (въ чемъ нельзя сомнѣваться) сравнительно новаго происхожденія? 2) почему въ однихъ падежахъ (передъ *е*) эта основа оканчивается на *о*, а въ другихъ (передъ *и*)—на *ъ*? и 3) почему *о* и *е* стянулись въ одинъ звукъ, когда въ *моего* они не стягиваются? На эти вопросы не существуетъ никакихъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ [1]).

Сопоставленіе формы *слѣпого* съ формою *слѣпымъ*, которая состоитъ несомнѣнно изъ *слѣпъ*+*имъ*, показываетъ, что въ составъ *слѣпого* входитъ также форма *слѣпъ*, тождественная по звукамъ съ нечленною формою им.-вин. п. ед. ч. муж. р. (именъ и мѣстоименій) и род. п. мн. ч. всѣхъ родовъ (именъ), и *слѣпого* произошло изъ *слѣпъ*+*его* чрезъ ассимиляцію *ъ* и *е* и затѣмъ стяженіе ихъ въ одинъ

---

[1]) Подробная критика этого мнѣнія въ сочиненіи Лескина Die Declination im Sl.-litauischen, 131—134. Есть другое мнѣніе, по которому формы на *ого* (но не на *ымъ*) представляютъ образованія по образцу мѣстоименныхъ формъ *того* и др.; но неосновательность его очевидна: долгота *о* въ сербск. *слијепóга* (при *тŏга*) и *е* въ чешск. slepém (при tŏm, jĕm) показываетъ, что здѣсь стянуты два звука; кромѣ того, помимо долготы *е*, самый этотъ звукъ чешской формы говоритъ противъ приведеннаго мнѣнія.

Digitized by Google

звукъ — *ô* [1]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности представить другіе примѣры подобныхъ ассимиляцій и стяженія. Формъ, гдѣ должны стоять рядомъ *э* и *е*, крайне мало, да и тѣ принадлежатъ къ числу глагольныхъ: др. русск. *мѣешь, мѣсть*. Здѣсь стяженія *э* и *е* въ *о* не могло произойти, такъ какъ ему препятствовали съ одной стороны тѣ формы, въ которыхъ стяженіе *э* съ послѣдующимъ гласнымъ не могло имѣть мѣста (*мѣю, мѣють*), съ другой — потребность рѣзко обозначить корень, отдѣливъ его отъ суффикса. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ не подверглись стяженію формы ц.-слав. *мыєтъ*, чешско-польскія *myje* и друг., хотя *ы* и *е* въ ц.-славянскомъ, *ы* и *ѣ* въ чешскомъ и польскомъ языкахъ въ другихъ случаяхъ стягиваются; род. п. ед. ч. *слѣпыѧ* изъ *слѣпы+ѧ*, вин. п. мн. ч. *sleрé* изъ *sleру+je*.

Падежная ли форма — форма *слѣпѣ*, входящая въ составъ *слѣпого, слѣпымъ*, и, если падежная, то какому именно падежу она принадлежитъ? Думаемъ, что ее можно считать формою пм. п. ед. ч. и что въ формахъ *слѣпого, слѣпымъ* мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ явленіемъ, которое довольно обычно какъ въ русскомъ, такъ и въ другихъ существующихъ нынѣ славянскихъ языкахъ, и не чуждо и языку церковно-славянскому. Оно состоитъ въ томъ, что если стоятъ рядомъ два (или даже три) склоняемыхъ слова, тѣсно связанныя между собою логически и грамматически, то они могутъ составлять какъ бы одно цѣлое, т. е. при склоненіи можетъ измѣняться по падежамъ только послѣднее изъ нихъ, первое же (или первыя) можетъ оставаться

---

[1]) Въ русскомъ, какъ и въ церк.-слав., сербскомъ и словинскомъ языкахъ, въ древности, при ассимиляціи двухъ гласныхъ, первый изъ нихъ всегда одерживалъ верхъ надъ вторымъ; въ чешскомъ и польскомъ языкахъ наоборотъ — второй звукъ ассимилировалъ съ собою первый. Этимъ объясняется то, что въ slepém (изъ *слѣпѣ+емъ*) мы видимъ твердое *é*. — Что касается до формъ *сынею* и т. п., то они могли образоваться по образцу *слѣпого*.

Digitized by Google

въ им. п. ед. ч.: русск. современн.: ждемъ *князь Петръ* Ильича, умнѣе... *князь* Петра (Грибоѣдовъ), *Нов*—города, *ковыль*—травы, *душа*—красной дѣвицы, *Москва*—рѣки, старинн. *княжь* Иванова сына, *княжь* Өедоровы руки (акты XV—XVII в.), *буй* туру Всеволоду (Слово о п. Иг.); ц.-слав. *Іс̃* Хм̃ь (Остромирово Ев.), *Іисусъ* Христоса (Изборн. Святосл. 1073 г.) [1]).

Можно полагать, что форма имен. п. ед. ч. муж. р. очень рано (еще въ праславянскій періодъ) совершенно вытѣснила въ склоненіи членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій тѣ падежныя формы, которыя длиннѣе ея слогомъ; по крайней мѣрѣ формъ, образовавшихся изъ *слѣпомь+имь*, *слѣпоѭ+еѭ*, *слѣпомъ+имъ* и т. д., мы не находимъ ни въ одномъ славянскомъ языкѣ; но падежныя формы, равныя съ нею по числу слоговъ, продолжали существовать еще долгое время; именно, мы находимъ ихъ въ полномъ числѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ, гдѣ они совсѣмъ или почти совсѣмъ вытѣснили соотвѣтствующія формы втораго вида; въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, наоборотъ, они очень рано были вытѣснены формами втораго вида и сохранились, какъ показано выше, только въ небольшомъ числѣ.

Если мы правы, думая, что формы *слѣпого*, *слѣпымъ* состоятъ изъ им. п. ед. ч. *слѣпъ* и род. *его*, дат. *имъ*, то они сходны по образованію съ греческими формами ἐμαυτοῦ, σεαυτοῦ, ἑαυτοῦ, ἐμαυτῷ, σεαυτῷ, ἑαυτῷ, ἑαυτῶν, ἑαυτοῖς, ἑαυτούς, состоящими изъ вин. п. ед. ч. мѣстоименій личныхъ и возвратнаго и разныхъ падежей мѣстоименія αὐτός [2]).

Въ современномъ великорусскомъ (изрѣдка и въ бѣлорусскомъ) нарѣчіи, кромѣ обычныхъ формъ именъ прила-

---

[1]) Буслаевъ, Историч. грамматика, II, 238—242; здѣсь приведенъ рядъ прекрасно подобранныхъ примѣровъ.

[2]) G. Meyer, Griechische Gramm., 344.

Digitized by Google

гательныхъ и мѣстоименій на *ой*, *омъ*, *ымъ*, *ыхъ* мы находимъ рядъ другихъ формъ, которыя можно назвать растяженными: *доброей*, *доброемъ*, *добрыимъ* — *добрыемъ*, *добрыихъ*—*добрыехъ*. Изъ нихъ именныя формы: *доброей*, *добрыихъ* — *добрыехъ* употребляются только въ пѣсняхъ, а формы мѣстоименныя *тоей* — *тоёй*, *одноей* — *одноёй*, *тыихъ* — *тыехъ* обычны и въ разговорномъ языкѣ.

Формъ, подобныхъ *доброей*, *добрыехъ* не существовало и не существуетъ ни въ одномъ славянскомъ языкѣ; формы въ родѣ *добрыихъ* употреблялись въ церковно-славянскомъ языкѣ.

Изслѣдователи видятъ въ указанныхъ русскихъ формахъ архаизмы, но, какъ мы полагаемъ, — неосновательно. Въ древне-русскихъ памятникахъ XI—XIV в. мы находимъ формы въ родѣ *добрыихъ*, но только въ тѣхъ, которые по языку не могутъ быть названы чисто русскими; въ грамотахъ же и актахъ свѣтскаго характера такія формы до такой степени рѣдки, что мы можемъ указать только одну, и то мѣстоименную: князь *тыихъ* (род. п.) въ литовской грамотѣ 1264 года [1]), дошедшей до насъ въ копіи XIV вѣка. Уже одно это обстоятельство заставляетъ сильно сомнѣваться въ принадлежности живому древне-русскому языку растяженныхъ формъ; наши сомнѣнія подтверждаются слѣдующимъ: рядомъ съ правильными растяженными формами въ древне-русскихъ памятникахъ встрѣчаются и неправильныя: Минея XI вѣка: *твоеимъ пове(лѣ)ніемь* [2]); Евгеніева Псалтырь XI вѣка: *нашіими* дѣтьми [3]); Монастырскій уставъ XII вѣка: *инѣими* рѣчми [4]); Успенскій Торжественникъ: очима *добраама* [5]); Юрьевское Евангеліе: *галилеисцѣихъ* [6]) и т. п. Эти образованія, конечно,

---

[1]) Р.-Лив. Акты, 13.
[2]) Извѣстія, X, 337.
[3]) Ibid., 478.
[4]) Ibid., 511.
[5]) Чтенія, 1870 г., I, 8 об.
[6]) Амфилохій, Описаніе Юр. Ев., 142.

Digitized by Google

никогда не существовавшія въ русскомъ языкѣ, какъ не существовали они въ церковно-славянскомъ, и составленныя въ подражаніе ц.-слав. формамъ *добрыихъ* и т. п., показываютъ, что формы *добрыихъ* и др. были неизвѣстны др. русск. писцамъ въ живомъ употребленіи; въ противномъ случаѣ они понимали бы неправильность формъ *нашіими*, *галилеисцѣихъ* и др. и не стали бы ихъ употреблять.— Формъ въ родѣ *доброей* неизвѣстно въ памятникахъ до XIV—XV в.: новгородскій актъ XIV—XV в.: *тоій* землѣ (дат. п.) [1]), полоцкая грамота 1405 года: (в) *всякоимъ* торговемъ дѣлѣ [2]); да и съ этого времени они встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, и то исключительно мѣстоименныя: верхотурскій актъ 1663 года: съ *тоей* (деревни) [3]).

Въ виду этого въ русскихъ растяженныхъ формахъ слѣдуетъ видѣть новообразованія.

Когда появились въ употребленіи формы род. п. ед. ч. *той*, *доброй* (съ j на концѣ), то формы род. п. *тоѣ*, *доброѣ* ассимилировались съ ними въ морфологическомъ отношеніи, усвоивъ себѣ ихъ конечный j. Такимъ образомъ явились формы *тоей*, *доброей*, которыя первоначально принадлежали родительному п., а потомъ, такъ какъ *той*, *доброй*, кромѣ родит. п., означали также дат., тв. и мѣстн. п. ед. ч.,—стали употребляться и въ значеніи этихъ падежей. Ими вызвано появленіе формъ *тоемъ*, *доброемъ*.

Формы *тоей*, *доброей*, *тоемъ*, *доброемъ* представляютъ какъ бы выдѣленіе изъ падежныхъ формъ прилагательныхъ и мѣстоименій падежныхъ формъ члена. Это было причиною того, что падежныя формы члена выдѣлились также въ формахъ *тымъ*, *добрымъ*, *тыхъ*, *добрыхъ*, и такимъ образомъ явились растяженныя формы *тыимъ*, *добрыимъ*, *тыихъ*, *добрыихъ*. Эти послѣднія, въ свою очередь, дали начало формамъ *тыемъ*, *добрыемъ*, *тыехъ*, *добрыехъ*.

Въ славянскихъ языкахъ форма им. п. имѣетъ силь-

---

[1]) Акты Юрид., 115.
[2]) Р.-Лив. Акты, 119.
[3]) Акты, изд. Калачовымъ, II, 569.

Digitized by Google

ное вліяніе на формы другихъ падежей. Такъ, въ составъ словинск. dobriga, dobrimu, ново-болг. *добриго, добриму* [1]), словацк. dobrýho, dobrýmu [2]) входитъ форма им. п. *добри*, dobrý; ц. слав. *глаголѭщеихъ, глаголѭщеимъ* образовались изъ *глаголѭщіихъ, глаголѭщіимъ* подъ вліяніемъ им. п. мн. ч. *глаголѭщеи*; формы велико- и бѣло-русскія: *моехъ, моемъ* [3]) = *моѣхъ, моѣмъ* (при *моихъ, моимъ*) обязаны своимъ происхожденіемъ им. п. мн. ч. *моѣ; однихъ, однимъ, этихъ, этимъ*—им. п. мн. ч. *одни, эти* [4]); бѣлор. *всихъ, всимъ* [5]) (при *всѣхъ, всѣмъ*) произошли благодаря им. п. *вси*. Какъ эти формы явились вслѣдствіе чередованія формъ *глаголѭщіи* и *глаголѭщеи, мои* и *моѣ, эти* и *этѣ, вси* и *всѣ*, такъ точно чередованіе формы *тыи* и *добрыи* съ одной стороны и *тые* (=*тыѣ*) и *добрые* съ другой вызвало появленіе, рядомъ съ формами *тыихъ, добрыихъ, тыимъ, добрыимъ*, и формъ *тыехъ* (=*тыѣхъ*), *добрыехъ, тыемъ, добрыемъ* [6]). Эти формы множ. ч. вызвали

---

[1]) Подобныя формы существовали уже въ XVII вѣкѣ: въ относящейся къ этому времени болгарской рукописи житій святыхъ мы находимъ: *Златоустиго, триклетиго, болниму, лютыму*. (Ламанскій, Журн. Мин. Н. Пр., 1869, VI, 359). У Седмиградскихъ болгаръ: drugimu. (Miklosich, Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen, 144).

[2]) Šembera, Zakladové dialectologie, 74.

[3]) Ситск. изъ *моефъ* оцей, *своемъ* рукамъ (Эти. Сб. I, 150, 161) и др. Подобныя формы существуютъ также въ языкахъ польскомъ (Małecki, Gramatyka hist.-porówn. jęz. p., I, 215) и сербскомъ (Даничић, Историја, 190 и др.).

[4]) Мѣстоименіе *этотъ* состоитъ изъ указательной частицы *э*, родственной съ частицею *о* (въ великор. *е-о-тъ, а-е-о-сь*, малор. *о-то*) и мѣстоименія *тотъ*; слѣдовательно, род. и дат. п. мн. ч. долженъ звучать *этѣхъ, этѣмъ*. Эти формы впрочемъ употребляются кое-гдѣ на сѣверѣ: пермск. *этѣхъ* дровъ (Перм. Сб., I, 123); ibid.: *этѣ* проповиди, *этѣ* деньги (119, 123).

[5]) Надъ *усими* панами (Зап. Р. Геогр. Общ. V, 94); сравни ibid.: *уси* косцы, *уси* трубочки (107, 219).

[6]) Вотъ для примѣра нѣсколько формъ мн. ч. на *ыехъ* и *ыемъ*: ситск. насъ *горькіефъ*, въ *чужіефъ* людяхъ, оцамъ *ясныемъ*

Digitized by Google

формы тв. п. ед. ч. *тыемъ, добрыемъ* [1]), точно такъ же, какъ формы мн. ч. *моехъ* и др. вызвали форму тв. п. ед. ч. *моемъ* [2]).

Какъ мы сказали выше, русскія растяженныя формы именъ прилагательныхъ въ настоящее время употребляются исключительно въ пѣснѣхъ. Причина этого ясна: изъ пѣсни, вслѣдствіе правильности ея размѣра, нельзя выкинуть не только слова, какъ говоритъ наша пословица, но и слога, не замѣнивши его другимъ; поэтому на мѣсто трехсложныхъ формъ *доброѣ, доброи* (дат.-мѣстн. п.), *добромь, добрымь* и друг., когда ихъ конечные гласные въ разговорномъ языкѣ перестали звучать, должны были явиться также трехсложныя формы, каковы именно растяженныя *доброеи, доброемъ, добрыимъ* (ъ здѣсь не означаетъ звука). Что послѣднія формы вызваны потребностію сохранить размѣръ пѣсни, это видно изъ того, что тѣ формы, конечные гласные которыхъ въ разговорномъ языкѣ сохраняются до нынѣ, не имѣютъ при себѣ растяженныхъ формъ: при *добрую, доброму, доброю, добрыми, добрыма* (дв. ч.) нѣтъ *доброею, доброему, доброею, добрыими, добрыима.*— Мѣстоименныя формы род. п. жен. р. на *ѣ* во многихъ случаяхъ сохранились и въ разговорномъ языкѣ; поэтому растяженныя формы мѣстоименій не составляютъ исключительнаго достоянія пѣсеннаго языка.

Само собою разумѣется, что ц. слав. *добрыимь* и т. д. по образованію не имѣютъ ничего общаго съ современнымъ русск. *добрымъ*: ы въ ц. славянской формѣ произошло изъ ъ, чрезъ ассимиляцію его съ послѣдующимъ и.

Недавно г. Брандтъ коснулся формъ им. п. ед. ч. великорусскихъ членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣсто-

---

(Эти. Сб., I, 148, 151); нижегор. *провожатыехъ, бережатыехъ*; онежск. *кольямъ нижіемъ* (Кирѣевскій, II, 90; III, 45).

[1]) Напримѣръ, ситск. горемъ *великіемъ* (Эти. Сб., I, 161); онежск. гласомъ *громкіемъ, вычнымъ* (Кирѣевскій, III, 40, 60).

[2]) Напримѣръ, ситск. *своемъ* горемъ (Эти. Сб., I, 161).

Digitized by Google

именій на *ой* и *ей* и пришелъ къ тому выводу, что эти окончанія восходятъ къ *ъи* и *ьи* и что *о* есть замѣна *ъ*ʳᵉ, *е*—*ь*ʳᵉ [1]). Соглашаясь вполнѣ съ его выводомъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторое дополненіе къ его статьѣ.

Въ памятникахъ русскаго языка XI — XVI вѣковъ, писанныхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, жители которыхъ въ настоящее время говорятъ великорусскимъ нарѣчіемъ, им. п. ед. ч. членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій обыкновенно оканчивается на *ыи* и *іи*. Изъ массы формъ съ этими окончаніями мы выпишемъ нѣсколько, заимствуя ихъ изъ грамотъ новгородскихъ: 1189—1199 г. *нѣмецкыи*, 1294—1304 г. *великыи*, *новгоръдескыи*, 1373 г. *тыи*, 1392 г. *опришніи* [2]), и московской: 1392—1425 г. *иныи* [3]). Правда, формы на *ои* и *еи* также встрѣчаются въ памятникахъ: Евгеніева Псалтырь XI вѣка: *судьнои*, *велеи*, *Бжеи*, *явлеися* [4]), Толковая Псалтырь XII вѣка: *истиньнои*, *нощнои* [5]); причемъ *ои* встрѣчается очень рѣдко, *еи* — гораздо чаще. Наоборотъ, въ современномъ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи окончанія *ой* и *ей* господствуютъ, хотя, быть можетъ, иногда употребляются и окончанія *ый*, *ій*. Въ южно-великорусскомъ нарѣчіи, въ словахъ съ удареніемъ на конечномъ слогѣ, употребляются только *ой* и *ей*; въ словахъ съ удареніемъ на другихъ слогахъ часто слышатся *ый* и *ій*, но здѣсь *ы* и *и*—обычные рефлексы неударяемыхъ *о* и *е*, какъ это можно видѣть изъ твердости гортанныхъ звуковъ: слышится: *сладкый*, *жаркый*, *горькый*, а не *сладкій* и т. д.

Такое разногласіе между древнимъ и современнымъ языкомъ, наши ученые обыкновенно стараются примирить тѣмъ, что предполагаютъ переходъ *ы* въ *о* и *и* въ *е* или непосредственно, или, какъ г. Потебня, при посредствѣ

---

[1]) Рус. Фил. Вѣстникъ, 1881, II, 353—357.
[2]) Р.-Лив. Акты, 2, 22, 78, 86.
[3]) Акты, изд. Калачовымъ, I, 90.
[4]) Извѣстія, X, 463, 453, 454, 455.
[5]) Лавровскій, Описаніе семи рукописей, 26.

Digitized by Google

двогласныхъ *ы*, *ы* [1]), и, какъ на доказательство, указываютъ между прочимъ на соврем. великор. *мою*, *моешь* и т. д., *Алексѣй*, *Серѣй*, будто бы происшедшія изъ *мыю*, *мыешь*, *Алексѣій*, *Серѣій*. Разсмотримъ прежде всего эти послѣднія слова.

Рядомъ съ *мыю*, *мыешь* и т. п. въ древнихъ памятникахъ новгородскаго говора мы находимъ и *мою*, *моешь*: Минея XII вѣка: *у.мою* (bis) [2]), Прологъ XII — XIII в.: *укроется* [3]), Прологъ 1262 года: *крѣсти* [4]), 1-я новгородская лѣтопись по списку XIV вѣка: *крѣстися* [5]). Въ нѣкоторыхъ сѣв.-в. русскихъ говорахъ (напримѣръ, въ пермскомъ) употребляются и теперь формы *мою*, *моешь*, предполагающія древнѣйшія *мою*, *моешь*, — при *мои*, *мойте* [6]). Вслѣдствіе этого нѣтъ никакой надобности выводить *о* въ *мою* изъ *ы*: оно происходитъ изъ древняго *ъ*, независящаго въ генетическомъ отношеніи отъ *ы*. Корень въ *мою* не *мы*, а *мъ*, тотъ же, который мы находимъ въ существительномъ *вы-мо-лъ* (оврагъ, вымонна), род. п. *вымола*, *вымола* [7]); отношеніе корней въ *мою* и *мыти*, такъ же, какъ въ *пою* и *пити*, — то же, что въ ц.-слав. *чьтж* и *чисти*.

Великорусскія имена собственныя *Алексѣй*, *Серѣй* [8]) ведутъ свое начало отъ греч. Ἀλέξιος, Σέργιος, ц.-слав. *Алексіи*, *Серіи*, но нѣтъ никакого основанія предполагать между ними русскую ступень *Алексій*, *Серій*. Эти имена и имъ подобныя въ русскомъ языкѣ, какъ и въ ц. славянскомъ и другихъ славянскихъ, въ им. п. послѣдовали аналогіи членныхъ именъ прилагательныхъ (въ польскомъ и чешскомъ яз. они послѣдовали ей даже въ другихъ паде-

---

[1]) Отчетъ о 20-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, 805—806.

[2]) Извѣстія, X, 446, 447.

[3]) Ibid., VI, 53.

[4]) Срезневскій, Свѣд. и зам., LXXXVII, 163.

[5]) Полн. собраніе русск. лѣтоп., III, 27.

[6]) Пермскій Сборн., I, 42, 51, 72.

[7]) Напримѣръ, Акты, изд. Калачовымъ, I, 215, 217.

[8]) Написаніе *ѣ* здѣсь, конечно, ошибочно.

Digitized by Google

жахъ: пол. Antoniego, Antoniemu, чеш. Jiřího, Jiřímu), такъ что *Алексьй* (изъ *Алексьи*) по формѣ тождественно съ *синей* (изъ *синьи*).

И такъ, слова *мою*, *Алексьй* и т. п. не составляютъ доказательства перехода ы въ о, и въ е и не могутъ препятствовать считать окончанія *ой* и *ей* произшедшими изъ *ыи* и *ьи*.

Разногласіе между древнимъ и современнымъ языкомъ нужно объяснять иначе, чѣмъ объясняютъ обыкновенно. Въ древнемъ великорусскомъ нарѣчіи ы и ь могли не только ассимилироваться съ послѣдующимъ j и переходить въ ы и и, какъ это мы видимъ въ ц.-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, но и сохраняться безъ измѣненія (какъ иногда въ сербскомъ языкѣ: *Юрај*, *змај*, *овај* и, можетъ быть, въ чешскомъ moju = мою). Такимъ образомъ явилось два ряда формъ; въ составъ однихъ входили ы и и, въ составъ другихъ, древнѣйшихъ,—ь и ь. Вслѣдствіе вліянія ц. славянскаго языка и южно-русскаго нарѣчія, въ которыхъ окончанія *ыи* и *ьи* господствовали [1]), они получили въ литературномъ языкѣ сѣверной Руси почти исключительное употребленіе. Они удержались въ немъ и тогда, когда окончанія *ои* и *еи* въ живомъ употребленіи получили сначала преобладаніе, а потомъ и полное господство, и, благодаря южно-великорусскому произношенію неударяемыхъ *о* и *е*, между прочимъ какъ ы и и, сохраняются въ письмѣ и по настоящее время [2]).

---

[1]) Въ малорусскомъ нарѣчіи они господствуютъ и донынѣ въ видѣ *ий*.

[2]) Надо замѣтить, что въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка (не говоря уже о XVI и XVII) окончанія ый и ій были далеко не такъ распространены въ письмѣ, какъ теперь.

Digitized by Google

VII.

3-ье лицо единственнаго и множественнаго чиселъ настоящаго времени безъ личнаго суффикса.

Всякій, кто прислушивался къ великорусскимъ народнымъ говорамъ, конечно, замѣтилъ, что въ однихъ изъ нихъ чаще, въ другихъ рѣже встрѣчаются формы 3-го лица ед. и мн. ч. настоящаго времени безъ личнаго суффикса [1]): *бьё* и *бье* [2]), *ходи*, *говори* = бьётъ, ходитъ, говоритъ; *пою*, *говоря*, *ѣзди* = поютъ, говорятъ, ѣздятъ. Такія же формы находятся во всѣхъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ. Иногда ихъ употребленіе не подведено ни подъ какія правила; иногда, какъ въ украинскомъ говорѣ, отсутствіе личнаго суффикса бываетъ только въ единств. числѣ и то въ томъ лишь случаѣ, когда передъ личнымъ суффиксомъ должно находиться *е*, т. е. въ глаголахъ такъ называемаго 1-го спряженія. Кромѣ личнаго суффикса, въ 3-мъ лицѣ ед. ч. мы замѣчаемъ иногда отсутствіе еще звука *с*, который долженъ находиться передъ личнымъ суффиксомъ: *е*, *нъ*, *вь*=есть, нѣсть, вѣсть. Форма *нъ*, какъ составная часть слова *нѣтъ* [3]), употребляется даже въ па-

---

[1]) Выраженія: „безъ личнаго суффикса", „суффиксъ *ть*" и т. п. имѣютъ въ виду только 3-ье лицо ед. ч., но мы будемъ употреблять ихъ, для краткости, и тогда, когда рѣчь будетъ идти о 3-мъ лицѣ множ. ч.

[2]) Формы *бьё* распространены обыкновенно тамъ, гдѣ употребляются формы *бьетъ* или *бьетъ*; формы *бье* — тамъ, гдѣ употребляются формы *бьетъ*.

[3]) Миклошичъ (Vgl. Gramm., III, 330) объясняетъ рус. *нѣтъ* изъ *нѣту*. Это объясненіе подтверждается древними памятниками русскаго языка, въ которыхъ формы *нѣтъ* не встрѣчается, а форма *нѣту* или *нѣтуть*, напротивъ того, не рѣдкость; ее мы находимъ, напримѣръ, въ новгородской грамотѣ 1257—1263 г.: иное грамоты у насъ *нѣтуть* (Р.-Лив. А., 99), въ Новгородской Кормчей 1282 года: вины ему въ томъ *нѣтуть* (Рус. Достопам., I, 82), *нѣту* бѣды (Калайдовичъ, Пам. р. сл., 185), въ Лаврент. спискѣ лѣтописи: *нѣту* бо ти нужа никоея

Digitized by Google

шемъ литературномъ языкѣ, вообще не знающемъ формъ 3-го лица безъ личнаго суффикса [1]). Они извѣстны уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка: Остромирово Евангеліе: *напише* (въ послѣсловіи), Архангельское Евангеліе: *вѣ* [2]), Изборникъ Святославовъ 1073 года: *ѥ, бѫде, су, нарицаѥ, боли, бываѥ, нарече* [3]) и друг. Впрочемъ, изъ приведенныхъ формъ нѣкоторыя можно считать церковно-славянскими, такъ какъ подобныя имъ попадаются и въ такихъ ц.-слав. памятникахъ, какъ Зографское Евангеліе: *достои*, Ассеманіево Ев.: *сѧде, е, вьруѫ*, Супрасльская рукопись: *ослушаѥ, подобаѥ, сѫ* [4]). Въ ново-болгарскомъ, сербскомъ, словинскомъ, чешскомъ, польскомъ и лужицкихъ языкахъ формы безъ личнаго суффикса настолько распространены, что формы съ личнымъ суффиксомъ въ нихъ или очень рѣдки, или вовсе не существуютъ.

На основаніи сказаннаго надо думать, что формы 3-го лица настоящаго времени безъ *тъ* восходятъ къ праславянскому періоду.

Обыкновенно ихъ объясняютъ изъ формъ, нѣкогда имѣвшихъ суффиксъ *тъ* или *ть*, но впослѣдствіи его утратившихъ [5]). Съ этимъ объясненіемъ нельзя согласиться, потому что если бы отпаденіе въ указанныхъ формахъ *тъ* или *ть* было фонетическимъ явленіемъ, то оно распро-

---

(Пов. вр. лѣтъ, 159). Словацкое nieto (Slovenské Spěvy, 9, 25) можетъ породить нѣкоторыя сомнѣнія относительно значенія окончанія *ту*, но несомнѣнно, что *нѣ*=нѣсть. Во всякомъ случаѣ нельзя объяснять *нѣтъ* изъ *нѣсть*, какъ это дѣлаютъ гг. Буслаевъ (Ист. Гр., I, 194) и Колосовъ (Очеркъ, ист. зв. 89).

[1]) Въ старинномъ литературномъ языкѣ употреблялись еще формы *буде* (=если) и *де* (собственно *дѣ*, изъ *дѣе*); послѣдняя впрочемъ употребляется и до сихъ поръ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

[2]) Амфилохій, Описаніе Ев. 1092 г., 24.

[3]) Изборникъ Св., 4, 4 об., 6, 8, 11.

[4]) Miklosich, Vgl. Gramm., III, 63.

[5]) Miklosich, ibid.; Потебня, Два изслѣдованія, 70; Колосовъ, Обзоръ, 245, и другіе.

Digitized by Google

странилось бы и на такія существительныя, какъ *сѣть*, *печать*, *нѣть*, или какъ *конь*, *рѣть*, и мы имѣли бы слова *сль*, *печа*, *нѣ*, или *ко*, *рѣ*, род. п. *сѣти* и т. д. (сравн: *дитѧ*, род. п. *дитѧ-те*; *слово*, род. п. *слове-се*), но такихъ словъ мы не имѣемъ. Сверхъ того, всѣ славянскіе языки даже въ настоящее время не отличаются способностью безслѣдно утрачивать цѣлые слоги; въ праславянскій же періодъ, когда ъ и ь были еще звуками, — можно сказать навѣрное — они ею не обладали.

Недавно было высказано мнѣніе такого рода: въ праславянскомъ языкѣ были въ употребленіи два суффикса *ть* и *тъ*, изъ которыхъ *тъ* былъ отождествляемъ съ указательнымъ мѣстоименіемъ *тъ*; церк.-славянскій языкъ изъ этихъ двухъ суффиксовъ или удержалъ только второй, или удержалъ оба [1]), но далъ перевѣсъ второму; русскій языкъ сохранилъ донынѣ рефлексы обоихъ суффиксовъ, въ прочихъ же языкахъ сначала *ть* вышло изъ употребленія и осталось только *тъ*, а впослѣдствіи замѣтили, что пользоваться въ 3-мъ лицѣ суффиксомъ *тъ*, или, что то же, — указательнымъ мѣстоименіемъ совершенно излишне, такъ какъ формы *бѫде*, *несе* и безъ того достаточно отличены отъ другихъ лицъ; и поэтому стали опускать *тъ* [2]).

Это мнѣніе основано на томъ предположеніи, что суффиксъ *тъ* когда-то отождествлялся по значенію съ указательнымъ мѣстоименіемъ *тъ*. Но если бы такое отождествленіе дѣйствительно было, то формы на *тъ* употреблялись бы въ церковно-славянскомъ языкѣ только при подлежащихъ муж. р. ед. ч.; при всѣхъ же другихъ подлежащихъ явились бы суффиксы, тождественные по звукамъ съ соотвѣтствующими подлежащимъ формами указательнаго мѣстоименія; такимъ образомъ мы находили бы формы 3-го лица: ед. ч. она *идета*, оно *идето*; мн. ч. они *идети*, оны *идеты*, она *идета*, вполнѣ соотвѣтствующія формамъ 3-го

---

[1]) Послѣднее мы считаемъ несомнѣннымъ въ виду существованія въ ц.-слав. памятникахъ и формъ на *ть*.

[2]) Брандтъ, Рус. Фил. Вѣстн., 1881, I, 176.

Digitized by Google

лица двойств. ч. она *идета*, онѣ *идетѣ* (такъ они употребляются между прочимъ въ Болонской Псалтыри, гдѣ 3-ье лицо ед. и мн. ч. всегда оканчивается на *тъ*), въ которыхъ осмысленіе личныхъ суффиксовъ не подлежитъ сомнѣнію. Но такихъ формъ и съ такимъ согласованіемъ мы не встрѣчаемъ ни въ церковно-славянскомъ, ни въ другомъ какомъ славянскомъ языкѣ. Правда, можно указать, напримѣръ, на *лежито*-сь въ Ассеманіевомъ Евангеліи, *отидето* (что ся дѣетѣ по вѣрьменемь, то *ōдето* по вѣрьмьнемь) въ Смоленской Грамотѣ 1229 года [1]), *достоито* въ Златой Матицѣ по списку XV вѣка [2]), современн. ситск. *идзѣто, даюто* [3]), но *лежито* имѣетъ при себѣ подлежащее муж. р. и *о* здѣсь очевидно такого же происхожденія, какъ въ *народо*-сь, *рабо*-тъ, *иноплеменнико*-с и друг., встрѣчаемыя въ томъ же памятникѣ; при *отидето* находится *берьго, миро* (=берегъ, миръ); *достоито* употреблено безлично; ситскія формы сочиняются съ подлежащими всѣхъ родовъ и въ нихъ вполнѣ возможно объяснить *о* изъ *ъ* (сравни ситск. Богъ *дало́*).

Г. Брандтъ отчасти предвидѣлъ наше возраженіе. Онъ допускаетъ, что суффиксъ *тъ*, хотя и появился въ формахъ множ. ч. весьма давно, однако уже въ то время, когда самостоятельное мѣстоименіе *тъ* вышло изъ употребленія, и что переходъ суффикса *тъ* изъ единственнаго числа во множественное былъ совершенно механическимъ. Но съ этимъ мы не можемъ согласиться. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что мѣстоименіе *тъ* употреблялось въ церковно-славянскомъ языкѣ самостоятельно, какъ это можно видѣть изъ любаго ц.-слав. памятника; такъ, напримѣръ, въ Саввиной книгѣ мы читаемъ: *тъ* болѣзни наша приѧтъ [4]), и тамъ же мы находимъ постоянно *идетъ, иджтъ*. Такимъ образомъ наше возраженіе остается въ полной

---

[1]) Собраніе гос. гр., II, 1.
[2]) Буслаевъ, Истор. Хрестоматія, 691.
[3]) Этнограф. Сборн., I, 71.
[4]) Срезневскій, Памятники юсоваго письма, 14.

Digitized by Google

силѣ, тѣмъ болѣе, что г. Брандтъ отвѣтилъ только на часть его.

Наше мнѣніе о формахъ 3-го лица настоящаго времени безъ личнаго суффикса состоитъ въ слѣдующемъ.

Извѣстно, что въ индо-европейскомъ праязыкѣ существовало два рода личныхъ суффиксовъ дѣйствительнаго залога: одни, первичные, или примарные (mi, si, ti, nti), употреблялись для образованія формъ такъ называемыхъ главныхъ временъ, другіе, вторичные, или секундарные (m, s, t, nt), — для образованія формъ временъ историческихъ. Въ древне-индійскомъ языкѣ эти личные суффиксы употребляются правильно, но въ другихъ языкахъ мы нерѣдко находимъ ихъ въ смѣшеніи. Такъ, формы наст. вр. изъявит. наклон. греч. ἔχεις, ἔχει, лат. vehis, vehit, vehunt, др. прусск. ast, eit, dâst, литовск. eit, dûst и т. п. имѣютъ вторичные суффиксы. Такое же смѣшеніе личныхъ суффиксовъ мы замѣчаемъ и въ славянскомъ языкѣ. Имъ мы объясняемъ древне-русскія формы 3-го лица ед. ч. сигматическаго аориста *бысть*, *дасть*, *ѣсть*, восходящія навѣрное къ праславянскому періоду, въ которыхъ *с* не что иное, какъ суффиксъ аориста, а *ть* — первичный личный суффиксъ [1]). Имъ мы объясняемъ и тѣ формы 3-го лица наст. вр., которыя не имѣютъ личнаго суффикса: они произошли изъ формъ, въ которыхъ первичный суффиксъ, восходящій къ п.-евр. ti, въ очень давнее время былъ замѣненъ вторичнымъ суффиксовъ, восходящимъ къ п.-евр. t и еще въ праславянскій періодъ отпавшимъ въ настоящемъ времени, точно такъ же, какъ отпалъ онъ въ аористѣ и повелительномъ (=желательномъ) наклоненіи. Вмѣстѣ съ нимъ, конечно, отпалъ и согласный, который передъ нимъ находился. Такимъ образомъ наши *е*, *бере*, *беру* представляютъ образованія тождественныя съ лат. est, fert, ferunt.

---

[1]) Сравни Kuhn's Beiträge, VI, 185; Leskien, Handbuch d. altbulgar. Sprache, 67.

Digitized by Google

VIII.

2-ое лицо единственнаго числа настоящаго времени.

Въ настоящее время въ русскомъ языкѣ употребляются три различныя формы 2-го лица ед. ч. настоящаго времени: 1) на *сь*, 2) на *шь* и 3) на *си*.

Формъ на *сь* извѣстна только одна: малорусск. *jeś* (=*еси*). Она встрѣчается въ памятникахъ, начиная съ XIV — XV вѣка; именно, мы читаемъ въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи: рекъ ми *есь* былъ, *есь* поставилъ, *есь* далъ, *есь* хотѣлъ [1]); въ Переспинщкомъ Евангеліи 1561 года: *есь* не вѣрилъ, *есь* чинилъ [2]). Та же форма существуетъ въ польскомъ языкѣ: *jeś* (въ кашебскомъ—*jeś*) и существовала въ полабскомъ: *jis* [3]). Подобныя ей мы находимъ въ Фрейзингенской рукописи: *vuez* (=*вѣсь*) [4]); въ кіевскомъ глаголическомъ Миссалѣ: молимъ.... да вѣчнаѣ твоѣ *подась* намъ [5]); въ современныхъ языкахъ нижне-лужицкомъ: *vés* и кашебскомъ *vieś*, *jeś* (ц.-слав. *ѥси*) [6]).

Эти формы, принадлежащія глаголамъ съ основою на согласный звукъ, находятся въ ближайшемъ родствѣ съ формами на *шь*, употребляющимися отъ глаголовъ съ основою на гласный. Послѣднія встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ съ XIII вѣка: въ новгородской Кормчей 1282 года: *умрешь* [7]), въ рижской грамотѣ около 1300 года: *вѣдаешь*, *слышышь*, *дѣсишь*, *купишь*, *емлешь* [8]), въ новгородской грамотѣ 1307—1308 г.: *будешь*, въ московскомъ ак-

---

[1]) Лѣтопись по Ип. списку, 594, 601, 611.

[2]) Житецкій, Описаніе Переспинщкой рукописи XVI в., 26, 32.

[3]) Schleicher, Laut- u. Formenl. d. polab. Spr. 295.

[4]) Востоковъ, Филологическія Наблюденія, указатель.

[5]) Срезневскій, Св. и Зам., LXXVII, 532.

[6]) Гильфердингъ, Остатки славянъ, 88.

[7]) Калайдовичъ, Памятники, 103.

[8]) Извѣстія Ак. Н., X, 633—636.

Digitized by Google

тѣ 1328 года: *будетъ* [1]), въ Пятикнижіи Моисеевомъ по списку XIV вѣка: *приведетъ, створитъ, будетъ* [2]). Въ болѣе позднихъ памятникахъ формы на *ть* употребляются очень часто. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то эти формы извѣстны въ древнѣйшихъ памятникахъ языковъ сербскаго, словинскаго, чешскаго, польскаго и лужицкихъ; ихъ мы находимъ и въ Фрейзингенской рукописи: vzovuce, zadence, prides (=*взовешь, задънешь, придешь*) [3]).

Обыкновенно формы на *сь* и *ть* считаютъ процедшими изъ формъ на *си* и *ти* чрезъ отпаденіе *и*, но это мнѣніе совершенно ни на чемъ не основано. Суффиксы *сь* и *ть* восходятъ къ индо-европ. первичному суффиксу дѣйствительнаго залога *si*; въ глагольныхъ основахъ на согласный *s* этого суффикса, по правилу, сохранилось, въ глагольныхъ же основахъ на гласный оно перешло сперва въ *х* и затѣмъ въ *ш*.

Суффиксъ *си* сохранился во всемъ русскомъ языкѣ только въ одной формѣ *еси*; въ разныхъ говорахъ велико-, бѣло- и мало-русскихъ нерѣдки также формы *даси (дасй)* и *ьси* (украинск. *іси*). Всѣ эти формы (и еще *вьси*) употребительны въ церковно-славянскомъ языкѣ. Сербскій и словинскій языки знаютъ форму *јеси (си)*, чешскій — јзі (зі), лужицкіе—зі. Въ русскомъ языкѣ, кромѣ глаголовъ съ основою на согласный, съ суффиксомъ *си* образовывались и образовываются формы и отъ глаголовъ съ основою на гласный: въ Златоструѣ XII вѣка: *желаеси* [4]); въ Евангеліи 1409 года: *чюеси* [5]); къ нимъ восходитъ и форма *можесь (можесь* ся с нимь бороти) въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи [6]): здѣсь *ь* явилось вмѣсто *и* подъ вліяніемъ формъ

---

[1]) Собраніе гос. гр., I, 14, 33, 35.

[2]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, XCI, 24.

[3]) Востоковъ, Фил. Наблюд., указатель.

[4]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, XXIII, 31.

[5]) Буслаевъ, Матеріалы, 42.

[6]) Лѣтопись по Ип. сп., 84. Не знаемъ, слѣдуетъ ли присоединить къ этимъ примѣрамъ формы *чаеси, желаеси*, кото-

Digitized by Google

на *шь*; въ современномъ малорусскомъ парѣчіи (Переяславск. у., Полтавск. губ.): *зорвеси* (=сорвешь) [1]).

Кромѣ того, въ древне-русскихъ памятникахъ постоянно встрѣчаются формы 2-го лица на *ши*, но лишь въ тѣхъ, въ языкѣ которыхъ чувствуется болѣе или менѣе сильно церковно-славянскій элементъ; въ древнихъ же грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера ихъ намъ не встрѣтилось ни одной. Въ современномъ русскомъ языкѣ ихъ не существуетъ, точно такъ же, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Въ древности формы на *ши* употреблялись, кромѣ русскаго, въ церковно-славянскомъ и средне-болгарскомъ языкахъ, а также въ сербскомъ, въ тѣхъ его памятникахъ, которые находятся въ той или другой зависимости отъ церковно-славянскихъ. Вслѣдствіе этого можно думать, что формы на *ши* не были никогда въ живомъ употребленіи ни въ русскомъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ церковно-славянскаго, и представляютъ собою спеціально церковно-славянскія образованія, пропешедшія изъ формъ на *си* (въ родѣ *живеси*) подъ вліяніемъ формъ на *шь* (*живешь*) и потомъ вытѣснившія эти послѣднія изъ употребленія; сравни русскую областную (Княгининск. у., Нижегородск. губ.) форму *сти* (ой ты гой *сти*) [2]), которая произошла изъ *си* подъ вліяніемъ формъ на *шь*.

О суффиксѣ *си* существуютъ въ наукѣ два мнѣнія; по одному, котораго держится, между прочимъ, Миклошичъ [3]), этотъ суффиксъ есть рефлексъ индо-европ. суффикса *si*; по другому, высказанному впервые Іог. Шмидтомъ [4]), онъ есть рефлексъ индо-европ. медіальнаго суф-

[1]) Труды Эти.-стат. Экспед., II, 139.

[2]) Якушкинъ, Пѣсни, 50 (отд. отт. изъ Лѣтоп. русск. лит. и др.). Формъ въ родѣ вышеприведенной *сти* въ ц.-слав. языкѣ не образовалось потому, что при формѣ *ши* никогда не существовало формы *шь*, какъ при *живеси* существовала форма *живешь*.

[3]) Vgl. Grammatik, III, 64.

[4]) Zur Geschichte, I, 13.

Digitized by Google

фикса sai (др. инд. sai, греч. σαι, др. прусск. sai, sei, se), и славянскія формы вполнѣ соотвѣтствуютъ древне-прусскимъ: *еси*—др. прусск. assai, assei, asse, *живеси*—др. пр. giwassai. Что касается до перваго мнѣнія, то оно не имѣетъ за себя никакихъ сколько-нибудь вѣскихъ данныхъ: индо-европ. i въ славянскомъ языкѣ постоянно рефлексируется ь^ми; поэтому мы должны остановиться на мнѣніи Шмидта.

Шмидтъ не привелъ никакихъ фактовъ въ доказательство своего мнѣнія; но мы имѣемъ нѣсколько данныхъ, указывающихъ на существованіе въ славянскомъ языкѣ вообще и въ русскомъ въ частности медіальныхъ формъ.

Въ 1-мъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени, рядомъ съ суффиксомъ *мь* (*есмь*, *дамь*, откуда *есмъ*, *дамъ*), въ древне-русскомъ языкѣ существовалъ другой суффиксъ — *ми*, именно въ формѣ *есми*, которую мы встрѣчаемъ между прочимъ въ Успенскомъ Торжественникѣ XII вѣка [1]) и въ грамотѣ Полоцкаго князя Изяслава въ Ригу конца XIII вѣка [2]); въ памятникахъ XIV—XVII вѣковъ она встрѣчается безпрестанно, какъ въ сѣверно-, такъ и въ южно-русскихъ. Изъ нерусскихъ источниковъ она извѣстна только въ сербскомъ Патерикѣ XIV вѣка [3]). Суффиксъ *ми* не можетъ быть объясняемъ изъ индо-евр. активнаго суффикса mi; онъ можетъ восходить только къ индо-евр. первичному суффиксу 1-го лица ед. ч. средняго залога mai (др. инд. mai, греч. μαι, др. прусск. mai), и форма *есми* вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-прусской asmai (сравни гр. ἔσομαι).

Въ числѣ формъ 3-го лица ед. и множ. ч. существуютъ между прочимъ формы на *ти* [4]). Въ живомъ употре-

---

[1]) Чтенія, 1879, I (Житіе Соод. Печ.).

[2]) Рус.-Ливонскіе Акты, 13.

[3]) Miklosich, Vgl. Gr., III, 63.

[4]) Древне-русск. формы въ родѣ *ведети* и, *ведути* и сюда не относятся: здѣсь и образовалось изъ ь чрезъ ассимиляцію съ послѣдующимъ и.

Digitized by Google

бленіи находится лишь форма *ести* (сптское *есци* [1]) и чешское jesti-t); въ древнихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ: въ Клоціевомъ глаголитѣ: *сѧти* (къде хоштеши, *сѧти*, уготоваемъ) [2]); въ сербскомъ Никольскомъ Евангеліи XIII вѣка: *мнети* се, *примути* ме [3]); въ южно-русскихъ отрывкахъ XII—XIII в.: *слышити* (имыи уши слышати, да *слышити*), *зовути* (слугы *зовути*, сами же...) [4]); въ Златой цѣпи XIV вѣка: *ходити* (аще ли рабъ... *ходити*, то) [5]). Суффиксъ *ти* есть рефлексъ индо-евр. первичнаго суффикса средняго залога tai (др. инд. tai, греч. ται) и форма *ести* въ звуковомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствуетъ греческой ἔσται, хотя отлична отъ нея по происхожденію.

Къ числу медіальныхъ образованій могутъ принадлежать ц.-слав. формы 3-го л. ед. и мн. ч. на *тъ*: *ведетъ*, *веджтъ*, *възѧтъ*, а также чешск. и польск. jest [6]). О производствѣ ихъ изъ формъ на *ть* нечего и думать; *тъ* можетъ быть объясняемо, какъ рефлексъ индо-европ. вторичнаго суффикса средняго залога ta (др. инд. ta, греч. το); сравни указанныя выше русскія формы 3-го лица наст. вр.

рыя мы находимъ въ припискахъ въ новгородской Псалтыри XIV вѣка (Срезневскій, Св. и Зам., XXXIV, 36—37): въ этомъ памятникѣ, при формахъ *жадаеши*, *хощеши*, *мыслиши* имѣется и форма *поспеси* (вмѣсто *поспѣши*).

[1]) Этногр. Сборн., I, 143.

[2]) Kopitar, Glagolita Clozianus, 7—8.

[3]) Miklosich, Vgl. Gr., III, 64.

[4]) Кочубинскій, Записки Новороссійскаго Университета, XVIII, 9, 4.

[5]) Буслаевъ, Историч. Хрестоматія, 480.

[6]) Сербско-словинское *jест* можетъ восходить къ древнѣйшему *ѥсть*, какъ показываетъ существующее рядомъ съ *jест*—*jесте* (*е* сохранилось подъ вліяніемъ ударенія; сравн. сѣв.-в. рус. *есте́* и греч. εστί). Въ сербской Кормчей 1262 года встрѣчаются формы: *скончаете* се льсть, самь себе *удивите*, та *умрѣте*, гдѣ *е*, очевидно изъ *ь*. Тамъ же: срамныи *прибытько*, не би *хотѣло г҃ь*, *вьстоко*, о *сѣщенныхо* сыудѣхь, въ *неме*, бывь *сетителе* (Starine, VI, 72—73).

Digitized by Google

веде, веду, восходящія къ формамъ съ вторичнымъ суффиксомъ дѣйствит. залога.

Наконецъ, можно считать медіальными образованіями современныя формы 2-го лица мн. ч. изъявительнаго и повелительнаго наклоненій: великор. *есте́* (не *естё*), сѣв.-в.-русск. *пойдете́, лежите́, спите́* [1]), при *хотитё, спитё*. Такъ какъ конечное *е* подъ удареніемъ въ великорусскомъ нарѣчіи всегда звучитъ какъ *ё*, то необходимо предположить, что современныя *есте́* и друг. восходятъ къ праслав. *естѣ*; на это указываютъ также формы: соврем. малорусск. (подольск.) *jедьтjе, брijедьтjе* [2]), соврем. моравск. viditě, pamatujtě [3]) и др. русс.: *изберетѣ* въ 1-й Новгородской лѣтописи [4]) и друг., *кормити* (челядь свою *кормити*... одѣваите), *щадити* (лозы не *щадити*) въ Златой цѣпи XIV вѣка [5]), *ислети* въ Сильвестровскомъ сборникѣ XIV в. [6]). Замѣтимъ: 1) что въ подольскомъ говорѣ и въ моравскомъ языкѣ *ѣ* рефлексируется мягкимъ *е*; 2) что др. русскіе памятники, изъ которыхъ взяты нами формы на *и*, писаны, вѣроятно, въ новгородской области, и 3) что въ древнепрусскомъ языкѣ существовали формы 2-го лица мн. ч. на tai : astai. Послѣднія Бругманъ считаетъ спеціально прусскими новообразованіями [7]), но, по нашему мнѣнію,—безъ достаточныхъ основаній. — И такъ:

---

[1]) Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXVIII, 14, 67, 74.

[2]) Рус. Филол. Вѣстникъ, 1881, II, 253.

[3]) Sušil, Moravské nár. p., 10.

[4]) Полное собраніе рус. лѣтописей, III, 75.

[5]) Буслаевъ, Истор. Хрест., 480.

[6]) Извѣстія Ак. Н., X, 656.

[7]) Osthoff u. Brugman, Morphologische Untersuchungen, I, 154. Укажемъ кстати слѣдующія древне-русскія формы 1-го лица мн. ч. повелит. накл.: *проливаимѣ* въ 1-й Новгородской лѣтописи (П. с. р. лѣт., III, 84), и *піими* въ Златой цѣпи XIV в. (Буслаевъ, Ист. X., 498). Сравн. др. прусск. 1 л. мн. ч. asmai. Впрочемъ намъ кажется, что приведенныя русскія формы—не болѣе, какъ описки.

Digitized by Google

1) Медіальныя формы въ славянскомъ языкѣ существуютъ и вопросомъ можетъ быть только ихъ количество;
2) Формы 2-го лица ед. ч. настоящ. вр. на *см* имѣютъ полное право занять мѣсто среди медіальныхъ формъ.

IX.

1-ое лицо множественнаго числа настоящаго времени на мя.

Въ памятникахъ русскаго языка, писанныхъ въ сѣверной и средней Руси, существительный глаголъ имѣетъ между прочимъ форму 1-го лица мн. ч. настоящ. времени *есмя* (вѣроятно, *есмѝ*). Древнѣйшій памятникъ, въ которомъ мы ее нашли, — Двинская рядная XIV вѣка; въ ней мы читаемъ: *есмя* невиноваты [1]). Въ болѣе позднихъ памятникахъ, XV—XVII вѣковъ, эта форма весьма обыкновенна. Въ настоящее время она, какъ и другія формы 1-го лица мн. ч. существительнаго глагола, уже вышла изъ употребленія.

Ученые почти не касались ея, только г. Потебня сказалъ о ней нѣсколько словъ и призналъ ее происшедшей изъ *есме*, какъ *естя* произошло изъ *есте* [2]). Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что перехода *е* въ *я* въ русскомъ языкѣ не существовало и не существуетъ; другихъ формъ, изъ которыхъ форма *есмя* могла бы заимствовать свой конечный звукъ, мы не знаемъ, и потому должны отвергнуть объясненіе г. Потебни. Такъ какъ *я* въ *есмя* не можетъ восходить къ праславянскому *ja* (тогда было бы не *есмя*, но *есмля*), то праславянскій видъ этой формы долженъ быть **есма*.

Полагаютъ, что въ индо-европейскомъ праязыкѣ, кромѣ другихъ суффиксовъ, 1-ое лицо мн. ч. имѣло также

---

[1]) Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам. XXIX, 79.
[2]) Замѣтки о малор. нарѣчіи, 18.

Digitized by Google

и суффиксъ mam [1]). Должно ли его причислять къ первичнымъ, или ко вторичнымъ суффиксамъ, это — вопросъ, котораго намъ нѣтъ надобности касаться. Довольно замѣтить, что *a* въ немъ приближалось къ *e* и что его достовѣрные рефлексы употребляются въ языкахъ греческомъ ἐσμέν, и древне-прусскомъ: ammi(n). Къ ихъ числу принадлежитъ и *мъ* въ русской формѣ *есмь*.

Какъ мы видѣли, г. Потебня съ формою *есмь* сопоставляетъ форму *естя*. Дѣйствительно, эта форма существуетъ и употребляется до сихъ поръ въ разныхъ говорахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія (кос-гдѣ она означаетъ даже 3-ье лицо ед. ч.); по памятникамъ мы ее знаемъ съ XVI вѣка: въ грамотѣ 1539 года: били *естя* челомъ, *естя* писали, *естя* имали [2]). Она находится въ тѣсной связи съ формою *есмя*, но гораздо моложе ея: *естя*—новообразованіе, явившееся изъ *есте* (или *есть?*) подъ вліяніемъ и по образцу *есмя*.

Въ бѣло- и малорусскомъ нарѣчіяхъ формъ *есмя* и *естя* и имъ подобныхъ мы не знаемъ. Они неизвѣстны также и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

А. Соболевскій.

---

[1]) Osthoff u. Brugman, Morphol. Untersuchungen, I, 151 слѣд.

[2]) Акты Археогр. Экси., I, 163—164.

Digitized by Google

НѢКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

СЛАВЯНСКОЙ МОРФОЛОГІИ.

О нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія и.

Формы мѣстоименія *и*, о коихъ собираюсь сказать нѣсколько словъ, это прежде всего — тѣ, въ началѣ которыхъ въ старославянскомъ языкѣ пишется буква и. Шлейхеръ (Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache) [1]) задавалъ себѣ вопросъ, не слѣдуетъ ли въ этихъ случаяхъ читать и какъ ji, т. е. произносить, подобно Русскимъ и Чехамъ, jимь, jихъ и т. д.; хотя и склонялся къ отрицательному рѣшенію его. Миклошичъ, въ своей Сравнительной грамматикѣ [2]), въ именительномъ падежѣ и=jъ велитъ читать *и*, допуская слитіе j и ъ въ *и*, а въ остальныхъ, „гдѣ *и* стоитъ на мѣстѣ jѣ“ — ji, какъ то: jимь, ji (им. дв. ч. ж. и ср. р.), jихъ и т. д. Не знаю, почему Миклошичъ, допустивъ сліяніе jъ въ *и*, не допускаетъ подобнаго же сліянія jѣ? Мнѣ даже думается, что его можно предположить съ большею вѣроятностью, чѣмъ суженіе *ѣ* въ *и*: явный случай такого сліянія я вижу въ глаголѣ *искать*, который относится къ литовскому jeszkóti, какъ *иго* относится къ санскритскому jugam. Итакъ, полагаю, что нѣтъ основанія читать кириловскіе и, имь и т. д. иначе, какъ они пишутся, и что также въ общеславянскомъ языкѣ эти формы не представляли j.

Что же касается до рус. jим, jих, jим, jими, чеш. jim, jich, jim, jimi, в. луж. jim, jich, jim, jimi, jimaj, н. луж. jim, jich, jim, jimi, jima, хорв. jih, jim и ст.

---

[1]) S. 44—46.

[2]) Т. 3, изд. 2, стр. 49 и 51.

Digitized by Google

поль. gich, gim, gimi = jich, jim, jimi [1]), то они легко объясняются примѣненіем к другим падежам: в подражаніе выговору jего, jему, jеję, jеи стали говорить также jимь, jихъ и т. д.

Произношеніе *им*, *их*, *ими*, которое не чуждо русской рѣчи и господствует в польской, являясь кромѣ того в сербских формах *их*, *им* и в болгарской—*им* (дат. мн. ч.), я считаю архаизмом. Иное дѣло, конечно, болг. *и*, соотвѣтствующее основному и старославянскому ѣи (напр. брат и—брат ея): это *и*, в качествѣ слабой формы, первоначально должно было чуждаться ударенія и потому может быть выведено, по извѣстному закону болгарской фонетики, из *е* (утрата начальнаго j не менѣе обычное явленіе у Болгар).

Путем примѣненія к тѣм же формам, как jим и т. п., объясняю себѣ мѣстное рус. *јон*, вм. *он*, в котором я никак не соглашаюсь говорить, вмѣстѣ с Колосовым [2]), о „йотаціи“: фонетическія стремленія могли бы породить выговоръ **вон*, но никак не *јон*. Примѣненіем же, только болѣе близким, объясняется форма *јен (ен)* существующая во многих мѣстах сѣверной и южной Россіи [3]), если только она дѣйствительно существуетъ и не представляет, чего добраго, книжное написаніе того же *јон*. (Колосов не говорит, чтобы он сам слышал эту форму, а ссылается на письменные источники).

Еще и другія формы мѣстоименія и слѣдует считать переиначенными: таков крайне странный винительный м. р. ед. ч. jеj, который мы находим у Чехов; таковы же — чешская форма jejich (род. мн. в притяжательном значе-

---

[1]) Или, может быть, буква g старопольских памятников обозначает в этих случаях не настоящій j, а тот слабый j, который у Поляков, как и у Великороссов, неизбѣжно предшествует всякому i, но на письмѣ не выражается?

[2]) М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка, стр. 130.

[3]) Там же.

Digitized by Google

ніи) и мѣстныя польскія—jejéj, jeich, jeim [1]). Очевидно, в унаслѣдованных от старины i, ich, jéj, ich, im, народному сознанію недоставало присущаго формам jeho, jego и т. д. коренного созвучія je, которое поэтому и прибавили. Говорить тут о производствѣ падежей от распространенной основы, ка́к дѣлает Миклошич [2]), мнѣ кажется нѣсколько странным.

В силу подражанія явился и болг. винительный мн. ч. слабаго вида *ги*, вм. *и*. Послѣднее нетрудно вывести из основнаго ıа: зачинный j теряется, ѧ переходит сначала в *е*, а потом, вслѣдствіе своей безударности, в *и* [3]); появленіе же перед *и* звука *г*, котораго никак нельзя выводить из j (переход j в г—неслыханное дѣло), легко мог вторгнуться во множественное число из единственнаго: в угоду формѣ *гу (го)* стали говорить также *ги*. Подобное же объясненіе допускаетъ и старопольское gi (=и, вин. ед. ч.) в котором однако можно видѣть просто неточное правописаніе, вм. ji, с ясным или со слабым іотом.

Роман Брандт.

---

[1]) См. у Миклошича. Vergl. Gramm. T. III, изданіе 2, стр. 440.

[2]) Ук. соч., стр. 366.

[3]) Миклошич (ук. соч., стр. 183) объясняет *ги* изъ *ихъ*; но вѣдь онѣмѣніе *х* встрѣчается у Болгар лишь как мѣстное явленіе.

Digitized by Google

О происхожденіи славянскаго имперфекта.

Разбирая личныя наставки славянскаго глагола [1]), я натолкнулся на вопрос, отчего окончанія старославянскаго имперфекта отличаются кое в чем от окончаній эсоваго аориста, и вмѣстѣ с тѣм на вопрос о происхожденіи этого времени.

Как извѣстно, имперфектныя окончанія (под окончаніями разумѣю здѣсь примѣту прошедшаго времени, в соединеніи с личными наставками) не сходны с аористными во 2 и 3 лицѣ ед. числа и в 3 множественнаго, а иногда еще во 2 и 3 двойственнаго и во 2 множественнаго: мы видим формы несѣа-ше, несѣа-ше, несѣа-хж, между тѣм как в аористѣ являются нес-с, нес-с, несо-ша, а также несѣа-шета, несѣа-шета, несѣа-шете, рядом с несѣа-ста, несѣа-ста, несѣа-сте, сходными с аористными несо-ста, несо-ста, несо-сте.

С чисто формальной точки зрѣнія, такое несходство разсматриваемых окончаній можно бы объяснить просто несходством основ, т. е. тѣм, что аористная основа кончается на в (с, х, ш), а имперфектная — на ва (хо, ше). Однако 1) и имперфектная основа в нѣкоторых лицах кончается на с: существуют же, и даже преобладают, формы несѣаста и несѣасте! Притом послѣднія формы необходимо признать болѣе древнимп, чѣм несѣашета и несѣашете, именно потому, что онѣ имѣют вид странный и неправильный: полагаю, что ни один язык, обладавши таким стройным спряженіем, как имперфект „паннонских" памятников (несѣдѣ, несѣаше, несѣаше, несѣдохомъ, несѣа-

[1]) В этом же журналѣ, т. V, стр. 171.

Digitized by Google

шета, иссѣашете, иссѣахомъ, иссѣашете, иссеѣахѫ), не стал бы его нарочно разстраивать введеніем новых, своеобразных форм, и что поэтому „паннонскія“ формы слѣдует считать плодом позднѣйшаго подравненія [1]). 2) Основа для имперфекта не была унаслѣдована Славянами от индоевропейских прародителей — вѣдь иноязычные имперфекты образованы совершенно иначе, — и приходится предполагать, что она возникла на славянской почвѣ; но, чтобы у Славян, или хоть бы у Славяполитовцев (да и вообще в каком-либо флексивном языкѣ) могли слагаться новыя темы, в родѣ наших иссѣахо, иссѣаше — рѣшительно слѣдует отрицать [2]).

Бопп и Шлейхер [3]) в славянском имперфектѣ видят сложное слово, второю частью котораго служит аорист (имперфект?) глагола ѥсмь, неупотребительный в историческую пору языка, но, быть может, существовавшій в его болѣе древній період. Объясненіе не вполнѣ удовлетворительное. Правда, нечего смущаться тѣм, что „вспомогательный глаголъ“ въ имперфектѣ начинается со звука а, вмѣсто ожидаемаго е или ѣ (ѣ равнялся бы ē, т. е. слившемуся с коренным гласным приращенію): имперфект на ахъ мог образоваться у глаголов с основою на а, у коих

---

[1]) То же отрицательное отношеніе к этим „архаическим“ формам (онѣ, как извѣстно, поставлены у Шафарика в числѣ древних черт, характеризующих язык глагольских рукописей, а Миклошич во втором изданіи Сравнительной морфологіи ввел их в таблицы правильнаго староцерковнаго спряженія), я нахожу у А. С. Будиловича, в его Анализѣ составных частей славянскаго слова с морфологической точки зрѣнія. Извѣстія Историко-филологическаго Института князя Безбородко в Нѣжинѣ за 1877 г., стр. 168.

[2]) Когда возникают новыя темы, онѣ образуются не путем механическаго прибавленія наставок к корням, а путем подражанія другим, раньше существовавшим.

[3]) Bopp. Vergleichende Grammatik. 3 Ausg. B. II. S. 403. — Schleicher. Compendium der vergleichenden Grammatik. 4 Ausg., S. 825.

Digitized by Google

в таком случаѣ произошло того же рода уподобленіе звуков, как в родительном падежѣ членных прилагательных— дѣлаахъ, вм. *дѣлаѣхъ, как добраго, вм. добраго, — а в подражаніе им могли явиться и несѣахъ, горѣахъ и т. д., вм. несѣхъ, горѣхъ; но чтобы аорист существительнаго глагола мог входить в сложеніе с глагольными основами— это допустить невозможно.

Итак, толкованіе Боппа и Шлейхера слѣдует или вовсе отвергнуть, или значительно измѣнить. Мнѣ думается, что в общеславянском языкѣ дѣйствительно существовал предполагаемый ими аорист от корня ав, который равнялся санскр. āvam и греч. ἦν (эпич. ἦα) и звучал, по всей вѣроятности: ѣхъ, ѣ, ѣ, ѣсмѣ, ѣсте, ѣсте [1]), ѣхомъ, ѣсте, ѣша. Существованіе такого аориста, как я полагаю, подало повод к *осмысленію окончаній эсоваго аориста других глаголов*: в этих окончаніях усмотрѣли искаженіе существительнаго глагола [2]), который и начали возстановлять, вслѣдствіе чего, рядом с дѣлахъ, коупонахъ, несохъ, горѣхъ, любихъ, явились *дѣлаѣхъ, *коупонаѣхъ, *несѣхъ (или *нессѣхъ), *горѣѣхъ и *любиѣхъ. Впослѣдствіи, ко-

---

[1]) На счет суффиксов мѣ и тѣ дв. ч. смотри мою статью о личных наставках, стр. 175.

[2]) Толкованіе не далекое от истины: как извѣстно, и ученые по большей части полагают, что в примѣтѣ эсоваго аориста кроется вспомогательный глагол ав.—Осмысленіе наставки, которое иному может показаться странным явленіем, дѣйствительно встрѣчается: так наставку имъ (бопримъ, исполнимъ) славянское сознаніе отожествило с числительным имъ (один) и почти вовсе изгнало из множественнаго числа. [Дѣйствительнаго тожества между наставкою и числительным нѣт, хотя это и утверждают обыкновенно: если бы в самом дѣлѣ к именам примыкало числительное, то 1) такія слова склонялись бы по мѣстоименному склоненію, 2) они должны бы были склоняться в обѣих частях: поганаимого, а не поганима), а в 3) самая наставка (если допустить, что она возникла при именительном падежѣ и впослѣдствіи примкнула к именному склоненію) звучала бы не имъ, а ымъ: поганъ+имъ дало бы *поганымъ. Срвн. Miklosich. Vergl. Gramm., II, S. 129].

Digitized by Google

гла аорист ѣхъ вышел из употребленія, *дѣлѣхъ и ему подобныя перешли в дѣлахъ, коуповаахъ и т. д., а в подражаніе им, стали говорить также горѣахъ, несѣахъ, любляахъ [1]). Что удлиненныя формы, первоначально равносильныя аористам, впослѣдствіи могли пріобрѣсти значеніе прошедшаго длительнаго, вполнѣ естественно [2]), и допустить это мнѣ кажется болѣе удобным, чѣм предполагать, что глагольная форма ѣхъ уже сама имѣла значеніе имперфекта, и что появленія ея в окончаніяхъ аориста с перваго же раза измѣнило значеніе прошедшаго неопредѣленнаго в длительное.

При высказанном мною взглядѣ на имперфект, необходимо принять, что первоначальное спряженіе его вполнѣ сходилось со спряженіем эсоваго аориста, и что формы несѣаше, несѣашета, несѣашете и несѣахъ замѣняют (отчасти вытѣсненныя ими окончательно) основныя *несѣа, несѣаста, несѣасте и *несѣаша. Такая замѣна, чуждая эсовому аористу, могла, разумѣется, произойти лишь тогда, когда имперфект уже вполнѣ развился и обособился; вызвать же ее могло стремленіе к подравненію форм, к установленію болѣе единообразнаго спряженія по всѣм лицам, соблазнительный примѣр какового представляя безпримѣт-

---

[1]) И Миклошич держится того мнѣнія, что имперфекты в родѣ несѣхъ древни, и что несѣахъ явилось в подражаніе таким формам как дѣлахъ (Vergl. Gramm. B. III, 2 Ausg., S. 93). Будилович, в вышеприведенной статьѣ, стр. 168, указывает на то, что глаголы с примѣтом а, принадлежащіе по большой части к несовершенному виду, чаще других должны были употребляться в имперфектѣ и потому легко могли подчинить их себѣ. Бопп и Шлейхер также объявляют имперфекты несѣахъ, любляхъ и т. п. плодом аналогіи (Bopp, B. II, S. 402, Schleicher, S. 825).

[2]) В таком видѣ, как мнѣ кажется, можно принять мнѣніе Миклошича о символическом значеніи растянутости славянскаго имперфекта: трудно допустить намѣренное, тенденціозное растяженіе и удлиненіе слов, но, при существованіи рядом двух форм, краткой и распространенной, вторая легко могла получить значеніе длительности.

Digitized by Google

ный аорист: т. к. при формах нд-ъ, нд-омъ, нд-онъ стояли нд-с, нд-стє, нд-ста, нд-ж, то и к несѣдх-ъ, несѣдх-омъ, несѣдх-онъ образовали несѣдш-е, несѣдш-етс, несѣдш-ета, несѣдх-ж; такой передѣлкѣ, вѣроятно, содѣйствовало и родственное по значенію настоящее время, тоже не знающее обрубленных форм, в родѣ *несѣд. Эти послѣднія, пожелавши пріобрѣсти, подобно другим лицам, какое-нибудь окончаніе, повидимому, и шли во главѣ движенія: допустив это, мы объяснимъ себѣ также, почему тот же самый переворот не произошел и в аористѣ — в послѣднем такія формы как идє, несє труднѣе было подвести под общій уровень (пришлось бы мѣнять с на о и образовать *идоше, *несоше), между тѣм как имперфектное *несѣд стоило только дополнить слогом ше.

Отвергнув механическое объясненіе славянскаго имперфекта, мы устранимъ также вопрос, почему это время образуется то от основы настоящаго, то от инфинитивной: мы скажем, что имперфект, развившись вышеуказанным путем из унаслѣдованнаго от древности эсоваго аориста, не произошел *ни от какой основы*, и что дѣлахъ, горѣлхъ, хотя содержат в себѣ основу инфинитивную, но не *произведены* от нея; еще менѣе основательным мы признаєм производство какого-нибудь плетѣдхъ от темы настоящаго плето—плетє, которая, положим, дѣйствительно в нем заключается, но 1) исказилась до неузнаваемости, а 2) вошла в состав его не в качествѣ темы настоящаго, а в качествѣ аористной.

Замѣчу еще, что, как бы ни разлагать имперфект с исторической точки зрѣнія, с точки зрѣнія славянской он состоит из глагольной основы (нерѣдко равной корню) [1]),

---

[1]) Глагольная основа (неизмѣнное во всѣх его формах созвучіе), опять-таки со славянской точки зрѣнія, только одна: языковѣд, конечно, может говорить об основѣ настоящаго несо — несє, отличной от инфинитивной нес (тожественной с корнем), но он не должен при том забывать, что в дѣйствительности темовые гласные примыкали к личным наставкам и

временной примѣты ѣа, или аа и окончаній хъ, ше и т. д.: исс-ѣа-хъ, двиги-ѣа-хъ, оум-ѣа-хъ, пьс-аа-хъ, мож-аа-хъ, любл'-аа-хъ, коупов-аа-хъ. Дѣля иначе, мы или допускаем научную фикцію, или из-за индоевропейскаго праязыка не видим церковнославянскаго.

Роман Брандт.

образовали вмѣстѣ с ними сложные суффиксы ѫ, еши, еть и т. д. (у других глаголов ѭ, ѥши, ѥть, или ѫ, иши, ить). Сложною же наставкою слѣдует признать инфинитивное окончаніе ити (люб-ити—любл'-ѫ, люб-иши—люб-ать), а также ѣти и ати, у таких глаголов, как гор-ѣти, пьс-ати: только, когда ѣ и а являются и в настоящем, они остаются темовыми гласными (игра-ти—игра-ѭ, желѣ-ти—желѣ-ѭ). Двойственность основы продолжает существовать лишь при двоякой вокализаціи корня (бер-ѫ и бьр-ати), да у глаголов на овати, представляющих основы на оу и на ов: коупоу-ѭ — коупов-ати (или вѣрнѣе дѣлить коуп-овати?). — Изложенный здѣсь взгляд на основу (срв. Osthoff. Das verbum in der nominalcomposition. Jena 1878. S. 69) в сущности есть возвращеніе к простому ученію практической грамматики.

Digitized by Google

О примѣтѣ второго разряда славянских глаголов.

Странное явленіе представляют славянскіе глаголы, которые как у Лескина [1]), так и у Миклошича [2]), образуют второй разряд, т. е. глаголы с примѣтою но — ис, нов, иж, как нпр. косиж — косисши, косновенъ, косижти: примѣта, если оставить в сторонѣ обычное колебаніе между о и е [3]), является в трех видах, различных на столько, что их невозможно выводить один из другого.

Но, быть может, мы тут имѣем дѣло не с разновидностями одной примѣты, а с нѣсколькими примѣтами, которыя не за чѣм и сближать? Вѣдь неокончательное есть только приглагольное существительное, точнѣе—однокоренное с глаголом названіе дѣйствія, примкнувшее к нему в позднѣйшее время и потому довольно независимое [4]): если нпр. при настоящих берж, колѭ, мьрж стоят неокончательныя бьрати, клати и мрѣти, отличныя по вокализаціи и распространенію корня, то этому слѣдует удивлять-

---

[1]) A. Leskien. Handbuch der Altbulgarischen (Altkirchenslavischen) Sprache. Weimar 1871. S. 49.

[2]) F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. B. III, 2 Ausg., S. 110.

[3]) Для упрощенія я ниже буду говорить просто о наставкѣ ис. — Вслѣд за Шлейхером, я, становясь на историческую точку зрѣнія, толкую о наставкѣ ис, хотя в славянском языкѣ основа настоящаго времени глагола косижти есть собственно коси, и роль наставки играет один звук и, который Миклошич и называет наставкою настоящаго.

[4]) Срв. у Ягича. Das Leben der Wurzel dê in den slavischen Sprachen. Wien 1871. S. 63.

Digitized by Google

ся не болѣе, какъ тому, что при тѣх-же глаголах употребляются существительныя (мз)боръ, колъ и моръ. Однако, отвергнув такимъ образомъ связь между наставками мс и мж, мы все-таки не объяснимъ послѣдней, а наставку мок вовсе оставимъ в сторонѣ. Подобное толкованіе неудобно ух и потому, что примѣты мс, мок и мж слишком похожи друг на друга, чтобы не подозрѣвать первоначальнаго тожества их, и слишком похожи на санскритскую nō — nu и греческую νō — νŏ, чтобы не предполагать для них основной формы моу—мъ.

Но как согласить мс с мок и с мж? Я никак не могу, вмѣстѣ с *Миклошичем* [1]), признать мж „вторичным искаженіем“ древняго мъ = nй (косимти, вм. *космъти); не рѣшаюсь также допустить, что настоящее космж развилось из *kosnйą, через *kosnvą: для какого времени и для какого народа можно предполагать несогласную с законами славянской фонетики форму kosnuą, которая нас, при посредствѣ другой, столь же невѣроятной (kosnvą), приводит к дѣйствительно существующей — косимж? К чему, кромѣ того, если, как в настоящем, так и в неокончательном господствовала слабая вокализація наставки (ъ=u), в причастіи появилась сильная (ок=au) — косиокснъ [2])? *П. А. Лавровскій* [3]), поправляя Миклошича, в настоящем принимает просто „устраненіе“ звука й, мж в неокончательном объясняет путем аналогіи — заимствованіем неокончательнаго у 1-го лица единственнаго числа настоящаго времени, а мок считает разложеніем замѣнившаго ж, по зако-

---

[1]) Vergleichende Grammatik. B. II, S. 429. То-же мнѣніе высказано уже в 1 изданіи III-го тома.

[2]) Миклошич допускает нѣкоторую неточность, когда выводит ок из й и производит аналогичныя с косиокснъ формы плокж, слокж от корней plй и slй: в основаніи их, разумѣется, лежит сильная форма корней—plau, slau.

[3]) П. Лавровскій. Значеніе настоящаго времени (praesens) в классификаціи славянских глаголов и образованіе его сравнительно с родственными языками. Ж. М. Н. Пр. 1873. Апрѣль, стр. 331—332.

Digitized by Google

лам позднѣйшей фонетики, оу [1]). Это объясненіе еще менѣе удовлетворительно, т. к. допускает произвольное устраненіе гласнаго, внесеніе в неопредѣленное личнаго окончанія 1-го лица и невозможную в старославянском и праславянском языкѣ замѣну ж через оу. *Шлейхер* [2]), усматривая в настоящем времени наставку na (=но, мс), отожествляет ее с примѣтою санскритскаго IX класса [3]), отрывая ее таким образом от мок, в коем он сам видит остаток употреблявшейся нѣкогда примѣты nu; для объясненія же мж он допускает „удвоеніе“ носового, породившее форму nan, вмѣсто na.

Ища новаго объясненія, я исхожу из факта звуковой непримиримости наставок мс, мок и мж, который прямо указывает на то, что здѣсь звуковые законы нарушены дѣйствіем аналогіи, какое, правда, в нѣсколько странном видѣ, предполагал уже Лавровскій. Послѣдній, кромѣ того, вполнѣ основательно замѣтил, что при объясненіи разсматриваемой наставки слѣдует имѣть в виду древность настоящаго времени и сравнительную новость славянскаго инфинитива; прилагая это указаніе к дѣлу, я представляю себѣ развитіе нашей наставки в слѣдующем видѣ:

Славянскій язык из праязычной сокровищницы вынес с примѣтою nu только настоящее время да еще повелительное [= санскр. условному (potentialis) и греч. желательному (optativus)], причем настоящее представляло, соотвѣтственно санскритским nō, nu примѣты моу и мъ,

---

[1]) Замѣчу кстати, что не слѣдовало бы говорить о разложеніи оу на ок в славянских языках, а только о подстановкѣ ок, вмѣсто оу, представляющей слѣд древней органической связи между основными созвучіями au и av.

[2]) Compendium der vergleichenden Grammatik. 4 Ausg., S. 779.

[3]) Примѣта этого класса есть nā — nī: junā́mi связываю, junīmás связываем. Чтобы это nā—nī, вмѣсто которого нарѣдка встрѣчается na (Compendium, S. 756) можно было отожествлять со славянским мс, мнѣ кажется весьма сомнительным.

Digitized by Google

а повелительное только иъ (=санскр. nĭ, греч. νῦ). Спряженіе этих двух форм было слѣдующее:

	Настоящее время.	
*косноуѫ сравни	sunómi выжимаю,	δείκνῡμι показываю.
*косноуши	sunóši	δείκνῡς
*косноуть	sunóti	δείκνῡσι [1])
*коснѣмъ	sunumás	δείκνῦμεν
*коснѣтс	sunuthá	δείκνῦτε
*коснѣкать	sunuvánti	δεικνύᾱσι
*коснѣкс	sunuvás	
*коснѣтс	sunuthás	δείκνῦτον
*коснѣтс [2])	sunutás.	δείκνῦτον.

Повелительное	Желательное
*коснѣи	δεικνύοις
*коснѣи	δεικνύοι
*коснѣѣмъ и т. д.	δεικνύοιμεν и т. д. [3]).

Такое выходящее из ряда вон спряженіе легко могло показаться ошибочным, почему его и подвели под общій уровень, для чего стоило только, в настоящем времени, вмѣсто оу и ъ подставить обыкновенный соединительный гласный е, что̀ породило формы косиеши, косиеть и т. д., к коим впослѣдствіи образовали также 1 л. ед. ч. и 3 мн. косиж и косижть, вмѣсто органических косноуѫ и коснъкать [4]). Произведши такую перемѣну, вполнѣ естественно было исключить из повелительнаго звук ъ и начать произносить косии, коснѣмъ и т. д.

---

[1]) Единственное число у Греков уподобилось множественному, замѣнив двугласный простым гласным, но сохранило память о нем в долготѣ.

[2]) Придаю личным наставкам тот вид, который считаю основным праславянским. См. статью О личных наставках славянскаго глагола. Р. Ф. В. Т. V.

[3]) В санскритском условное представляют иныя окончанія, но глагольная примѣта является также в слабой формѣ: sunujám, sunujás и т. д.

[4]) Таким же образом можно объяснить греческіе и латинскіе глаголы, в родѣ κίνω, δείκνω, lino, cerno.

Digitized by Google

Что ж касается до неокончательнаго наших глаголов, то я полагаю, что оно образовано вновь к существовавшему уже перешаченному спряженію косиж, коснєши: т. к. при несж стояло неокончательное нєсти, то и к косиж образовали *косити, вмѣсто чего сам собой долженъ былъ явиться выговор *косжти; впослѣдствіи в эту форму, забыв, что и уже заключается в ея юсѣ, вторично внесли и из настоящаго и стали говорить коснжти. Считая инфинитивы на ижти древними, общеславянскими, не вижу основанія признавать такими же корневые инфинитивы в родѣ *двигти, основной формы для сербскаго дѝћи: если бы подобныя формы—чуждыя старославянскому, что̀ говорит против них — принадлежали уже славянскому праязыку, то едва ли бы сочли нужным замѣнить их другими; сербское же дѝћи (рядом с дѝгнути) легко могло возникнуть в позднѣйшее время, в угоду аористу и другим корневым формам [1]).

При таком взглядѣ на образованіе настоящаго времени и неокончательнаго глаголов 2-го разряда, я, конечно, не вполнѣ согласен с Лавровским на счет относительной древности различных видов их страдательнаго причастія прошедшаго времени: соглашаюсь с тѣм, что безприметное движєнъ древнѣе всѣх остальных, и что двигненъ и двигжтъ [2]) явились только впослѣдствіи, первое под вліяніем настоящаго, второе — неокончательнаго, но не ставлю формы двигновенъ на послѣднем мѣстѣ, а считаю ее, правда, вторичною, но весьма древнею замѣнительницею основного движєнъ: формою примѣненною к не перешаченному еще настоящему двигноуѣ, двигноуши, двигноуть.

Роман Брандт.

---

[1]) Лавровскій (Значеніе настоящаго, стр. 331) признает сербскія дѝћи, стѝћи архаизмами.

[2]) Окончаніе ижтъ едвали не новославянское: в старославянском его, повидимому, не существовало — Миклошич (Vergl. Gramm. III, S. 112) приводит только три примѣра из рукописей XIV и XVI ст., ссылка же на существительныя гонѣжитие, косижтие и тѣкижтие не имѣет никакого значенія, т. к. они могли образоваться от неокончательнаго.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ
ПО СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

I.

К былинѣ про Микулу Селяниновича.

Г. Вс. Миллер в статьѣ „По поводу Трояна и Бояна Сл. о п. Иг." (Журн. Мин. Нар. Пр. 1878, Декабрь), пытался объяснить путем литературнаго заимствованія нашу былину о Микулѣ Селяниновичѣ. Мы понамѣрены здѣсь останавливаться на этой попыткѣ уважаемаго автора, тѣм болѣе, что она уже вызвала рецензію г. Ор. Миллера (Р. Ф. В. II, 233). Мы намѣрены обратить вниманіе на то, что мотив, развиваемый в былинѣ о Микулѣ, нестоит особняком в рус. народной поэзіи, что он встрѣчается в разсказах и других славянских народов. У Сербов сюда принадлежит разсказ о Милошѣ Обиличѣ, помѣщенный в Рѣчникѣ Караджича под словом *обил.* Содержаніе его слѣдующее: Однажды Стефан Сильный, охотясь по Церу, замѣтил, что на одном мѣстѣ вѣтви дерьвьев то поднимаются, то опускаются. Душан подъѣхал к этому мѣсту и увидѣл под деревом спящаго мальчика; мальчик лежал на спинѣ и, когда вдыхал в себѣ воздух, вѣтви деревьев наклонялись; когда выдыхал, онѣ подымались. Около него паслось стадо овец; *его топор* (сјекира) *был вбит в лежащую вблизи колоду. Кад то види цар, зачуди се, па пружи руку с кона да му узме сјекиру, али хоћеш! не може да је извади из кладе. Брже боље сјашу слуге и војводе с кона, опледају сви редом објема рукама да извади сјекиру из кладе, али је ни један не може ни помаћи.* Мальчика разбу-

Digitized by Google

дили; царь спросил его: „как тебя звать?“ Милош. „Есть ли у тебя отец и мать?“ Мать жива, а отец умер. Царь и свита попросили Милоша отвести их к дому его матери. *Сад су они ради знати и видјети шта ће он радити са сјекиром, како ће је извадити из кладе; или ће је онако оставити.* Кад Милош крене овце, а *он узме сјекиру једиком руком и заметне на рамо.* Ср. с этим слѣд.:

В одной былинѣ разсказывается, в чем в первый раз обнаружилась необыкновенная сила Ильи Муромца, которою надѣлили его калѣки перехожіе. Дав заповѣдь Ильи, странники ушли, а

Илья Муромец потел к отцу на пожню;
Приходит па пожню,
Отец с семействомъ отдыхают — сѣят
И с работниками своими.
a) И ён приходит, и взял топоры,
И начал пожни чистить:
И столько ён с работниками и семействомъ
Не начистили в три дня,
Сколько ён одново часа.
И развалил поле великое,
b) И топоры во ни воткнул,
c) И никому не вынять
Тогда возстал отец
Со своим семействомъ и с работниками
И таковому чуду издивилися:
„Кто этак подкамедил?“
d) И вышел Илья Муромец из лѣсу,
И вынял у них топоры изо пнёв.
Отец говорит: „Слава Богу,
Сыну Бог дал здоровье,
Большой будет работник!“ (Рыбн., II, N 2).

Микула Селянинович —

Орет в полѣ... понукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уѣдет другого невидать
То коренья камéнья вывертывает

Digitized by Google

Да великія он ка́менья в борозду валит.

(Гильферд, 436).

Сравн. с эт. курсив *a*.

Оставленную на пашнѣ сошку (сравн. курсив *b*) напрасно Вольга с дружиною силятся

... с земельки повыдернуть
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Бросить сошку за рокитов куст

(Ср. курсив *c*).

Только Микула в состояніи это сдѣлать

(Сравн. *d*).

Не останавливаясь на сходствѣ, мы готовы предположить первоначальное тождество мотива, выраженнаго в приведенных мѣстах рус. былин и сербской приповѣдки. Основаніем для такого предположенія может служить, между прочим, то, что в мифич. воззрѣніях народов Бог громовник представляется — то бороздящим тучи своим плугом, то разсѣкающим их палицею (см. об этом соотвѣтств. мѣст. у Аф. Поэт. Воззр. Слав. на пр., т. I).

Менѣе представляет интереса для нас дальнѣйшее содержаніе сербской приповѣдки.

Милош оставил овец и гостей и пошел искать мать, царь отправился за Милошем. Кад погледа кроз брвна у једну заграду, а то му мајка мијеси хлеб, а пребацила десну сису преко лијевога рамена, а лијеву преко десног, те он остраг сиса. Тогда царь сказал: „мећер обила мајка родила обила јунака“. Царь взял Милоша к себѣ и оттого он назвался Обилич.

Чрез сербскій разсказ с нашей былиной сближается одна болгарская пѣсня о дѣте Докатинче, содержаніе которой со слов г. Безсонова такое: Марко королевич находит Докатинче на верху горы Докат: сладким сном под шатром заснул он; потянет в себя, — шатер собирается, выпустит дух, — шатер простирается. Смотрит Марко и чудится чудом, как бы разбудить ему дитя Докатинче: слѣз с коня на землю, подождал немного, пока сам проснется. Говорит тут Марко: „дитя Докатинче, пойдем с тобой, бра-

Digitized by Google

тец, пошвыряем камень". Бросил Марко камень до земли Волошской; отрок бросил камень,—камень несыскался. Побратался с ним Марко, но потом коварно убил его [1]).

В цѣлом, былина о Микулѣ примыкает к весьма распространенным на Руси разсказам, общая тема которых — встрѣча царя (или князя) с мужиком. Из напечатанных таковы: былина о царѣ Петрѣ (Рыбн., II, 243) и „Бѣлые гуси с великой руси" (Кулиш, Зап. о Южн. Руси).

Стало быть: 1) былина о Микулѣ не эпизод и не отрывок; 2) так как сходство нашей былины с классическими преданіями о Гордіасѣ, Александрѣ Македонском и Николаѣ сынѣ Атрея подлежит весьма сильному сомнѣнію (Ор. Миллер, l. c.), то, пока небудут представлены болѣе ясные и доказательные слѣды литературнаго заимствованія мотива, Микула остается богатыремъ народным и былина про него туземною.

М. Халанскій.

---

[1]) Безсонов, Болгарскія пѣсни, стр. 67.

Digitized by Google

ЛИНГВИСТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ОБ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ РѢЧИ [1].

Изучая русскую рѣчь, мы должны стремиться изучить не одни только так называемый литературный языкъ, но и народные говоры.

Я желаю представить это изученіе в его идеалѣ и трудностях.

Явленія рѣчи, относятся ли они к разряду фонетическому, морфологическому, семазіологическому и проч.,— весьма многочисленны и разнообразно разбросаны по говорам деревень, сел, городов.

Поговорку — что город, то норов, что деревня, то обычай — можно примѣнить и к языку: говор всякаго поселенія чѣм-нибудь да отличается от говора другаго поселенія.

Чтобы составить согласное с дѣйствительностью представленіе о русской рѣчи, как о цѣлом, мы должны имѣть полныя понятія о всѣх русскихъ говорах [2].

Чтобы представить себѣ всю непреодолимость являющагося при этом затрудненія, посмотрим, как трудно изучить говор даже одного поселенія.

Говор дѣтей отличается от говора взрослых. Это происходит от того, что дѣти еще не достигли совершеннаго произношенія всѣх звуков, свойственных данному говору.

---

[1] Вступительная лекція по сравнительной фонетикѣ русскаго языка, читанная 8 октября 1881 года в Казанском университетѣ.

[2] Ср. Спенсор, Изученіе соціологіи. Перевод с англ. под редакціей Гольдсмита (1874) стр. 148—150.

Digitized by Google

В самом говорѣ маленькихъ является разнообразіе: они не в одинаковой степени приблизились к совершенному произношенію.

Говор женщин, которыя весьма часто происходят из других поселений, может отличаться от говора мущин.

Даже одно и то же лицо не каждый раз одинаково произносит одно и то же слово. Так, слог ударенный произносится по всякій раз с одинаковым напряженіем, и чѣм с большим напряженіем выговаривается ударенный слог, тѣм слабѣе произносятся звуки неударенных слогов.

Наконец, могут быть индивидуальныя особенности произношенія.

Все это усложняет изслѣдованіе.

Кромѣ того, слыша чуждый нам говор, по крайней мѣрѣ на первых порах мы будем воспринимать его не точно, сообразно тѣм звукам и соединеніям их, к которым привыкло наше ухо [1]).

Все в природѣ непрерывно измѣняется. Мы должны привыкнуть к мысли, что и наша рѣчь, как в цѣлом, так и во всѣх своих частях, развивается во времени, и при том весьма медленно и неравномѣрно.

Стремясь изучить развитіе нашей рѣчи, мы встрѣчаемся с большим затрудненіем. Произношеніе болѣе древняго времени мы опредѣляем по дошедшим до нас от этого времени письменным памятникам. При этом мы на каждом шагу затрудняемся опредѣлить точно произношеніе, так как общеупотребительное письмо не обозначает минимальных оттѣнков звуков.

Но, вѣдь, рѣч каждаго человѣка измѣняется во времени. Не можем ли мы слѣдить за направленіем в измѣненіи русской рѣчи на своем собственном произношеніи?

Однако припомним, что наша рѣчь измѣняется медленно, так что, только сравнивая се на больших проме-

---

[1]) Для устраненія ошибок, изслѣдованіе какого-нибудь говора, сдѣланное одним, может повѣряться другими.

Digitized by Google

жутках времени, мы можем узнать с точностью, в каком направлении она измѣняется.

Все это побуждает нас потрудиться для языковѣдов будущаго времени—передать им возможно точным образом рѣч нашего времени.

Каким же образом мы можем достигнуть этой точности?

Мы должны ознакомиться с физіологической стороной произношенія: мы должны изучить анатомическое устройство органа рѣчи — его кости, мускулатуру, нервы; затѣм мы ознакомимся с дѣйствіем каждой мышцы; а так как при произнесеніи каждаго звука происходит дѣйствіе не одной мышцы, а цѣлая ассоціація мышечных движеній, то нам слѣдует разсмотрѣть эти координаціи мышечных работ. Мы должны также изучить акустическую сторону произношенія и физіологію органа слуха. Мы должны развивать чувство осязанія в органах рѣчи, чтобы посредством него как можно точнѣе узнавать о мѣстѣ, способѣ и степени дѣйствій органов рѣчи; мы должны изощрять глаз и слух для наблюденія над своим произношеніем и над произношеніем других. Наконец нам слѣдует ознакомиться с ошибками наблюденія, которым подвергается даже самый опытный, так как произношеніе часто бывает не вполнѣ доступным для наблюденія [1]).

И так, мы должны стремиться достигнуть такого знанія, чтобы быть в состояніи представить себѣ, какія физіологическія работы происходят при данном произношеніи, умѣть вообразить это произношеніе с чисто акустической стороны и со стороны воспріятія его органом слуха. „Научное воспитаніе", говорит Тиндаль, „может научить нас видѣть в природѣ и невидимое так хорошо, как видимое, созерцать

---

[1]) Winteler, Die Kerenzer Mundart des Kantons Glarus in ihren Grundzügen dargestellt von.... (1876) стр. 1.

Digitized by Google

умственным взором тѣ процессы, которые вполнѣ недоступны тѣлесному взору“ [1]).

Послѣ такой подготовки мы можем приступить к строгим физіологическим наблюденіям над собственным своим произношеніем и над произношеніем других. При этом мы должны воспользоваться тѣми приспособленіями, до которых дошли физіологи; тут представится простор и для нашей собственной изобрѣтательности.

Наши точныя наблюденія могут затѣм сравниваться с такими же наблюденіями над произношеніем индивидуумов других говоров и языков. Сравненіе это показало бы ясно физіологическую разницу произношенія в этих говорах и языках.

Подобныя изслѣдованія, производимыя над данным говором в цѣлом рядѣ поколѣній, послужили бы матеріалом для открытія точных физіологических законов развитія произношенія.

Так как в рѣчи индивидуумов разных языков происходят не одинаковыя координаціи работ, то это должно отражаться в неодинаковом развитіи органа рѣчи—его мускулятуры и его нервной системы. С этой точки зрѣнія можно бы ло бы производить сравнительно-анатомическія изслѣдованія.

„Если бы мы могли видѣть воздух, по которому проходит звук пріятнаго голоса, то мы увидѣли бы в этом воздухѣ, как и в какой формѣ совершаются движенія и всѣ условія, от которых зависит пріятность голоса. Таким же образом и в обыкновенном разговорѣ физическое предшествует психологическому и производит его; сказанныя слова, возбуждающія в нас удовольствіе или огорченіе, приводящія нас в гнѣв или успокоивающія, нѣкоторое время, пока они идут от говорящаго до нас, суть не что иное, как чисто механическое состояніе промежуточнаго воздуха“ [2]). Я думаю, что можно стремиться перевести опи-

---

[1]) Тиндаль, Звук, восемь лекцій, читанных в Королевском институтѣ Великобританіи. Перевод с англ. (1870) стр. 31.

[2]) Там-же стр. 64.

Digitized by Google

саніе языков в их разнообразных говорах на чисто акустическій языкъ, подобно тому, как такое описаніе может быть представлено на чисто физіологическом языкѣ (и сравнительно анатомическом). Тогда нужно будет изслѣдовать отношеніе между физіологической и акустической стороною рѣчи.

Подобныя изслѣдованія, производимыя в цѣлом ряде поколѣній, позволят чисто физіологическіе законы развитія произношенія выразить языком чисто акустическим.

При физіологических наблюденіях над произношеніем, нам предстоит одно большое затрудненіе. Дѣло в том, что при произнесеніи слова совершается координація работ, которая может не совпасть с координаціею работ при слѣдующем произнесеніи того же слова. Поэтому, если мы желаем своим наблюденіям придать вполнѣ научную строгость, то не можем одну работу наблюсти от перваго произношенія, другую же — от слѣдующаго произношенія и т. д., а затѣм эти наблюденія соединить вмѣстѣ, как будто бы они относились к одной и той же координаціи работ. Мы должны стремиться наблюсти всѣ работы при одном и том же произношеніи.

В возможности такого наблюденія нас убѣждает прекрасный опыт Розапелли, наблюдавшаго одновременно дѣйствіе губ, небной занавѣски и гортани. К губам прилаживался шаррир, ножки котораго раздвигались и сближались соотвѣтственно сближенію губ; движенія ножек передавались Мареену барабану и записывались. В полость носа вводилась каучуковая трубка; сгущеніе воздуха, при опущеніи небной занавѣски, подобным же образом записывалось. К гортани прикрѣплялся электрическій аппарат; при дрожаніи гортани происходило дрожаніе и электрическаго аппарата, а вибраціи послѣдняго записывались [1]).

---

[1]) Grützner, Physiologie der Stimme und Sprache (в Handbuch der Physiologie, herausgegeben von Hermann, I 2, [1879]) стр. 200.

Rosapelly, Inscription des mouvements phonétiques (в

Digitized by Google

Сказанное еще далеко не исчерпывает всей работы изслѣдователя и всѣх представляющихся ему затрудненій.

Я постараюсь представить ход глубокаго изслѣдованія какого-нибудь явленія, напр. фонетическаго.

Прежде всего мы стараемся изслѣдовать это явленіе самым точным образом со стороны физіологической и акустической. Но недостаточно точнаго физіологическаго и акустическаго описанія произношенія отдѣльнаго звука говора, нужно самым точным образом ознакомиться со всею звуковою системою говора, в состав которой входит и данный звук. Слѣдовательно, наше явленіе мы должны изучить не в отдѣльности, но в ряду прочих одновременных фонетических явленій говора. Но и этого недостаточно; мы должны изслѣдовать наше явленіе еще в ряду одновременных явленій морфологических, семазіологических и проч. того же говора. Часто случается, что явленія, на первый взгляд ничего не имѣющія между собою общаго, на дѣлѣ оказываются связанными между собою.

Наше изслѣдованіе еще не кончено. Мы должны разсмотрѣть наше явленіе в его историческом развитіи в связи с одновременным развитіем остальных языковых явленій изслѣдуемаго говора. Я уже указывал на затрудненіе при изслѣдованіи прошлаго в языкѣ, происходящее от того, что при историческом изслѣдованіи языка мы ограничены уцѣлѣвшим письменным матеріалом, не отражающим в точности произношенія, вслѣдствіе чего мы не в состояніи воссоздать в точности картину развитія языка. Может случиться, что мы не будем имѣть даже и такого матеріала, или если и найдем матеріал, то он не восходит до болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго.

Мы можем теперь обратиться к изслѣдованію нашего явленія в другом говорѣ, родственном с первым. В этом говорѣ изслѣдуемое явленіе может оказаться на другой ста-

---

Physiologie expérimentale, Travaux du laboratoire de M. Marey, II [1876]), стр. 109–131.

Digitized by Google

діи развитія или дальнѣйшей или же ближайшей. Мы опять изслѣдуем это явленіе в ряду прочих языковых явленій того же говора не только в данном одновременном состояніи, но и в историческом развитіи.

Язык может быть широко разлит во множествѣ разнообразных говоров. Мы уже представляем себѣ всю необъятность работы.

Теперь наше изслѣдованіе, разумѣется, кончено. Цѣт, мы можем изслѣдовать наше явленіе подобным же образом в других родственных языках и их говорах.

Затѣм мы еще болѣе расширяем поле нашего изслѣдованія. Мы можем наше явленіе изслѣдовать в языках неродственных. Пред нами выступают языки тюркскіе, негрскіе, австралійскіе и т. д. с их говорами.

И тогда нам предстоит еще болѣе глубокій вопрос: изслѣдуемое нами явленіе в родственных говорах и языках и в языках неродственных может встрѣчаться в различных видоизмѣненіях, или же вовсе не существовать; отчего это происходит? [1])

На наших глазах случается, как из одного поселенія часть обитателей выселяется и образует новое поселеніе. Условія, в которыя вступает часть выселившаяся, не тожественны с условіями, в которых находится часть оставшаяся. Отсюда развитіе рѣчи выселившихся будет не тожественно с развитіем рѣчи оставшихся. Наука может слѣдить за этим дифференцированіем рѣчи с возможной точностью, доискиваться до причин, обусловливающих неодинаковое развитіе таких говоров со времени их раздѣленія.

Рядом с таким дифференцированіем рѣчи происходит дифференцированіе в обычаях, идеях и т. д. части выселившейся и части оставшейся. Лингвистика здѣсь соприкасается с исторіей и этнографіей [2]).

---

[1]) Ср. Спенсер ук. соч. стр. 184—196.

[2]) Изысканіе генеалогіи говоров могло бы быть предметом отдѣльных изслѣдованій.

Digitized by Google

Итак, при изученіи рѣчи мы встрѣчаемся с большими затрудненіями. Однако какія огромныя трудности преодолѣвались в области других наук, напр. физики.

Люди незнакомые с подробностями научных изслѣдованій не имѣют ни малѣйшаго понятія о терпѣніи, какое обнаружили Берцеліус, опредѣляя атомическіе вѣса, Реньо, опредѣляя коэффиціенты расширенія, или Джоуль, опредѣляя механическій эквивалент теплоты. Желаніе истины сильнѣе здѣсь всѣх других желаній; и для достиженія точности здѣсь не боятся никакого труда и никаких трудностей. Относительно опредѣленія скорости звука в воздухѣ нам нужны были бы цѣлые часы, чтобы только просто пересказать усилія, сдѣланныя для полученія точных чисел. Вопрос этот занимал вниманіе естествоиспытателей Англіи, Франціи, Германіи, Италіи и Голландіи. По французским и голландским ученым мы обязаны примѣненіем всѣх тонкостей экспериментальнаго искуства к рѣшенію этой проблемы. Они вполнѣ устранили вліяніе вѣтра, они приняли в разсчет барометрическое давленіе, температуру и гигрометрическое состояніе. Звук исходил одновременно из двух отдаленных станцій и таким образом должен был проходить от станціи к станціи через одинаковый воздух. Разстояніе между станціями было опредѣлено точными тригонометрическими наблюденіями и были придуманы средства для измѣренія с крайней точностью времени, требуемаго звуком на прохожденіе от одной станціи к другой [1]).

Я старался представить идеал изученія русской рѣчи. Слѣдует замѣтить, что воображеніе играет весьма важную роль в научной дѣятельности, оно предшествует опыту и сопровождает его. Я приведу прекрасный отрывок из сочиненій знаменитаго Роберта Гука, высказавшаго за двѣсти лѣт до нашего времени теорію стетоскопа.

„Может быть есть возможность, пишет Гук, открывать внутреннія движенія и дѣйствія тѣл посредством зву-

[1]) Тиндаль, ук. соч. стр. 38—39.

Digitized by Google

ка, который они производят. В часах мы слышим стук баланса, ход колес, удары молотка, цѣпляньe зубцов, и мно. гіе другіе звуки; кто знает, не можем ли мы подобно этому открыть движеніе внутреннихъ частей тѣл животных, растительных или минеральных посредством звука, который они производят, открыть процессы, совершающіеся в разных органах или полостях тѣла, и таким образом узнать, какіе инструменты или машины не в порядкѣ, какіе дѣйствуют только в извѣстное время, а в другое стоят и т. п.; кто знает, нельзя ли в растеніях при помощи шума открыть насосы для подняті́я соков, клапаны для остановки их и перехода их из одного хода в другой и т. п.? Я мог бы пойти дальше, но мнѣ становится стыдно, когда я подумаю о том, как на это смотрит большинство людей; но, с другой стороны, я имѣю смѣлость не считать этих вещей невозможными, хотя онѣ большинству людей кажутся вздорными, пустыми и несбыточными, и в этой смѣлости меня поддерживает то, что если бы я считал их невозможными, то это не очень помогло бы моему знанію, тогда как считая их возможными я может быть буду имѣть случай получить понятіе о таких вещах, мимо которых другой прошел бы без вниманія, считая их безполезными....“ [1]).

В. Бородицкій.

---

[1]) См. Тиндаль ук. соч. стр. 57—59.

Digitized by Google

РУССКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

записанныя в Щигровском уѣздѣ, Курской губерніи

М. Халанским.

(*Продолженіе*).

70.

Тры́нки, тры́нки, три палти́нки,
Са́хар, ма́хар, чит'вярта́к!
Нюхал де́душка таба́к!
Ни дае́хал да грапи́цы,
С'ки́нул ша́пку, рукави́цы:
Кабы́ла упа́ла;
Шку́ра ни прапа́ла:
Ис ко́шки — сапо́шки,
Ис капы́тцав — грибяшки́,
Ис хваста́ — дярга́ла,
Штоп скри́пка игра́ла.
Игра́й, игра́й, скрипаче́й!
Куплю́ табе́ но́вай шлык;
А ты яво́ акраси́,
Ды па пра́з'ничкам наси́.
Я ишо́л, ишо́л, ишо́л,
Гаршо́к ка́шы нашо́л;
Ка́ша ма́слиная,
Ло́шка кра́шиная.
Ло́шка гне́тца, нос трясе́тца,
Душа́ ра́дуитца.

71.

Варо́бушка, варабей,
Гарю́н бе́днай, маладо́й!
Што ляжы́ш, ня мо́жыш,
Што́ бали́ть, ня скажы́ш?
Бали́ть бо́льна галава́,
С учяра́шнява сс вина́;
Бали́ть бо́льна спи́нушка
Сы бая́рскава пи́вушка.
Ня да́й, Божа хади́ть
Ва чяр'не́цкаи харо́мы.
Ва чярне́цких харо́мах
Ни пью́ть, ни ядя́ть, ни гуляю́ть
И ня ве́сяла игра́ють.
Варо́бушка, варабе́й,
Гарю́н бе́днай маладо́й!
Што ляжы́ш, ня мо́жыш,
Што бали́ть, ня ска́жыш?
Бали́ть бо́льна галава́
С учяра́шнява вина́;
Бали́ть бо́льна спи́нушка
Сы бая́рскава пи́вушка.
Дай, Бо́жа, хади́ть

Digitized by Google

Ва Миха́йлавы харо́мы
Ва Сямёнавичя навы́я:
Ва тех, ва харо́мах —
И пью́ть, и ядя́ть, и гуля́ють
И ве́сяла игра́ють.

Миха́йлушка игряли́в
Сямёнавич и шут'ли́в
Алге́ньюшка — игру́ха
Пятре́явна карагóд'ница — пля-
[су́ха.

72.

Ряби́на, ряби́нушка зялёная?
На тэй на ряби́нушки
Чяты́ри вяти́нушки,
На тех на вятинушках
Чяты́ри ки́стачки:
Пе́рвая ки́стачка
Де́вушка Натальюшка,
А друга́я ки́стачка
Де́вушка Варва́рушка,
Тре́тья ки́стачка —
Де́вушка Маре́юшка,
Чятвёртая ки́стачка —
Де́вушка Алге́ньюшка,
Алгенья Матве́явна.

(повтор. 1—5 ст. и велич. 4 парней).

73.

Па у́лицы, у́лицы даро́шка ляжы́ть;
Вот па е́тай па даро́шки, во́ран конь бяжы́ть,
Во́ран конь бяжы́ть, вся зямля́ дражы́ть,
Капы́тцы гуду́ть, патко́вы звяня́.
Капита́н е́дя с капита́ньшаю,
С капита́ньшаю, с' янара́льшаю.
Капита́нушка у нас Андре́юшка,
Капитаньша яво́ у нас свет-Ма́рьюшка.
Ни́ вязли́, вязли́ ве́сти по́ван,
Ве́сти по́ван ни вясёлан:
Мало́душак па игри́шша звать,
А рятивых бан на уба́хту [1]) драть,
Сало́маю набива́ть, пяско́м насыпа́ть;
Кра́сных де́вушак за́муш аддава́ть
За маладых салда́т за никру́тичкав.
Красны де́вушки испужа́лися;
Испужа́лися, раз'бяжа́лися;
А пасле́й таво́ схамяну́лися:
Зна́ли и ве́дали, мы́ и ни бе́гали,

---

[1]) Вар. на бараба́ны...

Digitized by Google

Мы ба за-муш ишли́ за млады́х салда́т,
За млады́х салда́т, за никру́тичкав;
У малады́х салда́т пла́тья во́льная,
Пла́тья во́льная, заслужонная.

74.

Алге́ньюшка ни спяси́ва
На у́лицу выхади́ла,
Круглай танок вывади́ла,
Ива́нушку палюби́ла;
Палюбёмшы, цалава́ла,
Цалава́ла, милава́ла,
Друшко́м милым называ́ла,
Касы́нкаю дарава́ла.
Ана яво касы́нкаю,
А он ійе́ палти́нкаю;
Ана яво́ руба́шкаю,
А он ійе́ бума́шкаю;
Ана яво́ страчёнаю,
А он ійе́ злачёнаю.

—

Алге́ньюшка ни спяси́ва
На ба́тюшки гавари́ла:
Гасуда́рь мой, ба́тюшка!
Ступа́й ты ва тёмнай лес,
Сруби сыро́й дубе́ц,
Састро́й мне го́ринку,
Го́ринку наву́я
С' чятырьмя акна́ми:
Пе́рвая ако́шка —
На си́ня мо́ря даро́шка;
А другая ако́шка —
Чиряс зе́лян сат даро́шка;
А третья ако́шка —
Аткы́ль со́лнушка усхо́дя,
А чятвёртая ако́шка —
Аткы́ль ми́лай друх прихо́дя;
Он пода́рачик прино́ся —
Пиддисят аршы́н китайки.

75.

Вот ку́мушки пьють
И галу́бушки пьють,
А мине́ маладу́
С сабой завуть. (2)
За рука́в валаку́ть (2)
Надёргавають.
У мине́ маладо́й,
Рубашо́нва адна́
У чюжо́й клятй,
А я пастучи́.
А я к ку́мя прихади́ла,
Рубашо́начку праси́ла:
Кума́, кума́, дай руба́ху,
Хуть худу́я, ды аллянýя,
Хуть плачёну, ды стачёну.
Кума́, кума́ атказа́ла:
Пряди́, кума́, ни ляни́ся,
На до́ничку ни вярти́ся,
На ла́вачки ни тяни́ся.

Digitized by Google

76.

Ва го́рницы, ва святли́цы, ляжа́ть доски,
Ляжа́ть до́ски то́нки, хлёски.
На тем до́скам я ходи́ла,
На тем до́скам я гуля́ла;
На адну́ дасю́ наступи́ла,
Тыё дасю́ пирлами́ла.
За то мине свёкар брани́л,
За то мине свёкар жури́л,
Жури́л, брани́л ни за де́ла:
Ни за де́ла — за биз'де́лья;
Журьба яво́ чисава́я,
Игра́ мая вякава́я.

77.

Ой чирема зялёная,
Карава́ть тясо́вая!
Кык на тэй караватюшки
Там ляжы́ть душа — До́нюшка
Бальна́ бальнёшунькя,
Хвара́ хваро́шунькя.
Кык пряхо́дя к душы́ — Донюшки
Гасуда́рь, ради́май батюшка.
Ты скажы́, скажы́, До́нюшка,
Што табе Доня, на́дабна:
Ай мёду, али са́хару,
Ай зялёнава вина́,
Ай папа́ духо́внава,
Аль дьячка́ сабо́рнава?
Ничяво́ мне ни на́добна —
Ни мёду и ни са́хару,
Ни вина́ мне зялёнава,
Ни папа́ духо́внава,
Ни дьячка́ сабо́рнава;
А мне на́дамна До́нюшки
Мне Мишу́тку с шу́ткаю,
Ивашо́шичку гудо́шничка
Сямёнавичя скамаро́шничка.

78.

У Япла́шкинам саду́
Сидя́ пта́шки на кусту́.
По́йтя пта́шки, распива́йтя,
Таску́, го́ря разгоня́йтя:
Куда пе́сни ня пе́ть,
Хле́ба — соли ня е́сть;
А наря́дна ходи́ть,
Пра любов гавари́ть.

—

Уш ты По́лькя, Пали́нка,
Ты Пали́начка мая!
Идо ш ты, Палянка, пагу́ливала?
Ачути́лась, правили́лась
Вдрух Пали́нка на дваре́
Ва висо́кам тиряне́.
Там де́вки сида́
И падру́шки гавари́.
Ня диви́тися, падру́шки,

Digitized by Google

Я сама́ пришла́ (2)
З данским казако́м.
Казак ска́чить, каза́к пля́шить,
Каза́к пе́сники паёть.
Каза́к пе́сню паёть
Сабе честь ваздаёть.

79.

Баразда́ мая, баро́здушка,
Баразда́ мая ня па́ханая,
А друга́я ни скаро́жиная!
Зарасла́ мая баро́здычка
Ильничкам, аси́нничкам,
Ишшо гу́стым бяре́зничкам.
Пат бяре́зничкам ма́ти радила́,
Пад аси́нничкам ба́пка павила́,
Кстины были вы царёвам кабаке́;
Кум был маладо́й шво́рник,
Кума́ была́ винаку́рава жапа́,
А ба́бушка сы баярскава двара́.
13 Ой, наштош мине мати радила
Счясли́ваю, тала́н'ливаю?
Чирнабро́ваю, дага́дливаю?
Нялья мне к абе́дни схади́ть,
Нялья́ Бо́гу памали́тца:
А папы́-та выгляда́ютца,
19 А дьячки́-та зачита́ютца.
Улюби́лси мало́динькяй папок,
Пасули́л мне гарниту́равай плато́к;
Мне плато́чка-та хо́читца,
А люби́ть папа́ пяхо́читца—
Мне за то́та ня хо́читца—
Па пагосту вало́читца,
Кастылём папира́итца,
За блина́ми папина́итца.
Улюби́лси маладо́й дьячёк,
Пасули́л мне куря́тинки бачёк;
Мне куря́тинки хо́читца,
А люби́ть дьячка́ пяхо́читца:
Мне за то́та ня хо́читца
Па задво́рьям вало́читца.
Улюбилси мало́динькяй цыга́н,
Пасули́л мне жалезнай тага́н,
Мне тага́ничка хо́читца,
А люби́ть яво́ ня хо́читца;
Мне за то́-та ня хо́читца—

Digitized by Google

Па слáм он валóчитца.
Улюбíлся малóдинькяй купéц,
Пасулáл мне китáйки капéц;
Мне китáечки хóчитца,
А любить купцá ня хочитца;
Мне зя то яво ня хóчитца —
На акнáм он валóчитца,
Кастылём папирáитца.

—

13—19 Ср. мр.

Ой мати, мати моя родима!
На́-що мене хорошую вродила?
На́-що менí биле личко дала?
Нельзя-ж менí нí до церкви пітú,
Нельзя менí Богу помолитця,
Христу Спасу низко поклонитця:
Пíп мене у вівтарь кличе,
Паламарь проскуру́ тиче,
А дяченьки задивляютьця,
Та читати помиляютця.

Харьк. губ.
А. П.

80.

Ох чирёма, чирёмушка мая!
На чирёмушки áлинькяй твятóк,
Даляко́ твятóк алéитца,
Алéитца, галубéитца.

—

Хто ш у нас па у́лицы праежжáл;
Хто ш у нас ды на вóранам кане?
У варóт душá крáсна дéвица стаíть.
Дявúца, атварúй варатá!
Услушáй к себé на двóр сакалá.
Ни атварю́ я, ни атварю́ я варатá
Я за прежнію за грубасть за твою́,
Што вячёр ка мнé спать ни пашóл.
Без тибé, мой друх пастéлюшка хрустá,
Адíялица кык лёт халадúа,
Пат пастéлюшку марóс припалос,
У вячёр ка мнé мúлай припалóс.

Digitized by Google

81.

Кама́рики, мушки май!
За што́, за што́ куса́итясь бо́льна?
У мине́ маладо́й груть, гало́вка бали́ть,
Ат гало́вушки уся малада́ бальна́.
Три нядéли у пастéлюшки ляжа́ла,
На читвёртай малада́ уставать ста́ла,
А на пятаю в зялёнай сат пашла́,
В зялёнам саду́ даро́шку нашла́.
Хто е́ту нуть—даро́шку тари́л?
Маладо́й па́рянь кы дéвушки хади́л,
Биз ращёту зла́та, сéрибра наси́л,
Биз абма́ну красну дéвушку люби́л.

Варіант: Ни вяля́ Ма́шы на у́лицу хади́ть,
Ни прика́завають мало́ччика любить.
Ты люби́тяль, друх, ты люби́тяль дарагóй,
Ни пачю́ствай любви́ никако́й,
Какава́ любов на свéтя гаряча́!

—

Вячёр Ма́шычку пабили за друшка́,
За тако́ва, за вдало́ва малатца́,
За тако́ва Иваню́шу падляца́.
Ни магла́ Маша́ пабо́яв пиранéсть;
С' тех пабо́яв здéлалась бальна́,
На бальна́, бальна́, бальна у пастéлюшку слягла́.
У пастéли три надéлюшки ляжа́ла,
На чятвёртаю (а)здара́вливать ста́ла,
На пя́таю ва зялёнай сат пашла́;
Ва зялёнам саду́ даро́жынькю нашла́.
Знаю́, знаю́, хто даро́жынькю тари́л:
Халасто́й па́рянь, па́рянь к дéвушки хади́л,
Многа зла́та, многа сéрибра наси́л,
Биз ращёту кра́сных дéвушак дари́л,
Дари́л, дари́л, по́сля пла́кал, галасил.

82.

Катю́шка Катяри́нушка!
Нихто́ Ка́тю ня лю́бя,
Нихто́ за́муш ни бирé;
Адин Ва́нька палюби́л,
Башмаки́, чюлки́ купи́л,
Хадачка́ми надари́л,

Digitized by Google

Я па тра́вки ишла,
На бел-ка́мушик ступи́ла,
Сахъян башма́к праламила,
Чюло́к бе́лай абваля́ла;
Мне ня жа́ль башмака́,
А жаль бе́лава чюлка́;
Чюлок бе́линькай,
Дружо́к ми́линькай!
Ни хадила и я за ним,
Ни гля́де́ла и на няво́;
Ды глаза́ май глядя́,
Палюби́ть яво́ вяля́.

83.

Кама́рь с му́хай ни в ладу́:
Аткуси́л му́хи галаву́;
Пакати́лась галава́
Пат зад'ніи варата́.

—

Па у́лицы грамата́:
Жана́ мужа прадала́;
На пи до́рага взяла́ —
Всяво́ то́лькя два рубля́.
— Я за то яво прадала́,
Што ла́пти сплёл кашали́,
Або́рачки, — кык гужы́;
Наси́, жана́, ни тужы́!
Уш я сама́ табе угажу́:
Сашъю́ табе руба́ху
Ат то́нкава халаста́ —
Из дярю́жнава палатна́.
Наси, мой муш, ни тужы́,
Па пра́з'ничкам гадавы́м,
Па я́рманкам па бальшы́м!

Ср. вар. N 51.

84.

А я по́ саду хади́ла,
Па зилёнаму гуля́ла;
Я всё я́гатки срыва́ла
Я зре́лаи ва стака́н;
А зилёнаи в друго́й.
Я зре́лаи — ба́тюшки,
А зилёнаи свёкрушки.
Свёкрушка ба́тюшка!
Ня гне́вайся на мине́,
Што ягада́ зиляна́;
Низго́душка заняла:
То и дош, то и сне́х,
То мяте́лица мяте́,
То лю́тан марозы,

85.

Бра́вая Настасья
Бяли́лася, румяни́лася,
Чёрны бро́ви навади́ла,
На у́лицу выхади́ла,
К сабе́ гасте́й зазыва́ла,
Па ла́вачкам рассажа́ла;
Сама́ се́ла на скаме́йкю,
Заигра́ла ва жыле́йкю.
Супрати́ друшка́ Ивана
Стака́н мёду налива́ла,
Надпаси́ла, галаси́ла:
Вы́пяй, вы́пяй, дружо́к Ва́ня!
Я ня пью́, ня пью́, Наста́сья!
Надамно́й — горя — нисчя́сты
Ой ма́лаи рибя́та
Пасяди́ли Ваню в са́ни,

Digitized by Google

Павязли́ Ваню катати
Чиряс Пи́тяр—гарадо́чик,
Паста́вили ва стано́чик,
Закрича́ли: „ло́пай мы́ла!“
Яво ма́тюшка завы́ла,
Ана вы́ла, галаси́ла,
Палате́нчика прасі́ла:
Ой, дайтя палате́нца —
Вани з го́ря утире́тца! —
Ой, да́йтя аллянбо́п —
Яво лицо́ румяно́!

Опечатки в хороводных пѣснях.

№ пѣсни	напечатано:	должно быть:
1	шуту́ли	шути́ли
—	Пзано́шичка	Ваню́шичка
—	тёмный	тёмпай
8	Дуна́ты	Дуня́шы
9	На го́ри	На го́рки
—	У гнёздушки	У гнёздушку
11	Ча́стями	Ча́стами
15	са́нушок	са́нушак
17	сире́бриная	спре́бриная
19	пару́т'ичка	пару́т'чика
24	Либа ста́раму, ма́ламу	Либа стараму, али маламу
27 послѣ	27 стиха д. б.:	
	За сядуя бародушку,	
	Ста́рай муш — пагуби́тяль мой	
	Пагуби́л маю гало́вушку	
30	пос'вистал	пас'виста́л
32 послѣ	10 стиха д. б.:	
	Чюжаму́жная жана́ —	
54	уб'дава́й	уз'давай
56	спать	стань
59	распрема́шивал	расприма́шивал
64	Бра́тяд	Бра́тяц
68	ны ла́вачки	на ла́вачки

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО СЛОВ
О НОВѢЙШЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНІИ ЯЗЫКОЗНАНІЯ.

(*Окончаніе*).

Я посвятил уже нѣсколько страницъ замѣчаніям об **афазіи** и **аграфіи**, представил общую характеристику и классификацію этих явленій (по **Кусмаулю**); но, пока еще, не касался самаго важнаго для нас вопроса:

„чѣм обусловливается различіе **частных симптомов** одних и тѣх же видов афазіи или аграфіи? не зависят ли они (эти симптомы) от **спеціальной локализаціи** пораженія в той или другой группѣ клѣточек даннаго центра?...“

Вопрос этот приходится рѣшить утвердительно; в том смыслѣ рѣшает его, по крайней мѣрѣ, проф. **Штрицкер**, к гипотезѣ котораго я и перехожу теперь [1]).

По этой **гипотезѣ**:

1. для каждаго звука (нашей рѣчи) предполагается в **фоно-моторной сферѣ** мозга **спеціальный центр** [2]), соединенный с другими подобными же центрами тысячами нервных волокон;

2. иннерваціею (возбужденіем) моторных центров обусловливается не только наша громкая рѣчь, но и мышле-

---

[1]) Studien über die Sprachvorstellungen, Wien. 1880. 8° 104.

[2]) Собственно говоря, Dr. Stricker допускает особые **психо-моторные** центры не для каждаго звука в частности, а для каждой **артикуляціи** вообще: выраженіе Lautcentren он употребляет вм. Centren für Lautbildung — только для краткости (Studien, 32—33. 34[1]). — Стало быть и по его мнѣнію — также как и по Techmer'y (Phonetik, I. 210—15) — каждому звуку языка, каждой **фонемѣ**, соотвѣтствует в мозгѣ извѣстная опредѣленная **группа** „артикуляціонных центров“...

Digitized by Google

ніе с помощью слов и чтеніе в умѣ, и пониманіе рѣчи другихъ.

Вот наблюденія и выводы, на которых основано ученіе Dr. Stricker'a.

1. Произношеніе каждаго звука непремѣнно сопровождается извѣстным ощущеніем в (дѣйствующих) органах рѣчи. Это ощущеніе замѣтно, именно, в самом началѣ произношенія, и Stricker называет его Initialgefühl.

2. Представленіе (Vorstellung) о том или другом звукѣ нераздѣльно ассоціируется в „сознаніи“ (Bewusstsein) говорящих с соотвѣтствующим ему „начальным ощущеніем“ (Initialgefühl).

3. Начальное ощущеніе локализируется всегда в мускулярных частях органов рѣчи.

Всѣ эти положенія читатель в состояніи провѣрить непосредственным опытом. Произнесите, положим, согласные m, p, b; d, t; g, k — сначала громко, затѣм шопотом, наконец попробуйте представить себѣ в умѣ эти звуки (звуки, не буквы!), как при открытой, так и закрытой полости рта — и вы замѣтите:

а) что звуки m, p, b и их представленія сопровождаются ощущеніем в (обѣих) губах: при m это ощущеніе локализируется, по преимуществу, в наружной части губ, при p — во внутренней (задней); при b — оно замѣтно по серединѣ. — Если полость рта открыта, вы испытываете ощущеніе в каждой губѣ порознь.

б) При d, t и g, k — так как здѣсь участвует только один „мускульный“ орган — ощущеніе будет простое; в первом случаѣ (при d, t) оно сосредоточится в концѣ языка, в послѣднем (при g, k) — в его основаніи.

Все, что сказано здѣсь об отдѣльных звуках, касается, понятное дѣло, и цѣлых слов, как звуковых комплексов, т. е. что мышленіе с помощью слов непремѣнно сопровождается рядом „начальных ощущеній“, соотвѣтствующих звукам, из коих они (эти слова) состоят. Это положеніе подтверждается:

Digitized by Google

1) как непосредственным опытом (наблюденіями над самим собою);

2) так и косвенными доказательствами:

I. Представленія слов, как мы увидим ниже, не есть сенсорныя ощущенія ни слуховыя, ни зрительныя (о других чувствах здѣсь и говорить нечего);

стало быть, они могут представлять одни лишь моторныя ощущенія. И дѣйствительно:

II. новѣйшія патологическія изслѣдованія констатируют:

а) с одной стороны независимость сенсорных и моторных центров в мозгѣ;

б) с другой — совпаденіе пораженія моторных центров мозга с разстройством рѣчи (афазією и аграфією).

Итак, нужно предположить, что „начальныя“ ощущенія, на которых основаны наши „представленія“ звуков и слов языка, состоят в иннервации извѣстных моторных центров и передачѣ их импульсов (посредством периферических нервов) мускульным органам рѣчи. — В сущности, эти импульсы тождественны с тѣми, которыми сопровождается настоящая (громкая) рѣчь человѣка. Все различіе здѣсь в большей или меньшей интенсивности толчков в том и другом случаѣ: при мышленіи с помощью слов — толчки слабѣе, без (видимых) послѣдствій, во время рѣчи они сильнѣе, что и обусловливает (в этом случаѣ) настоящія движенія говорильных органов. Механизм произношенія и представленій звуков, стало быть, понятен... Спрашивается только: каким образом импульсы звуков соединяются в представленія слов и какое устройство фоно-моторных центров в мозгѣ предполагает эта функція?...

Образуются-ли у нас в мозгѣ „слова“ на подобіе того, как воспроизводит их письменный апарат, т. е. представляют ли они результат совокупнаго дѣйствія немногих сравнительно звуковых центров?

или же, напротив того, слова в нашем мозгѣ, так

Digitized by Google

сказать, уже „набраны“ и каждому из них соотвѣтствуют здѣсь отдѣльная группа нервных клѣточек и волокон?...

В послѣднем случаѣ пришлось-бы допустить, что для каждаго звука у нас имѣется столько же центров в мозгѣ, сколько раз этот звук попадается во всѣх словах доступных нам языков. Подобное предположеніе a priori уже невѣроятно. И в самом дѣлѣ,

1) оно не только не находит ни малѣйшей поддержки в результатах микроскопических изслѣдованій головнаго мозга;

2) но даже прямо противорѣчит нѣкоторым обще-извѣстным фактам патологіи рѣчи.

Значит, мы должны остановиться на первой гипотезѣ, по которой для каждаго звука предполагается лишь один фоно-моторный центр, соединенный с другими подобными же центрами тысячами нервных волокон. Благодаря такому множеству связей (соединеній) между отдѣльными центрами для звуков, возможно существованіе особых (до извѣстной степени) путей в мозгѣ для каждаго слова. Вы произносите или представляете себѣ в умѣ слова pater (лат.) и Peter (нѣм.) и у вас в обоих случаях иннервируются один и тѣже центры p, t, e, r — но каждый раз иннервація описывает (в общем) другой путь, пробѣгает или совсѣм другія нервныя волокна, или тѣже самыя, но в другом направленіи, в другом порядкѣ.

Тотже самый процесс иннерваціи фоно-моторных центров в мозгѣ повторяется и при чтеніи, и в то время, когда мы слушаем рѣчь других; без участія этих центров невозможно (вообще) пониманіе рѣчи ни письменной, ни устной. Вот как Stricker смотрит на эти процессы.

А.) Мы видѣли уже, что громкая рѣчь и мышленіе с помощью слов всегда предполагает иннервацію извѣстных фоно-моторных центров и соединяющих их путей, и что различіе между тѣм и другим процессом чисто-количественное, состоит в бо́льшей или меньшей интенсивности самих импульсов. Собственно говоря, громкая рѣчь

Digitized by Google

представляет только частный случай мышленія с помощью слов — продолженіе и усиленіе послѣдняго процесса: каждому, громко произнесенному слову, стало быть, неизбѣжно предшествует в нашем умѣ моторное его представленіе.

В.) Моторными представленіями слов сопровождается всегда и чтеніе в умѣ. Зрительныя впечатлѣнія, которыя мы получаем при чтеніи, переносятся, распространяются из оптическої (сенсорної) сферы мозга на фоно-моторную, и иннервируют соотвѣтственные ея центры: другими словами — такія то сенсорныя представленія букв вызывают в нашем умѣ (перерождаются в) такія-то моторныя представленія звуков и их начальныя ощущенія (Initialgefühle). Правда, в большинствѣ случаев мы вовсе не замѣчаем присутствія этих ощущеній во время чтенія, но, что они в самом дѣлѣ сопровождают его, в этом убѣдиться не трудно: стóит только вспомнить, воспроизвести в умѣ прочитанное: оно у вас явится не в видѣ образов написаній слов, не в видѣ комплексов букв, а в видѣ моторных представленій звуков, в видѣ их начальных ощущеній. Если-бы эти начальныя ощущенія не сопровождали в самом дѣлѣ зрительных впечатлѣній, полученных во время чтенія, если-бы они не образовывались (в мозгѣ) тогда-же, то каким образом возможно было-бы возобновленіе их впослѣдствіи, независимо от чтенія?... Итак, оптическія представленія слов, сами по себѣ, крайне неустойчивы.

С.) Та же неустойчивость, какою отличаются оптическія представленія слов, свойственна и акустическим представленіям слов. Если мы в состояніи вспомнить, рѣчь, слышанную нами раньше, то потому только, что слуховыя впечатлѣнія, которыя мы получали тогда, сопровождались рядом „начальных ощущеній“, и эти то ощущенія у нас возобновляются в данный момент. Весьма замѣчательно, что сознательное чтеніе в умѣ и в то же время пониманіе слышимой рѣчи, т. е. одновременная перцепція оптических и акустических представленій слов — невозможны, что эти два процесса исключают друг друга. С точки зрѣнія Dr. Штрикера это явленіе вполнѣ понятно, есте-

Digitized by Google

ственно даже, ибо и тот и другой процесс предполагает участіе (функцію) одной и той же сферы мозга, именно — фоно-моторной.

Само собою, что и пониманіе значенія слов (как слышимых, так и видимых) по Stricker'у возможно только при посредствѣ фоно-моторных центров.

Такова в общих словах гипотеза Dr. Stricker'a.... Оставляя в сторонѣ вопрос об отношеніи ея к господствующему ученію об афазіи и аграфіи, посмотрим насколько она примѣнима к объясненію

психических явленій языка?

Начинаю с природнаго словопроизводства, с рѣшенія вопроса: в чем состоят — с психо-физіологической точки зрѣнія — процессы ассоціаціи, адъюдеаціи и аррадіаціи?

Вы слышите извѣстное слово ABC и слышите его в первый раз: звуковая волна, воспринятая вашим органом слуха, иннервирует извѣстные центры акустической сферы в мозгѣ; отсюда иннерваціа распространяется на сферу фоно моторную (без этого, не возможно было-бы воспріятіе слова, как комплекса члено-раздѣльных звуков); но здѣсь, не находя изъѣзженных путей (слово для вас ново), и не будучи в состояніи преодолѣть иннерціи молекул той или другой (первой) клѣточки, того или другаго (первнаго) волокна, иннерваціа разряжается по сосѣднему, болѣе доступному пути и вот: вм. (ожидаемаго) ощущенія abc вы получите ощущеніе abd; вмѣсто неуловимаго для вас слова ABC вы невольно произнесете другое (близкое к нему и извѣстное вам уже) слово ABD. — Это случай ассоціаціи.

В случаѣ аррадіаціи неправильное распространеніе нервной волны на тот или другой фоно-моторный центр отразится не только в ложном воспроизведеніи даннаго слова в рѣчи; но повлечет за собою иннервацію апперцепціонных (интеллектуальных) центров, находящихся в связи с фоно-моторным центром, затронутым случайно, и возбудит в умѣ говорящих ряд новых представленій; значит,

Digitized by Google

измѣнится и видъ слова и смыслъ его. — Измѣненіе одного лишь значенія слова, или т. н. **адъюдсація**, предполагаетъ уже другой психо-физіологическій процессъ. В этомъ случаѣ иннервація какой нибудь группы фоно-моторныхъ центровъ ab, соотвѣтствующихъ слову AB, переносится, вслѣдствіе извѣстныхъ условій (напр. вслѣдствіе временной невозбудительности такого-то центра или такого-то пути) не на тѣ апперцепціонные центры, возбужденія которыхъ можно было ожидать ($a\beta$), но на какой нибудь другой сосѣдній центръ δ, вслѣдствіе чего с словомъ AB говорящіе станутъ ассоціировать представленіе $a\delta$ вм. $a\beta$. Можетъ случиться, что иннервація апперцепціоннаго центра δ обусловитъ в свою очередь иннервацію связаннаго с нимъ фоно-моторнаго центра d: тогда вм. AB мы произнесемъ слово AD, и у насъ будетъ дѣло уже не с адъюдсаціею, но с **аррадкаціею**. Если „народное словопроизводство" сказывается только в правописаніи слова, это значитъ, что движеніе первной волны по извѣстнымъ путямъ и центрамъ фоно-моторной сферы мозга вызвало в оптической сферѣ не тѣ образы буквъ, какихъ слѣдовало ожидать в данномъ случаѣ, а другіе, родственные; результатомъ этого будетъ перемѣна координаціи движеній при написаніи даннаго слова, перемѣна его орфографіи...

С точки зрѣнія теоріи **Куссмауля** всѣ эти процессы объясняются немного иначе; различіе это обусловлено тѣмъ, что Куссмауль допускаетъ существованіе (самостоятельныхъ) акустическихъ и оптическихъ представленій словъ и спеціальныхъ для этого центровъ, в то время какъ Штрюмпель отрицаетъ и то и другое, считая всѣ представленія словъ функціею фоно-моторной сферы мозга, независимо отъ того, откуда исходитъ иннервація послѣдней.

Что касается **аналогіи** вообще (независимо отъ частныхъ ея случаевъ), то этотъ процессъ можно представить себѣ в слѣдующемъ видѣ:

Существуютъ в языкѣ двѣ формы (или что тоже, двѣ группы формъ типа) ABC и ABD; каждый разъ, когда говорящій воспроизводитъ ихъ (устно, письменно и даже мы-

Digitized by Google

ленно) — в фоно-моторной сферѣ его мозга иннервируются одни и тѣ-же центры ab и, кромѣ того, в первом случаѣ (при ABC) — центр *c*, в послѣднем (при ABD) центр *d*. Если одна из наших форм, положим ABC, будет употребительнѣе другой (ABD), если — другими словами — путь от *b* к *c* будет болѣе изъѣзжен, нежели путь от *b* к *d*, то тѣм самым даны будут всѣ условія к тому, чтобы говорящій вм. ABD произнес ABC, ибо первая волна не замедлит повернуть в *b* на путь bc, как болѣе изъѣженный и менѣе устойчивый... Итак, все что̀ говорилось выше о борьбѣ за существованіе между формами языка, о перевѣсѣ одних форм над другими — слѣдует понимать не мифически, как нѣчто дѣйствительно совершающееся в самом языкѣ, а просто как „борьбу“ между представленіями форм языка в момент их появленія в нашем сознаніи [1]): в сущности, все здѣсь сводится к чистому механизму, к большей или меньшей инерціи молекул первых волокон и клѣточек, функціею которых и являются данныя представленія...

Так как случаи перемѣщенія морфологических узлов слова представляют в сущности частный вид аналогіи, то о них особо говорить здѣсь не стану. Замѣчу только, что перемѣна чутья языка (Veränderung des Sprachgefühles), какую предполагает этот процесс — это перемѣна в самом воспріятіи того состоянія нашего мозга, от котораго зависит его возбудительность и слѣд. быстрота появленія наших представленій [2]).

---

[1]) Но мѣсто здѣсь объясненіям... Впрочем, ссылаюсь на Г. Тэна, De l'intelligence, Paris. 1878. I². 138.

[2]) Итак, я отожествляю чутье языка, Sprachgefühl, с тѣм, что̀ Dr. Stricker (в своих Studien über das Bewusstsein, Wien. 1879. p. 64) называет Stimmung: „Der Stimmung liegt kein specifischer Process zu Grunde, wie etwa den Qualitäten der Empfindung und Gefühle. Die Stimmung resultirt aus einem Zustande des Gehirns, der allen Vorstellungen zu Grunde liegen muss, oder anders ausgedrückt: Stimmung ist das Wahrnehmen eines Zustandes des Gehirns, eines Zustandes,

Digitized by Google

Дифференцированіе с точки зрѣнія психо-физіологіи представляется так: двѣ группы фоно-моторных центров *ab* и *mn* (соотвѣтствующих формам или словам языка AB и MN) находятся в связи с апперцепціонными центрами $\alpha\beta$ и $\mu\nu$, но так, что иннервація, исходящая от одного из этих центров (ab или mn), может безразлично распространиться на оба центра $\alpha\beta$ и $\mu\nu$. Допустим, что, вслѣдствіе каких-нибудь временных условій, путь от ab к $\mu\nu$ „недоступен“; тогда первая волна из ab будет разряжаться только по пути от *ab* к $\alpha\beta$,—путь сдѣлается болѣе „изъѣзженным“ и, стало быть, будет иннервироваться (исключительно) даже тогда, когда причина невозбудительности пути от *ab* к $\mu\nu$ будет устранена. Результатом этого процесса явится функціональное дифференцированіе слов AB и MN — спеціализація значенія слова AB в сравненіи с MN.

И здѣсь, значит, **психическое явленіе языка** сводится:

с точки зрѣнія психологіи — к условіям ассоціаціи представленій;

с точки зрѣнія физіологіи — к бо́льшей или мень-шей возбудительности извѣстных центров (и путей) нашего мозга.

Основное тожество всѣх психических явленій языка даст нам возможность привести их в одну общую систему. Первый опыт такой системы — правда далеко неудовлетворительный — читатель найдет в прилагаемой таблицѣ. Один из весьма существенных ея недостатков состоит в том, что подраздѣленіе аналогіи на эндоглоттическую и экзоглоттическую примѣнено только к аналогіи прогибативной, между тѣм как слѣдовало его примѣнить и к аналогіи продуктивной.

---

von dem die Leichtlichkeit der Erregung und so mit die Leichtigkeit abhängt, mit der die Vorstellungen auftauchen. Unsere objectiven Erfahrungen aus Thierversuchen gestatten uns, diesen Zustand kurzweg als den der leichteren Erregbarkeit zu bezeichnen“.

Digitized by Google

Случаи и той и другой эндоглоттической аналогіи приведены выше.

Примѣром экзоглоттической прогибитивной аналогіи может служить нѣм. Kukuk („кукушка"), — слово, которое нарушает звуковыя законы языка, вслѣдствіе ономатопеи, то есть, благодаря вліянію самого предмета, которому служит названіем.

Как на случай экзоглоттической продуктивной аналогіи можно-бы указать на литовское kaĩkalas (=*kalkalas) — если только оно дѣйствительно заимствовано из рус. колокол [1]). И в самом дѣлѣ, не производит-ли слово kaĩkalas впечатлѣнія ономатопеи?...

В заключеніе еще один вопрос: как смотрѣть нам, поборникам психологическаго направленія языковѣдѣнія, на нашу науку? Должны-ли мы, слѣдуя Шлейхеру, Максу Мюллеру [2]), Овсяку [3]) и др. — считать ее естественною наукою, или-же, вмѣстѣ с Штейнталем [4]), Фридрихом Мюллером [5]) и Уйтнеем [6]) — отнести ее к группѣ наук исторических?

На этот вопрос я отвѣчу словами Г. Остгофа [7]) языковѣдѣніе в настоящем его видѣ нельзя включить всецѣло ни в тот, ни в другой отдѣл человѣческих знаній: оно одинаково принадлежит им обоим, каждому из них...

---

[1]) Cp. Brückner, Litu-slavische Studien. I. Die Slavischen Fremdwörter im Litauischen, Weimar, 1877, p. 89[12].

[2]) Наука о языкѣ, I, 1—20.

[3]) La linguistique, Paris. 1877[2], pp. 1—9. cf. de la Calle, La glossologie, Préface, I. pp. III—X.

[4]) Abriss der Sprachwissenschaft, I[2]. 36—44.

[5]) Grundriss der Sprachwissenschaft. I, 1. Einleitung. Wien. 1876. pp. 10—16. §§ 5, 6.

[6]) Die Sprachwissenschaft. Vorlesungen, pp. 50—102. La vie du langage, pp. 255—262.

[7]) Das physiologische und psychologische Moment in der Sprachlichen Formenbildung, pp. 46—47.

Digitized by Google

Ассоціація форм языка

- Прогибитивная, обусловленная причинами, лежащими:
  - в самом языкѣ, эндоглоттическая аналогія.
  - внѣ языка, экзоглоттическая аналогія.
- Продуктивная
  - без перемѣщенія морфологических узлов слова
    - Ассимиляція
      - пропорціональная, с преобладающим вліяніем отношеній:
        - количественных (интеграція), аналогія
        - качественных (дезинтеграція), дифференцированіе
      - серіальная, основанная на рядах представленій:
        - субъективных (народное словопроизводство)
        - объективных (аналогія)
          - прогрессивная
          - билятеральная
          - регрессивная
        - и тѣх и других (коррелятивная аналогія)
    - Контаминація
      - отдѣльных форм
      - групп форм (альтернативная к.)
  - с перемѣщеніем
    - Абсорпція
      - Абсорпція
      - Аффигація
    - Секреція
      - Секреція
      - Экскреція

Август—Октябрь 1881.

Карл Анцель.

Digitized by Google

О НѢКОТОРЫХЪ РУКОПИСЯХЪ НАРОДНОЙ БИБЛІОТЕКИ ВЪ БѢЛГРАДѢ.

Въ концѣ прошлаго года Народная Библіотека въ Бѣлградѣ получила небольшое собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ, пріобрѣтенное для сербскаго правительства бывшимъ нашимъ консуломъ въ Призрѣнѣ, г. Ястребовымъ, отъ учителя въ Скоплѣ г. Хаджи Іордана.

Эти рукописи ни кѣмъ еще не были разсмотрѣны. Одну изъ нихъ — Рукопись сербскаго деспота Стефана Лазаревича 1421 года — я описалъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ за нынѣшній годъ. Представляю описаніе еще нѣсколькихъ рукописей этого собранія, любопытныхъ по языку или по содержанію, болгарскаго и сербскаго письма.

I. Рукописи болгарскаго письма.

1. Пергаменный листъ in f° *Евангельскихъ и Апостольскихъ Чтеній*, писанныхъ въ Срѣдцѣ (Софіи) при митрополитѣ Іоаннѣ и при царѣ Михаилѣ Асѣнѣ въ 1329 г. Сохранился только послѣдній листъ, на которомъ находится послѣсловіе и (на оборотѣ) перечень Евангельскихъ и Апостольскихъ Чтеній. Сообщаю послѣсловіе, строка въ строку и буква въ букву [1]):

[1]) Выраженія, слова и буквы, напечатанныя курсивомъ, писаны въ рукописяхъ киноварью. Черта — обозначаетъ новый листъ, об.—оборотную страницу листа.

Digitized by Google

Скончаша сѧ апⷭли и суⷭлиⷣ литоурги
ица. а гласи же ѡсмогласны. и оутръ
нѣ ієⷭулиⷣ. дръжать до патиⷦ недѣля
поста. да аще не достанеть суⷭлиⷣ оутрь
ницъ. или гласовь. до патиⷦ неⷭ. но па
кы запдн такожде на лⷭурги. аще не
достанеть апⷭль и суⷭлиⷣ. до поста
то паки запдн. занебо многажди слꙋ
чит сѧ далече быти пасцѣ. и паки
ѡ пасхы ꙗказано ти єсть. до неⷭля всѣ
хь сѣхь. ѡ всѣхь сѣхь дрьжи порадомъ
тѣмъ. и тако ѡбходатса гⷭсове.
и суⷭлиⷣа ѕьєкрⷭнаⷭ. и апⷭли и суⷭа. литоу
ргиица. ѕъсегодиице·:·

Хⷭ начало и конець. слⷭ съврꙋшителꙋ
бо҃ꙋ въ вⷭ҃. амⷭ҃. писаша сѧ книгы сиⷦ
гⷭемыⷦ суⷭлиⷭ. помощиⷦ бо҃жиⷦ и прѣ
чⷭтыⷦ влⷭиⷦ иⷭиⷦ бⷭⷢ. и повелѣниемъ
всⷭѡсⷭщенааго митрополита ꙗѡапа. емꙋ
же нарекошⷦ книгы сиⷦ. да ѡци и пⷭо
во и дпакони. исправлѣще чⷭтⷭте. а не
злословите. иⷦ паче блⷭвите. и помѣⷭте
митрополита ꙗѡаⷭ. писаса сиⷭ суⷭв въ
сⷭѣи софи. митрополи срѣдечⷭкои. при
митрополиⷭѣ Иѡанѣ и при цⷣи Михаилѣ
Асѣни·:· влѣⷭ. ѧ҃ѕ. ф҃. лѯ҃. ѕидк҃. вⷭ҃·:·

Въ 1329 г., когда писана эта рукопись, болгарскимъ царемъ былъ *Михаилъ*, сынъ видинскаго памѣстника Страшимира. Онъ былъ возведенъ на престолъ Совѣтомъ бояръ по смерти Георгія Тертерія II, въ 1323 г. Первою его женою была Неда, дочь сербскаго краля Милутина. Въ битвѣ съ братомъ ея, Степаномъ Дочанскимъ, на Добрическомъ полѣ, близь Топлицы, у рѣки Моравы, въ 1330 г. погибъ Михаилъ.

Имя срѣдеческаго (софійскаго) митрополита *Іоанна* первый разъ встрѣчается въ этой рукописи. Изъ Срѣдеческихъ митрополитовъ времени втораго болгарскаго царства (1203—

Digitized by Google

381 г.) извѣстны только слѣдующіе: Діонисій, Даміанъ, еонтій, Дометіанъ и Пароеній (*Голубинскій*, Очеркъ православныхъ церквей, стр. 99).

2. Пергаменная рукопись въ 4-ку, безъ начала и конца, XIV вѣка; сильно попорчена; писана уставомъ; содержитъ *Евангельскія Чтенія*; найдена въ селѣ Битиньи сприпнической жупы приштинскаго округа. Языкъ представляетъ смѣсь болгарскаго съ сербскимъ; есть остатки старины.

— Носовые звуки рѣдко употребляются правильно и не јотируются: гл҃ж = глаголѭ, ѹготоваѫ, вл҃кож, собож; замѣтна склонность къ замѣнѣ ѫ҃ ѧ҃: вь ѿрадѧ, осѧжнь, вьскѧѧ, свѣтльствоваха, гл҃ха, гл҃ѧ (= глаголѭ), Илиѧ, гѧбѧ, сь мноѧ; часто ѫ замѣняется ь҃: бьдьть = бѫдеть, бѫдьть = бѫдѫть, придьть, дивлахьсѧ, грѧдьщимь, разьгньвь, сьмьщасєтсѧ, гл҃ахь = глаголахѫ, зьбомь; иногда ѫ переходитъ въ *у*, а ѧ въ *е* (сербизмъ): ид*оу*, поимѹ, вь т'мо*у* кромешно*у*,—мл҃*е*, гл҃*е*, исходещихь, девєтиѧ.

— Ъ употребляется весьма рѣдко (къ немоу, ѡслаб҃ленъ, Капер҃инаѹмь!), а иногда замѣняется ѫ — ѧ (сѫимище—сѧимище); ь господствуетъ: ѡтрокь, чл҃кь, вьстокь, западь, изь ѹсть, сьтникь, стльпныка, азь, вамь, тькмо, вьзьпы, велыємь, ѿвѣщавь, кь ѿцоу, подь, рекль.

— Смѣшиваются твердые и мягкіе слоги: ѡбытели, пленыкомь, стльпныка, велыємь, вьзьпы, толикы вѣри, ѿ шестиѧ годинн — до девєтиѧ годины, тма, по всеи земы, хоулаше.

— Смѣшиваются *ѣ* и *е*: место, тебе, кь себе, ицеле (изцѣлѣлъ), зрещи, идеже,—идѣть, придѣть, помѣни.

— Є замѣняется иногда ѧ (бѫдѣтѧ, вьшадшоу, пришадь, папаѩшѧ) и *и* (скрьжить). Въ словѣ *єндиктоу* обратная замѣна (*е*=*и*).

— Двойственное число употребляется какъ въ именахъ, такъ и въ глаголахъ: ѿ обѣшенож злодею, вь ѹшию вашию,—делаєвѣ, вьсиримевѣ, ѡчи бѣѩшете зрѣщи на нь.

— 1 л. мн. наст. на *о*: вѣмо, можемо.

Для образца правописанія и языка приведу нѣсколько отрывковъ.

Digitized by Google

На первомъ сохранившемся листѣ читаемъ:
Вь пе҃к 2 не҃ су҃с ѡ ѡа҃ гл҃а р.к.ѯ.
Ре҃ гѣ своимь ученикомь да
не съмыщаєтєа ср҃дце ваше.
вѣроуте вь бг҃а и въ мл
вѣроу
ите. вь домоу ѡца моего мно
го ѡбителі сѫть. аще ли же
ны рекль бы вамь ико идоу
кь ѡцоу и уготоваж место
вамь. паки придоу и поим҃
ви кь себе да идѣже єсмь
азь и вы бѫдѣте. имо же
азь идоу вѣсте пѫть. гл҃а
смоу Ома. Гі҃, не вѣмо ка
мо идеши како можем҃ пѫ
ть
(продолженія нѣтъ: листъ
оторванъ).

2.

Пе҃ й: су҃с ѡ Ма҃и.
В ѡ҃ прѣ҃. вышадшоу. іс҃ви.
вь
Капер҃наумь. и приступи
к҃ немоу сотникь. мл҃е и гл҃е
гі҃. ѿтрокь мои лежитъ вь до
моу ѡслаб҃ленъ. люте ико
страж҃еть. гл҃а смоу іс҃ь.
азь пришадь исцѣли и. ѡв҃
щавь смоу сотникь и р҃е гі҃.
шєсмь достоѭнь. да вь дом҃
мои вышдеши. нь тькмо
рьци словомь. и исцѣлѣть
ѿтрокь мои. ибо азь чл҃кь
с҃ь
подь вл҃кож. имає подь со
бож воини. и гл҃а сѣмоу ши
и идѣть. и дроугомоу при
ди. и придѣть. и рабоу м҃ск҃
сътвори. и сътворить. слы
шавь же іс҃ь и дивоєя смоу.
и р҃е градьщи҃м по нем҃.
амі҃нь гл҃ж вамь. ни вь ил҃и.
толикы вѣри не ѡ҃рѣтохь.
гл҃ж же вамь ико мнозі
ѡ вьстокь. и ѡ западь при
дьть. и вьзлегѫть сь Авра
момь. Исакомь и Іаковомь
вь цр҃ьствіи небе҃снемь. а сі҃и
во цр҃ьствіи изьгнани бѫд
ть. вь т҃моу кромѣшноу.
и тоу бѫдеть плачь и скр
жить зьбомь. и ре҃ іс҃ь съ
шкоу ши ѥкоже вѣрова
и бѫдеть тебе. ищело ѡтро
кь ег҃ вь тои ча҃.

3.

Мц҃ѕ се҃мр҃бр҃а. нача
тоѥ єндиктоу повоу лѣты.
Нама҃ пр҃по҃бнаго. спмєѡна
стлынника. и великомоу
пиемоу. и стѣмь. су҃с ѡ ау҃
гл҃а (ш)
В ѡ҃ вр҃. придє іс҃ь вь Назар҃
оѫ. идѣже бѣ вьспито
нь. и виде же по ѡбичаю
своємь вь днь сѫботны
вь сжнмище. и вьста ч҃ть.
и вьдаша смоу книги. иса
на пр҃рка. и разгнувь кни

Digitized by Google

гы. и ѡбр҇те мѣсто. идеж҇
бѣ написано. дх҃ь гн҃ь на
мнѣ. єгоже ради помаза
ме. благовѣсти намь.
посла ицѣлити ськроу
шениѫ ср҇цемь. пропове
дати плєнькомь. ѿпоу
щениє. и слѣпимь прозре
ниє ѿпоусти. ськроуше
ные вь ѿрада. и пропов҇
дати лѣто г҇не приєтова
и сьгнѫвь книгы. и вьда
вь ѧ слоуѕѣ сѣде. и вьсѣ
мь вь сѧнмищи ѡчи бѣ
ѩщете зрещи на нь. на
че же гл҃ати кь нимь. ѩк҇
дне҇ сьбы҇се писаноє се
вь ѹшию вашию. вьси свѣ҇
тльствоваха ємоу. и ди
влахьсѧ ѡ словесехь бла
годати исходещихь изь
ѹсть єгѡ.

4.

Єдинь же ѿ ѡбѣшено
ѫ злодею. хоулаше и гл҃е. аще
ти єси х҇ь сп҇и сѧ самь. и ны.
ѿвѣщавже дроугы. пр҃щ
ше ємоу гл҃е. и или ты боиш
сѧ бг҃. ѩко вь томже осѧж
нь єси. и вѣ оубо вь правд
д҇онна бо. ѩже деласвѣ. и
вьспримевѣ. а сеи ничесо
же зла створи. гл҃аше ісви
помѣни ме гн҃ єг҇а приде
вь цр҇тви си.
рч҇ ємоу іс҃ь ам҇ь гл҃ѧ тебѣ
дне҇ сь мноѧ бѧдеши вь раи.
ѿ шестиѩ години тма бы҇
по всеи земы. до дѣветиѧ
годины. при девєтѣи годі
нѣ. вьзьны іс҃ь гла҇омь ве
лиємь, гл҃е. єли єли єлма
завахтени ны. єже є҇ бг҃
мои. бг҃ мои. вьскаѧ мѧ
єси оставиль. єтери же
ѿ стоѧщихь тоу слыша
вша гл҃ахѧ. ѩко Илиѧ зо
веть сеи. абиє текь єдинъ
ѿ нихь. и приємь гѧбѧ.
испльнь оцта. и вьзиѧ
зы на кр҇ть. и напаиша і
а прочи гл҃ахь. остани и
ви҇мь. аще придеть Илиѧ.
сн҇етли єго. онь же приємь
копиє и прободѣ єм҇ ребра.
и изыде вода и крьвь. пісь
же вьзьнивь гласомь ве
лиємь. и испоусти дх҃ь.

3. Пергаменная рукопись въ листъ, въ два столбца, безъ начала и конца; въ серединѣ и въ концѣ вставлены бумажные листы, исписанные позднѣйшею рукою; изъ Печьской нахіи; содержитъ *Октоихъ*; есть молитвы о дарованіи побѣды надъ врагами „вѣрному царю нашему (болгарскому)“, подъ которымъ, вѣроятно, слѣдуетъ

Digitized by Google

подразумѣвать *Александра* (1332—1371). По правописанію и языку эта рукопись сходна съ предыдущею.

— Твердые слоги смѣшиваются съ мягкими: *июдѣе*, *мирю*, *чистиѧ*, *чюдо*, *вса*, *заклань*, *ведень*, *всѣкь*, *свѣтильникь*, *мислнаго*, *потрѣбиль*, *бивахѧ*.

— ъ вовсе не употребляется: онъ постоянно замѣняется ь^ем^; напр.: *ѧзыкь*, *нашь*, *вьсхотѣвь*, *прѣбиваемь*, *апостоломь*, *вь гльбине*, *намь*. Въ предлогахъ ъ иногда опускается: *к тебе*, *с тобою*.

— Носовые смѣшиваются, ѫ употребляется рѣдко, а обыкновенно замѣняется ѧ^м^; встрѣчается переходъ ѫ въ у, ѧ въ е: *пригвоздишѫ*, *волеѧ*, *силоѧ своеѧ*, *победѧ*, *имѧще*, *орѧжие*, *не побѣдимѧ победѧ*, *силою крьстноѧ*, *вашѧ намѧт*, *прибѣгаѧще*, *молѧ ти сѧ*, *безмѧжьниѧ*, *бивахѧ*, *силѧ*, *отнѧдь*, *бѧдѧщѧѧ*; — *силою*, *соущеѫ*, *твореще*, *благодареще*, *ме*, *любеще*, *приешѧ*. Въ словѣ *гльбина* ь вмѣсто ѫ, а въ словѣ: *прѣсьхьшѧѧ* ь вм. у. Иногда неправильно употребляется ѧ вмѣсто ꙗ: *вьпиѧти*, *прѣобрѧженѧ*.

— Ѣ встрѣчается часто вмѣсто ꙗ: *вѣрнаго царѣ нашего*, *ѣко*, *всѣкь*, *ѣвихьсѧ*. Также часто употребляется е вм. ѣ: *деꙗниемь*, *победѧ*, *видевь*, *вь гльбине*.

— Глухой выговоръ сохранился при *р* и *л*: *на кресть*, *крьстноѧ*, *тврьдѣ*, *мрьтви*, *ꙋмрьщьвльшесѧ*, *вьпльщенсѧ*.

Для образца правописанія и языка приведу слѣдующіе отрывки.

Сѣ^д^. гл^с^. д. На кр^с^тѣ тѧ
пригвоз'ишѫ. июдѣе
сп^с^е мои. иже ѿ ѧзыкь
призва х^с^е бе҃ нш҃ь. про
стри длани свои на не
мь волеѧ. копиемь
рѣбра своꙗ вьсхотѣ
вь пробости. прѣмно
гими щедротами свои
ми. х^с^е бе҃ слава тебе ·:·
Вьзносиеѧ на кр^с^ть воле
ѧ. тѧзномꙋ нн҃ѣ гра
дꙋ твоемꙋ. щедроти
твоѧ подаж^д^ь х^с^е бе҃ вь
зве^с^ли силоѧ своеѧ вѣ
рнаго цр҃ѣ нашего. по
бедѧ даѧ ємоу на сь
постати. пособие
имѧще твое орѧжие.
мирю не побѣдимѧ
победѧ. Силою крь
стноѧ подвигшесѧ
добрѣ. противна
го врага низложьше

Digitized by Google

тврьдѣ трьпѣниемь
вашимь. сѫи стрѣл
ци хⷭви. темь же ваш
а памⷯ вѣрни твор
еще чⷭно, осѫщаемсѧ
дѣнинемь и блгоⷯтиа
дха прѣстаго. мⷯтва
ми вашими храбри
хⷭві. о всѣмь мирѣ то
го мл҃и. Стѣна нено
бѣдима памь христи
комь сеи бі҃е чⷯтаа.
К тебо прⷣгаще не
вредими прⷯбиваемь.
и пакы сьгрѣшаще
имами та мл҃ада.
тьмьже бл҃годареще
та вьпиемь. раⷯуса о
брадованаа ѣ с тобою.

2.

Пѣⷭ. г. Ірмоⷭ. Безⷯпа
многа грѣховна
обидѣ ме вьпиати
прⷭркоу поⷯбеса ѽ
тлѣ бѣ мои вьзве
ди ме мⷯа ти са.
. . . . . .
Вѣрнаго цр҃ѣ пѣшего
оутврьди. победа
дал ємоу ико вьсе
могы па варвари
влⷯко рожⷯенса изь
чиⷭтиа безмажь
ниа мр҃е. *Ко*ⷯ. гⷭ. в.
Въскрⷭе ѽ гроба спⷭь
ико всесилень и
адь видевь чюⷯ оу
жасо сѧ. и мрьтви вь
скр҃еш.. ми бивахѫ.
и тварь видевши.
раⷯуется и адамь веⷭ
литьса. и мирь спⷭе
пост та прѣсно.

3.

Вь чеⷦ анⷭломь.
Каⷯ. глⷭ. в. пѣⷭ. й. *Ірмо*ⷭ.
Вь глѣбине потопи дрѣве
фараонска вса воинь
ства. сила прѣображе
на вьплъщенса слово.
и грѣхы потрѣбиль мⷭ
прѣславни гⷭь ико про
. . . . . .

4.

Пѣⷭ. г. Ірм҃.
Ѣко агпе заклань быⷭ.
водень хѣ мисльнаго
влка. мдовитимь гр
изѣнисмь. умерщлл
прповоде па животь.
Закопа любеще влⷯчна
мц҃и. и безакопа сѫта.
безакопень ѽнадь
уклонщеса. и умрьщьв
лщеса. и жизнь бала
щаа приѣща.

4. Бумажная рукопись въ 4-ку, сильно испорченная, писанная разными руками разнаго времени (XVI—

Digitized by Google

XVII в.); многіе листы вырваны: уцѣлѣло 342. Это—(*Сборникъ* самаго разнообразнаго содержанія. Начинается словомъ св. Аѳанасія Александрійскаго на Рожество св. Іоанна Предтечи:

Иже въ ст҃ы҃х ѿца нш҃его Аѳанасіе велика҃г архіеп҃ка алеѯан҃дрійскаго Слово на рож҃ь пр҃тче и кр҃тлѣ Іѡанна и ѡ Єлисавети и бц҃и. Благослови ѿ.

Нивоу оубо исъхшоую и звѣро҃м въ попраніе быти ѡставленоую воль ѡрательныи съ троудо҃м разбиваѫ, воз҃виже҃т гроуды, слико бо недѣлана нива врѣмѧ прѣбывае҃, толико же толико иже ѡралоу прѣ҃стожи воль къ болѣзнь-нѣиши҃м троудоо҃м прѣкланѣо выѫ, женѣ же заматорѣвшои и въ оубоа зла въпадшои, и длъголѣтны҃м врѣмене҃м ѡбетшавшои, и непло҃дство же и изнеможеніе носещи, непло҃дство҃ ѥ҃ства изнеможе не старости словомь, а не троудоо҃ иже ѥ҃ствѹ съдѣтель бж҃ слово. И тѣлесное ѡбетшаніе ѡбнавлѣеть, и непло҃дства заматореніе исправлѣеть, и свѣ҃тел҃ствѹо҃т слово ѡброучницѹ Захаріа Єлисаве҃т, не засміавшисѧ ꙗкоже Сара, но оувѣровавши, ꙗкоже Анна иже разореноо҃м оудоо҃м ꙗкоже ѡрель ѡбновисе, въспита бо ѡтроче вѣдомо до҃хвално, іѡрданскыми строуха҃м съжителѣ, въ истинѫ велика въ жена҃ Єлисаветь, ꙗко съродница сла҃нѣи дв҃ѣ, ꙗкоже слыша нн҃ѣ Гавріила къ дв҃ѣ и гл҃еща: и се Єлисаве҃т ѧжика твоа, ѡ бл҃городіе рода, ѡ бл҃гоговѣина приноса, ѡ чистоти ж҃іа (житіа), ѡ чистоти тѣле҃сне, ѡ бл҃голюбіа дш҃ѫ, ѡ миропріѫтнаго съсоу҃ѧ и т. д.

— Л. 5. Прп҃ло҃бнаго ѿца нашего Єфрема Сиріна Слово на ст҃ое х҃во Прѣѡбраж҃іе.

— Л. 11. Житіе и жизнь и почести чюде҃ сказаніе Прп҃ло҃бнаго ѿца нашего Василіа Новаго съписано Григоріѡ҃м оученикѡ҃м.

13-го листа не достаетъ, а 14-й начинается словами: ѿ тѣлесе, видѣ҃х (часто) [1]) множьство Єѳіѡ҃м около ѡ҃ра моего, млъвы творещѫѧ и мѧтежѫ. и рикає ꙗко дивіѫ звѣрѧ... (о мытарствахъ).

---

[1]) Надъ строкою.

— Лл. 31 об.—36: *„духовныя видѣнія о каждой вѣрѣ“*. Это—весьма любопытный какъ по языку, такъ и по содержанію апокрифъ: въ немъ встрѣчаемъ уже черты нынѣшняго болгарскаго нарѣчія (членъ, господство глухихъ), а описаніе стекляннаго и золотаго полей, и дивнаго града на высокомъ холмѣ, въ которомъ пылаетъ огонь не жгущій, а свѣтящій, переноситъ насъ въ доисторическую эпоху, когда сложилось представленіе неба полемъ и замкомъ, сохранившееся въ сказкахъ всѣхъ славянскихъ племенъ; поэтому считаю полезнымъ сообщить здѣсь отрывокъ этого апокрифа, съ небольшими выпусками.

Л. 31 об.

Въ тѣже нощь лежѫщѫ ми на ѡдрѣ моемь, видѣхся на поли пажитнѣ зеленѣ, иже цѣвтѣшѫ въсѣчъскоими прѣкрасними разноличноличными цвѣты, стожщоу же ми оубо тамо и веселещоусе о семь, се пріиде къ мнѣ мѣжь нѣкыи, великь вельми и добротож красень, въ ризѫ ѡблѣчень ꙗко въ снѣженѫ, дръжаше же въ рѫцѣ палицѫ желѣзнь. и приблыживсѧ въпрашаашѧ мѧ, что дѣлаеши зде, рекохже емоу, азь не вѣдѧ како пріидох само. ѡн же абіе: молитвы доуховнаго ѡтца твоего приведош(ѧ) тѧ зде, ꙗко да видиши желаемаа тобож, и азь рѣхь: да что соут иже азь желаѧ. рече же ѡнь: рекль єси ꙗко добрѣ вѣроєть Іоудеіе, и рече ти оугодникь христовь Василіе, ꙗко не добрѣ, и просиль єси оу него показати тебе нѣчто доуховных видѣніи, и ѡбѣщал ти сѧ є со ѿ бога исплънити є; грады оубо съ множ и покажѫ ти єдиною кѫждо вѣрѫ, и котораа каково дръзновеніе имат к богоу, и ѧ мѧ за дѧснѫѧ рѫкѫ, и поидоховѣ на въстокы, и се ѡблакь ѡт землѧ под нама. єже и възет ѡт землѧ, и на высотѫ безмѣрнѫѧ
л. 32. възнесѧ, азь же мнѣхь ꙗко ѡчи всѣ | быти семоу, а не въ сънѣ. Прѣидохом оубо ꙗкож се на инь мирь страпень и дивень, и ꙗко быхоомь тамо ѡтстѣпи ѡт наю ѡблакь, и ѡбрѣтоховѣ сѧ стоѧща

Digitized by Google

на стъклѣнѣ поли, ѡтнѫдоуже зрѣховѣ на вы
конна мира ѡного, и се съборы мнозы ѡгных юнош
славословѧщих въ троици бога. И ѡттолѣ напр
пошедша достиговѣ на нѣкое мѣсто, иже бѣ
ѡгнемь божіемь повито, не горѣшѫ с(ѧ), нѫ съвѣ
шѫ с(ѧ), и просвѣщаашѧ, посрѣдѣже его видѣх
сѧ юношѫ свѣтлы летѧщее горѣ, где же идѣхъ
вѣдѣхь, помышлѣх же азь ѡ бѣлоризцих ѡнѣ
ѩко аггелы бѣхѫ божіи, иже вышныи ѡлтарь
зѫмно кадѧще. И та равень мѣсто се ѡгнѣ дух
наго, ѡт него же въземлѧт на потрѣбѫ божіѫ слоу
бы. Сіи ми помышлѣѫщоу, се ѡбрѣтоховѣ се
нѣкоем хлъмѣ високом зѣло, на негоже възыдохо
съ великомь троудоомь, от негоже позрѣвше
въстоком, видѣховѣ под нама поле дроугое страш
златомь чистомь блистаѫщесѧ, ѩкоже оубо сих зр
сладос капѣшѧ въ срдци моем. По сем позрѣв
пакы на въстокы, видѣхом прѣд нама град див
зѣло, ѩкоже оубо видѣхь и, от страшнаг вид
изоумихсѧ на многы ч(а)сы, чисто бо зрѣховѣ се
стоеща на връхѹ хлъма ѡного, ѡтпелѣ бо, на х
об. мот възыдоховѣ, стаховѣ ѡт шествіа | и дивн
ѡны вещеи и гледаховѣ. Страшниѫ ѡн градь бѣ
великь зѣло, ѩко крѫги небесныи въ широтѹ и
длъготѹ, бѣше же оустроеніе его не ѡт изви
мраморию, не ѡт дрѣва, ни ѡт стакла, ни гипсос
еже соут тлѣніе вещи, нѣ бѣшѧ ѡт заре злат
чиста и ѡт ѡблистаніа краснаг двое на десете к
микѹ, видѣніи же лоучь, испоущаемых ѡт него
ѩко дъса небеснаа, доброта же зданіе града того
ежже око не видѣ ни на срдце чл(ове)кѹ, бѣше ж
висота стѣна града того лактеи триста, врата ж
бѣхѫ двое на десете въ нем, тврьдоставленна
заключенна, бѣхѫ же каждо врата единолична ѡб
разом по видѣнію и по лицѹ, коегождо двою на
десете чьстное камикѹ бльщахѫ же се ѩко лѹч
слнъчнее, еѫ же оубо вънѣидѹ, града сицева, со

ща же въпетръ пєду какова, оум оустрашаєтсѧ сказати, понєже плът и кръвь царства небєснаго не можєт сказати. Спцє видѣв аз въпросих вожда моєго, сѣго аггела глаголѧ: господи мои кыи град єсь, и котори соут людіе живущєи въ немь. ктоже єс царь сєго и кто създавы єго, како же имє гради, землѣ си, которам. єс, чтоже єс страны миросъ, како же пріндоховѣ зде и кос ради вины. скажи ми всѣ ѫ(о)ле ти с(є). Ѿвѣща ѡн глаголе: градь
л. 33. съ град єс великаг царѣ, ѡ нем Давыдь глагола давпаа, създа же сего господь нашь Іѣсь хс, по скончаніи плътскаго съмотреніа его таинства и по възнєсєніа єго на небеса къ богоу и ѡтцоу сѣмь своимь оученикомъ и апостолоом оуготовавь сего и въсѣмь проповѣданіа ради тѣхь вѣровавшим въ него, ыкоже самь въ іѣѵангелієхь рече: въ домы ѡтца моєго многы ѡбытѣлы сѫть, аще же ли ни, попдж оуготовати вамь, се оубо єс многодивноє жилище, єже ѡбѣщасм' и въсѣмь възлюбльшим просвѣщєніе єго, глаголєт же єд повыи Сіонь, град хрпстіанскы, град вышнѣг мптрополіа, повыи сіонь єс имд смоу. люді же пождн мало и оузрпши, пєтъкможе, пъ и царѣ ихь, вины єжє ради само пришель єси, помалѣ оузпасши мнѣ, и оувѣси ыко въсѣкъ вѣроужи въ сына божіа живь бждєт и т. д.

Сим же спцє глаголемом, и се хлъмы высокь и дивєнь, ыко гора величьствомь на высощѣмь стоа, блыстажєа ыко желѣзо разжєждєно, посрѣд града того ивиса пама, врьхоуже сго ѡкроть страшна сіаж и опалѣж въздоухь ѡн и голѣбь бѣль ыко снѣгь, свѣт безмѣрешь испоущад, врьхоу божєствъ-
об. на кроста видѣшєса, и єще зрещема | пама, се ѡт страшных оноє высоты съпидє ыко млъпын сіад юноша нѣкыи на град, иже оуготовлєніе въ градѣ творѣше, ыко се нѣкоемоу цароу противьнь хотящоу, и по нем дроугыи юноша скоростіж многож

пріиде въ градъ, прѣстол страшен имии, єгоже и оуготови грядящомꙋ цареви, слышаховѣ же глас глаголещь: царь великь и страшенный хощет пріити въ град съ съ силож и славож многож. И еще къ симъ зрящема нама, и се четири юношѧ съ висоты грѣдѣхѫ, дръжеще по свѣщи велицѣ странным ѡгнемь горящѫ, иже и единого гласно възъпищѫ: въсіа благодать твоа, господи, пріиде слава стых твоих вишныи, сине живаго бога. По сих же видѣховѣ и се дроугыи юноша съпиде въ град ѡнь глаголѧ: се сѫдь и въскрѣшеніе мртвыимь и въздаціе ѡт праведнаго сѫдіѫ чл(ове)ком пріиде. И по сих видѣховѣ, и се стлъпь ѡгнень съвыше съхождаше, из негоже глась страшень слышашасѧ и ѡгнь испоущаше по въсемоу въздоухꙋ, и тъ неста над градоомь ѡнѣм, нъ нѣкоеж пропастіѫ съпиде въ мирь и разлиса сѧ на четири начела, сіаж и блыстаж сѧ, и прикосиж сѧ четирем краем твари, и се глас въ вьсемь мирѣ глаголѧ: се съдѣтелнаа сила вишнѣго прикосиж сѧ въсѣхь чло(вѣ)ческых костый да съберѫтсѧ въсѣ кость къ косты и съставь къ съставоу и члѣнкь къ члѣнку своемꙋ. И еще
34. видѣховѣ и се инь юноша бѣлоѡбразень дръжѫ въ ржцѣ своеи свитокь ѡгнень, посланіе господне посланое къ сатанѣ, глаголаше же ꙗко скончa се царство єго, царствовавшоу ємоу три лѣта по въсеи земли, и ставь прѣд сатанож прочте посланое ємоу ѡт бога посланіе, и емь его съ крѣпостіѫ влѣчѣше вънь царскых дворовь, и положи ноздры его на краꙗ земнѣм, да изблюеть и извръжет въсе злобѫ, и погыбель и тлѧ, гнѣвь же и неистовьство, іарость и весь ꙗдь, въсѣкое нечистоты и въсѣкож ересі, ꙗко приблыжи сѧ скончаніа єго и хощет съжежен' быти съ въсѣми воинствы его. И еще зрещема нама, и се плъци силь небесных на коных ѡгньныхь по въздоухоу ꙗздѣще, вънегда же съпидош(а), слышиховѣ вепль многь і оубіиство,

Digitized by Google

и плачь и риданіе зѣло, понеже ти съшедше и на конех гонѧще, закалаахѫ въсѣхь прѣльстившихшѧсѧ въ слѣдъ антихриста въ врѣмѧ царства его. И се видѣховѣ, и се воиньства благоѡбразно на земли съходѣхѫ и сънидоховѣ, и творѣхѫ оуготовленіе господню пришествію, и съ нимі єдинь нѣкто славень, имѣѫ въ рѫкѹ своею трѫбѫ златѫ, и съ ним дроузіи два на десѧте юношѧ, златы трѫбы носѧще. ꙗкоже оубо сънидошѧ на землѧ, потрѫбы прѣжднiи ѡнь єдинь съ въсеѫ силоѫ, ꙗкоже потрестисе въсем концем землѧ, и се възыдош(е) жилы и плът на кості лежѫщих въ гробѣх ѡт вѣ-
об. ка ч(е)л(овѣ)кь. и доухь животень | не бѣ въ них, потрѫбы же второе и потрепета въсѣ землѧ, и абіе ѡтвръзощѫс(ѧ) гробы въси ѡт вѣка оусъпших чл҃кь, и ꙗкоже прахь тако ѡтпроизвръжены бышѫ, и се съвише съхождаахѫ множьство юношь, ꙗко нѣськь земныи, и на покои идоша идѣахѫ, да послѧт и наставлѧт коегожде чл҃ка доушѫ въ свое тѣло. И потрѫби аггель господень третицеѫ, и оужасе сѧ небо и землѧ ѡт гласа трѫбы, и се весь съборь чл(овѣ)ч(ь)скь живь извръжень быс(т) ѡт пръсти землъныѫ, и се море и рѣкы извръгош(ѫ) на соушѫ, и въсе езера, и въсе блата, и лѫзы, и чѧщѫ съ страхомь изблъвахѫ множество чл҃кь без числа, паче пръсти и нѣскаа сѫща, и ѡбрѣтошѫс(ѧ) връхѹ землѧ, равны сѫщи въси възрастом, мѫжи и жены, вънегда бо въста Адамь съ Еввоѫ, и въсѣкь ѫзыкь, и въсѣкѫ колѣно, иже нѣкогда живы бывшеи на земли, въ тѣснотѣ стоꙗхѹ на лици въсеи земли, не оувѣдѣвшѧ иже николи же таинства въскрѣшеніа, боахѫ сѧ и трепетахѫ, помышлежще како въ пръсть разлыавшѧсѧ, абіе цѣлы въскресошѫ, помышлѣѫще же оужасно трѣсѣахѫсѧ, видѣще измѣненіе лиць мѫжем же и женам, иже ѡт Адама до родившагосѧ въсѣх послѣжде, и тоу въсѣмь въставшем ѡт мр҃твых. Како оубо нѣ-

Digitized by Google

кым ѡт них лица бѣхѫ, ико звѣзда сіаѧщаа, дроугым же помешее сихъ, ико же рече апостолъ:
35. звѣзда ѡт звѣзды свѣтлѣишаа славоѫ. | и нѣкых лица сіахѫ ико лоуна въ мрачнѣ нощь, дроугых же ико днешный свѣт, и инѣхъ ико желѣзо ражежено искры поущаѫ, и дроугых ико слънце и нѣкых лица бѣхѫ ико снѣгъ, дроугых же ико влъна бѣла, и инѣхъ бѣль и роуменьна ико цвѣт. И единоѥ коемоуждо их писанїи мнѧнїѡбразно над брѣвама написано бѣше, жвлѣщее коегождо добродѣтель, на овѣхъ оубо писаше пророкъ господень, а на инѣхъ апостолъ господень и т. д.

об. И да съвъкоупивъ рекѫ единого когождо добродѣтель и злобѫ, жвлѣше писанїе блистажщисѧ, ѡвѣмъ оубо на темѣх написана бѣхѫ сна, нѣкым же прѣвыше главы на възлоусѣ видѣхѫсѧ, ико ѡт сего знаемомь быти въсѣмь въсѣмы, ѡ имащих оубо лица свѣтлаа и прославленнаа, сибо бѣ знаніем наленіе. Христіан'стіи грѣшнїци, ѡ живших же въ грѣсѣхъ, бѣше видѣти скарадые и нелѣпотѫ зѣло лютѫ, и горкаа и лъкаваа лица, им же не бѣ числа. Нѣкым бо бѣхѫ лица ико пръсть с пепелом земным смѣшена, нѣкым же ико смрадным каль, иже на оулицах, инѣмь гнои пантїпиаа и скарада зѣло, дроугым же пзгнила ик мр҃твь песь и чрѣвми кыпжща, инѣмже ик калом и мотиліемь помазапа лица, ѡвѣм же ико кожа жлъвина ѡчрѣпѣла, их же ѡчи гнои испущаахѫ ико же трѫловы ты и недужъ имащеи, нѣкым же чрѣпа ики самомоу сатапѣ, и нѣкым же исполоу почрѣвена бѣхѫ, дроугым же ико кожа аспидова, инѣмь ико ехыдпам и инѣмь ико жо дпиаа зелень, и инѣм же ико кожа
86 ослѣ, дроузы же гноинїи смрѫлѣщиѧ бѣхѫ ѡт главы и до ногъ, инпыі кръвыѫ многоѫ ѡкръвавленны, зѣло бѣхѫ скарады, и нѣцы ѡт пых въ свпны кожѫ облѣчены, инп смрѫлящими пѣнами помазапы бѣхѫ. Вѣси же сп глаголахѫ дроугъ

Digitized by Google

къ дрꙋгꙋ: ѡ, горе намь, ꙗко се есть послѣдныи дн҃ь втораго пришествіа христова, ꙗкоже слышахомь прѣжде егда не бѣхоомь оумрълы, и нинѣ въстахоомь, ꙗко да пріимемь къждо по дѣлом своим. ѡ лютѣ намь смѣреным и грѣшным, ꙗко понеже нечисты есмы, съжещи ны хощет богъ въ ѡгни негасомѣмь. Сіа дроугь къ дроугоу глаголаахѫ.

Этотъ обширный апокрифъ продолжается до 70 листа. Въ немъ говорится о разныхъ вѣрахъ и ересяхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала объ Евреяхъ (л. 36), потомъ объ идолопоклонникахъ (упоминаются *влъхвъ* м. и *влъхва* ж. р., *вукодлаки* л. 37), объ Измаильтянахъ или Срацинахъ (38), объ еретикахъ (Македоній, Несторій 52, Діоскуръ, Евтихій 53, Оригенъ, Евагрій и Дидимъ 54, иконоборцы и *богомилы* 54 об.); далѣе говорится о преслѣдованіи христіанской церкви Діоклетіаномъ Мучителемъ (58) и сообщаются кое-какія свѣдѣнія объ исторіи христіанства; на лл. 61 и 62 представлено любопытное описаніе рая (описываются не только зданія, но и мебель); на лл. 64 и и слѣд. выводятся на сцену Св. Григорій и Св. Ваасилій Новый и приводится бесѣда Бога съ Григоріемъ; „видѣнія" оканчиваются смертію и погребеніемъ Св. Григорія (69—70). Приведу еще одинъ отрывокъ изъ этого апокрифа, именно объ *иконоборцахъ и богомилахъ* (л. 54 об.).

„*Иконоборци.* И еще ѿлъчи гь҃ дроугыи съборь ѿ шоуѫ чѧсти, бѣхѫ же видѣніемь ꙗко идолы, свѣрѣпи сѫще и дивли зѣло и дроу^г дроуга оуꙗдѫще: тиже бѣхѫ Иꙗковите, Севиріани, иконоборци, и гл҃ѧще ꙗко гь҃ нш҃ь Іс҃ь Хс҃ плъ^т съ нб҃се съпесе, а не ѿ прч^сты^х кръвеи вл^чнѫ и бц҃ѫ бессѣмене пріѫть ѿ ст҃го дх҃а, тѣмже и нетлѣннѫ мнѧ^т прѣжде распѧтиꙗ бы^шѫ ст҃ѫѧ плъ^т г҃а нашего іѵ҃ ха҃. и *бг҃омили*, иже и зрѧще на г҃а ѿвращахѫ^с ѿ него, гл҃еще дроу^г дроугꙋ: поистинѣ ѡсоуетихомсѧ въ жизни нашеи, непоклонѣвшѧсѧ иконѣ его и ст҃ыхь его; ѿвѣщашѧ же дроугы^і ни^ч: нъ добрѣ сътворихомь, привидѣніе бо бѣ^ш и не по истинѣ бѣ^ш чл҃кь, и како хто привидѣніе написати имать. Си же бѣхѫ ѿ мнѧщих^ нетлѣньнѫ плъ^т имѣти гѡ҃у

пашемъ їѵ хоу прежде распетіа. Разгнѣвавсе оубо на ихъ гѣ, рече съ лютостіѫ: ѿстѫпите ѿ мене дѣлателы безаконіа, ико сами ѿвръгостесѧ и иконѫ мою ѿбещьствованіе, и иже на сп҃ение чѧко҃, двѣ дѣйствѣ моеи и двѣ воли ѿвръгосте, и многы въ погыбель прѣласте, ни азъ пошлѫ ва҃. И абіе съ словомь, иже на҃ мжками ѿгньныма гѣлы, пришедше нагло, побиваху и҃ и съкроушаху ѿгньными палицами, и порѣваху въ ѿгньное море҃.

Сообщаемыя въ этомъ отрывкѣ свѣдѣнія объ ученіи богомиловъ сходны съ прежде извѣстными: по этому отрывку, богомилы отвергали двойственность природы Христа, „два дѣйствія и двѣ волѝ҃, учили, что Онъ принесъ съ собою съ неба нетлѣнную плоть, а не родился отъ Пречистой Дѣвы Маріи, говорили, что Онъ былъ „привидѣніе҃, а не настоящій человѣкъ, и, такъ какъ „привидѣніе“ нельзя „написать“ (объясненіе, ни откуда еще неизвѣстное), не почитали иконъ ни Христа, ни Святыхъ Его, которыхъ не признавали. По венеціанской рукописи, изданной г. Рачкимъ, богомилы учили, что Христосъ не былъ человѣкъ, что Онъ имѣлъ „corpus fantasticum et aereum҃, которое принесъ съ собою съ неба. Извѣстно, что они отвергали иконы, называя ихъ *кумирами*.

За этимъ апокрифомъ слѣдуютъ два Слова Св. Іоанна Златоустаго:

— л. 70 об. Не҃ле по въ҃знесеньи кр҃та Злаѵустаго Іоанна сказаніе на ев҃ліе;

— л. 72. Тожде Златоустаго в не҃ цвѣтоносиѫ сказаніе ев҃ліа.

— Лл. 74—76 писаны позднѣйшею рукою. На 74 л. об. *заговоры отъ болѣзней:* „ѿ врачебны҃ избрано҃“.

— Лл. 78—134 заняты апокрифическимъ *Апокалипсисомъ*. Приведу оглавленіе содержащихся въ немъ статей:

— 78. Сказаніе глава҃ Апокалипсеи Сѵ҃го Іоанна Ев҃ліста Бѵ҃гослова. Прологъ Апокалѵѱи, ико аѵ҃глоу дано быть ему, глава а.

— 79 об. Сѵ҃го Андреа архіеп҃копа Кесаріа Кападокыискыа сказаніе апокалѵ҃сеи сѵ҃го Іоанна Бѵ҃гослова.

Digitized by Google

— 81. Апоклипси Іоанна Слово .а. Пролог Апоклипси. На л. 82 читаемъ: „*словеньскы* и жидовскы оутвръждае^т *словесы*“.

— 84 об. 2-ое Слово и т. д.

— 91 об. ѡ книгах запечатлѣнны^х седмоую печатію въ роуцѣ Бж҃іи и^х же никтоже може^т ѿ сътворенаго мира разгноуты.

— 92. ѡ агньци имоущи^м седе^м рогь, како книгы разгноу, глава в҃і.

— 93. Слово с҃. Отрѣшеніе пръвыа печати. „Отрѣшеніе“ слѣдующихъ 5 печатей на лл. 93—94.

— 95. Слово з҃. ѡ четирех аг҃гль (стоятъ на четырехъ углахъ земли и удерживаютъ вѣтры).

— 96. Ѡ народѣ бесчисльнѣмь, иже имоу^т съ х҃о^м цр^ствовати, ѿ ѫзыкь.

— 97. Ѡтрѣшеніе се^дмыи печати.

— 98. Слово и҃. о се^дми аг҃гль, ѿ ни^хже пръвомы въстрыбльшѫ гра^д и ѡгнь и кръвь на землю сънидe.

— 103. Ѡ Єносѣ и Иліи хотѧщима ѡблычити антих҃а.

— 104 об. Ѡ троубѣ и о поещи^х б҃а ст҃ы^х на бѫдеще^м вѣцѣ.

— 105. О цр҃ковны^х прогонены^х пръвѣиши^х и при антих҃ѣ пакы.

— 106. Слово в҃і. Ѡ браны бывше, и между ст҃ми аг҃глы и злыми силами, и ѡ спаденіи зміевѣ.

— 106 об. Ѡ како зміи не почивае^т, гонѧ цр҃ковь.

— 107 об. Ѡ звѣри имоуще^м ї ро^г.

— 108. Ѡ звѣры имѧще^м два рога.

— 109 об. Ѡ имени звѣринѣ.—ѡ р҃ и м҃ и д҃ оупасены^х агньцомь на горѣ синаистѣи.

— 110 об. Слово д҃і ѡ аг҃глѣ проповѣдающе^м приближеніе бѫдещаго сѫда.

— 111. О 2-мъ и 3-мъ ангелѣ.

— 112. Слово е҃і. Ꙗко сѣдѧ^і на ѡблацѣ^х сръпо^м скончае^т прозебающаѧ ѿ землѧ.

Digitized by Google

— 113. ѡ сѣ̀ми а҃гл҃ѡ҇ наводящи҃ на чл҃ки жизни прѣжде кончины и ѡ склано҃ моры, въ нежѥ сѣ̀ть видѣ.

— 114. Слово ѳ҃. Како пръвѣи чаше изліанѣи гнои бы҃ на ѳстоупницѣхъ. — Како вторая жила на сѫщи҃ в мори. — Како третіе чаша рѣкы въ кр҃ъ прѣтвори.

— 115. Слово і҃. Какоѥ четвръто зноѥ изнарѣчетсѧ чл҃ци. — Како пятою чашею звѣрино цр҃тво ѡмрачаетсѧ. — Како шестое чро҃ Сфра҃ ѡтвръзаетсѧ ноу҃ соущо҃ прѣмь ѡ въсто҃ сл҃нчны.

— 116. Слово і҃. Како сѣ̀мою гра҃ и троу҃ на чл҃кы бывае҃.

— 117. ѡ сдино҃ ѡ сѣ̀мы а҃гл҃ь показающе҃ свѣ҃тѣстоу любодѣнаго гра҃ потрѣбленіе, и сѣ̀мь гла҃ и деса҃ рѡ҃. — Како а҃гл҃ь видѣноую тайноу сказаѣть.

— 119 об. Слово і҃. ѡ дроузѣ҃ а҃гѣлѣ падѣніе вавилонскоѥ сказающемь и бг҃ныи гла҃ заповѣ҃ающе҃ и бѣжаніе из града и ѡмоганіе красны҃ дже имѣ пръвѣѥ.

— 122. ѡ пѣніи сѣ̀ты҃ и трегоубѣ алльоуиа, иже поихѫ ѡ потрѣбленіи вавилон҃стѣмь.

— 123. Слово к҃. Како на кони х҃а съ апл҃скыми силами видѣ свѣ҃тѣ҃ съ страхо҃.

— 124. ѡ антихристѣ и въмѣтаемы҃ съ нимь въ госпѣ.

— 125. Како сатана привезань бы҃ ѡ х҃а пришествіа до кончины ѡ тисѫща лѣ҃.

— 125 об. Слово к҃а. ѡ оуготованны҃ пр҃лѣ съхранивши҃ х҃ѡ исповѣданіе съвршено.

— 128. О первомъ воскресеніи и второй смерти. — О Гогѣ и Магогѣ.

— 127. Слово к҃в. ѡ сѣдѫще҃ на пр҃тлѣ и ѡбщо҃ въскрѣніи и ѡ соу҃.

— 129. Слово к҃г. ѡ а҃гл҃ѣ показаеще҃ гра҃ сѣ̀ты҃ и стѣны его съ врати размѣрающе.

— 133. Слово к҃д. ѡ доб҃ѣ҃ оувѣреніи ежѥ ѥ҃ видѣль ап҃ль.

Въ концѣ 134 л. читаемъ: Конець книгы апокалипсисъ имоущи҃ великы҃ главе ѳ҃в, мали҃же гла҃ т҃аї, сл҃в к҃д.

Digitized by Google

— 135. Стго ѿца нашего Евсевіа еп'кпа Алеѯа"дрькаго Слово ѡ шествіи въ а' и ѡ пр'тчд.

— 136. Пасхалія (позднѣйшею рукою).

На листахъ 136 и 137 написаны рукою нашего времени *три подложные памятника*: письмо папы Иннокентія VI къ сербскому царю Душану, грамота константинопольскаго патріарха Каликста 6860 (=1352) г., которою онъ предаетъ проклятію Душана со всѣмъ его народомъ, и отвѣтъ Каликсту грачаничскаго протоіерея Евѳимія. Первый памятникъ былъ напечатанъ уже давно г. Іорданомъ въ Гласникѣ (первой серіи) кн. VIII, стр. 147—148, второй-же и третій напечатаны теперь профессоромъ Великой Школы въ Бѣлградѣ, г. *Сречковичемъ*, въ приложеніи къ его брошюрѣ: *Краль Вукашинъ убио цара Уроша* (Београд 1881). Что касается перваго памятника, то самъ г. Сречковичь относится къ нему съ недовѣріемъ (стр. 30). Казалось-бы, что съ такимъ-же недовѣріемъ онъ отнесется и къ остальнымъ, писаннымъ тою-же рукою и тѣми-же чернилами; но, къ удивленію, онъ признаетъ ихъ подлинными, и, какъ важные историческіе памятники, печатаетъ (стр. 33—34) съ своими коментаріями (30—32). Не видавъ еще рукописи и только прочтя текстъ этихъ памятниковъ въ брошюрѣ г. Срочковича, я не сомнѣвался въ ихъ подложности: въ нихъ Душанъ еще при жизни называется „*Сильнымъ*", даже въ грамотѣ Каликста (неправедныи и хищныи царь срьбскагѡ народа *Доушанъ Силныи)*; языкъ въ нихъ невозможный, и, кромѣ того, отвѣтъ Евѳимія представляетъ простой наборъ фразъ, не имѣющихъ между собою связи и не относящихся къ дѣлу. При первомъ-же взглядѣ на рукопись я убѣдился въ подлогѣ: фальсификаторъ неумѣло подражалъ письму нашего Сборника (XVI вѣка); красная и синяя краска, которою писаны эти подложные памятники, въ однихъ мѣстахъ слилась, въ другихъ оставила водянистые слѣды. Когда я замѣтилъ г. Сречковичу, что напечатанные имъ памятники подложны, онъ улыбался, какъ мальчикъ, пойманный въ шалости, и ничего не возражалъ. Очевидно, онъ самъ былъ

Digitized by Google

убѣжденъ въ подлогѣ. Тѣмъ не менѣе въ своей брошюрѣ онъ напечаталъ еще третій подложный памятникъ, сообщенный ему въ копіи г. Ястребовымъ: *„како писа цар Лазарь писмо Богомилу въ Скопје“*. Это письмо будто было писано передъ Косовскою битвою: въ немъ Лазарь приказываетъ властелину Богомилу прислать „три тисуће спудъ жита у град у Прищину“. По языку оно сходно съ предыдущими памятниками и находится въ одной рукописи тогоже собранія г. Хаджи-Іордана (о ней скажу ниже). Я увѣренъ, что всѣ эти памятники измыслилъ и написалъ самъ г. Іорданъ, любитель сербской старины и горячій патріотъ. Въ этомъ его подлогѣ и въ изданіи г. Сречковичемъ очевидно подложныхъ памятниковъ я вижу piam fraudem — ad majorem gloriam Serbiae! Г. Сречковичъ принадлежитъ также къ великимъ сербскимъ патріотамъ, и въ своемъ патріотическомъ увлеченіи не разъ сказывалъ мнѣ, что Болгаръ нѣтъ на Свѣтѣ, и что называющіе себя Болгарами суть или Сербы, или какая-то мѣшанина народностей! Piae fraudes въ современной Сербіи — явленіе обычное: Милошъ Милоевичъ издаетъ цѣлые сборники подложныхъ народныхъ пѣсней, а извѣстный Чедо Міятовичъ съ большимъ литературнымъ и политическимъ успѣхомъ подѣлываетъ сербскую исторію, чтобы оправдать въ глазахъ своего народа непопулярную политику нынѣшняго сербскаго правительства (Объ его тенденціозномъ произведеніи „Деспотъ Юрій Бранковичъ“ поговорю въ другой разъ)!

Листы 138—137 писаны позднѣйшею рукою, XVII вѣка:

— 138. Ѡткрѣвеніе сѣтго Іѡанна Бг҃ослова, еже видѣ въ Патмѣ островѣ.

На 177 л. об. приписка: Сіе ѡкрѣвеніе начрътаⁿ іеромонаⁿ. ѡсѳ҃.аⁿ.

Листъ 178 писанъ опять иною рукою. Онъ содержитъ *вопросы* и *отвѣты*, начинающіеся такъ:

*Въпро*ᵒ. Реᵗ ѣ҃ оученикоᵘ: ви есте соᵘ земли.

*Ѿвѣ*ᵗ. Земля гѣᵉ чѣки, а соль вѣра.

Digitized by Google

Листъ 179 оборванъ, а лл. 180—202 писаны опять иною рукою.

— 180. Сказаніе ѡ обрѣтеніи ч҃тнаго кр҃та г҃а нш҃е҃ іу҃ хи҃.

— 192. Поученіе в пе҃ кв҃. Ев҃ліе ѿ Лукы. Слово мв҃.

Опять иная рука писала лл. 203—255. На лл. 203—205 помѣщено окончаніе какой-то аскетической статьи, а съ л. 206 начинается „Повѣсть полезнаа ѡ латинѡ҃, когда ѿлжчишж҃ ѿ гр҃ и ѿ ст҃ыа бж҃іа цр҃кве, и како изьѡбрѣтоша себѣ ереси, еже ѡпрьсночнаа служити и хулжа же на дх҃а ст҃го (не окончена).

— Л. 219 об. Чьстнѣйшаго Хартофилака и протосиггела никенскыа цр҃кве ѡ безквасной слоужбѣ и ѡ латино҃ и ѡ слоужбѣ ихь.

— Л. 229 об. Ина повѣсть Никифора Калиста о вечерѣхь хв҃ѣхь.

— Л. 230 об. Слово ст҃го Ефрема ѡ сждѣ.

— Л. 234. Тлъкованіе пророчъству. Оканчивается на 235 л., а далѣе слѣдуетъ отрывокъ какой-то аскетической статьи.

— Л. 247. Иже въ ст҃ы҃ ѿца наше҃ Іѡ҃ Златооустаго архіеп҃кпа Константина града Слово ѡ стр҃ти сп҃совѣ.

На первой страницѣ 256 листа рукою нашего вѣка написанъ Лѣчебникъ, а на другой „Слово Іѡанна попа къ цр҃ю кѵр Ман(оилу). На л. 258 „ѿвѣсть цр҃ѣ кѵр Маноила к попу Іѡану“. Это—извѣстная средневѣковая повѣсть объ Эмануилѣ Комнинѣ и сказочномъ индѣйскомъ попѣ Іоаннѣ или объ Индіи богатой.

— Л. 259. Прича свѣта сего ѡ житіи чл҃чіи.

— Л. 261 бѣлый, а на оборотѣ отрывокъ изъ Евангелія: „Вьзиде г҃ь на горж елеѡ҃скую съ ученики своими, и рече имъ“... (безъ конца).

— На лл. 262 и слѣд. — апокрифъ (безъ начала) „Вопросы Іоанна Богослова Аврааму“: „ѿвеща Авра҃ и ро҃: чедо, не слышали Дв҃да пр҃рка гл҃юща: ѡскудѣвше ѡвце ѿ пищи и не буде҃ волове при мсле҃. Чедо, ѡвце су҃ жидове, а волове ереи, мсле су҃ раиска пища. Въпроси

бг҃ослов: ѿче Авраме, ели поганимь въстати на въскр҇еніе съ хр҇тіани“...

— Л. 266. Сказаніе гадово", колико родовь сѫ', колико чинове бѣхѫ аг҃гли. На оборотѣ: ѿ *старичьскаго*. Бра' пріидо' къ старцѹ...

— 269. Книги ст҃и' таинь Епохо'.

— 305. Продолженіе какой-то аскетической статьи: „Нїѣ оубо чѧда моа, храните срдца ваша ѿ всего неправедна, еже ненавиди' г҃ь.

— 323 об. Сло' ѡ различи законнѣ". Шесть законь.

— 324. Епифаніа Кѵпръскаго острова (Слово?).

— 325. Новою рукою. *Посланіе къ любезномѹ бра'. Писа сіа тлько.* Много любезно Миѳаніе, пишѹ мои любезнѣ братъ, за ѡни наши любезны и добріи и бл҃гыи пріетели, ижъ въспиташа и наказаша на' (слѣдуетъ ихъ перечисленіе).

— 326. Ѿкръвеніе ст҃ы' Павла ап҇ла ег'а въсхище' бы' до третіе нбсь.

На 341 л. — помѣтки, что читали эту книгу іеромонахъ Моисей Дечанецъ въ 1805 г. въ Тетовѣ и Дмитрій тамъ-же въ 1821 г.

На послѣднихъ листахъ, оторванныхъ, находятся отрывки апокрифа о мытарствахъ, астрономическія замѣтки и „Сказаніе, когда сѣяти и садити и врачевати".

5. Бумажная рукопись въ листъ (всего 175 лл.) XVI вѣка; содержитъ *Минею за Іюнь мѣсяцъ*; принадлежала нѣкогда Положскому монастырю, какъ видно изъ слѣдующей приписки на послѣднемъ листѣ:

Съи бж҇твии Минеи ѿ монастиръ Полошко дѡнеслъ то Арсенија ѹ монастиръ Мѡклища, беше пѹ'го Полошко, вь лето ҂ѕ҃с҃к҃д҃, а пѡ'ьписах то азъ грешни Исаја Полошки. Кои ће запретаја книга ѿ Пѡлѡшка црква, да е плоклетъ и анатеми, ко таће дои пекѡи калѹћеръ на Полошко, да си то ѹзме ѹ Полошко, а ѿ рождества х҃ва ҂а҃ѡ҃і҃з҃.

Первые 56 листовъ писаны Болгариномъ, остальные Сербомъ: съ 57 листа юсы не встрѣчаются.

Digitized by Google

Въ правописаніи 1-ой части отмѣчу слѣдующія черты:

— ж и а иногда смѣшиваются, не іотируются: мжаріи, водж та чьтжщжа, посащи х҃а на ржкоу, ржк нашиⷯ, ежже славащеа, часто, прѣмнижль еси, мастіа ст҃ож, блыстажсе, блг҃тіа, ивил' бо са, твож намеⷮ бж҃твижа и свѣтоносижа и чьсижа. Ж употребляется иногда вмѣсто ъ, а вм. и=ѣ: мжглж=мъглж, въ в'са вѣкы, но и въ в'сѣ вѣкы, вса мечевы. Встрѣчается замѣна аⷧ е: се, памет.

— Твердые слоги смѣшиваются съ мягкими: топлѣ, блыстажсе, бывь, мечевы, жизны, наше мыслы (вин. мн.).

Во второй части носовые постоянно замѣняются чистыми (ж=у, а=е): моужьскы, тръпѣхоу, свою дш҃оу, моудре, соуща, на горию висотоу, висеща, безначелнаго; твердые слоги смѣшиваются съ мягкими: висотоу, цр҃а, прѣбыль еси, оукрѣплень, провъзгласиль еси, дш҃евные болѣзны, потрѣбыти; встрѣчается вставное д: раздрѣши.

Содержаніе рукописи слѣдующее:

— Л. 1. (киноварью). М҃ца Іюне а҃, има дны л҃, дн҃ь имаⷮ ча҃ сі҃, а нощь ѳ҃. Ст҃го м'ника Иоустина Філософа и иже съ нимь. На гн҃ възвах ст҃ры гла҃ в҃ по҃. ег'а ѿ дрѣва.

— Л. 8. Мц҃а тогож'е в҃, иже въ ст҃ыхⷯ ѿца нашго Никѵфѡра патріарха Константина града.

— 10. Мц҃а тогож'е г҃, ст҃го м'ника Лоукіана и иже сь ниⷯ.

— 13. Мц҃а тогож'е д҃, иже вь ст҃ыⷯ ѿца нш҃го Митрофана архіеп҃кпа Костантіна града.

— 18 об. Мц҃а тогож'е є҃, ст҃го сщ҃ином'ника Дороѳеи еп҃кпа Тирска.

— 22. Мц҃а тогож'е ѕ҃, прп'обнаго о'ца нш҃го Иларіѡна Далматска и прп'обнаго ѿца нашего Висаріѡна.

— 29 об. Мц҃а тогож'е ѯ҃, ст҃го м'ника Осѡ'та аггірска.

— 33 об. Мц҃а тогож'е и҃, ст҃го великом'ника Осѡ'ра Стратилата.

— 39 об. Мц҃а тогож'е ѳ҃, ст҃го Кѵріла архіеп҃кпа Алеѯандрыскаго.

— 44 об. Мц҃а тогож'е і҃, ст҃го сщ҃ином'ніка Ѳимоѳеа еп҃кпа Проускаго.

Digitized by Google

— 49. Мїа тогожѣ аї, сѣты҃ апѣлъ Варѳоломеа и Варнавы.

— 56. Мїа тогожѣ ві, прпо҃бнаго ѳца пїаго Ѳиѳріа и пр. ѳ. и. Петра Аѳонскаго.

— 62 об. Въ тыжѣ дїь сѣтые м҃нце Антонїи.

— 63. Сѣты Іоуліань, иже въ Діакоутіи мирѡ҃ скончасѧ.

— 66. Мїа тогожѣ гі, сѣтыѧ м҃нце Акылины и сѣто Тріфѵлїа еп҃скпа Левкоусїискаго.

— 72. Мїа тогожѣ ді, сѣто пр҃рка Ісаіи и сѣто Меѳодіа патріарха Константина града.

— 79 об. Мїа тогожѣ сі, сѣто пр҃рка Амоса.

— 83. Мїа тогожѣ зі, сѣто чю҃творца Тѵхона Аѵаѳоунскаго.

— 88. Мїа тогожѣ ѯі, сѣты҃ м҃нкь Маѳѳила, Савеа и Неманла.

— 92. Мїа тогожѣ ѳі, сѣто м҃нка Леѳнтіа.

— 96. Мїа тогожѣ оі, сѣто апѣла Іоуды брата гїѳ.

— 100. Мїа тогожѣ кі, сѣто сщѣнном҃нка Меѳодіа, еп҃скпа Патарска.

— 104 об. Мїа тогожѣ ка, сѣто м҃нка Іоуліана Тарсїискаго.

— 108 об. Мїа тогожѣ кѳ, сѣто сщѣнном҃нка Ѳеѳсевіа еп҃скпа Самосатскаго.

— 112 об. Мїа тогожѣ кг, сѣтые м҃нце Агрїпины.

— 117. Мїа тогожѣ кд, рож҃ьство Ѳанна Кр҃тла.

— 132 об. Мїа тогожѣ кѕ, сѣтые прпо҃бно м҃нце Февроніе.

— 140 об. Мїа тогожѣ кз, прпо҃бнаго ѳца пїаго Дваѳ҃ иже въ Солоуны.

— 145 об. Мїа тогожѣ кѯ, прпо҃бнаго ѳца пїаго Саѵ҃сона Странопріѵ҃ца.

— 149 об. Мїа тогожѣ кѳ, възвращеніе мощеѡ҃ сѣты҃ бесеребренѡ҃ и чю҃творць Кѵра и Ѳанна.

— 153 об. Мїа тогожѣ ко, сѣтыѡ҃ врьховны҃ апѣлъ Петра и Павла.

— 167 об. Мїа тогожѣ л, съборь сѣты҃ ві апѣлъ.

Викентій Макушевъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Поправки и дополненія

к помѣщенным в V и VI т. Р. Ф. В. статьям.

К статьѣ О личных наставках славянскаго глагола.

Стр. 158 (1) [1]), прим. По своим взглядам на звуковые законы я рѣшительно примыкаю к Лескину, Остгофу и Бругману.

Стр. 159 (2), прим. Под арійским языком разумѣю здѣсь индоевропейскій праязык; лучше однако, в видах точности, не употреблять этого названія в таком смыслѣ, т. к. оно обыкновенно прилагается к языку индоиранскому.

Стр. 162 (5), пр. 2. В санскритском bhárāmi ā можно бы также считать правильною замѣною основного a_2: этому звуку, в открытом слогѣ, соотвѣтствует именно ā.

Стр. 163 (6), стрк. 17 св. Окончаніе m у темовых глаголов является в чешском языкѣ не только при основѣ на ѧє и и, но и при основѣ на ѣє: umím=оумѣѭ.

Стр. 164 (7), пр. 2. Туже мысль находим уж и раньше у Потебни (Замѣтки о Малорусском нарѣчіи, стр. 17). Филологическія записки 1870. Вып. I).

Стр. 165 (8), стрк. 2 св. *Мо* не вовсе чуждо и Великороссам: оно употребительно в ситском говорѣ. Рядом с этим *мо* (идзёмо) стоят подобныя же окончанія для других лиц — *шо* и *то*, вмѣсто *ш* и *т*: идзёшо, идзёто и идуто. Поэтому Потебня (Зам. о Мал. нар., стр. 15) возводит *мо* к основному *мъ*, говоря, что окончанія *мо*, *шо*, *то* явились вслѣдствіе „стремленія замѣнить конечный ъ (основной или происшедшій из ь) посредством *о*“ — но вѣ-

---

[1]) Первое указаніе на страницу относится к журналу второе, поставленное в скобках, к отдѣльным оттискам.

Digitized by Google

рить в переход конечнаго ѣ в о н ѣ в ъ и рѣшительно отказываюсь. Колосов (Обз. зв. и форм. особ. нар. рус. яз., стр. 244) усматривает в ситском спряженіи „стремленіе вокализовать личныя окончанія", т. е. допускает прибавленіе к ним, ни с того, ни с сего, звука о. Мнѣ возникновеніе разсматриваемых наставок представляется в такомъ видѣ, что Ситкари, унаслѣдовав от древнѣйших времен колебаніе между наставками м и мо, внесли эту двойственность и в остальныя лица. Образованію форм идѣто и идуто, может быть, содѣйствовала также частица то: идѣто, идуто могли, под вліяніем идѣмо, развиться из идѣт-то, идут-то.

Стр. 165 (8), стрк. 10 св. В малорусской рѣчи употребительно также окончаніе м (Пот., Зам. о Мал. нар., стр. 16). На счет мо Потебня, в только что указанном мѣстѣ, высказал предположеніе, что оно первоначально появилось в повелительных в родѣ даймо, поідьмо, вслѣдствіе сточенія согласных, и лишь впослѣдствіи получило болѣе широкое примѣненіе; но, по моему, формы даимъ, поѣдимъ должны были на общем основаніи утратить ъ и, и видах звуковаго удобства, сохранить полное м — сокращеніе же и, только и было возможно потому, что уже раньше существовала наставка мо.

Стр. 165 (8), стрк. 20 св. Не ссылаюсь на встрѣчающееся в старинных русских памятниках есмо (Пот. Зам. о Мал. нар., стр. 18), т. к. у этого выходившаго из употребленія глагола могли даже просто смѣшать 1-ое лицо со 2-м — есмъ съ ѣсте.

Стр. 165 (8), стрк. 10 сн. Приписывая, согласно с Бецлѣвом, праязыку музыкальную акцентовку, состоящую в повышеніи голоса, см. мое Начертаніе славянской акцентологіи, стр. 2 и 228), я присоединяюсь ко мнѣнію Вернера (Zur ablautsfrage. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. B. XXIII, S. 132 — 134), что ударяемость обратила звук а в болѣе высокій гласный, а безударность — в болѣе низкій. Бругман (Zur Geschichte der stammabstufenden Declinationen. Studien zur grie-

Digitized by Google

chischen und lateinischen Grammatik. B. IX, S. 372) высказал противоположный взгляд, при которомъ пришлось бы отвергнуть музыкальность праязычнаго ударенія, или по крайней мѣрѣ предположить немузыкальное (экспираторное) удареніе для болѣе древняго праязычнаго періода. Впрочемъ толкованіе нашей наставки и при такомъ взглядѣ существенно не измѣнится: только отношеніе между латинскимъ и греческимъ видомъ ея будетъ обратное — латинская наставка окажется первоначально подударною, а греческая безударною.— Примѣръ dadmas выбранъ несовсѣмъ удачно: по словарю Бетлинга и Рота, акцентовка dadmás ошибочна; лучше было бы взять напр. dadhmás кладемъ, или çaknumás можемъ.

Стр. 166 (9), стрк. 9 сн. Замѣчаніе на счетъ устарѣлости и мѣстнаго характера наставки my относится только къ чешскому языку: въ польскомъ наставка my всегда возможна, а при 1-мъ л. ед. ч. на m даже необходима. Та же наставка господствуетъ въ обоихъ нарѣчіяхъ лужицкаго языка.

Стр. 167 (10), стрк. 16 сн. Окончаніе ma, со значеніемъ множественнаго числа, встрѣчается, какъ мѣстная особенность, и у Чеховъ: pěčma, trháma [въ Шварцаво-свитавскомъ говорѣ въ Моравіи, на сѣверъ отъ Бёрна (Бёрно= Brno=Brünn) и у Словаковъ Спишскаго комитата (Spiš= нѣм. Zips). A. V. Šembera. Základové dialektologie československé. Ve Vídni 1864, str. 44, 78. *Ма* встрѣчается и въ русскомъ языкѣ: приводятъ вышневолоцкое *знаема, дѣлаема.* Колосовъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, стр. 248.

Стр. 168 (11), стрк. 6 сн. Утрату въ новославянскихъ языкахъ конечнаго и легко можно допустить, но позволительно также предположеніе, что въ праславянскомъ языкѣ, рядомъ съ ши, существовало и шь=праз. si: первую наставку нельзя, правда, считать исключительно старославянской, т. к. существованіе ея въ праславянскомъ подтверждается почти общеславянскимъ мси, а также мѣстными русскими формами *мси, даси* (см. у Колосова, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ

Digitized by Google

особенностей народнаго русскаго языка, стр. 243), но при ней могла употребляться и другая, утраченная старославянским языком, но сохранившаяся (в виде ш) в новославянских: у Сербов, по словам Даничича (Историја облика, стр. 268) окончаніе шь встрѣчается с самаго начала письменности; в русском Колосов отмѣтил его в XIII ст. (Очерк исторіи звуков и форм русскаго языка, стр. 97); о древности ѣ у Словенцев свидѣтельствует употребленіе его в фрейзингенских статьях.

Стр. 172 (15), стрк. 15 св. То-же самое мы видим и у Хорватов-кайкавцев, в настоящее время вовсе утративших и аорист, и имперфект: громадное большинство примѣров смѣшенія у них аориста с имперфектом, приведенных Валявцем (Imperfekat kako se tvori u staroj slovenštini i prema njoj u hrvaštini ili srbštini, pak u kajkavštini. Rad Jug. Ak. Knj. LI, str. 132—135) представляет замѣну še через hu, напр. najdohu, zakriknuhu, počrnchu, dobihu, dokončahu, povedahu и т. д.

Стр. 174 (17), стрк. 17 св. Лужичане, как Верхніе так и Нижніе, не чуждаются в 1 л. ед. ч. и окончанія m: в. л. plećem, ńesem, p'ečem, chvalim, н. л. pleśom, ńasom, p'acom, chvalim и т. п., рядом с pletu, nesu и т. д. Исключительно употребляется m у тѣх же глаголов, как в польском: в. л. voľam, mam, smém, vém, dam, jém, sym (ст. поль. jesm), н. л. pytam, vém, dam, jém, som. Miklosich, Vergl. Gramm. B. III. 2 Ausg., S. 487 u. 519.

Стр. 176 (19), пр. 1. Когда у существительных установилось подобное колебаніе между ударяемым *е* и безударным *і*, то его могли перенести и на глагол.

К статьѣ О вставочных *д* и *т*.

Стр. 234 (21), прим. Полагаю, что русское слово осѣдлый, вмѣсто ожидаемаго, по закону упрощенія *дл*, **осьлый*, образовано в позднѣйшее время к глаголу *осѣдать*.

Digitized by Google

Стр. 235 (22), стрк. 13 сн. Слово zwierciadlo (зеркало)=*зерцало* очевидно переиначено из *ziercadło, будучи сближено с глаголом wiercieć (в старопольском встрѣчается и wierciadło. Linde).

Стр. 236 (23), стрк. 15 св. Что *число*, *масло*=*чьт-тло* *маз-тло*, отмѣчено уже Миклошичем. V. Gr. B. II, S. 101.

Стр. 237 (24), пр. 2. Этому особенно удивляться не слѣдует: Словенцам, как указано выше, не чуждо и возстановленіе d и t в причастіи на l, а в мѣстных говорах—в Зильской долинѣ (Geilthal)—является также орудная наставка dlo, нпр. kridlo, kresadlo.

К статьѣ О мнимом переходѣ *ы* и *и* в *о* и *е*.

Стр. 354 (27) стрк. 2 св. За древность чешскаго ej высказался Л. Гейтлер (Leopold Geitler. Starobulharská fonologie. V Praze 1873, str. 36). Впрочем, Гейтлер всякое чеш. ej, соотвѣтствующее староцерковному ъı выводит из двугласнаго ъi, представляющаго де болѣе древній вид славянскаго ы: бъıти из *бъiти (а *бъiти, через *боiти, из *buiti).

Стр. 356 (29), стрк. 7 св. Кромѣ *змѣй* и *змѣя*, очевидно равных основным *зъмьи* и *зъмьꙗ* (или *зьмьи*, *зьмьꙗ*) [1]), можно привести еще слѣдующія слова с тѣм же окончаніем: *воробéй*, *-бья́*, *соловéй*, *-вья́*, *муравéй*, *-вья́*, *жéребей*, *-бья*, *и́ней*, *-ея* [2]), *остреё*, *шлея́* [3]). Окончаніе *ей* в им. ед.

---

[1]) Окончанія ии, иꙗ, иѥ я вообще считаю исключительно староцерковными, а за праславянскія принимаю ьи, ьꙗ, ьѥ, предполагаемыя новославянскими языками.

[2]) Отчего не *иней*, *инья*? Ст. ц. иниии, иниѥ, болг. *иней*, серб. *ине*, слов. imje, ivje (словенская форма очевидно переиначена примѣнительно к словам jemati и iva).

[3]) Если слово *шлея* [поль. szla, szleja, szlija (śla только иное правописаніе вмѣсто szla и также равно *ш'л'а*), н. луж. šla, чеш. šle] и заимствовано вѣроятно из нѣмецкаго (см. у Матценауера. Cizí slova ve slovanských řečech. V Brně 1870, str. 327), но суффикс его — славянскій. Слово *колей*, должно

Digitized by Google

ч. существительных м. р., а также в род. п. мн. ч. свойственно не только великорусскому нарѣчію, но и малорусскому, которое в прочих случаях чередованія великорусскаго *е* с иноплавянским и сходится с остальными славянскими языками, а относительно ы всегда с ними сходится: является выговор *соловей, -вя, коней, свиней, дітей* [1]). См. у Потебни, О звуковых особенностях русских нарѣчій (Филологическія Записки, 1865, В. I, стр. 53). Собственныя имена па *ии*, как *Еремии, Сергии*, в качествѣ иностранных не подходят под общую мѣрку: в них, должно быть, вмѣсто чуждаго окончанія *ии* прямо *подставили* свое *ей*; это, думается мнѣ, сдѣлали и Малороссы, о чем свидѣтельствуют не только приводимыя Потебнею, в указанном мѣстѣ, из памятников XVI ст. написанія *Климентеи, Веремеи, Мосеи, Лаврентеи, Василеи, Григореи*, но и мягкое (а не среднее) і в теперешних *Мусій, Веремій, Климентій* — не вижу, почему сам Потебня не сдѣлал на основаніи их этого, па мой взгляд необходимаго, вывода [2]). Не слѣдует ли также малорусское *синій* выводить из **синеи*? Или, точнѣе, не слѣдует ли думать, что мягкость и и вмѣстѣ с тѣм *н* в этом словѣ явилась вслѣдствіе колебанія между *е* и *и*, при котором и казалось однородным с і в *пів, ніс*=*печь, несъ*?

быть, сюда не относится, а представляет наставку ъм: его *е* (не бѣглое, а постоянное, равно как и в польск. kolej, -ei) удобнѣе выводить из ѣ; если б не то, так, при моем взглядѣ на дѣло, и в польском словѣ можно бы объяснять *е* из ь.

[1]) С малорусским нарѣчіем в этом отношеніи сходно и бѣлорусское разнорѣчіе (в вопросѣ об отношеніи бѣлорусской рѣчи к великорусской и к малорусской я присоединяюсь ко взгляду Срезневскаго и Потебни). См. у Колосова, Обзор, стр. 114.

[2]) Едва-ли не одинаково с собственными именами на ій образовано приведенное Потебнею же (Фил. Зап. 1865. Вып. II и III, стр. 100) галицкое *соловій, -іи*, которое вовсе не соотвѣтствует основному *соловеи, соловеја* и не соотвѣтствует также предполагаемому мною *соловеи, соловеја*.

Digitized by Google

Стр. 357 (30), пр. 1. Столь же странно возводить к праславянским временам общевеликорусское (точнѣе, почти общевеликорусское) *доброй*, как это дѣлает Гейтлер (Starobulharská fonologie, str. 38): взгляд этот находится в связи с его утвержденіем, что путь от ă к ъ непремѣнно лежит через о — что sa(p)nas дает *сонъ*, а потом уже *сънъ*.

Стр. 357 (30), стрк. 14 св. В пользу дѣйствительнаго существованія форм добрыи, синии говорят написанія в родѣ послетиѣ (см. выше, стр. 173 (16), пр. 2), которое едва-ли можно читать иначе как *послети я*, допуская переход ь в и: оутѣшатъии, почьтетии, я не задумался бы прочитать *утѣшат и*, *почтет и* и объявить плодом писцовскаго суемудрія.

К статьѣ О звуковом значеніи ѣ.

Стр. 1 (31), прим. Помѣщаемыя обыкновенно в этот список слова *сѣдла* и *цвѣлъ* пропущены не по недосмотру, а с намѣреніем, т. к. написаніе их с ѣ ошибочно: *сѣдла*, *цвѣлъ*=седьла, цвьлъ.

Стр. 2 (32), пр. 1. Срв. мое Начертаніе славянской акцентологіи, стр. 96, пр. 1.

Стр. 4 (34), стрк. 10 сн. (прим.). Не думаю, конечно, чтобы *яду* развилось из *jѣду* на русской почвѣ, а считаю его преемником развившагося из ѣдж и существовавшаго рядом с ним праславянскаго ѩдж.

Стр. 5 (35), стрк. 9 св. Шлейхер в этом сочиненіи только в перечнѣ староцерковных букв (стр. 7) передает ѣ через *je*, а ниже (стр. 35) говорит, что эта буква обозначала дифтонг *ai*, впослѣдствіи перешедшій в *ja* (в новоболгарском, а, может быть, уж и в „староболгарском“= староцерковном). См. стр. 11 (41).

Стр. 9 (39), пр. 3. Потебня приводит еще drżeć дрожать и произведенныя от слова czas wcześny и docześny. Глагол drżeć, drżę, drżysz, drżał, drżeli просто перешел в другую группу, т. е. образовал drżeć, drżeli в подражаніе

Digitized by Google

глаголам в родѣ siedzieć, siedzę, siedzisz, siedział, siedzieli. Но в словах czesny = doczesny временный, бренный (сущ. czesność, doczesność), bezczesny безвременный, недосужій, несвоевременный и wczesny своевременный, удобный (сущ. wczesność = wczas) мы, кажется, не можем не признать *подстановки е* на мѣсто *а*, под вліяніем тѣх случаев, в коих поль. *а* замѣняет *ѣ*. Повторить за Потебнею, что в словах drżeć и wczesny могло сказаться „чутье происхожденія их *а* из *ѣ* (дръжати = *дръгѣти, часъ = *кѣсъ)“ я никак не рѣшаюсь.

Стр. 9 (39), пр. 4. Конечный *ѣ* замѣнен через *е* напр. в словах рацé (ржцѣ) руки и те (тѣ) они.

Стр. 12 (42), стрк. 12 св. Мой взгляд на выговор *ѣ* отчасти совпадает со взглядом Колосова (см. выше, стр. 10 (40), пр. 1] и со взглядом Я. К. Грота, высказанным им в Спорных вопросах русскаго правописанія. Изд. 2-е. Спб. 1876, стр. 308—309). Весьма правдоподобным мнѣ кажется предположеніе послѣдняго, что *ѣ* походил на финское ä (mäki гора, tämä этот), т. е. еще болѣе приближался к *а*, чѣм французское ä в словѣ père, нѣмецкое ä в Bär, или русское ä в нѣт = ньäт: вѣдь слѣдует именно думать, что *ѣ* был звук своеобразный, чуждый греческому языку. Но, с другой стороны, я, разумѣется, рѣшительно отвергаю утвержденіе Грота (стр. 308, пр. 1), будто *ѣ* содержал в себѣ *j*.

Стр. 13 (43), стрк. 7 св. Названіе небный ряд, а также губной ряд, кажется, можно рекомендовать, но „ротовой“ ряд придуман мною довольно неудачно — кáк однако передавать нам нѣмецкія I-Reihe, U-Reihe и A-Reihe, неужели говорить ряд звука *и*, ряд звука *у* и ряд звука *а*! Если б у нас держались еще старинныя названія букв, я образовал бы прилагательныя *и́жевый*, *у́ковый* и *азо́вый*.

Стр. 13 (43), стрк. 17 св. В подобном же отношеніи, как пѣти и поѭ, находятся дѣта и доѭ (доиши, доити): дѣта, очевидно, происходит от глагола *дѣти, доѭ, *доиши, а именно от причастія его *дѣтъ.

Digitized by Google

К статьѣ О нѣкоторых формах мѣстоименія и.

Стр. 256 (45). стрк. 9 сн. Переход *ѧ* в *и* есть, собственно, неточное выраженіе, вмѣсто „переход a_2i в a_1i (ei). См. стр. 12 (42).

К статьѣ О происхожденіи славянскаго имперфекта.

Стр. 259 (48), стрк. 13 св. Сравнивая **иссоша** с **несѣдхъ**, естественно считать окончаніем только **ша**, хотя при сравненіи его с остальными лицами аориста, **нес-охъ**, **несс-е** и т. д., окончаніем является **оша**.

Стр. 263 (52), стрк. 1 и 2 св. Встрѣчающіяся иногда формы в родѣ **идоте**, **идота** слѣдует считать плодом примѣненія к 1 *л.* мн. ч., произведеннаго потому, что **идете**, **идета** совпадали с формами настоящаго [1]). Аористныя **идомъ** и **идохъ** представляют правильную окраску темового гласнаго, соотвѣтствующаго греческому *o*; в настоящем же времени произошло примѣненіе 1-го *л.* мн. и дв. ч. ко второму и третьему ед. и дв. и ко 2 мн. (Литовцы, напротив того, в угоду 1-му *л.* мн. и дв. ч., перенначили 2-е: в подражаніе *vẽžame*, *vẽžava* явились *vẽžate* и *vẽžata*. 2 *л.* ед. ч. *vẽži* и общее всѣм числам 3 *л.* *vẽža*, *vóž*, темныя по ебразованію, оставляю в сторонѣ; впрочем я склонен думать, что обрубленное *vóž* древнѣе *vẽža*, и что послѣднее есть сравнительно поздній плод подражанія большинству форм).

Стр. 264 (53). Заключительное примѣчаніе. Слѣдует еще упомянуть о посвященной имперфекту статьѣ Валявца (см. доп. к 172 (15) стр. статьи О личных наставках). Предложенное Валявцем объясненіе имперфекта, в вѣрности котораго он и сам невполнѣ убѣжден (см. стр. 136), меня удовлетворяет еще менѣе, чѣм толкованія Боппа,

---

[1]) Отвергать возможность подобнаго полунамѣреннаго различенія форм было бы неосновательно. Явленія того-же рода я допускаю и в акцентовкѣ. См. мое Начертаніе славянской акцентологіи, стр. 310, доп. к стр. 17, стр. 7.

Digitized by Google

Шлейхера и Миклошича. По Валявцу, „основа“ имперфекта образуется, то от „основы“ настоящаго, то от инфинитивной, посредством прибавленія ѣ (знака прошлости, заимствованнаго от стариннаго перфекта вѣдѣ, соотвѣтствующаго санскр. vēda, греч. οἶδα, а еще ближе эолич. Fοίδη в Fοίδημι), так что явились сначала основы *знаѣ, *имѣѣ, *гребеѣ, *можеѣ, к которым примкнул еще второй суффикс прошлости — аористное хъ. Такое объясненіе невѣроятно уже потому, что одиночная форма вѣдѣ, если даже имѣла нѣкогда значеніе прошедшаго времени, едва-ли могла сдѣлаться образцом для вновь образуемых форм, да и переход от *знаѣхъ, через *знаjѣхъ, знаихъ в знаахъ и от *можеѣхъ через *можеjѣхъ, *можѣѣхъ, *можаjѣхъ, *можаихъ в можаахъ и т. п. не та́к-то легко допустить! В статьѣ Валявца заслуживают однако благодарности собранные им многочисленные примѣры употребленія разных видов имперфекта в древнѣйших староцерковных памятниках, а также у Сербов и Хорватов-Кайкавцев.

К статьѣ О примѣтѣ второго разряда славянских глаголов.

Стр. 268 (57), пр. 1. Замѣна *νευ через νῡ, примѣнительно к свойственному другим числам νῠ, по неизвѣстному мнѣ раньше объясненію Остгофа, представляет подражаніе глаголам с примѣтами ᾱ (η) — ᾰ, η — ε, ω — ο, как ἵστᾱμι (ἵστημι) — ἵστᾰμεν, τίθημι — τίθεμεν, δίδωμι — δίδομεν. См. Р. Ф. В. кн. VI, стр. 160.

Стр. 268 (57), стрк. 12 сн. Повелительное, конечно, и само могло уподобиться повелительному других глаголов и преобразоваться из *косиъи, *косиъѣмъ в косии и косиѣмъ, в подражаніе иеси и иесѣмъ.

Стр. 268 (57), пр. 4. Едва-ли не слѣдует объяснять так же и санскритскія формы в родѣ grhṇatḗ, вм. grhṇītḗ: в таком случаѣ я, в извѣстном смыслѣ, беру назад сказанное на стр. 267 (56), пр. 3.

Стр. 269 (58). пр. 2. См. мое Нач. сл. акц., стр. 299, пр. 5.

Роман Брандт.

Digitized by Google

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

4.

Щавій-дуб и пр. (*ску, *скую).

Щавій-дуб—имя одного из сказочных богатырей, товарищей Котигорошка (Чуб. Тр. Эти. Эксп. в зап. Р. кр. II, 229 сл.; ср. мое соч. О мпо. зп. и пр. 271; Ао. П. В. II, 703 сл; К ист. зп. III, 120). Хотя сказки прямо неговорят, но надо думать, что ремесло его по то, что у Вершидуба, словен. Ломидрева или Валибука (Škult. a Dobš. Slov. Pov. 87 сл.), а скорѣе то, что у слов. Мѣсижелѣза (ib. 90), или того богатыря, за котораго выдает себя цыган или Балда в русс. сказках, когда заставляет думать змѣя или чорта, что как сожмет в рукѣ желѣзо, то из него сок потечет (на самом дѣлѣ он выжимает сыворотку из сыру). Может быть Щавидуб близок к Морозу-трѣскуну не в той роли, которую ему дают сказки (Ао. l. c.), а в той, которую мы видим в лѣсах: роли заставляющаго трѣщать дубы и выжимающаго из трѣщин сок, ибо:

зчáвити (Чуб. ib. 383), т. е. *щавити* славить; „довбня ёго *розчавíчила* (ib. 97), т. е. *розщавичила*, размножила; „*розщíвити* губу" (я отмѣчаю по памяти), раскваснть. Это послѣднее знач. ведет к дальнѣйшему родству слов темы *щав-*:

В *раскваснть*, разбить или раздавить так, чтоб потекло, значеніе „давить" представлено со стороны послѣдствія, что предполагает предыдущее значеніе мочить, увлажать, которое находим в русс. *кислуть* мокнуть (и в серб.), серб. *кíшати* и *киселити* намачивать (бѣлье в водѣ), *квасити* увлажать, макать. С другой стороны и значенія кислоты, бродила и пр. в русс. *простокиша*, *простоквата*

Digitized by Google

(К ист. зв., III, 51), *квасъ*, питье (ц. сл.), пир, имен[illegible] свадебный (в. луж.), fermentum, acidum etc. (куда нѣк[illegible] относят *caseus*, отк. käse, кельт. *kaus*, *caws*, *cos*, сыръ, куд[illegible] *кысель*, acidus, предполагают тоже значеніе жидкости, может быть именно значеніе *сочить*, *-ся*, *капать* (если *ква-с-* =*(с)ку-с)* [1]).

---

[1]) Подобныя значенія получатся, если соединить в одн[illegible] семейство: слав. *су-*, сыпать, лить (между прочим поль. *suty*), ошибочно отнесенное мною к *совати* и лит. *szauti* (К ист. зв. III, 94—5); скр. *су-*, окроплять (с *абhи*; сюда гр. ὕ-ει, дожд[illegible] идет), зарождать (о муж. сѣмени, откуда *сýну-с*, сын), выжимать сок; скр. *сава-* муж. ср. сок (Дрвн., ср. вн. *sou*, род. *souen* saft, Fick), выжиманье сомы (см. ниже); скр. *сáв-ана-*, ср., сок, его выраженье из сомы и возліяніе; веселое празденство и пир в честь Сомы; скр. *сó-ма-*, м., сок, растеніе из котораго выжимался сок и приготовлялся опьяняющій напиток народом, говорившим языком Ведъ, по БР. sarcostemma acidum, с кисловатым молочным соком, и другія (по нѣкоторым—asclepias acida); напиток из него (см. между прочим Вс. Миллер, Оч. ар. миѳол. I, 81), мѣсяц как божество и пр.; скр. *су-рá* ж., спиртной напиток, хлѣбная водка (БР.; Вс. Милл., l. c. 81—2); слав. *сы-р*, humidus (в этом смыслѣ *сыра земля*, *сыръ бар*, *сыр дуб*), crudus, *сыровъ* (русс. поль. *суров-*, отк. вр. обл. *сувор-ый*), id, откуда в русс. крѣпкій, строгій, рѣзкій, скорый и мн. др. [1]); вр. *суров-ец*, мр. *сирівець*, хлѣбный квас (не непремѣнно сырой, т. е. не хлѣбный а мучной, как думает Даль); *-ика*, *-ица*, первый погон смолы или дегтю, водянистый; п. *surowica*, соляная рона для выварки соли. Т. о. и в славянском находим значеніе темы *су-р-*, *сý-р-* свойственное ей в лит.-лот.: лит. *suru-s*, соленый, лот. *sū-rs*, тоже, а также кислый (о яблоках; неясность различія между кислый, соленый, горькій—в нѣм. *saurer schweiss*, *горькій* пот), горькій, тяжелый, трудный. В герм. нарѣчіях та же тема в др. вн. *sûr-ougi*, *кислоокій*, triet-äugig, *sûr* [2]), нов. вн. *sauer*, кислый, горькій, непріятный. Такое построеніе ка-

---

[1]) Тихо сказать дитям—непослушают, *Сýрово* да сказать дитям—обиждаются, Барс. Прич. 87; Вдова: „Мнѣ недать спѣси во бладу во головушку, Суровьства (по мнѣнію издат., рьяности, горячности) да во ретливое сердечюшко, ib. 39; Ворочусь да тут горюша поскорешенько; По новым сѣнях да суровешенько. ib. 223.

[2]) Откуда поль. *kur*, мучной квас для борщу.

Digitized by Google

Как *расквасить* относится ко *квас-*, *кыс-* в значеніи жидкости и кислоты, так *розщавити*—к слѣдующему:

Серб. *штйв-а* моченье кож для дубленья, *-ити* кожу= ...ити (т. е. собств. мочить, м. б. именно в „квасу“). Сюда же ц. сл. *штав-ьство* mollities, обратно с отношеніем нѣм. *weich* к *einweichen*. Ч. *šťáv*, *šťovík*, сок. Основн. слав. **щавјь*, rumex : русс. *щавéль* и *щáвель*, род. *-вля*, *-влю*,

---

жется болѣе вѣроятным, чѣм то, которое дѣлит *sur-us* и сближает *sur* с *sar* в скр. *сара* ср. вода, м. соль = гр. ἅλ-ς, море, соль, лат. *sal*, сл. *соль*.

Принимаемое и Миклошичем (Lex.) сближеніе Курціуса греческаго ὀρός (spir. lenis вм. *c*, как в ἐτεός истинный = скр. сатјас), лат. *serum*, сыворотка, скр. *сара-с*, ссѣвшееся молоко, со слав. *сыръ* caseus, если бы оказалось предпочтительным, повлекло бы за собою отдѣленіе и лит. *surus* и пр. от *су-* и присоединеніе его к корню *сар-*. Ибо *сыръ* (откуда могут быть заимствованы лит. *suris*, лот. *sêrs*, caseus) и *сыроватка* (откуда вр. *сыворотка*, как *суров*=*сувор*); чеш. *syrowatka*, вл. *syrowatka*, мл. *srowatka*, п. *syrowatka*, *sérwatka*, хорут. *siratka*, *sirotka*, серб. *сýрутка*, болг. *сурвáткà*, serum (= поль. *kapałka*, вл. *kapalca*, н. луж. *kapalica*, как жидкое, отцѣживаемое) трудно будет отдѣлить от темы *suru-*, так как есть указаніе, что в *сыръ* ъ=у; именно не только род., а в вр. и мѣстн. *сыру*, в *сырý*, но и мр. зват.: Ой сúру-ж мій сиру, да білій же ти снігу; Ой зятю-ж мій зятю, да милій же ти сину (sic, б. м. единственный живой остаток родит. *сыноу*, Метл. 192) [1]. Конечно, такое указаніе недостаточно без подтвержденія древними памятниками.

Во всяком случаѣ, раздѣлим ли мы: *сы-р-ъ* (кор. су), или, предположивши переход ар- в ур-, *сыр-ъ* (кор. *сар-*), значеніе *caseus* будет здѣсь предполагать посредственно или непосредственно значеніе жидкости, как скр. *сара-м* и *сáра-с*, coagulum (Pott, Wz. Wb., II, 1, 661), отлично от *теар-огъ*, при поль. *tworzyć sery*, вл. *tworić mleko*, лит. *kėžą twérti*, отдавливать сыр, хорв. *tworilo*, форма для сыра (Лавровскій, Опис. семи рукоп. 76, Чт. в Об. Ист. и Др. 1859, IV), что сходно с фр. *fromage*, вт. *formaggio*, от *forma*, в знач. сосуда или корзинки для дѣланья сыра.

---

[1] „Бѣл, как сыр“ ср. с „вѣжа средѣ города высока, убѣлена яко сыръ“, Ип.[1] 196.

Digitized by Google

серб. *штàвел, штàвал*, род. *-вла, штàвле*, ср. (Босн., Дубр. штавје), ч. *šťavel, šťavík, šťovík*, поль. *szczaw', -wiu*, rumex, хорут. *šč̄av*, зелень свеклы, картофеля и пр. Представленіе здѣсь сходное с русс. — *кислица* и пр. (Даль, щавель) хорв., хорут. *kislica, kiselica*, rumex acetosa. Лот. *skābenes*, род. *ńu*, мн. щавель, при *skābs*, лит. *skabus*, острый, кислый, или должно быть совсѣм отдѣлено от славян. *щав-*, или, что затруднительно, возведено к **skav-*.

С этим *щав-*, **щьв-* можно сблизить вр. *щ-и*, мн., род. *щей*, похлебка из щавлю, ботвиньи или кислой капусты.

В скр. ср. *čyu-, čyav-a-tē*, колебаться, двигаться, удаляться, выходить; *вытекать струей* и *каплями* (из **скju*); *çyu-t-* сочиться, капать, источать.

— *Скава* и пр. Предположив, что в слав. *щав-* небность развилась независимо от скр. *(c)čyu-*, или же — что издревле существовали параллельныя формы небная (отк. щав-) и твердая (скав-), можно бы отнести сюда же п. *Skawa*, приток Вислы, вытекающій из запад. Бескидов. В таком случаѣ *Skawa* : **cку* (течь)=*Сава* : *су* (течь), или еще частнѣе: *Skawa* : **щава* (сок)=*Сула* (приток Днѣпра) : лит. *sulà* березовый или кленовый сок, лот. *sula*, тоже, а равно pēnu sula, сыворотка (=лот. *sulińa, pasulińa*, относительно *ра* = *па-сока), galàs sula* мясной навар, *asins s.* сукровица, *sulōt* пускать из себя сок, медленно течь, капать [1]). В таком же отношеніи р. *Оскол*, приток Донца (при лит. *skal-auti*, полоскать, скр. *кшал-ати* (из скал-) течет, *кшалајати*, омывает, мое Сл. о П. Иг.. 105) к поль. (куяв.) *oskoła, oszkoła*, березовый сок (Kolberg, Lud, IV, Словарь). Ср. также отношенія: *Мжа* (т. е. *Можа*, рѣка в разных мѣстностях) и обще индо-евр. кор. *мид* (мочиться,

---

[1]) В звуковом отношеніи — сближеніе неточное, ибо слав. у=лит. *u*, а не *ū*.

Digitized by Google

источать сѣмя), mingere, лит. *myžti*; *Псёл*, род. *Псла*, мр. *Псло*, м. р., др. русс. *Пьс-лъ* (къ Песлу, Лавр.[1], 146), кор. *пис*, что в дѣтском *писять*, серб. *пишати*, лит. *pissa*, cunnus, *pisti* coire.

Лежат ли в основаніи этих и подобных названій конкретные образы, на пр. происхожденія рѣк от мочи небесных существ (Ао. П. В. I, 670 сл.), или же значенія болѣе общія, на пр. ручья, потока, рѣшить трудно. Скорѣе всего то то, то другое.

Замѣчу к слову, что мнѣ кажется слишком поспѣшным возводить *Израй* или *Изрой*-рѣку вр. былин к Израилю, аналогично с Сафат-рѣкой, в которую превратилась Іосафатова долина (Безсонов в Кир. П. IV, CXVI; Jagić Arch. I, 85). М. б. измѣненіе *о* в *а* в *Израй* и произошло таким образом; но *из-рой*=поль. *z-d-rój*, caput fontis, синонимично с серб. *из-вор*, *извир*, мр. *звір*, род., *звора*, Гол. I, 156, и с былинной рѣкой *Самородиной* (Кир. I, 36 et pass.; чтеніе „Самородина" во многих случаях возстановляет размѣр 5+5), откуда искаженіе : р. *Смородина*. Т. о. названіе *Изрой-рѣка* м. б. архаично, ибо как нарицательное= поль. zdroj (*из-д-рой, скр. *raj-a-c* поток) [2]), сколько извѣстно, в русском языкѣ неуцѣлѣло.

Подобным образом былинная *Сорога-рѣка* (Рыбн., I, 261; она же *Черёга*, Кир. П. IV, указатель; измѣненіе *с* в *с* нёбное и *ч* мыслимо в свр. говорах, измѣняющих, *ч* небное в *ц* и *с*; ср. *точмян*, *течмян*=*тесьмян*, Колосов, Матер. для

---

[1]) На оборот, вм. *смородина* ягода (первоначально—только черная, ribes nigrum, от душистых листьев; вѣроятно только к ней относилось первоначально и назв. мр. *по-річки*, н. *porzeczki*, красная и бѣлая см., откуда мр. *позички* в посл.: „був голосок, та позички зъїли", т. о. голос пропал от кислоты ягод) в вр. п. *самородина*:

В саду ягодка самородинка!
Ты когда взошла, когда выросла?

(Земля В. Д., ст. Трехостровянская, зап. студ. Аврамов).

[2]) Сюда же и *рой* пылъ, как стремленіе.

Digitized by Google

характ. свр. пар. 30; Обз. звук. и форм. особ. пар. р. яз., 177—8), могла быть парицательным именем потока: кор. *сарι*, что в скр. *сṛджáти*, испускать, изливать, производить (сюда *селезень*, К ист. зв. I, 167, по не *селез-ень*, гдѣ *селез* = *ся..лн-), *сарια-* муж. в знач. струя (strahl von flüssigen, guiss, das hingiessen), хорут. *sraga* капля (=русс. *сорога), общесл. *слѣза*.

5.

— *Честь*, мр. *частова́ти* (К ист. зв., III, 45), вр. *по́тчевать* (Срезн. Изв. Имп. Ак. Н. по Отд. Р. яз. VII, 213—7; *Грот*, Спорные вопр. русс. правопис. Спб. 1876, 446). Предположеніе, что *потчевать* от поль. *poczta*, honorarium, ehrengeschenk, необъясняет *ч* в *потчевать*, *потчивать*, *поччивать*, *-ччую*. Как из *лучше—лучче* и *лутче*, и как из *дъщанъ—*тчан*, **ччан*, *чан*; так м. б. из *чщ* в **по́чьщевати* (конечно с удареніем несовсѣм обычным)—*чч* и *тч*. — Особенность значенія упомянутых глаголов—чтить или угощать именно напитками или наѣдками, что предполагает такое же частное значеніе в *честь* и *почесть*. Кромѣ серб. *част*, поль. *uczta*, вр. *честь* (Срезн. l. c.), ср. еще мр.

Мати сина вираджала,
А вираджавши научала:
„*Пепий*, синоньку, першої *чести* в тещі
„Вилий, синоньку, копикові на гривоньку,
„Щоб гривонька ласнавенька була,
„Щоб наша дівонька прикладненька була,

(Когда молодой с короваем ѣдет к молодой, Stecki, Wołyń, I, 79).

...Да хоч же ми бо сидимо,
Да не вашую *честь пьемо;*
Хоч за вашими столами,
Дак за сватніми чашами,
Боришполь, Переясл. у. Чуб. IV, 209.

А я в чужум краю сама пробываю,
А свого брата *на чесць зазываю*,.
Zieńkiewicz, P. I. Pińsk. 372.

Сходно с этим *повага*—почестное угощеніе:

Були ми у пана, За Марисю дівку,
Була нам *повага:* Выпили бочку пива,
Пили мед—горілку За хорошого сина.

(На другой день послѣ свадьбы, идучи „ze dworu“, Stecki, Vołyń, I, 86).

А. Потебня.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И РАЗНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Archiv für Slavische Philologie, unter Mitwirkung von A. Leskien und W. Nehring herausgegeben von *V. Jagić*. Berlin. 1880—81. V Band. 8° 712.

Содержаніе V т. Archiv'a Ягича слѣдующее:

I. Статьи *филологическія*:

1—14. Мнѳологическіе очерки проф. В. Ягича (Продолженіе). II. „О Дажьдьбогѣ". 17—79. Южно-славянскія народныя сказки. Изданіе Ягича, с примѣчаніями Кёлера. 80—94. 683—31. Критическія примѣчанія к текстам старохорватских поэтов, Лескина и Ягича. 191—92. О происхожденіи глаголической азбуки. Замѣтка Dr. И. Таплора. 193—214. К вопросу о славянских рунах, Ягича. 267—274. Двѣ далматинскія церковныя пѣсни. Изданіе Менчича, с примѣчаніями Ягича. 333—369. Славянскія поселенія в Гассенгау, Dr. Грёслера (при участіи А. Брюкнера). 390—97. Критика одного мѣста у Константина Багрянороднаго, К. Грота. 398—401. По поводу легенды „о вѣчном жидѣ", А. Веселовскаго. 402—424. О молитвенникѣ Св. Ядвиги, Dr. Даныша, 580—612. Старославянскій Евангелистарій попа Саввы, В. Ягича. 612—623. По критикѣ древне-русских текстов, Шахматова. 631—656. Народныя преданія в окрестностях Тарнобржега в Галиціи, записанныя и изданныя С. Матуляком: работа образцовая в своем родѣ. Недавно изданы тѣмже автором историческія преданія народа той-же мѣстности п. з.

Historya Polska
w opowiadaniu ludu.
(Kraków, 1881. 8° 29).

Digitized by Google

II. Статьи *лингвистическія*:

1—17. К ученію о звукахъ и флексіяхъ латышскаго языка, Лескина. 95—112. Выдержки изъ старочешскаго глоссарія (Mammotrectus), Ф. Менчика. 112—180. Matronymica, какъ названія (польскихъ) фамилій, Dr. И. Карловича. Очень интересныя наблюденія. Ср. объясненія фамилій:

Anczyc (писатель) изъ (H)anka (с суф. -ic)

Staszyc=Staszic изъ Stach

Naruszewicz (писатель) изъ *Maruszewicz (ср. рус. Marusia и фамилію: Narkiewicz, Narutowicz=Markiewicz, Marutowicz).

181—188. О говорѣ „народныхъ сказокъ хорватскаго приморья", изд. Микуличичемъ. Статья А. Лескина. 188—190. Количество конечныхъ гласныхъ въ литовскомъ, его-же. 216—267. О вліяніи старочешскаго языка на старопольскій. III. Пулавскій Псалтырь. В. Нерпина (Отчетъ объ этомъ трудѣ напечатанъ мною во 2 кн. „Вѣстника" за т. г.). 370—77. Изслѣдованія въ области ново-болгарскаго языка, Дринова. I. Рефлексы старославянскаго ж и ъ въ новоболгарскомъ. 377—390. К ученію о славянскомъ „палаталнзмѣ" (мягкости согласныхъ), Dr. Кирсте. В первой части своего труда авторъ объясняетъ: что такое мягкіе согласные? (377—383), во второй изслѣдуетъ „происхожденіе" (383—390). Между прочимъ, затронутъ здѣсь вопросъ о происхожденіи формъ типа пешти. Ходъ развитія этихъ формъ, по мнѣнію Кирсте, слѣдующій:

Основная форма: pekti

*pex'tx'i — стсл. пешти.

*petx'-i

серб. пећи *petśi

рус. печи piec(y) поль.

497—533. Образованіе основы настоящаго и отношеніе ея къ основѣ неопредѣленнаго въ славянскихъ языкахъ. А Лескина. (Пока напечатана только часть изслѣдованія, продолженіе слѣдуетъ). 534—580. Перегласованіе звуковъ e, ѣ, ę въ славянскихъ языкахъ, В. Ягича.

Digitized by Google

III. Статьи *критическія*:
В. Ягича, В. Нерінга, Я. Грота и А. Брюкнера. Между прочимъ, г. Брюкнеръ, разбираетъ сочиненіе г. Крушевскаго „К вопросу о гунѣ". Намъ кажется страннымъ тотъ авторитетный, подчасъ снисходительный тонъ, въ устахъ столь молодаго *дебютанта*, каковъ г. Брюкнеръ! Урокъ, какой дня года тому назадъ г. Брюкнеръ получилъ отъ проф. Даничича, повидимому, не подѣйствовалъ...

Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, von Dr. *H. Osthoff* u. Dr. *K Brugmann*. IV. Theil. Leipzig. 1881. 8° XX. 418.

Почти весь IV т. „Морфологическихъ изслѣдованій" Остгофа и Бругмана занимаетъ обширная работа *Остгофа* по исторіи индо-европейскаго вокализма (объ отношеніи гласныхъ ĭ, ŭ к ī, ū).

Сначала разсматриваются случаи чередованія ī, ū с ĭ, ŭ в одних и тѣх-же словах и формах родственныхъ языковъ (1—276); затѣмъ слѣдуютъ: обзоръ мнѣній, высказанныхъ по этому предмету, и оцѣнка ученія Пауля о тройномъ удареніи (277—281); наконецъ находимъ здѣсь примѣненіе этой теоріи (с нѣкоторыми измѣненіями) к данному вопросу.

В концѣ книги помѣщено нѣсколько замѣтокъ Бругмана (407—417).

Note Glottologiche intorno alle lingue slave e questioni di morphologia e fonologia ario-europea. Memoria di *J. Baudouin de Courtenay*. Firenze. 1881. 8° 29.

Подъ этимъ заглавіемъ изданы особымъ оттискомъ изъ Atti del IV Congresso Internazionale degli Orientalisti двѣ *замѣтки* проф. Бодуэна де Куртенэ. Одна изъ нихъ—посвящена вопросу „о гармоніи гласныхъ в резьянскихъ говорахъ" (3—21); в другой разсматривается „классификація южнославянскихъ нарѣчій". Содержаніе обѣихъ извѣстно русскимъ читателямъ по другимъ трудамъ того-же автора.

Карл Аппель.

Digitized by Google

Чтенія въ Импер. Общ. исторіи о древ. Рос. при Москов. Унив. 1881 г. кн. 1—2.

Самое крупное въ двухъ первыхъ книгахъ Чтеній о — 1) Книга бытія небеси и земли (Палея историческая) съ приложеніемъ сокращенной палеи русской редакціи — подъ ред. А. Попова, 2) Домострой по списку Импер. Общ. ист. и др. Рос. съ предисловіемъ Забѣлина и 3) Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія — соч. Жмакина.

Сочиненіе Жмакина занимаетъ бо́льшую часть двухъ книгъ Чтеній и состоитъ изъ XIV стр. Обзора литературы предмета, изъ 762 стр. изслѣдованія и 96 + X + IV Приложеній и дополненій.

Обширное изслѣдованіе г. Жмакина о Даніилѣ заключаетъ слѣдующіе отдѣлы и главы: 1) Исторію направленій Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго до эпохи митрополита Даніила; 2) Жизнь и дѣятельность Даніила, борьбу Даніила съ Заволжцами 3) Обозрѣніе сочиненій Даніила, 4) Форму сочиненій, 5) Слова Даніила съ догматическимъ содержаніемъ, 6) Слова его съ нравственнымъ, 7) Слова о сохраненіи св. преданія и церковныхъ обрядовъ, 8) Обозрѣніе посланій Даніила и 9) о кормчей Даніила.

Не смотря на довольно живое изложеніе, изслѣдованіе читается не легко. Вниманіе читателя утомляется частымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же мыслей, которыя сначала передаются въ краткой формѣ, а потомъ въ пространной. Въ этомъ отношеніи авторъ какъ будто бы слѣдовалъ Даніилу, у котораго въ „Словахъ“ первая часть въ разныхъ выраженіяхъ и съ нѣкоторыми подробностями повторяла основную мысль, высказанную въ оглавленіи. Излишнимъ балластомъ считаемъ мы и весьма подробныя историческія указанія на тѣ стороны старорусской жизни и быта, которыхъ Даніилъ касался въ своихъ проповѣдяхъ и посланіяхъ. По нашему мнѣнію, здѣсь достаточно было бы выбрать изъ сочиненій Д. только матеріалъ, которымъ и воспользовались бы историки.

Digitized by Google

Вообще, сочиненіе Жмакина нетолько не потеряло бы ни одного изъ своихъ достоинствъ, еслибы сокращено было даже на половину; напротивъ, оно много выиграло-бы, представляя болѣе цѣльный очеркъ жизни и литературной дѣятельности замѣчательнаго общественнаго и литературнаго дѣятеля XVI ст., какимъ былъ митрополитъ Даніилъ.

Довольно удачна гипотеза г. Жмакина о томъ, что Максимъ Грекъ вызванъ былъ в. кн. Василіемъ Ивановичемъ по вліянію Вассіана Косаго, которому, при составленіи сборника церковныхъ правилъ, понадобилось лицо, знающее греческій языкъ. Эта гипотеза является очень вѣроятною, если принять во вниманіе то, что судьба Максима въ Россіи, съ самаго пріѣзда его, тѣсно связана была съ судьбою Вассіана. У нихъ были и одинаковыя воззрѣнія на занимавшіе тогдашнее общество вопросы, и одинаковыя знакомства и связи, за что и постигла ихъ одинаковая участь—осужденіе на соборѣ и заключеніе въ монастырѣ.

Не смотря на указанные нами недостатки, сочиненіе Жмакина составляетъ крупный вкладъ въ исторію древнерусской литературы.

Кіевскія Университетскія Извѣстія 1881 г.

Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи — *Жданова* N. 1, 3, 4, 5, 7, 8.

Исторія Сѣверской земли до половины XIV в. *Бантыша* N. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Палея — ст. *Жданова* N. 9, 10.

† А. А. Котляревскій.

Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія 1881 г.

Іоакимъ патріархъ Московскій *И. Смирнова* N. 4, 5

Новая древнеславянская рукопись Евангелія (кн. Горчакова 1299—1306) извѣстіе N. 4.

Digitized by Google

Замѣтки и извѣстія: Первая печатная библія. Одежда съ халдейской вещи N 6.

Объясненіе словъ, входящихъ въ священную, церковную исторію, а также вообще въ священныя книги N. 6.

Макарій митрополитъ всероссійскій и литературная дѣятельность его П. *Лебедева* N. 7.

О церковно-библейскомъ словарѣ прот. Невоструева N 3. Образцы изъ славяно-греческаго и греко-славянскаго словаря пр. Невоструева ст. Кастальскаго N. 8.

Въ первой статьѣ сообщено свѣдѣніе о томъ, что покойный протоіерей А. И. Невоструевъ въ теченіи двадцати лѣтъ занимался составленіемъ славяно-греческаго и греко-славянскаго словарей. Года за-два до смерти онъ началъ переписывать и приводить въ порядокъ свой словарь и успѣлъ самъ переписать его до слова: даже. Остальное осталось въ черновыхъ тетрадяхъ, написанныхъ очень мелко, испещренныхъ множествомъ строкъ и словъ, надписанныхъ надъ строками, имѣющихъ надъ собою или гдѣ нибудь съ боку еще прибавки и дополненія, и притомъ отъ многолѣтняго употребленія очень затертыхъ и истасканныхъ, такъ что разобрать, переписать и привесть въ порядокъ тоже составляло не малый подвигъ.

Словъ переписанныхъ самимъ авторомъ 3623, словъ переписанныхъ переписчикомъ, будетъ около 10,300, всего около 14,000.

Рецензентъ, въ интересахъ науки, выражаетъ желаніе, что бы указаны были средства къ изданію этого словаря. Дѣйствительно, этотъ словарь былъ бы очень полезенъ, не только для богослововъ, но и для филологовъ.

Очерки русской мистеріи въ ея представителяхъ *В. Сахарова* N. 10.

Сборникъ 2-го отд. Имп. Ак. Н. т. 21—27. СП. 1881 г.

Въ протоколахъ засѣданій 2 отд. А. Н., помѣщенныхъ въ 21 и 22 т. находятся слѣдующія извѣстія о дѣя-

Digitized by Google

тельности академиковъ и о имѣющихъ скоро появиться трудахъ ихъ и другихъ лицъ.

1) Покойный академикъ Срезневскій въ концѣ 1879 года сдалъ для напечатанія вторымъ изданіемъ свой трудъ: „Общее повременное обозрѣніе древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка". Кромѣ поправокъ въ новое изданіе войдетъ и 40 письменныхъ листовъ дополненій.

2) Для исторіи русскаго литературнаго языка составляются словари къ отдѣльнымъ писателямъ: акад. Гротомъ составляется словарь къ сочиненіямъ Державина, Сухомлиновымъ къ соч. Жуковскаго; Вяч. Изм. Срезневскимъ къ баснямъ Крылова.

3) Извѣстный драматическій писатель А. Н. Островскій, занимаясь составленіемъ матеріаловъ для словаря Русскаго народнаго языка, предполагаетъ представить свой Сборникъ во 2-е отд. А. Н.

4) Проф. Дух. Ак. Барсовъ привезъ въ порядкѣ два рукописныхъ тома „Матеріаловъ для русскаго корнеслова", собранныхъ пок. ак. Павскимъ. Рукописи приняты на храненіе по 2 отд.

5) П. В. Шейнъ доставилъ въ 1880 г. въ Отдѣленіе рукописный Сборникъ Духовныхъ стиховъ и другой — Бѣлорусскихъ пѣсенъ.

6) Наблюденіе за печатаніемъ и корректурою словаря древне-русскаго языка, составленнаго п. ак. Срезневскимъ, принялъ на себя ак. Ягичъ, который занимается также и составленіемъ сравнительнаго словаря славянскихъ языковъ.

7) Положено напечатать въ Сборникѣ 2-го от. трудъ В. Качановскаго: Образцы болгарскаго народнаго языка съ XVII в. и Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ.

23—27 т. Сборника заключаютъ въ себѣ Русскія народныя картинки, собранныя и описанныя Д. Ровинскимъ: 1 кн., Сказки и забавные листы; 2) Листы историческіе, календари и буквари; 3) Притчи и листы духовные; 4) Примѣчанія и дополненія и 5) Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ.

Digitized by Google

Вѣстникъ Европы 1880 г.

И. И. Срезневскій—Некрологъ. А. Пыпина. N 3.

Князь Антіохъ Кантемиръ въ Парижѣ — Стоюнина. N 8, 9.

1881 г.

Изъ Пушкинской переписки. Переписка Пушкина съ Плетневымъ. Я Грота. N 3.

Драма страстей Господнихъ. Духовныя представленія въ Баварской деревнѣ Обераммергау. К. Крылова. N 3.

Изъ воспоминаній Вельтмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ. Е. С. Некрасовой. N 3.

Изъ Пушкинской переписки. Письма Пушкина о Борисѣ Годуновѣ съ замѣчаніями Гаевскаго. N 2.

Изъ Пушкинской переписки. 8 писемъ къ Дельвигу. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Гаевскаго. N 1.

Изученіе русской народности. А. Пыпина. N 8, 9, 11.

Литературные проэкты Пушкина. Планъ соціальнаго романа и фантастической драмы. Аннепкова. N 7.

Воспитательныя цѣли преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ. Смирнова. N 9.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1880 г.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. П Морозова. N 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9.

Объ элементарномъ курсѣ роднаго языка. Страхова. N 2, 4.

Наша учебная литература. Кирпичникова. N 3.

Методъ веденія сочиненій въ старшихъ классахъ гимназій. Бѣлявскаго. N 4.

Историки литературы Славянъ. Кочубинскаго. N 5.

Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка. Ламанскаго N 6.

Легенда о Вѣчномъ жидѣ и императорѣ Траянѣ. Веселовскаго. N 7.

Digitized by Google

Памятники Русской противокатолической полемики XVI в. Жмакина. N 10.

Славянофильство, какъ философское ученіе. Павва. N 11.

О славянскихъ народныхъ воззрѣніяхъ на новорожденнаго ребенка. Сумцова. N 11.

О посланіи Даніила Заточника. Модестова. N 11.

О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ. Майкова. N 11.

Наша учебная литература. Страхова. N 11.

Объ элементарномъ курсѣ грамматики. Страхова. N 12.

Ж. М. Н. Пр. 1881 г.

Славяно-русская палеографія. Срезневскаго. N 1.

Сравнительная грамматика слав. языковъ Миклошича, т. I, изд. 2. Соболевскаго. N 1.

Хорватія, Славонія, Далмація и Военная граница — соч. Березина. В. Макушевъ. N 1, 2.

Жизнь Державина — соч. Грота. Л. Майкова. N 2.

Извѣстія Конст. Богрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ — соч. К. Грота. Флоринскаго. N 3, 6.

Историческо-сравнительная грамматика польскаго языка — соч. Малэцкаго. М. А—скаго. N 3.

О нѣкоторыхъ трудахъ историко-филологическаго отдѣленія Краковской Академіи Наукъ. В. Макушева. N 3.

Городскія общины въ Далмаціи въ X и XI в. Смирнова. N 4.

Гаттала—Остатки старочешскихъ рнемованныхъ Александреидъ. Аѳенкова. N 4.

Вопросъ о народности Русовъ, Болгаръ и Гунновъ. Иловайскаго. N 5.

Труды филологическаго отдѣленія Краковской Академіи Наукъ. В. Макушева. N 5.

Сумцовъ. О свадебныхъ обрядахъ преимущественно русскихъ. Кирпичникова. N 7.

Нилъ Полевъ. Жмакина. N 8.

Лукіанъ Мушницкій. Н. Кулаковскаго. N 8.

Digitized by Google

Замѣтки о Русахъ Ибнъ-Фадлана и другихъ арабскихъ писателей. Стасова N 8.

Итоги славянской и русской филологіи. Кочубинскаго. N 8.

Губерти. Матеріалы для русской библіографіи. Языкова. N 8.

Хорватскія лѣтописи XV и XVI в. Качановскаго. N 9.

Старецъ Арсеній Грекъ. Колосова. N 9.

Южнорусскія сказанія по рукописи биліотеки Оссолинскихъ во Львовѣ. Макушева. N 9.

Макарій Митрополитъ всея Россіи. Заусцинскаго. N 10, 11.

Бодуэнъ де Куртенэ. Нѣкоторые отдѣлы сравнительной грамматики слав. языковъ. В. К. N 10.

Рецензія, представляющая нѣкоторыя любопытныя замѣтки, всетаки писана наскоро, отъ чего и произошли кое какіе промахи. Такъ напр. авторъ слишкомъ поспѣшно утверждаетъ, что Бодуэнъ де Куртенэ обнаруживаетъ незнаніе, что остатки носоваго произношенія существуютъ и у Болгаръ и пр. Смѣемъ увѣрить рецензента, что Бодуэну извѣстны эти остатки и изъ тѣхъ же источниковъ, которые приводитъ рецензентъ, и изъ другихъ (см. Подр. прогр. лекцій, стр. 200, 201, 204). Но въ своихъ Чтеніяхъ г. Б. говоритъ на 23 стр. не объ остаткахъ носоваго произношенія — о сочетаніи гласнаго съ носовымъ согласнымъ, а о настоящемъ носовомъ произношеніи. Предположеніе г. рецензента, не считаетъ ли г. Б. бѣлоруссовъ вѣтвію польскаго племени, мы считаемъ вовсе не умѣстнымъ, если рецензентъ серьезно смотрѣлъ на свои замѣчанія. Въ указанной Программѣ подъ общею рубрикою „Русская діалектологія", находятся частныя: „Главныя особенности великорусскаго языка и велико-русско-бѣлорусскихъ говоровъ, общія свойства всѣхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ". Наконецъ, на 11 стр. нѣтъ опечатки: х (χ, ch) есть, по системѣ Б., проведенной черезъ всю книгу, не лат. иксъ, а χ (гр. и сл.).

Крушевскій. Къ вопросу о гунѣ. В. К. N 11.

Digitized by Google

Варшавскія Университетскія Извѣстія 1881 г.

Отчетъ орд. проф. Варш. Унив. В. В. Макушева о научныхъ занятіяхъ за границею въ дек. 1880, и янв. и февр. 1881 г. N 4, стр. 1—40.

Это собственно только часть (1-я) Отчета о научныхъ занятіяхъ,—проф. Макушева во время ученой командировки въ 1880/1 гг. Вторая часть — о занятіяхъ въ Сербіи и Венгріи скоро будетъ напечатана. Въ настоящемъ Отчетѣ авторъ въ хронологическомъ порядкѣ говоритъ о своихъ занятіяхъ въ Краковѣ и Львовѣ, и передаетъ въ общихъ чертахъ о ходѣ своихъ занятій, часто ссылаясь по тому или другому вопросу на особыя спеціальныя статьи, напечатанныя уже въ другихъ изданіяхъ. Изъ такихъ статей намъ извѣстны:

1) Новая польская книга о гегемоніи Россіи въ славянск. мирѣ (Берегъ 1880, N 183). 2) Г. Потрашевскій и основанное имъ патріотическое общество, религіозно-панславянское (ib. 184). 3) Возможно-ли объединеніе Славянъ подъ гегемонію Россіи? (ib. 197 и 200). 4) Мнѣніе слависта о происхожденіи Румынъ (Россія 1880, N 72). 5) Разборъ сочиненія г. Березина: „Хорватія, Славонія, Далмація и Военная граница (Ж. М. Н. Пр. 1881, янв. и февр.)“. 6) О нѣкоторыхъ трудахъ историч. отдѣл. Крак. Ак. Н. (ib. март). 7) О трудахъ филологич. отдѣленія той-же Академіи съ ея основанія по 1881 г. (ib. май). 8) Новый польскій учено-литерат. журналъ Muzeum (Русская Мысль 1881, сентябрь). 9) Рукопись сербскаго деспота Стефана Лазаревича 1421 г. (Р. Фил. В. 1881). 10) Письма о Галиціи (Русь 1881 г.). 11) Monumenta historica Slavorum meridionalium vicinorumque populorum. Vol. 2. Изд. Сербскаго Учен. Общества въ Бѣлградѣ, 1881 г. 12) Южнорусскія сказанія XVI вѣка въ рукописи библіотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ (Ж. Мин. Нар. Пр. 1881, сентябрь).

Такихъ сказаній въ Сборникѣ второй половины XVIII в. находится шесть: 1) Исторія о женѣ Майдонѣ, царицѣ

Digitized by Google

безбожной и бестіальной; 2) Повѣсть о трехъ юношахъ, царехъ, братіяхъ родныхъ (о днехъ послѣднихъ); 3) Рацiя царя Михаилѣ, како будетъ царемъ тридцять лѣть; 4) О царствѣ антихристовѣ и днехъ послѣднихъ; 5) Слово единой дѣвицы пустыножителницы; 6) Повѣсть о человѣцѣи и смерти. Всѣ эти шесть повѣстей, по словамъ Макушева, переведены и передѣланы съ польскаго языка въ концѣ XVI или началѣ XVII в.

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь статей, проф. Макушевъ намѣренъ напечатать и еще нѣсколько, и затѣмъ издать— „Исторію славянскихъ литературъ". Послѣдній трудъ, безъ сомнѣнія, будетъ вѣнцомъ ученой и профессорской дѣятельности нашего, въ настоящее время, перваго слависта. Что ожидаемый нами трудъ будетъ не изъ числа заурядныхъ, за это ручается прежняя научно-литературная дѣятельность проф. Макушева. Въ 3 N Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій за 1879 г. была напечатана программа Университетскихъ Чтеній по исторіи Славянскихъ литературъ проф. Макушева и при ней помѣщенъ былъ списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ его. Изъ этого списка видно, что ученo-литературная дѣятельность проф. Макушева началась съ 1860 г. и большая часть указанныхъ здѣсь трудовъ (числомъ 63, за исключеніемъ многихъ мелкихъ газетныхъ статей) основана на вновь открытыхъ авторомъ источникахъ.

Приходится нѣсколько пожалѣть о томъ, что проф. Макушевъ, зная, какъ мало расходятся подобные труды въ Россіи, намѣренъ издать свою Исторію на французскомъ языкѣ.

Въ N 317 Порядка 1881 г. напечатано слѣдующее письмо профессора Петербургск. консерваторіи Фаминцына:

М. г. Занимаясь изслѣдованіемъ вопроса о музыкѣ древнихъ Славянъ, остатки которой несомнѣнно сохраняются и въ нынѣ еще распѣваемыхъ Славянами пѣсняхъ, преимущественно обрядныхъ, позволяю себѣ, съ цѣлію по-

Digitized by Google

полненія уже собранныхъ мною матеріаловъ чрезъ посредство уважаемой газеты Вашей обратиться къ любителямъ Славянской старины, живущимъ какъ въ Россіи, такъ и въ западныхъ и южныхъ славянскихъ государствахъ, и имѣющихъ въ рукахъ еще неизданныя великорусскія, малорусскія, бѣлорусскія и галицкія, а также западно и южно-славянскія пѣсни (именно тексты, съ относящимися къ нимъ мелодіями), съ покорнѣйшею просьбою, не найдутъ ли возможнымъ сообщить мнѣ такія пѣсни съ указаніемъ, по возможности тѣхъ мѣстностей, гдѣ пѣсни эти записаны, и съ разрѣшеніемъ пользоваться ими въ предполагаемомъ трудѣ моемъ. Желательно было бы получить пѣсни свадебныя, похоронныя, причитанія надъ покойникомъ, и на могилахъ, заплачки, пѣсни, исполняемыя при гаданіи вѣнками, въ Ивановскую ночь (купальскія), въ праздникъ обжинокъ, семицкія и хороводныя вообще (включая сюда и исполняемыя при пляскѣ южнославянскаго коло и болгарскаго оро), пѣсни, сопровождающія обрядъ опахиванія (коровьей смерти) и другіе обряды, каковы: встрѣча весны (веснянки), масляницы и пр., проводы зимы (смерти), ярилы, масляницы, заклинаніе дождя и т. п., кромѣ того былины (сказителей), думы (бандуристовъ), героическія пѣсни (гусляровъ слѣпцовъ), пѣсни нищихъ и т. п., а также и мелодіи, играемыя на инструментахъ во время народныхъ плясокъ и разыгрываемыя пастухами. Всякое сообщеніе пѣсенъ (текстовъ съ мелодіями) принадлежащихъ къ поименованнымъ категоріямъ, будетъ принято съ глубокою благодарностію. Я покорнѣйше просилъ бы присылать пѣсни въ заказныхъ письмахъ по адресу: Александру Сергѣевичу Фаминцыну. СПб. Екатерингофскій проспектъ, 33.

Имѣю честь покорнѣйше просить редакціи другихъ газетъ—не отказать перепечатать настоящее заявленіе мое.

СПб. 8 Н. 1881 г.

Digitized by Google

Въ Россійской Библіографіи (N 93) есть извѣстіе, о Географическое Общество, по недостатку средствъ для здапія тома по отдѣленію этнографіи, возвратило извѣстному собирателю народной поэзіи П. В. Шейну огромный сборникъ великорусскихъ пѣсенъ, доставленный собирателемъ въ отдѣленіе этнографіи для напечатанія.

Нельзя не выразить при этомъ крайняго сожалѣнія о томъ, что въ настоящее время нѣтъ у насъ порядочнаго сборника великорусскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ, и потому желательныя изслѣдованія ихъ почти не возможны, особенно для большинства нашихъ студентовъ-филологовъ. Болѣе крупные сборники—Сахарова и Шейна уже составляютъ библіографическую рѣдкость, а небольшія собранія пѣсенъ разбросаны во множествѣ разнообразныхъ и разновременныхъ изданій, которыя всѣ найдутся развѣ только въ одной Петербургской Публичной Библіотекѣ. Малорусскимъ и бѣлорусскимъ пѣснямъ въ этомъ отношеніи болѣе посчастливилось: первыя имѣютъ два прекрасные сборника — Головацкаго и 5-й томъ Трудовъ Экспедиціи въ Югозап. край, бѣлорусскія же пѣсни скоро появятся въ обширномъ сборникѣ Шейна, издаваемомъ 2-мъ отдѣленіемъ А. Н.

Digitized by Google

Указатель новыхъ книгъ и рецензій.

Эминъ. Моисей Хоренскій и древній эпосъ Армянскій. Москва 1881 г.

Потанинъ. Нѣсколько вопросовъ по изученію повѣрій, сказаній, суевѣрій, обычаевъ и обрядовъ у Сибирскихъ инородцевъ, СПб. 1881 г.

Лисовскій. Описаніе Румянцовскаго Музея. СПб. 1881.

Прозоровскій. Новый опытъ объяснительнаго изложенія Слова о полку Игоревѣ. СПб. 1881 г.

Барсовъ Е. Богатырское Слово въ спискѣ начала XVII в. СПб. 1881 г. ц. 15 к.

Годовиковъ. Описаніе и изображеніе древностей Псковской губерніи. Вып. 2. Псковъ 1881 г.

Голубинскій. Исторія русской церкви (Рец. Вадковскаго. Прав. Обозр. N 8).

Пушкинъ А. С. Сборникъ новонайденныхъ его произведеній. Его черновыя письма. Письма къ нему разныхъ лицъ. Замѣтки на его сочиненія. Москва 1881 г. ц. 1 р.

Памятники древней письменности XIV, О девяти музахъ и семи свободныхъ художествахъ. О разумѣ. О мысли (изъ діалектики Іоанна Дамаскина) СПб. 1881 г.

Богородицкій В. Изученіе малограмотныхъ написаній. Воронежъ 1881 г. ц. 20 к.

Богородицкій. Лингвистическія замѣтки. Вып. I. О морфологической абсорпціи. Варшава 1881 г. ц. 20 к.

Ждановъ. К литературной исторіи русской былевой поэзіи. Кіевъ. 1881 г.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности. Томъ 28-й. СПб. 1881 г.

К. Я. *Гротъ.* Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка. СПб. 1881 г.

Бодуэнъ де Куртенэ. Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ (Ж. М. Н. Пр. 1881 г. N 12).

Digitized by Google

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА
1-е прибавленіе къ VI тому 1881 года.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Эта замѣтка представляетъ попытку, ради педагогическихъ цѣлей, звуковыя измѣненія, указанныя въ грамматикѣ пр. Буслаева, привести къ двумъ *единообразіямъ* — *ассимиляціи и диссимиляціи*, и такимъ образомъ *мотивировать* эти измѣненія. Такъ какъ эта замѣтка не спеціальное изслѣдованіе предмета, то въ ней будетъ обращено вниманіе только на то, гдѣ дѣйствующій законъ выступаетъ со всею рельефностью. Слова, представляющія большія усложненія, будутъ оставлены въ сторонѣ (такихъ, правда, словъ въ грамм. Буслаева нѣтъ).

§ 16 [1]). „Въ произношеніи *тонкіе* одного органа передъ *средними* другаго измѣняются въ средніе, и наоборотъ, напр. *здѣлать* вм. *сдѣлать*, *коронка* вм. *коробка*. Это свойство звуковъ именуется *уподобленіемъ*“ (такіе случаи, какъ „свѣтъ“ — игнорируются).

Термины: *средніе* и *тонкіе* — въ русской грамматикѣ неудобны, потому что они не характеризуютъ звуковъ; удобнѣе называть — *рѣзкіе* или *напряженные* звуки: б, в, г,... и *слабые*: п, ф, к... Эти названія прямо указыва-

[1]) Всѣ примѣры приводятся изъ грамм. Буслаева для средн. уч. заведеній.

Digitized by Google

ютъ на отличительные признаки этихъ звуковъ, и основаны на слѣдующемъ: Максъ-Миллеръ приводитъ одно мѣсто изъ книги Гельмгольца, очень важное (какъ онъ самъ выражается) для *установленія взгляда на различіе звуковъ*. „Рядъ *ясныхъ* g, d, b отличается отъ мгновенныхъ глухихъ k, t, p тѣмъ, что для первыхъ голосовая щель во время согласнаго открытія достаточно съужена, чтобы онѣ могли *звучать*, или, по крайней мѣрѣ, чтобы произвести шумъ шепота, между тѣмъ какъ для глухихъ она широко открыта, и потому не способна звучать; поэтому *ясныя сопровождаются звукомъ голоса*, который если онѣ стоятъ въ началѣ голоса, можетъ даже начаться нѣсколько *ранѣе* открытія рта, и, если онѣ стоятъ въ концѣ слога, продолжаются нѣсколько времени *послѣ* открытія рта, потому что нѣкоторая доля воздуха можетъ войти въ спертую полость рта и поддерживать звукъ голосовыхъ связокъ въ гортани". (Нов. рядъ чт. I вып. стр. 128).

Гельмгольцъ говоритъ нерѣшительно, что согласные *рѣзкіе* (ясные) *звучатъ*, т. е. имѣютъ *гласность*, и утверждаетъ отсутствіе *гласности* въ *слабыхъ*. Не думаю, что въ послѣднемъ случаѣ нужно разумѣть *абсолютное отсутствіе гласности*. П, взятое отдѣльно, можетъ, звучать хотя очень мало: при звуковомъ методѣ обученія грамотѣ вѣдь заставляютъ же его звучать; оно еще сильнѣе звучитъ въ словѣ „прахъ", хотя при себѣ и не имѣетъ гласной буквы; в словѣ „братъ" замѣчается болѣе напряженія въ первомъ звукѣ. Гельмгольцъ говоритъ, что при произношеніи *рѣзкихъ* звукъ слышится и прежде открытія рта, и послѣ: но значитъ-ли это, что согласные заключаютъ въ себѣ *гласность*? Она предшествуетъ, она во время произношенія согласнаго усиливается, и наконецъ при окончаніи ослабѣваетъ; въ древне-русскомъ языкѣ, по видимому, именно это свойство согласныхъ и означается начертаніями: ъръ, ълъ, ьрь, ьль, ъв, въ, нъ, ън и т. д. Глухая гласность очень мало замѣтна во мгновенныхъ звукахъ взятыхъ отдѣльно, но уже на концѣ словъ болѣе обнаруживается, напр. *Обь*, объ; если мы захотимъ выговорить эти

Digitized by Google

слова такъ, чтобы слышалось *б*, а не *п*, то въ первомъ словѣ услышимъ на концѣ короткое *и*, во второмъ — короткое *ы* или *у* Сопоставивъ слова *Объ* и *типъ*, въ первомъ на концѣ услышимъ гласности болѣе, нежели во второмъ; причина этого, конечно, не въ окончаніи *ъ*, а въ звукахъ *б* и *п*: *б* само по себѣ имѣетъ больше гласности, чѣмъ *п*. Если гласность *п* означимъ 1, то гласность *б* нужно означить бо́льшимъ числомъ, напр. 2—выйдетъ $п : п_2 = п : б$ и т. д. Эта *гласность* не будетъ имѣть той опредѣленности, какую имѣютъ гласные: *а*, *е* и проч.; но всетаки подходитъ, по крайней мѣрѣ, подъ категорію *шумовъ*. „Нѣкоторыхъ, говоритъ Макъ-Миллеръ: выраженіе „звучный“ до того сбило, что они вообразили, будто всѣ, такъ называемыя, звучныя буквы необходимо произносятся звучными колебаніями голосовыхъ связокъ“ (Funke, Brücke).

Нѣтъ никакой необходимости *гласность согласнаго звука* приравнивать къ *музыкальному тону:* согласные рѣшительно причисляются къ категоріи *шумовъ*; но звукъ рѣзкій, напр. *б*, ближе къ тону, нежели слабый *п*; онъ требуетъ большаго напряженія органовъ (голосовыхъ связокъ и губъ), конечно, и шумъ отъ *б* сильнѣе, нежели отъ *п*. *Рѣзкіе* отличаются отъ *слабыхъ* не качественно, а количественно, что и означено показателями — 1 и 2. *Рѣзкій* и соотвѣтствующій *слабый* можно бы означать одною и тою же буквою, только с различными показателями.

1) Въ слѣдующихъ примѣрахъ, подлежащихъ выясненію, такъ они и означаются: $п_2 = б$, $ф_2 = в$, $к_2 = г$ и т. д.

Рас$_2$-п$_1$-ространить - по выговору :	рас$_1$-п$_1$-ространить.
Вос$_2$-т$_1$-окъ	вос$_1$-т$_1$-окъ
Нис$_2$-п$_1$-адать	нис$_1$-п$_1$-адать
Ис$_2$-х$_1$-одить	ис$_1$-х$_1$-одить
Короп$_2$-к$_1$-а	короп$_1$-к$_1$-а
С$_1$-т$_2$-(=д)-ѣлать	с$_2$-(=з)т$_2$-(=д)ѣлать.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ предыдущій согласный звукъ уподобляется послѣдующему *степенью своей гласности, рѣзкостью или напряженностію.*

Digitized by Google

2) Близко къ этому подходятъ слѣдующія явленія:

Ве-с-ть	выговаривается:	ве-сь-ть
Вѣ-т-въ		вѣ-тъ-въ
Мы-с-ль		мы-сь-ль
Вол-х-въ (=во-хъ-въ)		вол-съ-въ (§ 17).

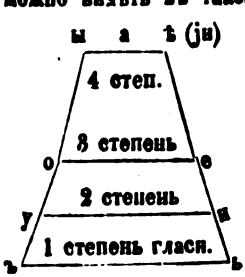
Такимъ образомъ первый согласный звукъ уподобляется тѣмъ, что получаетъ при себѣ такой же *глухой* гласный, какой находится при второмъ.

3) § 14. Грамм. Буслаева. Нѣтъ необходимости русскія полногласныя формы: *город*ъ, *мороть* — производить отъ церковно-слав. *градъ*, *мрѣти*; эти формы скорѣе образовались изъ формъ: *гродъ*, *мрети*, или — *грьдъ*, *мрѣти*.

а) Г-ро-дъ вслѣдствіе уподобленія 1-го звука -г второму -ро: *го-ро-дъ*.

Г-ло-съ	*го-ло-съ*
М-ло-дъ	*мо-ло-дъ*
б) М-ре-ти	*ме-ре-ть*
Т-ре-ти	*те-ре-ть*.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ „*проникновеніе звуковъ*“; такое же *проникновеніе* допускаетъ и проф. Буслаевъ: волс-ви (=волсь-ви), мышь-ле-ніе, изощь-ря-ть (§ 17); только онъ не достаточно выясняетъ это проникновеніе и не даетъ ему такого широкаго примѣненія, какое оно имѣетъ въ самомъ дѣлѣ. То-же проникновеніе замѣчается *во всѣхъ случаяхъ*, гдѣ, по Буслаеву, вставка *а, о, е*; только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проникновеніе гласности съ нѣкоторыми измѣненіями. Какія измѣненія допускаются—это наглядно можно видѣть въ такой фигурѣ:



Digitized by Google

Конечное ъ может поднять гласность предыдущей согласной [1]) или на вторую, или на третью степень лѣвой стороны, т. е. у предшествующаго согласнаго является гласность у или о (послѣднее при извѣстныхъ условіяхъ подымается до а), такъ какъ тематическое ъ представляетъ сокращеніе этихъ звуковъ (греч. ος вм. санскр. as, лат. и санскр. us); конечное ь вызываетъ собою, по преимуществу е (тематическое, что видно изъ „море“). Иногда и (=*jи*) чередуется съ *ѣ*, *а*—съ ы, какъ одностепенные звуки. Можно допустить, что у насъ два и: одно слышится въ словѣ—„имя“, другое—*ихъ (jихъ)*. Это послѣднее, вѣроятно, и чередуется съ *ѣ*.

4) а) Корень: б-р- черезъ проникновеніе силы суф. ъ: за-*бо-ръ*

„ м-р- с-*ме-рь-ть*

„ м-р- *мо-рь*

„ б-р- *бе-ре-шь*

Форма—*бе-ру*=*беремъ*—аналогизировалась къ другимъ лицамъ: берешь, беретъ и т. д.

5) Подобная ассимиляція и въ слѣдующихъ случаяхъ:

Везти=*ве-зь-ти*: усиленіе корня отъ суф. *во-зъ*

Вести=*ве-сь-ти* от-*во-дъ*

Течь — *текьть* — *те-чь-чь*=течь *токъ*.

6) Коренные гласные и, у съ прибавкою къ нимъ суффикса переходятъ въ согласные (j, в); при чемъ предшествующая согласная получаетъ, вмѣсто утраченнаго гласнаго, новый гласный звукъ, по общему закону ассимиляціи. ы разлагается на ъj; это ъj, получивъ послѣ себя суффиксъ ъ, превращается въ ов (при суффиксѣ ь выйдетъ ојь=ой мой отъ мыть) [2]).

а) Первоначально: п-и(ть) водо-*пи-тіь*

„ по-чи(ть) по-*ко-тіь*

б) „ и-и(ть) *пе-тіь*

„ л-и(ть) *ле-тіь*

---

[1]) Такъ называемые, вставочные гласные — не самостоятельные звуки: они представляютъ только *равенство гласности, усиленіе шума* согласнаго звука.

[2]) Чередованіе j и в очень часто: *дајати*=давать.

Digitized by Google

в) Первоначально: сл-у-(ти) *сло-уо=сло-во, сла-ва*
» кл-ю(ю)=клј-у *клја-ва-ть* [1])
г) » сл-ы-(ть *сло-уо—сло-во, сла-ва*
» р-ы-(ть) *ровъ*
» кр-ы(ть) *кро-въ*
» за-б-ы(ть) *за-ба-ва*

Случаи, показанные подъ буквою г) могутъ получить и такое объясненіе: это *ы* есть замѣна *у*, что можетъ оправдываться тождествомъ словъ: *слути* и *слыть*, *плути* и *плыть* (откуда: *пла-ва-ть*).

д) х-ы-ти-ти *х-ва-та-ть.*

Въ словѣ: х-ва-тать изъ *ы* произошло только одно *в*, а звукъ *а* явился по закону ассимиляціи.

Примѣчаніе. Такія слова, какъ *поить*, *морить*, *точить* и проч. произведены отъ формъ, въ которыхъ усиленіе произошло по вышеуказаннымъ причинамъ.

7) г-рѧ-зь=грьн-*зь* грж-*зъ*=грьн-*зъ*.
зве-не-ть (звенѣть) *зво-нъ*,

Отъ этихъ словъ—отъ перваго (звѧцја-ти), отъ втораго: звжкъ.

Мѧ-*сь*-ти с-мж-та
8) С-*кл-о-нъ* к-*ла-нја*-ть-ся.
9) Те-*лјо-но-къ*. те-лѧ-*та* : ѧ приравнялась къ ја.

Изъ сопоставленій 8 и 9 видно, что йотованные звуки подобны соотвѣтствующимъ нейотованнымъ.

10) *съ-х*-нж-ти *су-хъ*
глъ-х-нж-ти *глу*-хъ.

Въ „съхнжти и глъхнжти" х имѣетъ самую слабую гласность, означенную у насъ единицею: $х_1$-, и предшествующая согласная съ гласностью первой степени ъ; но въ „сухъ" и „глухъ" х поднялось — поднялась и предыдущая.

---

[1]) Такимъ образомъ слѣдовало бы писать: клявать; но *я* безъ ударенія выговаривается за *е*. Другое дѣло — клевъ = кдјо-въ.

Digitized by Google

Вѣсъ, вѣсить, вѣшать и *висѣть*: за нормальную форму, думаю, нужно принять: вѣс(ъ); тогда слово—висѣть должно писаться „вѣсѣть“, также и „сѣдѣть“, а не „сидѣть“ (въ „сѣсть“), „дѣтя“, а не „дитя“. Что-же касается до выговора, то здѣсь происходитъ то-же самое, что съ каждымъ с при потерѣ ударенія; а вліяніе ударенія не входитъ въ планъ этой замѣтки.

Ль-ин-ть ли-п-нж-ть.

Во второй формѣ и утратило гласность и, и слогъ лѣ ослабѣлъ въ ли. Но можно допустить вообще чередованіе ѣ съ такимъ и, какое встрѣчается въ словѣ (=jихъ); въ такомъ случаѣ это не ослабленіе и не усиленіе, а перезвукъ: равный является вмѣсто равнаго.

Къ ассимиляціи нужно отнести и сентдбрь=*сентябрь* вм. сеп. (§ 18).

12) Во всѣхъ вышеуказанныхъ случаяхъ мы имѣли дѣло съ суффиксами простыми — гласными (къ гласнымъ суфф. причисляются и ъ, ь); суфф. нж нужно считать за согласный нъ [1]), удвоеніе нъп=нж. Въ нѣкоторыхъ глаголахъ суффиксъ, по видимому, простой, оказывается сложнымъ; къ такимъ глаголамъ я причисляю: (по)-минать, (со)-бирать, (о)-жидать, (за)-сыпать, (вы)-рывать, (съ)-гыбати. Во всѣхъ этихъ глаголахъ суффиксъ *а* сокращеніе суффикса многократнаго вида. Основные суффиксы всѣхъ глаголовъ: а, и, ѣ (ну- стоитъ особникомъ); они имѣютъ разное назначеніе, но очень часто смѣшиваются — одинъ является вмѣсто другаго; вслѣдствіе смѣшенія суффиксъ залога и поглощается суффиксомъ вида *а*, и наоборотъ, или и сливается съ *а* и тогда является ѣ не на своемъ мѣстѣ; суффиксъ вида -а съ предшествующимъ суффиксомъ залога составляетъ ja, ва (о чередованіи j и в будетъ говорено въ замѣткѣ о придыханіяхъ).

Повтореніе дѣйствія выражается повтореніемъ суффикса (сложнаго): вава; вслѣдствіе диссимиляціи первое ва

---

[1]) нъ употребляется и какъ слав. союзъ, по смыслу сходный съ „однако“: нъ, нынъ (нынъ) значитъ „одинъ“.

Digitized by Google

замѣняется сложнымъ звукомъ ы, равняющимся звуку ва (*квасъ — кыснути*), такимъ образомъ является суфф. ыва вм. вава (въ слав. могъ быть суфф. jава или ава); вмѣсто ыва употребляется также ива, какъ параллельный мягкій. Во всѣхъ перечисленныхъ глаголахъ: засыпать, помнить и проч. вмѣсто удвоенія - „вава" явились аа=ā (долгое); это долгое а и повліяло на усиленіе предыдущей гласной [1]). Подобное же вліяніе суффикса многократнаго вида (ыва, ива) видимъ и въ слѣдующихъ случаяхъ: *хаживать*, *ношивать*, *окорачивать* и проч.

Обыкновенно, предшествующая согласная уподобляется послѣдующей; но въ разговорѣ замѣтно также стремленіе уподоблять окончаніе корню: вм. *прорубь* говорятъ: *пролуба*; голубъ вм. голубь; кровъ вм. кровь (*кровообращеніе*); церковъ вм. церковь; *корабъ* вм. *корабль*. Можно даже предположить, что въ большинствѣ этихъ словъ не произошло смягченіе конечныхъ губныхъ именно вслѣдствіе такого направленія ассимиляціи.

§ 16. Перезвукъ, или переходъ однименныхъ (однооргапныхъ) другъ въ друга, явленіе не столь правильное и потому всѣ явленія этого рода нельзя отнести къ одной ассимиляціи, или къ одной диссимиляціи:

1.) Первоначальная форма, вѣроятно: бъчела; слово это, ассимилируясь къ глаголу „мчать", перешло въ „мчела"; современное литературное „пчела" произошло вслѣдствіе того, что рѣзкое *б* уподобилось слѣдующему слабому ч. Первоначальная форма: внукъ; *в* ассимилируясь къ послѣдующей носовой *н*, переходитъ въ *м*: *мнукъ*.

2) § 18. Февраль (вм. Февраръ), пролубь (прорубь), ярманка (вм. ярмарка), маркелъ (вм. маркеръ), — во всѣхъ этихъ словахъ должно быть по два *р*: для диссимиляціи одно *р* переходитъ въ *л* и даже въ *н*. Наоборотъ, — если

---

[1]) Что же касается до перехода ихъ въ несовершенный видъ, то на это повліяла приставка: приставка окорачиваетъ дѣйствіе, переводитъ глаголъ изъ многокр. вида въ несоверш., изъ несоверш. въ совершенный.

Digitized by Google

въ словѣ два *л*, то одно изъ нихъ переходитъ въ *р*: верблюдъ (нм. вельблюдъ). То-же самое въ словѣ: *Бахметъ* нм. *Махметъ*.

Нельзя приравнивать къ этимъ явленіямъ слѣдующія: крикъ и кликъ, крюкъ и клюка, стру и стелю, мру и мелю. Эти явленія относятся къ глубокой древности, ко времени, когда корни измѣнялись вслѣдствіе потребности выразить особенный оттѣнокъ понятія, вслѣдствіе нужды дифференцировать корни, такъ какъ они были не многочисленны. Впрочемъ и тогда, вѣроятно, главною причиною этихъ измѣненій были органы слова и слуха; но преподаватель *грамматики* лучше сдѣлаетъ, если игнорируетъ эти случаи.

Въ словахъ: о Василіи, о Софіи, добраго, добру-уму— уподобленіе слишкомъ очевидно.

Придыханія.

„По мнѣнію нѣкоторыхъ физіологовъ и почти всѣхъ грамматиковъ, говоритъ М. Миллеръ: начальный шумъ при произношеніи гласной можно почти совсѣмъ подавить, и мы всѣ воображаемъ, что можемъ произносить начальную гласную совершенно чисто. Я думаю, что Греки совершенно справедливо ставили *слабое придыханіе* предъ всѣми начальными гласными, не имѣющими *сильнаго придыханія*. *Ларингоскопъ* во всѣхъ начальныхъ гласныхъ ясно показываетъ съуженіе голосовыхъ связокъ, совершенно отличное отъ отверзтія, образующагося при произношеніи h“. Въ выноскѣ М. Миллеръ замѣчаетъ: „шумъ вполнѣ внятенъ, особенно при шепотѣ“ (Нов. рядъ чт. М. М. 1 вып. стр. 125).

Основываясь на этомъ замѣчаніи, можно сказать, что гласный звукъ безъ согласнаго шума не возможенъ, и естественно: воздухъ проходя черезъ полость рта, долженъ производить, хотя самый ничтожный, шорохъ. Произнося гласные шепотомъ, мы не производимъ звука, а только шорохъ, согласный шумъ; шумъ этотъ при каждой гласной

Digitized by Google

будетъ перемѣщаться, т. е. струя воздуха будетъ направляться то между губъ—*у*, то ближе къ зубамъ — *о*, то въ переднее небо — *а*, ближе къ гортани — *э*, и наконецъ—*и*. Такимъ образомъ гласные расположатся по линіи рта въ такомъ порядкѣ:

Губы — у о | а э и — Гортань.
Зубы

Согласные, какъ выше сказано, заключаютъ въ себѣ гласность, которая можетъ развиваться поднятіемъ, усиленіемъ, при чемъ дѣйствуетъ законъ ассимиляціи. Такъ точно всѣ *гласные звуки* нельзя назвать *абсолютно* гласными: они произносятся съ *согласнымъ шумомъ*; этотъ шумъ и означали Греки слабымъ придыханіемъ.

Въ греческомъ языкѣ предполагается *одно гортанное придыханіе*, какъ и въ славянскомъ—j; въ русскомъ первоначально два: *гортанное* — j и *губное* — в; впослѣдствіи появились *н* и *л*, какъ замѣна этихъ *придыханій* въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

§ 17. 1) айпо : й проникаетъ сквозь гласный а: *йайпо*

агода	*jагода* (вм. гагода).
агнецъ	*jагнецъ*.

Такое уподобленіе, т. е. при помощи гортаннаго придыханія, возможно при звукѣ *а*, потому что этотъ звукъ средній, между гортанью и губами. *О*, по согласному шуму можно назвать *зубно-губнымъ*, поэтому при немъ можетъ появиться, по преимуществу *зубно-губное* придыханіе — *в*:

О-сна : чрезъ усиленіе согласнаго шума:	*во*-спа
О-самой	*во*-сьмой
О-тчимъ	*во*-тчимъ
О-стрый	*во*-стрый.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ такого полнаго уподобленія, какъ въ первыхъ случаяхъ, означенныхъ подъ N 1-мъ; здѣсь первый гласный силою согласнаго шума

Digitized by Google

уподобляется послѣдующимъ звукамъ, *б* приближается къ нимъ, потому что при второмъ гласномъ по нѣскольку согласныхъ.

3) Подобно этому передъ *э* всегда должно быть *гортанное* придыханіе: jэсть (=есть), jэльникъ (=ельникъ) и проч. Также и при *и* должно являться j: *jихъ*, *jимъ* и проч. При *у*, напротивъ, — *в*.

§ 15. Вставку звуковъ согласныхъ (и звука j) между гласными пр. Буслаевъ мотивируетъ *благозвучіемъ*, съ чѣмъ нельзя не согласиться, хотя *отчасти*; но не всѣ эти случаи однородны.

1) Да-ja-ти	да-в-ать.
Одѣ-j-ати	одѣ в-ать.
Зі-j-ати	зѣ-в-ать.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ слав. яз. встрѣчаемъ j, въ русскомъ яз. -в.

Въ другомъ мѣстѣ пр. Буслаевъ считаетъ *и* суффиксомъ залога (§ 38), *а* — суффиксомъ вида (§ 39); соединеніе этихъ суффиксовъ должно дать: „ia“ или „ja“: да-ja-ти, одѣ-ja-ти, зі-ja-ти; есть полное основаніе считать эти формы древнѣйшими, сравнительно съ „давать“ и пр. *Диссимиляція* коснулась ихъ очень незначительно: зі-j-а-ти вм. зи-и-а-ти, т. е. суффиксъ залога *и*, диссимилируясь съ кореннымъ *и*, во избѣжаніе зіянія перешелъ въ *согласный* j.

Примѣчаніе. Пр. Буслаевъ выдѣляетъ j изъ числа согласныхъ, другіе считаютъ его согласнымъ. Послѣднее, кажется, вѣрнѣе: нужно имѣть достаточно тонкій слухъ, чтобы отличить „есть“ (jэсть) отъ „гесть“ (т. е. hесть); ученики-нѣмцы очень часто пишутъ „гесть“ вм. „есть“. Даже проф. Буслаевъ считаетъ правильнымъ *Генварь* вм. Январь (выговоръ: jэнварь).

„Вторая преграда, говоритъ М. Миллеръ: образуется тѣмъ, что нѣсколько сокращенный языкъ приводится къ той точкѣ, гдѣ начинается твердое нёбо, нѣсколько за чертою, гдѣ образуется *к*. Заставляя сильное придыханіе пройти черезъ эту тѣсноту, мы производимъ звукъ ch

Digitized by Google

слышный въ нѣм. ich, русскомъ „хитрый“ и т. д. Смягчая дыханіе, при достиженіи имъ этой преграды, получимъ звукъ й, нѣм. j: jahr.

Мало-по-малу суффиксы стали у насъ терять свое значеніе, вслѣдствіе того, что стали поглощаться взаимно (бросать вм. бросаить и пр.), смѣшиваться между собою; тогда j въ вышеприведенныхъ словахъ получилъ значеніе простаго придыханія *для диссимиляціи, для благозвучія.*

При звукѣ *а*, какъ среднемъ стоящемъ на равномъ разстояніи отъ губъ и гортани, съ одинаковымъ правомъ могло появиться и j, и *в* [1]).

Потребность ослабить диссимиляцію вызвала новыя придыханія: 1) *л* (малоупотребительное) и 2) *н*. 1.) Дѣ-*л*-ать вмѣсто слав. дѣ-j-ати. *л* какъ небный звукъ ближе къ звуку *а*, чѣмъ славянское придыханіе j.

2) За-*н*-ять — славянское: за-j-ати.

По-*н*-ять — по-j-ати.

Н-утро — *н*-троба.

Придыханія — *в*: *в*острый и проч., и j: jагненокъ и проч. есть развитіе согласнаго шума, заключающагося въ гласномъ, — это съ большею убѣдительностью подтверждается только что приведенными примѣрами: въ юсахъ, безъ сомнѣнія, заключается согласность, близкая къ звуку *н*. Эта согласность и развивается въ придыханіе: вм. *а* является на, вм. *ж* — нж. Эти придыханія преобладаютъ въ современномъ языкѣ; а такъ какъ юсы теперь потеряли свое носовое произношеніе, то придыханіе *н* подновляетъ юсы.

3) Жа-ти : разложеніе : ж-ьи-ж

ж-ьи-ж

Ма-ти — и-ьи-ж

На-ч-а-ти — нач-ьи-ж

Здѣсь согласность обнаружилась послѣ гласности. Такимъ образомъ она обнаруживается тамъ, гдѣ необходимо придыханіе: *для* — про-и-ь-зить.

---

[1]) Почему въ русскомъ при *в* придыханіе *в*, а не j? Вѣроятно, русское *в* наклоняется въ *о*, а славянское — къ *а*.

Digitized by Google

4.) *Съ нею, къ нему, о немъ* и проч. Здѣсь придыханіе *н* не такое, какое въ словахъ: понять, занять и проч. и здѣсь служитъ замѣною j, и появилось вслѣдствіе того, что косвенные падежи ассимилировались къ именительному „онъ“, который содержитъ въ себѣ звукъ *н*.

Мгновенное *б* нельзя считать придыханіемъ: это, вѣроятно, утраченный конечный согласный возстановляется; это предположеніе оправдывается и тѣмъ, что зв. *б* является иногда тамъ, гдѣ въ придыханіи вовсе нѣтъ нужды: *объ* урокѣ, *объ стѣну*. Во второмъ случаѣ нѣтъ никакой нужды, какъ ъ въ словахъ: обязывать (вм. обвязывать); обычай.

§ 17. „Звукъ *е* переходитъ въ j, напр. нарѣчія — *домоі* и *долоі* образовались изъ дат. падежа единств. числа, чрезъ древнія формы — *домовь*, *доловь* (§ 86). „Послѣднему равняется ц.-слав. *долу*“. *й*, *е* и j — здѣсь вовсе не придыханія: *домов* — тема на согласную (такая же, какъ въ словѣ — *црькы*=*црькъв*); къ этой темѣ прибавляется окончаніе дательнаго пад. *и* или *j*: *домов-и*, *домов-j* = *домовь*; но чаще конечную тематическую согласную русскій языкъ отбрасываетъ — тогда является темою: *домо*; къ этой темѣ прибавляется окончаніе *и* и выходитъ: *домой* = *домьи* = *домы* = *дому*. Такія же перемѣны въ другомъ словѣ: *доловы* — *доловь* — *долой* — *долу*.

§ 18. „Плавные соотвѣтствуютъ придыханіямъ, именно *л* — придыханіямъ *в*, j; напр. *свобода* (отъ мѣстоименія — *свой*) — *слобода*, *боляринъ* и *бояринъ*“.

1) Какъ *свобода́*, такъ и *слобода́* въ Академич. словарѣ названы *старинными*. Если допустить вмѣстѣ съ проф. Буслаевымъ, что *свобода*, отъ мѣст. *свой*, то это слово древнѣе, чѣмъ слово *слобода́*, *слобо́да*, *ослободи́ть*, *ослобони́ть*, но съ уважаемымъ проф. трудно здѣсь согласиться: что-за суффиксъ „бода“? Скорѣе, судя по послѣдней формѣ, т. е. *ослобонить*, можно произвести *слобода* отъ *слабый* (тогда *а* безъ ударенія перешло въ *о*: *сотона*, *олтар* и проч.), тогда форма „*ослобонить*“ будетъ равняться

Digitized by Google

„*ослабить*“ (напр. повинности) [1]). Изъ „*слобода*“ могло образоваться слово „*свобода*“ по тремъ причинамъ: *α*) звуку *о* болѣе свойственна согласность *в*; β) слово это могло дѣйствительно, ассимилироваться со словомъ „свой“; γ) *в* могло появиться, какъ *подобный* слѣдующему согласному *б*.

2) *Бо-j-аринъ* и *бо-л-j-аринъ*. Здѣсь вовсе не видно „соотвѣтствія“ *л* и *j*: въ „*бо-л-j-аринъ л* прибавилось къ прежнему придыханію; оно скорѣе удвоеніе зв. *р*, съ диссимиляціей, или это слово ассимилировалось съ „*бол*-ій= *вел*-ій“ (*вельможа*, вящій человѣкъ).

Т. Х. Шура. 1881 г. 24 мая.

А. Барсовъ.

О новой церковно-славянской грамматикѣ А. С. Будиловича.

Въ виду того, что на русскомъ языкѣ нѣтъ въ настоящее время такого курса церковно-славянской грамматики, который представлялъ бы не только сжатый, но и полный итогъ сдѣланнаго въ наукѣ по разработкѣ строя церковно-славянскаго языка, профессоръ Варшавскаго Университета А. С. Будиловичъ составилъ компендій исторической грамматики церковно-славянскаго языка, съ приложеніемъ къ ней систематическаго сборника текстовъ тогоже языка. При небольшомъ сравнительно объемѣ эта грамматика представляетъ сводъ всего существенно важнаго въ наукѣ о построеніи церк.-слав. языка: исключены лишь второстепенныя подробности да грамматическія гипотезы сомнительной достовѣрности.

По матеріалу эта грамматика шире другихъ въ томъ отношеніи, что разсматриваетъ церковно-славянскій языкъ не въ начальной или конечной фазѣ его развитія, а въ историческомъ движеніи, начиная отъ древнѣйшихъ руко-

---

[1]) „А кого къ себѣ въ слободку перезовутъ жити изъ другихъ княженей, и тѣмъ ихъ людемъ слобожаномъ не надобѣть моя дань двадцать лѣтъ“. Акты Арх. Экспед. I. 79.

Digitized by Google

сей и кончая современнымъ текстомъ Богослужебныхъ книгъ.

Методъ грамматики строго индуктивный: данныя языка разсматриваются и группируются въ ней не по какимъ либо традиціоннымъ схемамъ или примѣнительно къ грамматическимъ категоріямъ другихъ языковъ, а исключительно по внутренней системѣ самаго церковно-славянскаго языка.

Въ расположеніи грамматическаго матеріала компендій представляетъ существенное отличіе отъ всѣхъ предшествовавшихъ работъ въ этой области. Отправляясь отъ того положенія, что фонологія есть ученіе о звукахъ, этимологія — ученіе о словахъ, а синтаксисъ—ученіе о предложеніяхъ, со стороны какъ внѣшней формы, такъ и внутренняго содержанія звуковъ, словъ и предложеній, и проводя это основное положеніе лингвистики во всѣхъ отдѣлахъ грамматики, авторъ достигъ значительнаго упрощенія всей грамматической системы, при чемъ матеріалъ получилъ лучшее освѣщеніе и естественное расчлененіе.

Симазіологическій отдѣлъ этимологіи (ученіе о значеніи словъ) впервые получаетъ въ этомъ сочиненіи систематическую обработку, такъ что морфологическая сѣтка языка постепенно наполняется умственнымъ содержаніемъ.

Благодаря индуктивной обработкѣ синтаксическихъ категорій церковно-славянскаго языка, и ученіе о предложеніи принимаетъ совершенно другое построеніе, освобождаясь отъ тѣсныхъ для языка логическихъ схемъ сужденія.

Что касается сборника текстовъ, то онъ отличается отъ Христоматіи Буслаева и другихъ тѣмъ, что представляетъ тексты не въ хронологическомъ, или другомъ механическомъ распредѣленіи, а въ систематическомъ подборѣ, примѣнительно къ отдѣльнымъ параграфамъ грамматики. При такой системѣ теоретическое и практическое изученіе звуковаго, этимологическаго и синтаксическаго строенія церковно-славянскаго языка можетъ вестись параллельно по грамматикѣ и христоматіи, изъ коихъ первая предста-

Digitized by Google

вляетъ формулы языка, а вторая — матеріалъ для ихъ разъясненія и провѣрки.

Такая книга по напечатаніи, безъ сомнѣнія, составитъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу не богатую учебную литературу по церковно-славянскому языку.

По поводу Педагогическаго съѣзда учителей гимназій Одесскаго учебнаго округа (съѣздъ назначенъ на 27 дек. 1881 г. въ Одессѣ).

Въ редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника прислалъ 10-й N Педагогическаго Вѣстника, издаваемаго М. Р. Завадскимъ, директ. Елисаветград. земскаго реальнаго училища. Въ этомъ N разсматривается нѣсколько вопросовъ, которые будутъ обсуждаться на предстоящемъ съѣздѣ. Редакція П. В. проситъ и другихъ, заинтересованныхъ этими вопросами, сдѣлать свои замѣчанія. Въ настоящее время мы коснемся только тѣхъ вопросовъ, на которые обратила свое вниманіе и редакція П. В., это — вопросовъ „Объ однообразіи учебниковъ и объ удешевленіи ихъ". — Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе редакціи П. В. о вредѣ однообразія. Даже и въ томъ случаѣ, когда введеніе однообразія будетъ слѣдствіемъ не мѣропріятія со стороны, а результатомъ рѣшенія большинства самихъ же преподавателей, и когда учебникъ будетъ избранъ съ научными достоинствами и будетъ удовлетворять педагогическимъ потребностямъ, мы все таки противъ введенія однообразія. Въ меньшинствѣ, безъ сомнѣнія, найдутся такіе преподаватели, которые, стоя по научнымъ знаніямъ нисколько не ниже другихъ, но какъ вышедшіе изъ другой школы, не будутъ согласны съ системою изложенія предмета или методомъ передачи знаній; найдутся также и такіе, которые нѣсколько отстали въ научныхъ взглядахъ, хоть бы даже по нѣкоторымъ отдѣламъ предмета. Первые еще кое какъ примирятся съ непріятнымъ для нихъ способомъ изложенія предмета, но отъ нихъ нельзя будетъ ожидать

Digitized by Google

всецѣлой преданности и увлеченія дѣломъ; они всегда будутъ чувствовать себя стѣсненными. Что же касается вторыхъ, то навязываніе не подходящаго къ ихъ взглядамъ учебника будетъ сопровождаться еще большимъ вредомъ для дѣла. Одесситы, вѣроятно, еще помнятъ тѣхъ старыхъ покойныхъ педагоговъ, которые, придерживаясь и устарѣлыхъ учебниковъ, выпускали однакожъ изъ гимназій и очень грамотныхъ молодыхъ людей, и давали имъ прекрасное нравственно-эстетическое направленіе. Обяжи ихъ преподавать по другимъ учебникамъ, успѣховъ, навѣрное, не было бы никакихъ.

Далѣе, введеніе однихъ учебниковъ въ цѣломъ округѣ повредитъ желательному развитію у насъ учебной литературы. Правда, болѣе устойчивые у насъ учебники принадлежатъ не столько преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній (Востоковъ, Полевой, Буслаевъ, Порфирьевъ, Перевлѣсскій, Колосовъ, А. Поповъ, Галаховъ); но и персоналъ гимназическихъ преподавателей можетъ выставить довольно извѣстныя и почтенныя имена — Говорова съ предшественникомъ его Смирновымъ, Ушинскаго, Стоюнина, Гаврилова, Бѣлорусова, Водовозова и др. Учебныя руководства и пособія нѣкоторыхъ изъ гимназическихъ преподавателей появились въ свѣтъ, именно благодаря только свободѣ преподаванія (конечно, въ извѣстной мѣрѣ), благопріятной проявленію самодѣятельности въ преподавателѣ. Если до сего времени, и при маломъ сравнительно числѣ преподавателей русскаго языка и словесности съ спеціальной подготовкой, все таки являлись между ними составители хорошихъ учебниковъ; то въ настоящее время, при увеличеніи преподавателей-спеціалистовъ, мы въ правѣ ожидать и большаго числа хорошихъ руководствъ и пособій. И мы не ошибемся въ разсчетахъ, лишь бы не убивалась въ преподавателяхъ предпріимчивость и не стѣснялась самодѣятельность. Съѣздъ сдѣлалъ бы прекрасное дѣло, еслибы установилъ разумный, вполнѣ справедливый и безпристрастный взглядъ на существующіе у насъ учебники и пособія изъ одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ,

Digitized by Google

раздѣлимъ ихъ на лучшіе и устарѣвшіе, и первые рекомендовалъ преподавателямъ, предоставляя каждому изъ нихъ самому остановиться на томъ или другомъ.

Не вредъ, а только извѣстную пользу для дѣла мы видимъ даже и въ несовсѣмъ удовлетворительныхъ учебникахъ, которые появлялись и въ настоящее время появляются. Правда, составители такихъ руководствъ не усовершенствуютъ учебной литературы, но за то они почти всегда имѣютъ хорошее, благотворное, нравственное вліяніе на своихъ учениковъ. Послѣдніе почти всегда (исключенія весьма рѣдки) питаютъ чувства симпатіи къ составителю, относятся съ уваженіемъ къ трудамъ своего учителя; а возбужденіе такихъ чувствъ — дѣло не маловажное. Винить нашихъ составителей учебниковъ и пособій въ спекуляціи, въ желаніи во что бы то ни стало зашибить копѣйку — нельзя. Начинающіе, обыкновенно, назначаютъ цѣны умѣренныя, а не мало также и такихъ, которые желаютъ только возвратить типографскіе расходы, — припомните цѣны въ 43 к., въ 23 к. и т. п.

Касательно удешевленія учебниковъ, мы позволимъ себѣ высказать слѣдующее. Въ одной Польской газетѣ предложено было оцѣнивать учебники по разсчету 5 к. за печатный листъ. Цѣна, по нашему мнѣнію, не возможная, не окупающая типографскихъ расходовъ и расходовъ по пересылкѣ и за комиссію. Съ этимъ согласится всякій, имѣвшій дѣла съ типографіями. Можетъ быть, при большомъ количествѣ экземпляровъ (напр. въ 10000) и при значительномъ объемѣ книги (листовъ 20—30), можно бы взять и по 5 к. за листъ, чтобы окупить всѣ расходы. Но кто же согласится жертвовать своимъ трудомъ и ничего не получить за него? При томъ же нужно быть справедливыми и къ составителямъ учебниковъ и пособій. Хорошіе составители большею частію преждевременно тратятъ здоровье, не выслуживаютъ пенсій и въ наслѣдство семействамъ только и оставляютъ — что свои труды. Вмѣсто того, чтобы посягать на достояніе, добытое тяжелымъ трудомъ и добиваться удешевленія на счетъ опредѣленныхъ крохъ,

Digitized by Google

лучше придумать другія средства. А они возможны. Известно, что авторы учебниковъ и т. п. дѣлаютъ большія уступки книгопродавцамъ за комиссію, иногда уступка доходитъ до 30, 35 и даже 40% съ объявленной цѣны. Вотъ этой то уступкой и можно бы воспользоваться для удешевленія учебниковъ. При затребованіи 10 экз. авторъ всегда сдѣлаетъ уступку въ 10—15%, при 20—30 экз. 20%, а при большемъ затребованіи уступитъ и 25, и 30%. Но это соединено, конечно, съ немалыми хлопотами: нужно входить въ сношенія съ авторами, нужно складываться нѣсколькимъ лицамъ, чтобы сообща выписать извѣстное количество экземпляровъ. Безъ сомнѣнія, сами ученики сдѣлать этого не могутъ Но могъ бы сдѣлать это при нѣкоторомъ самопожертвованіи Педагогическій совѣтъ того или другаго учебнаго заведенія. Еще до лѣтнихъ каникулъ, пусть классные наставники предложатъ каждому ученику подписаться—какія ему нужны книги на предстоящій годъ. Во время каникулъ можно войти въ сношенія съ авторами и къ началу учебнаго года имѣть книги. Для вновь поступившихъ затребованіе сдѣлать при началѣ учебнаго года. Вопросъ теперь въ деньгахъ. Лучше всего слѣдовало бы какимъ нибудь способомъ образовать запасный учебническій капиталъ, и тогда было бы легко вести это дѣло. Но пока можно обойтись и безъ особеннаго капитала, — выписывать книги на деньги, собираемыя съ учениковъ при подпискѣ. Труды по выпискѣ той или другой книги должны взять на себя преподаватели даннаго предмета. Только въ такомъ случаѣ гг. преподаватели сдѣлаютъ сразу два добрыя дѣла, во первыхъ сдѣлаютъ учебники болѣе доступными по цѣнѣ для учениковъ, съ другой стороны — обойдутъ посягательство на интересы своихъ сотоварищей, людей часто вынесшихъ всевозможныя лишенія, такъ сказать, выстрадавшихъ свои хорошіе учебники.

Digitized by Google

Новыя книги.

Буслаевъ. Русская Христоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности. Изд. 3. М. 1881 г. ц. 1 р. 75 к.

Козьминъ. Логико-стилистическія разборы образцовъ прозы и поэзіи. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи и при веденіи объяснительнаго чтенія на высшей его ступени, Москва 1882 г. ц. 1 р.

Колосовъ М. Старо-славянская грамматика. Изд. 10-е. Варшава 1881 г. ц. 75 к.

Порфирьевъ. Исторія русской словесности. Т. II, ч. I. Казань 1881 г. ц. 1 р. 50 к.

Опечатки в № 2 V тома.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
389	5 сн.	этимологическія	этнографическія
395	5 сн.	оставлавшихся	составлявшихся

Digitized by Google

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

2-е прибавленіе къ VI тому 1881 года.

КЪ ВОПРОСУ О ПИСЬМЕННЫХЪ УПРАЖНЕНІЯХЪ УЧЕНИКОВЪ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ.

Одну изъ самыхъ трудныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неблагодарныхъ задачъ для преподавателя русскаго языка въ среднихъ школахъ представляютъ письменныя работы учениковъ. Возражать противъ этого едва ли рѣшится хоть одинъ изъ тѣхъ, которые знакомы съ симъ дѣломъ. Научить ученика *писать* въ высшемъ значеніи этого слова значитъ сдѣлать его совершенно развитымъ въ умственномъ отношеніи, значитъ снабдить его самымъ лучшимъ и вѣскимъ аттестатомъ зрѣлости. Отсюда вытекаетъ трудность задачи. Употреблять же бо́льшую часть времени на исправленіе ученическихъ письменныхъ опытовъ, чувствовать постоянно недостатокъ времени для занятія другими дѣлами, необходимыми для дальнѣйшаго развитія самого преподавателя, вращаться чуть не безъ отдыха въ одной и тойже сферѣ недоразвитаго стиля и дѣтскихъ мыслей и получать за все это сто рублей въ годъ — какъ хотите—работа слишкомъ неблагодарная. Не удивительно послѣ этого, что даже самый добросовѣстный труженикъ возропщетъ иногда на свою горькую долю и будетъ придумывать какія нибудь средства, которыя бы хоть сколько-

Digitized by Google

нибудь облегчили его египетскую работу и дали вздохнуть свободно на одну недѣльку. Между тѣмъ, безъ ущерба занятіямъ учениковъ, дать себѣ значительный отдыхъ невозможно, развѣ только отказавшись отъ половины уроковъ; но это значило бы лишить себя насущнаго пропитанія. Поэтому, какъ ни хитри, что ни выдумывай, а все-таки къ заключенію приходишь къ одному выводу: нужно исправлять ученическія „сочиненія.“ Опытный и пожилой преподаватель, должно думать, даже и не задается подобными иллюзіями; онъ *свыкается* съ своимъ положеніемъ и чрезвычайно доволенъ, если труды его достигаютъ своихъ результатовъ: это его гордость, это высшее нравственное его торжество...

Оставляя, такимъ образомъ, въ сторонѣ вопросъ о неблагодарности труда при исправленіи ученическихъ сочиненій, преподавателю русскаго языка приходится имѣть въ виду одну и единственную задачу—научить учениковъ *писать*, чего бы то ни стоило.

Министерская программа, сознавая всю важность этой задачи, приглашаетъ на помощь преподавателю русскаго языка и другихъ преподавателей, выставляя имъ на видъ слѣдить за правильностью рѣчи въ ученическихъ упражненіяхъ по математикѣ и языкамъ; рекомендуетъ также наблюдать и за устными отвѣтами, требуя отъ нихъ послѣдовательнаго, стройнаго и точнаго изложенія мыслей; а въ $18^{79}/_{80}$ учебномъ году послѣдовало даже циркулярное распоряженіе министерства—задавать ученикамъ письменныя работы по русскому языку на всѣхъ урокахъ, пропускаемыхъ преподавателями. Все это, конечно, хорошо въ принципѣ, но на дѣлѣ трудно исполнимо и мало приноситъ пользы. Преподаватели другихъ предметовъ, безъ сомнѣнія, выполняютъ, по возможности, требованія министерства, но, имѣя въ виду главнымъ образомъ *свои* цѣли и задачи, — слѣдить систематически за правильностью языка въ письменныхъ и устныхъ отвѣтахъ учениковъ не имѣютъ ни возможности, ни времени, такъ что замѣчанія и наблюденія ихъ за русскимъ языкомъ могутъ быть толь-

Digitized by Google

ко мимолетными. Что же касается письменныхъ упражненій, задаваемыхъ по русскому языку на урокахъ, пропускаемыхъ преподавателями, то польза отъ нихъ положительно даже сомнительна. Работы эти исполняются учениками большею частію небрежно, на скорую руку, безъ всякой заботы о правильности, ясности, точности и послѣдовательности изложенія; между тѣмъ преподаватель русскаго языка, на обязанности котораго лежитъ исправленіе этихъ упражненій, требовать отъ учениковъ вполнѣ стараго отношенія къ дѣлу едва ли имѣетъ законное право: въ 45 минутъ не много сдѣлаешь, особенно если приходится писать на четвертомъ или пятомъ урокѣ, когда вниманіе учениковъ значительно утомляется; большею частію и выходитъ, что ученикъ пишетъ прямо набѣло и не успѣваетъ исправить написаннаго. Какая же польза можетъ быть отъ подобнаго рода упражненій?! По моему мнѣнію, это лишній балластъ, взваливаемый на преподавателя русскаго языка, и безъ того уже обремененнаго множествомъ письменныхъ ученическихъ работъ. Я увѣренъ, что если другіе преподаватели по русскому языку до сихъ поръ не высказываютъ того же мнѣнія, то единственно потому, что не желаютъ лишиться вознагражденія, которое полагается имъ сверхъ обычныхъ 100 рублей за исправленіе экстраординарныхъ этихъ работъ. Конечно, такое опасеніе имѣетъ свое основаніе и основаніе вполнѣ справедливое, такъ какъ 100 рублей слишкомъ не соразмѣрное вознагражденіе за громадные труды преподавателя при исправленіи русскихъ сочиненій; но опасеніе это легко можетъ быть устранено: стоитъ только вмѣсто несоразмѣрныхъ, но обычныхъ 100 рублей, назначить плату болѣе соразмѣрную, смотря, по тому, въ скольких и какихъ классахъ преподаватель занимается,—и опасность устранена. А назначить лишнихъ 100 рублей далеко было бы не грѣхъ; между тѣмъ преподаватель видѣлъ бы въ этомъ большое для себя поощреніе, и утомительная работа исправленія упражненій перестала бы казаться для него несносною. Впрочемъ, не въ томъ дѣло; я хочу сказать толь-

Digitized by Google

ко, что всѣ эти второстепенныя мѣры, предназначаемыя для подпятія знанія учениками русскаго языка и пріобрѣтенія ими навыка въ правильной письменной рѣчи, мало существенны. Вся суть дѣла, какъ и слѣдуетъ быть, основывается почти исключительно на преподавателѣ русскаго языка и его умѣньи вести въ школѣ письменныя упражненія.

Нерѣдко случается наблюдать, что ученики высшихъ классовъ допускаютъ въ своихъ сочиненіяхъ такія синтаксическія ошибки и грубыя стилистическія неправильности, что приходишь отъ нихъ въ недоумѣніе. Подобныя же ошибки, какъ можно видѣть изъ отчетовъ, встрѣчаются иногда и въ сочиненіяхъ на аттестатъ зрѣлости. Бываетъ напр., что послѣ извѣстнаго глагола поставленъ въ зависимости такой падежъ, съ которымъ этотъ глаголъ никогда не сочиняется; или — въ предложеніи допущена такая разстановка словъ, которая не только дѣлаетъ чтеніе его труднымъ и неблагозвучнымъ, но затемняетъ даже смыслъ рѣчи. Часто встрѣчается также и неправильное сочетаніе одного предложенія съ другимъ, неумѣстная постановка союзовъ и связь чисто внѣшняя. — Отъ чего это происходитъ? и можно ли объяснять простою случайностью или небрежностью ученика?—По моему мнѣнію, главная причина этого кроется съ одной стороны въ недостаточномъ навыкѣ учениковъ писать первоначальныя упражненія въ самыхъ низшихъ классахъ — первомъ, второмъ и третьемъ и съ другой — въ неправильномъ веденіи письменныхъ упражненій въ этихъ классахъ. И въ томъ и другомъ случаѣ отвѣтственность падаетъ на самого преподавателя.

Никто, конечно, не будетъ спорить со мною, что главнѣйшая и почти единственная цѣль письменныхъ упражненій въ низшихъ классахъ состоитъ въ выработкѣ правильной рѣчи и легкаго стиля. На этомъ, слѣдовательно, и должны быть сосредоточены всѣ заботы преподавателя при веденіи упражненій. Навыкнувъ съ низшихъ классовъ писать правильнымъ языкомъ и легкимъ слогомъ, ученикъ гарантированъ уже въ высшихъ классахъ отъ тѣхъ чисто

Digitized by Google

стилистическихъ ошибокъ, на которыя указано выше. Онъ, какъ говорится, набьетъ себѣ руку, и мысль сама собою будетъ укладываться у него въ легкую и правильную по по языку фразу. Но по всякій, быть можетъ. согласится съ моими сужденіями относительно того метода, котораго бы слѣдовало держаться при веденіи письменныхъ упражненій.—Я ограничиваюсь на сей разъ письменными работами только въ самыхъ низшихъ классахъ, такъ какъ онѣ, по моему мнѣнію, представляютъ больше всего трудностей: въ среднихъ и старшихъ классахъ стиль учениковъ болѣе или менѣе уже устанавливается, такъ что преподавателю приходится слѣдить не столько за стилемъ, сколько за мыслями и послѣдовательностію ихъ изложенія; въ низшихъ же классахъ, особенно при первыхъ опытахъ, стиль учениковъ до того разнообразенъ, до того переполненъ своего рода идіотизмами, что подлинно — всякій молодецъ на свой образецъ. Спрашивается, какъ поступать при разборѣ упражненій въ подобныхъ случаяхъ? — Обычный и самый распространенный методъ, котораго, на сколько я знаю, держатся преподаватели, состоитъ въ томъ, что выбирается нѣсколько выдающихся по своимъ особенностямъ сочиненій, и *эти только* сочиненія разбираются въ классѣ, а остальныя выдаются ученикамъ съ письменными на поляхъ замѣтками преподавателя. Не отрицая извѣстной доли цѣлесообразности и пользы такого рода метода, я нахожу въ немъ все-таки одинъ капитальный недостатокъ. Можетъ ли преподаватель быть увѣренъ, что такимъ разборомъ удовлетворяетъ онъ нуждамъ *всѣхъ* учениковъ? Правда ли, что въ разбираемыхъ избранныхъ сочиненіяхъ заключается все, что слѣдовало бы сообщить *всѣмъ* ученикамъ при разборѣ извѣстной серіи упражненій? Если нѣтъ (а это такъ), то разборъ, значитъ, неудовлетворителенъ, ибо чѣмъ виноваты тѣ ученики, сочиненія которыхъ не разобраны, и недостатки которыхъ не разъяснены?! Разбирать такъ упражненія, по моему, значитъ — дѣлать дѣло только на половину. Но скажутъ: недостатки ихъ указаны на поляхъ сочиненій и въ общей рецензіи въ концѣ

Digitized by Google

упражненія. Положимъ; но едва ли преподаватель имѣетъ физическую возможность аккуратно отмѣчать и выяснять на поляхъ каждую особенность, каждую неправильность въ каждомъ сочиненіи. Если бы кто сказалъ мнѣ это, я бы никогда ему не повѣрилъ, потому что ни у одного преподавателя не хватило бы ни времени, ни терпѣнія производить такія исправленія. Если предположить, что у извѣстнаго преподавателя русскаго языка на рукахъ находятся первыхъ три класса (но такого преподавателя, конечно, нѣтъ, ибо на 12 урокахъ жить невозможно), и если въ каждомъ классѣ положить круглымъ числомъ по 40 человѣкъ (а бываетъ и болѣе), то преподавателю пришлось бы исправлять по 120 упражненій въ самый короткій срокъ, почти ежедѣльно, ибо при такомъ методѣ исправленія въ низшихъ классахъ въ теченіи двухъ недѣль было бы мало одного сочиненія. Выходитъ, что преподаватель, аккуратно исправляя сочиненія каждый день, долженъ бы круглымъ числомъ просматривать почти по 15 упражненій въ сутки. А добросовѣстное исправленіе, съ обстоятельными замѣтками на поляхъ, потребовало бы для каждаго сочиненія по крайней мѣрѣ цѣлую четверть часа. Слѣдовательно, преподаватель ежедневно, въ теченіи каждаго учебнаго года долженъ бы употреблять по 4 часа на одно исправленіе ученическихъ упражненій. А такъ какъ идеальныхъ преподавателей на 12 урокахъ очень мало и каждый заботится имѣть по крайней мѣрѣ 18 уроковъ, то пришлось бы ежедневно употреблять и больше четырехъ часовъ. Развѣ возможно это и развѣ мыслимъ такой преподаватель?!—Такимъ образомъ, въ силу естественной необходимости, исправленіе ученическихъ упражненій при указанномъ методѣ не можетъ вестись такъ, какъ говорятъ и предполагаютъ обыкновенно. Обстоятельныя замѣтки на поляхъ оказываются не вездѣ, гдѣ бы слѣдовало, и вмѣсто ихъ чаще являются только черточки или NB. Не всегда практикуется, также и исправленіе самаго текста; вмѣсто этого преподаватель зачастую довольствуется однимъ подчеркиваніемъ неправильнаго мѣста. Что же оказывает-

Digitized by Google

я въ результатѣ при подобномъ методѣ исправленія? Ученики, сочиненія которыхъ въ классѣ не разбираются, большею частію не даютъ себѣ надлежащаго отчета ни въ томъ, что означаютъ черточки и NB. на поляхъ, ни въ томъ, какая неправильность подчеркнутаго мѣста въ текстѣ. Такъ недостатки упражненія и остаются для ученика непзвѣстными, такъ и продолжаетъ онъ писать и на будущее время, пока наконецъ какая нибудь случайность не разъяснитъ ему, въ чемъ дѣло. Вотъ почему приходится признать такой методъ исправленія сочиненій не вполнѣ удовлетворительнымъ. Его можно допускать въ старшихъ классахъ, гдѣ сочиненія задаются уже сравнительно рѣже и гдѣ недостатки всѣхъ учениковъ дѣйствительно могутъ исчерпываться разборомъ нѣсколькихъ упражненій, но отнюдь не въ низшихъ, въ которыхъ почти каждое упражненіе на первыхъ порахъ представляетъ свои оригинальныя особенности, требующія отдѣльнаго указанія и отдѣльнаго разъясненія.

Есть еще другой методъ исправленія письменныхъ упражненій, практикуемый въ низшихъ классахъ. Преподаватель, исправивъ дома сочиненія, разбираетъ въ классѣ не отдѣльныя выдающіяся по своимъ особенностямъ упражненія, а всѣ мѣста во всѣхъ сочиненіяхъ, достойныя замѣчанія въ томъ или другомъ отношеніи. Такой методъ исправленія, кажется мнѣ, слѣдуетъ признать болѣе цѣлесообразнымъ и полезнымъ, такъ какъ преподаватель можетъ придти здѣсь на помощь каждому ученику, имѣетъ возможность живымъ словомъ указать на тѣ или другіе недостатки всякаго сочиненія. При такомъ исправленіи черточки на поляхъ, NB. и подчеркиванія въ текстѣ не будутъ пустыми и безполезными знаками: послѣ разъясненія учителя ученикъ, покрайней мѣрѣ, будетъ имѣть возможность, придя домой, исправить свои недостатки въ сочиненіи и будетъ знать, въ чемъ состоятъ его недостатки. А это — польза не маловажная. Но и въ этомъ методѣ есть своя Ахиллесова пята: указывая на отдѣльныя мѣста въ упражненіяхъ, преподаватель опускаетъ изъ виду цѣ-

Digitized by Google

лый составъ сочиненія, общую связь мыслей и сочетаніе предложеній между собою; указывать же на это — необходимо, хотя бы то было и въ низшихъ классахъ. Къ порядку изложенія и ко внѣшнему выраженію внутренней связи между предложеніями нужно пріучать учениковъ съ самаго начала письменныхъ упражненій. Оставлять безъ вниманія неправильную постановку союзовъ: *и*, *но* и другихъ частицъ, часто употребляемыхъ учениками безъ разумнаго отчета, значило бы пріучать ихъ къ пустословію и къ неправильному пониманію значенія этихъ частицъ.

И такъ, ни тотъ ни другой изъ указанныхъ и болѣе всего практикуемыхъ методовъ при исправленіи ученическихъ сочиненій въ низшихъ классахъ нельзя признать вполнѣ удовлетворительными. По моему мнѣнію, на первыхъ порахъ необходимо соединять оба метода: первый важенъ въ томъ отношеніи, что онъ дастъ возможность преподавателю разобрать вмѣстѣ съ учениками нѣкоторыя избранныя сочиненія въ полномъ ихъ видѣ, а второй — позволяетъ указать на выдающіяся неправильности каждаго упражненія въ отдѣльности. Правда, для такого разбора потребуется иногда лишній часъ, но, безъ сомнѣнія, полезнѣе употребить лишній часъ изъ учебнаго времени и оказать ученикамъ существенную пользу, чѣмъ выгадать одинъ часъ и сдѣлать дѣло только на половину. Не нужно забывать, что научить ученика писать есть дѣло первостепенной важности, и тогда потеря часа не будетъ казаться потерею. Скажу даже болѣе: полезнѣе задавать ученикамъ письменныя упражненія нѣсколько рѣже, но исправлять ихъ — со всею тщательностію и аккуратностію: non multa, sed multum. Я совѣтывалъ бы также въ видахъ пользы для учениковъ и облегченія самого преподавателя исправлять худшія упражненія даже въ классѣ, на глазахъ самихъ учениковъ: пусть они видятъ при исправленіи сочиненія, въ чемъ состоятъ ошибки и неправильности писавшаго; пусть при руководствѣ преподавателя они сами доходятъ до того, какъ бы слѣдовало избѣжать извѣстныхъ неправильностей и отъ чего онѣ происходятъ. Такое но-

Digitized by Google

правленіе упражненій на первыхъ порахъ было бы самымъ низшимъ и самымъ нѣлесообразнымъ. Ученики выслушивали бы тогда не теоретическія только замѣчанія со стороны преподавателя, но и сами входили бы въ процессъ написанія сочиненія и исправленія его.

Какъ ни важно однако умѣлое исправленіе ученическихъ упражненій, но еще важнѣе помощь со стороны преподавателя при написаніи самыхъ сочиненій. По этому поводу считаю необходимымъ коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ, которые въ педагогической практикѣ рѣшаются различно.

Письменныя упражненія учениковъ, какъ извѣстно, подраздѣляются на двѣ категоріи: на упражненія домашнія и упражненія классныя. Самый большой процентъ обыкновенно падаетъ на упражненія домашнія и самый незначительный — на упражненія классныя. Разсуждая теоретически, конечно, такъ и должно быть: написаніе сочиненія, какъ бы оно ни было мало по объему, требуетъ значительнаго времени; во всякомъ случаѣ 45 или 50-ти минутъ (время класснаго урока) слишкомъ недостаточно для написанія сочиненія. По этому-то къ класснымъ сочиненіямъ и прибѣгаютъ только, какъ къ повѣркѣ, сами ли ученики пишутъ свои упражненія. По низшіе классы, по моему мнѣнію, стоятъ въ данномъ случаѣ въ исключительныхъ условіяхъ, и то, что примѣнимо къ старшимъ классамъ, не всегда примѣнимо бываетъ къ низшимъ. Самымъ важнымъ тормазомъ къ задаванію домашнихъ упражненій въ низшихъ классахъ служатъ такъ называемые репетиторы, т. е. ученики старшихъ классовъ, руководящіе домашними занятіями учениковъ младшихъ классовъ. Этотъ usus въ послѣднее время достигъ такихъ широкихъ размѣровъ, что почти каждый ученикъ первыхъ трехъ классовъ считаетъ своею обязанностію имѣть у себя репетитора. Назадъ тому два года, я имѣлъ уже случай обратить вниманіе преподавателей на вредную сторону этого ненормальнаго явленія въ нашихъ среднихъ школахъ. Вотъ что писалъ я тогда по поводу письменныхъ

Digitized by Google

упражненій учениковъ въ низшихъ классахъ *). При первоначальныхъ письменныхъ упражненіяхъ учениковъ „для преподавателя важно знать слабости и достоинства *каждаго* ученика: съ чѣмъ не можетъ онъ справиться, что особенно его затруднитъ, какіе общіе недостатки учениковъ, которые преподаватель имѣлъ бы всегда въ виду и на которые обращалъ бы особенное вниманіе. Разстановка словъ въ предложеніи, сочетаніе придаточныхъ предложеній съ главными, частицы, у мѣста или не у мѣста поставленныя, — все это на столько же важно для преподавателя русскаго языка въ низшихъ классахъ, на сколько — въ живописи правильный или неправильный штрихъ ученика для учителя-художника и фальшивая нота или несоблюденіе такта, допускаемыя начинающимъ учиться музыкѣ. Между тѣмъ репетиторы, исправляя по своему домашнія упражненія учениковъ, лишаютъ учителя возможности оказать эту первоначальную помощь ученикамъ въ ихъ существенной нуждѣ; преподаватель не знаетъ, что въ сочиненіи принадлежитъ ученику и что репетитору, а вслѣдствіе того не знаетъ, на что и особенное вниманіе обратить нужно, что исправлять и какъ учить писать правильнымъ и чистымъ русскимъ языкомъ". Это обстоятельство приводитъ меня къ убѣжденію, что въ первыхъ трехъ низшихъ классахъ не слѣдуетъ давать ученикамъ письменныхъ упражненій *на домъ*, если преподаватель желаетъ имѣть дѣло съ упражненіемъ не репетитора. Само собой, требованіе это касается только тѣхъ школъ, въ которыхъ распространено репетиторство; но я слишкомъ сомнѣваюсь, чтобы не было его въ какихъ нибудь гимназіяхъ, или реальныхъ училищахъ.

Въ тѣсной связи съ задаваніемъ письменныхъ работъ только въ классѣ находится другой вопросъ — относительно выбора матеріала и его объема. Въ низшихъ классахъ, по крайней мѣрѣ — въ первыхъ двухъ, сочиненія учени-

*) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г., Авг. кн. „Репетиторство въ гимназіяхъ."

Digitized by Google

ковъ ограничиваются исключительно такъ называемыми переложеніями или письменнымъ изложеніемъ извѣстнаго матеріала повѣствовательнаго характера. Въ виду незначительнаго количества времени, которое ученикъ можетъ употребить на написаніе сочиненія, — конечно, объемъ матеріала долженъ быть самый ограниченный, особенно на первыхъ порахъ: пусть ученикъ напишетъ лучше немного, но это немногое — обработаетъ и исправитъ надлежащимъ образомъ. При этомъ только условіи и возможна выработка стиля въ ученическихъ сочиненіяхъ. Между тѣмъ изъ практики извѣстно, что нѣкоторые ученики, частію по небрежности и легкомысленности, частію же по естественному желанію — поскорѣе развязаться съ сочиненіемъ, съ тѣмъ чтобы быть на свободѣ остальную часть урока,—пишутъ свои упражненія прямо на-бѣло и подаютъ ихъ за 20 минутъ или даже за полчаса до окончанія урока. Для уничтоженія этой манеры, переходящей нерѣдко въ привычку, я совѣтовалъ бы преподавателямъ сдѣлать обязательнымъ — съ одной стороны, чтобы всѣ ученики писали сперва свои упражненія на-черно и только послѣ тщательныхъ исправленій переписывали на-бѣло, а съ другой—чтобы бѣловыя тетради съ переписанными сочиненіями подавались не иначе, какъ въ самомъ концѣ урока. Кромѣ того, совѣтовалъ бы сравнительно строже оцѣнивать сочиненія тѣхъ учениковъ, которые заканчиваютъ свою работу раньше, чѣмъ слѣдуетъ, и которые стараются вмѣстѣ съ тѣмъ щегольнуть этимъ предъ своими товарищами и преподавателемъ. Можно навѣрно разсчитывать, что при введеніи такого порядка и при строгой оцѣнкѣ наскоро написанныхъ сочиненій, ученики сами собой привыкнутъ цѣнить время, назначенное для письменной работы, и будутъ пользоваться имъ съ аккуратностью.

Къ выбору же матеріала слѣдуетъ отнести и задаваніе для переложенія выученныхъ учениками стихотвореній. Насколько мнѣ извѣстно, большею частію руководствуются при этомъ слѣдующими соображеніями: 1) обладая вполнѣ извѣстнымъ матеріаломъ, ученики могутъ до легче справ-

Digitized by Google

ляться съ содержаніемъ переложенія, и 2) такъ какъ стихотвореніе выучено наизусть, то усвоенные учениками литературные обороты рѣчи могутъ содѣйствовать къ болѣе правильному изложенію и самаго переложенія. По видимому, мотивы вполнѣ уважительные, но на дѣлѣ они болѣе вредны, чѣмъ полезны. Вслѣдствіе того, что ученикъ знаетъ наизусть перелагаемое стихотвореніе, онъ, при передачѣ содержанія его, рабски слѣдуетъ ему во всѣхъ подробностяхъ и не въ состояніи выдѣлить существенное изъ несущественнаго; отъ того въ переложеніи является много лишняго и неумѣстнаго. Что въ оригиналѣ занимаетъ мѣсто второстепенное, какъ побочная часть разсказа, то въ переложеніи ученика нерѣдко выдвигается на первый планъ, и основная мысль стихотворенія вслѣдствіе этого нарушается. Кромѣ того, подобнаго рода переложенія отличаются всегда сравнительно большимъ объемомъ, что не позволяетъ ученику заняться надлежащей обработкой стиля своей работы: онъ сле-еле успѣваетъ *переложить* стихотвореніе и переписать сочиненіе въ бѣловую тетрадь. — Мало оправдывается на дѣлѣ и другое соображеніе. На первыхъ порахъ ученики чуть не буквально переписываютъ перелагаемыя стихотворенія, съ соблюденіемъ даже размѣра стиха и рѳомы. Когда же преподаватель заявляетъ имъ, что это не переложенія и что нужно стихотвореніе перелагать своими словами, тогда для учениковъ начинается чистая пытка: каждую фразу оригинала они непремѣнно стараются выразить своими словами: замѣняютъ одно реченіе другимъ подходящимъ, переставляютъ слова въ предложеніи, опасаясь — какъ бы не вышло гдѣ нибудь стиха или рѳомы,—словомъ, начинаетъ совершаться невообразимая порча языка, и стиль является чудовищнымъ... Наконецъ, задаваніе для переложенія выученныхъ стихотвореній имѣетъ еще одно весьма важное неудобство. Хоть и не часто, но все-таки бываютъ и могутъ быть такого рода случаи. Ученики, зная манеру преподавателя—задавать для переложенія выученныя стихотворенія, просятъ иногда своихъ репетиторовъ заблаговременно составлять переложе-

Digitized by Google

я выучиваемыхъ стихотвореній, и съ этими переложеніями
ляются въ классъ. Преподаватель даетъ тему, и ученикъ
переписываетъ приготовленное репетиторомъ переложеніе.
Конечно, обмануть преподавателя въ данномъ случаѣ трудно: стоитъ только справиться у репетитора, и дѣло раскрыто; но часъ для ученика все-таки потерянъ. Кромѣ того, не нужно опускать изъ виду и нравственной стороны: соблазнъ для ребенка — получить хорошую отмѣтку за сочиненіе — слишкомъ великъ, и потому обманъ подобнаго рода всегда возможенъ.

Принимая во вниманіе всѣ эти данныя, лучше, кажется, предлагать ученикамъ для переложеній стихотворенія не заученныя: тогда и обмана никакого не можетъ быть, и языкомъ ученикъ будетъ пользоваться своимъ, естественнымъ. Неудобство при этомъ только одно: преподаватель долженъ затратить 5 минутъ для того, чтобы передъ началомъ упражненія прочесть разъ или два предлагаемое для переложенія стихотвореніе; но это неудобство на столько незначительно, что въ виду пользы для самихъ же учениковъ останавливаться предъ нимъ нѣтъ достаточныхъ основаній.

За выборомъ матеріала, какъ одной изъ важныхъ задачъ для преподавателя при веденіи письменныхъ работъ учениковъ въ низшихъ классахъ, слѣдуетъ самый процессъ обученія составлять первоначальныя сочиненія. Задача эта самая важная и вмѣстѣ — самая трудная, какъ для преподавателя, такъ и для учениковъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые держатся того взгляда, что предлагать въ данномъ случаѣ какія либо правила ученикамъ не слѣдуетъ: пусть — мол *сами* они учатся писать, пускай *посредствомъ упражненія* вырабатываютъ свой стиль и умѣнье выражаться правильнымъ языкомъ. — Нельзя не согласиться, что думающіе и поступающіе такимъ образомъ отчасти правы, ибо внесеніе какихъ либо стѣснительныхъ правилъ всегда можетъ служить своего рода ярмомъ для начинающаго писать. Таково напр. требованіе нѣкоторыхъ педагоговъ — заставлять передавать на первыхъ порахъ содержаніе из-

Digitized by Google

вѣстнаго разсказа *непремѣнно* только простыми и краткими слитными предложеніями. Это требованіе, по моему мнѣнію, дѣйствительно должно служить большимъ стѣсненіемъ для ученика. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ невозможно даже выразить мысли безъ придаточнаго предложенія; извѣстно также, что въ подобныхъ случаяхъ даже дѣти, только что научившіяся говорить, употребляютъ уже въ своей рѣчи придаточныя предложенія и употребляютъ совершенно правильно. Съ какой стати, поэтому, вносить неестественное требованіе въ процессъ обученія учениковъ отъ 10 лѣтъ и болѣе: пусть употребляютъ они *иногда* и придаточныя предложенія, если это нужно и если умѣютъ. Но есть такія правила (а если нѣтъ, то нужно дать ихъ), которыя должны не стѣснять учениковъ, а помогать имъ въ первоначальныхъ письменныхъ опытахъ. Правила эти должны быть самаго невиннаго и безхитростнаго свойства, сообразно съ возрастомъ дѣтей; они должны служить для учениковъ своего рода напоминаніемъ, чего слѣдуетъ держаться при написаніи сочиненія, о чемъ заботиться и какъ провѣрять себя, хорошо ли написано. Отказывать ученикамъ въ этихъ правилахъ и считать ихъ вредными, — рѣшительно не слѣдуетъ. Это прямая обязанность всякаго преподавателя, какихъ бы взглядовъ на обученіе онъ ни держался.

Правила эти для начинающихъ писать я формулировалъ бы приблизительно слѣдующимъ образомъ.

1) Послѣ прочтенія какого нибудь повѣствовательнаго стихотворенія начинается составленіе переложенія. При этомъ не нужно заглядывать въ прочитанное стихотвореніе, а слѣдуетъ стараться припомнить всю нить разсказа на память. Если же что нибудь будетъ забыто изъ прочитаннаго, то лучше опустить это въ переложеніи, чѣмъ заглядывать въ книжку и вносить прочитанное изъ нея въ переложеніе. Можно даже отъ себя прибавить что нибудь, когда забудется связь содержанія прочитаннаго. — Такой методъ составленія переложеній важенъ въ томъ от-

Digitized by Google

ношеніи, что ученикъ пріучается схватывать сущность разсказа и воспроизводить его самостоятельно.

2) Сочиненія необходимо писать сначала на-черно, и только послѣ тщательнаго и обдуманнаго исправленія по нѣскольку даже разъ можно приступать къ переписыванію на-бѣло.

3) Листъ бумаги, на которомъ пишется черновое сочиненіе, долженъ имѣть поля. Это необходимо для того, чтобы имѣть мѣсто для исправленія неправильно и плохо написаннаго.

4) Самое же писаніе сочиненія на-черно и исправленіе его должно состоять въ слѣдующемъ:

a) каждую мысль слѣдуетъ выражать такъ, чтобы непремѣнно выходило предложеніе, состоящее изъ подлежащаго и сказуемаго, если это предложеніе личное, и изъ сказуемаго, если оно безличное. При подлежащемъ, само собой, могутъ быть опредѣлительныя слова, а при сказуемомъ—дополнительныя и обстоятельственныя.

b) Нужно тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы слова въ предложеніи разставлены были какъ можно правильнѣе и благозвучнѣе, а для этого полезно по нѣсколоку разъ прочитывать извѣстное предложеніе и наблюдать, легко ли оно читается.

c) Если въ простомъ предложеніи будутъ дополнительныя и обстоятельственныя слова, то нужно всегда обращать вниманіе на то, къ какому глаголу они относятся, и ставить ихъ по возможности ближе къ тому слову, отъ котораго они зависятъ, при чемъ, для избѣжанія неправильныхъ конструкцій, полезно спрашивать себя, съ какимъ падежемъ, съ предлогомъ или безъ предлога, сочиняется извѣстный глаголъ.

d) Когда такимъ образомъ будетъ исправлено и провѣрено каждое предложеніе, тогда слѣдуетъ позаботиться о связи предложеній между собою посредствомъ соотвѣтствующихъ союзовъ. Если же предложенія связаны были союзами при самомъ написаніи сочиненія на-черно, то при

Digitized by Google

исправленія нужно только провѣрить, такіе ли союзы поставлены, какіе слѣдовало поставить.

c) При написаніи сочиненія сложными предложеніями, на первыхъ порахъ не нужно допускать въ одномъ сложномъ предложеніи многихъ придаточныхъ; кромѣ того, слѣдуетъ выбрать изъ нихъ такія, которыя чаще всего употребляются, напр. съ союзами: *что, потому что* и нѣкоторыми другими. При этомъ всегда слѣдуетъ спрашивать себя, какое слово поясняется извѣстнымъ придаточнымъ предложеніемъ и на какой вопросъ оно отвѣчаетъ въ зависимости отъ того слова, къ которому оно относится.

f) При сочетаніи придаточныхъ предложеній съ главными нужно соблюдать тѣже требованія, что и при разстановкѣ опредѣлительныхъ, дополнительныхъ и обстоятельственныхъ словъ въ простыхъ предложеніяхъ, т. е., чтобы придаточныя предложенія стояли ближе къ тѣмъ словамъ, къ которымъ они относятся, и чтобы читались они въ цѣломъ сложномъ предложеніи свободно и понимались безъ затрудненій.

Такія правила, я думаю, не будутъ стѣснять учениковъ, напротивъ — послужатъ для нихъ указаніемъ, чего держаться при составленіи переложеній.

И. Бѣлорусовъ.

Digitized by Google

Указатель новыхъ книгъ.

Бестужевъ Рюминъ. Рѣчь о Ѳ. М. Достоевскомъ. СПб. 1881 г.

Булычъ П. Ѳ. М. Достоевскій и его сочиненія (Историко-литературные очерки) I. Казань 1881 г. ц. 40 к.

Бѣлоруссовъ. Учебникъ теоріи словесности. 4-е изд. Нѣжинъ 1881 г. ц. 65 к.

Воскресенскій. Русская народная поэзія. Сборникъ сказокъ, былинъ, историческихъ и бытовыхъ пѣсенъ, обрядовъ, пословицъ, загадокъ и др. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. СПб. 1881. ц. 1 р. 20 к.

Галаховъ. Русская Христоматія. 15-е изд. СПб. ц. за 2 т. 1 р. 75 к.

Говоровъ. Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русскаго языка. М. 1882 г. ц. 50 к.

Даль. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Т. III. изд. 2. СПб. 1882 г. всѣхъ 4-хъ т. 25 р.

Крницкій. Краткая русская грамматика для младшаго и средняго возраста (Съ задачами и алфавитомъ 1790 словъ на букву *п*). СПб. 1881 г. ц. 50 к.

Муретовъ. Правила русскаго правописанія. Одесса. 1881 г.

Невзоровъ. Родная рѣчь. Синтаксическій сводъ матеріала для 404 упражненій при изученіи русскаго языка, съ приложеніемъ краткаго курса грамматики и методическихъ указаній. Для первыхъ четырехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и сельскихъ школъ. 3-е изд. Казань 1881 г. ц. 1 р.

Пушкинъ. Эпическія стихотворенія. Редакція и примѣчанія В. Стоюнина. Классная Библіотека. Литературное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. 15. СПб. 1881 г. ц. 25 к.

Порфирьевъ. Исторія русской словесности. Ч. 2-я. Рецензія (Ист. В. N 8, ст. О. Ѳ. Миллера и Вѣст. Евр. N 8).

Digitized by Google

Русскіе писатели въ классѣ. Редакція П. Вейнберга. Вып. III. Императрица Екатерина II. СПб. 1881 г. ц. 25 к.

Сѣверные цвѣты на 1826 г. Новое изд. Москва 1881. ц. 1 р.

Соловьевъ. Методика элементарной грамматики. Нарва 1881 г.

Туловъ. О процессѣ поэтическаго творчества. Кіевъ 1881 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ СПб. въ книжномъ складѣ Россійской Библіографіи (Эмиля Гартье) продаются слѣдующія книги:

Воеводскій. Введеніе въ миссологію Одиссеи. Часть I. Одесса 1881 г. ц. 2 р. 50 к.

Люгебиль. Избранныя жизнеописанія Корнелія Непота. Для среднихъ учебныхъ заведеній. 2-е исправл. изданіе. СПб. 1881 г. ц. 60 к.

Смоликовскій. Ученіе Огюста Конта объ обществѣ. Т. I. вып. 1. Позитивизмъ во Франціи, Англіи и Германіи. Варшава 1881 г.

ОТЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1882 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ „Извѣстій“ безъ пересылки шесть рублей и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики „Извѣстій,“ при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Digitized by Google

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру Университета П. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, N. 4, и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Каждая книжка „Извѣстій," за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ Университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III — *физико-математическій*; отдѣлъ IV — *медицинскій*; отдѣлъ V — *научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій*. Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, составляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій) а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Редакція.

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ 1882 ГОДУ:

а) Журнала „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія."

Журналъ „Чтенія" будетъ издаваться въ 1882 году по прежней программѣ и выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Въ 1882 г. въ „Чтеніяхъ," кромѣ перевода съ греческаго языка правилъ св. отецъ съ толкованіями, будутъ помѣщаемы матеріалы для исторіи Русской церкви.

Digitized by Google

Цѣна годоваго изданія „Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 6 р. 50 к., съ пересылкою въ города и доставкою въ Москвѣ 7 р.

б) Еженедѣльной газеты „Московскія Церковныя Вѣдомости.“

„Московскія Церковныя Вѣдомости“ будутъ издаваться въ 1882 г. и выходить по воскресеньямъ. Въ нихъ кромѣ внутреннихъ и иностранныхъ извѣстій, Московской церковной кассары, руководящихъ статей по вопросамъ религіозной и общественной жизни, имѣется особый миссіонерскій отдѣлъ, замѣняющій собою журналъ: „Миссіонеръ,“ программа котораго вошла въ программу „Церковныхъ Вѣдомостей.“

Цѣна „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“ въ 1882 году — безъ доставки и пересылки 8 р. 50 к., съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 к.

Лица, подписывающіяся на „Чтенія“ и „Московскія Церковныя Вѣдомости“ вмѣстѣ, безъ пересылки и доставки платятъ за изданіе 9 р., а съ доставкою и пересылкою 10 р.

в) Воскресныхъ Бесѣдъ.

„Воскресныя Бесѣды“ будутъ издаваться въ 1882 г. и выходить еженедѣльно. Въ нихъ помѣщаются житія святыхъ.

Цѣна годоваго изданія изъ 52 листовъ — 50 к., безъ доставки и пересылки; съ доставкою въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города — 1 р. 10 к.

Подписка на всѣ изданія Общества принимается въ Москвѣ: въ Епархіальной библіотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ и въ Редакціи, на Донской улицѣ, въ домѣ Рязположенской церкви, въ квартирѣ протоіерея Виктора Петровича Рождественскаго.

Иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію изданій Общества.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПОДПИСКѢ НА 1882 ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полг.:	Четв.:
Безъ дост.	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.
Съ достав.	16 „ — „	9 „	5 „
Съ перес.	17 „ — „	10 „	6 „
За-грап.	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., заграницей — 3 р.

„ПОРЯДОКЪ“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

	Годъ:	Полг.:	Четверть
Безъ дост.	14 р.	7 р.	3 р. 50 к.
Съ достав.	16 „	8 „	4 „ — „
Съ перес.	17 „	9 „	5 „ — „
За-грап.	25 „	13 „	7 „ — „

Мѣсяцъ газеты: безъ доставки — 1 р. 25 к.; съ доставкою — 1 р. 50 к.; съ пересылкою — 1 р. 75 к.; за-границей — 3 р.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается на оба изданія — въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ Проспектѣ; — въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту. Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: С.-Пб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ, или въ газетѣ.

Digitized by Google

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ“

ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ

Невскій Просп. N 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ.

Магазинъ для городской продажи.	Оптовый складъ для книгопродавцевъ.	Отдѣленіе для иногородныхъ.

Большой выборъ новыхъ русскихъ и французскихъ книгъ. — Доставка книгъ на домъ. — Новости по желанію на просмотръ.

Пріемъ книгъ на комиссію цѣлыми изданіями, для быстраго распространенія въ столицѣ и, черезъ спеціальныхъ корреспондентовъ склада, во всѣхъ главныхъ городахъ Имперіи, при безплатныхъ публикаціяхъ въ „Россійской Библіографіи“, въ „Ежемѣсячномъ каталогѣ важн. нов. русск. и иностр. книгъ“, въ „Годовомъ каталогѣ“, а также, по соглашенію, въ болѣе распространенныхъ газетахъ.

Строго аккуратное исполненіе требованій Гг. иногородныхъ. — Пріемъ подписки на всѣ русскіе и иностр. журналы и газеты. — Еженедѣльное полученіе иностранныхъ изданій.

Для удобства иногородной публики изданія Эмиля Гартье имѣются постоянно на лицо и у всѣхъ извѣстныхъ провинціальныхъ книгопродавцевъ.

Постояннымъ покупателямъ высылается **безплатно** „Ежем. каталогъ важн. новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ“ (Подп. цѣна за 12 NN въ годъ 1 р. с.).

На всѣ относящіеся до книжн. дѣла запросы, къ которымъ для отвѣта приложена почт. марка, — складъ отвѣчаетъ немедленно.

При складѣ помѣщаются:

Редакція журнала „Россійская Библіографія“ (Вѣстникъ русской печати) 24 NN въ годъ, цѣна съ дост. и перес. 5 руб. — Центральная контора подписки на всѣ русскіе и иностранные Журналы и Газеты. — Складъ Глобусовъ, Теллурій и Планетарій изд. Эмиля Гартье.

20

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ „ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА“ въ 1882 году.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

будетъ издаваться въ 1882 г. по прежней программѣ, въ томъ же строго православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе „Православнаго Собесѣдника“ 1882 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи — Семь Рублей.

Подписка принимается въ Казани, въ Редакціи „Православнаго Собесѣдника“, при Духовной Академіи.

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемыя при „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1867 г., будутъ выходить и въ 1882 году, два раза на мѣсяцъ, нумерами по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна „Извѣстій“ для мѣстъ и другихъ епархій, и другихъ вѣдомствъ. а) отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника“ четыре руб., б) а для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ“ три руб. Всего за оба изданія десять руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ Редакціи „Православнаго Собесѣдника“.

Въ той же редакціи продаются слѣдующія книги:

„Православный Собесѣдникъ“ въ полномъ составѣ книжекъ (т. е. съ приложеніями): за 1855 г. (4 книги въ году) 8 руб. за годъ; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 рубля за годъ; за 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879 и 1880 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1863

Digitized by Google

1867, 1868, 1869, 1870 и 1871 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855 1856 и 1857 гг. по 75 коп., а за остальные годы по 60 коп. за книжку.

Въ Москвѣ, въ магазинѣ наслѣдниковъ брат. Салаевыхъ продаются слѣдующія книги протоіерея **А. И. Свирѣлина:**

1) **Толковыя евангеліи**, воскресныя и праздничныя. М. 1880 г. Ц. 60 к.

2) **Православная вѣра.** Книга для религіозно-нравственнаго чтенія въ 3-хъ частяхъ. Одобрена Ученымъ Комитетомъ при Свят. Синодѣ и Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ качествѣ книги для религіозно-нравственнаго чтенія въ народныхъ училищахъ. Изд. 8-е. М. 1879 г. Ц. 60 к.

3) **Объясненіе утвари и праздниковъ церковныхъ.** Одобрена Ученымъ Комитетомъ для употребленія въ народныхъ училищахъ. Изд. 6-е. М. 1879 г. Ц. 30 к.

4) **Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій.** Одобрено Ученымъ Комитетомъ для употребленія въ качествѣ учебнаго пособія въ народныхъ и уѣздныхъ училищахъ и совѣтомъ инспекціи западнаго края—въ двуклассныхъ и одноклассныхъ училищахъ. Изд. 5-е. М. 1877 г. Ц. 40 к.

5) **Изъясненіе Богослуженія съ церковнымъ уставомъ.** (Съ приложеніемъ пробнаго урока для преподавателей.) Святѣйшимъ Синодомъ введено въ духовныхъ училищахъ въ учебное руководство. Изд. 3-е. М. 1877 г. Ц. 50 к.

6) **Книга для первоначальнаго чтенія по закону Божію.** Одобрена Мин. Нар. Просвѣщенія для библіотекъ народныхъ училищъ. Изд. 2-ое. М. 1879 г. Ц. 35 к.

7) **Курсъ Закона Божія.** Одобренъ Свят. Синодомъ и Мин. Нар. Просвѣщенія въ качествѣ учебника въ

Digitized by Google

приготовительныхъ классахъ духов. училищъ и въ начальныхъ училищахъ. Изд. 5-е. М. 1881 г. Ц. 25 к.

8) Начатки ученія православной христіанской вѣры—въ бесѣдахъ съ картинами и приложеніемъ гимна „Боже царя храни“ положеннаго на ноты для дѣтскихъ голосовъ. М. 1874 г. Ц. 25 к.

9) Краткая Церковная Исторія и ученіе о Богослуженіи. Церковная исторія одобрена для употребленія въ городскихъ училищахъ въ качествѣ учебника. Ц. за обѣ части 50 к.

10) Послѣдованіе къ св. причащенію и по причащеніи. Въ русскомъ переводѣ. Изд. 2-е. Ц. 12 к.

11) Толковыя чтенія изъ апостола, воскресныя и праздничныя. М. 1881 г. Ц. 60 к.

Въ Петербургѣ въ Книжномъ Магазинѣ Оскара Кранца:

Краткій учебникъ древней географіи, составилъ Кеммерлингъ. С.-Пб. 1881 г. Ц. 50 к.

Въ Варшавѣ въ Книжномъ магазинѣ Черкесова и въ Петербургскихъ магазинахъ:

Слова и рѣчи къ Холмско-Варшавской паствѣ—Леонтія, архіепископа Холмскаго и Варшавскаго. Варшава 1881 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сатиры Персія—перевелъ и изъяснилъ Н. М. Благовѣщенскій. СПб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к.

Горацій и его время. Соч. Н. М. Благовѣщенскаго. Изд. 2-е. Варшава 1878 г. Ц. 2 р.

Геродотъ и его музы. Изсл. Ф. Н. Дьячана. Варшава 1877 г. Ц. 1 р. 75 к.

Основы и времена греческихъ неправильныхъ глаголовъ съ указаніемъ корней и происходящихъ отъ нихъ словъ. Сост. Ф. Н. Дьячанъ. Варшава 1881 г. Ц. 1 р. 40 к.

Всероссійскій музей. Ф. И. Іезберы. Варшава 1879 г. Ц. 8 р.

Digitized by Google

ИЗСЛѢДОВАНІЯ
ВЪ ОБЛАСТИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

II.

Именительный и винительный падежи единственнаго числа мужескаго рода на е.

Въ памятникахъ русской письменности имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія мужескаго рода въ имен. и вин. п. ед. ч. иногда имѣютъ окончаніе *е*:

Новгородская грамота 1189—1199 года: убьють попъ *новгороцкое* или *нѣмецкое* [1]);

Вкладная Варлаама Хутынскаго послѣ 1192 года: *въдале Варламе* (=въдалъ Варламъ) [2]);

Златоструй XII вѣка: *Игнатіе* повелѣваеть [3]);

Пандекты Никона Черногорца XII вѣка: *Василіе, Даниле* [4]);

Паремейникъ 1271 года: рабъ *твое*, оць *мое*, въ *покое* [5]);

Кормчая 1282 года: кто *вѣрне* есть, крестъ не *дошле* Царяграда, егда *обрѣтене* [6]), *Юрье* [7]);

Новгородская грамота 1392 года: *посаднике, тѣ* товаръ, кто *поимале*, Иванъ *повѣстовалѣ*, дворъ *погорѣле* [8]);

---

[1]) Русско-Лив. Акты, 2.
[2]) Извѣстія, X, 510.
[3]) Срезневскій, Свѣд. и Зам., XXII, 10.
[4]) Ibid. LV, 221.
[5]) Буслаевъ, Истор. Хрест., 74, 75, 78.
[6]) Калайдовичъ, Памятники р. сл., 177, 179.
[7]) Извѣстія, X, 628.
[8]) Русско-Ливонскіе Акты, 86, 87.

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ
РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА
въ 1882 году

Подписка на 1882 г. (4-ый годъ изданія) открыта.

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

Варшава. Въ Редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Русскій Филологическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (NN) отъ 10 до 15 листовъ каждая. (Двѣ книги (два NN) составляютъ томъ). Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Въ изданіи Русскаго Филологическаго Вѣстника принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица (профессора и преподаватели): А. И. Александровъ, К. Ю. Аппель, А. В. Барсовъ, С. Н. Буличъ, А. С. Будиловичъ, Р. Ѳ. Брандтъ, В. И. Благовѣщенскій, В. А. Боголюбовъ, В. А. Богородицкій, И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, И. М. Бѣлорусовъ, ак. Гейтлеръ (въ Загребѣ), ак. Я. К. Гротъ, А. А. Кочубинскій, Крекъ (въ Градцѣ), Н. В. Крушевскій, П. А. Кулаковскій, Л. Н. Майковъ, В. В. Макушевъ, О. Ѳ. Миллеръ, И. С. Некрасовъ, Н. И. Петровъ, А. А. Потебня, А. И. Соболевскій, М. Е. Халанскій, К. В. Шейковскій, Х. П. Ящуржинскій и др.

Изъ редакціи можно получать Русскій Филологическій Вѣстникъ 1879 года (изд. подъ ред. Колосова), 1880 г., и 1881. съ платою по семи рублей за каждый годъ.

Редакторъ-издатель А. Смирновъ.

Digitized by Google

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ ВЪ VI т. Р. Ф. В.

Стран.	Строк.		Напечатано:	Должно быть:
2	2	—	A. M.	M. A.
3	15	сверху	A. и. Д.	A. и. D.
4	19	—	Starobulharskà	Starobulharskí
11	3	—	хатсар	хаїсар
12	5	снизу	платjй	пластjй
15	13	снизу	ja	ja (муж. р.)
16	11	сверху	как къ	какъ въ
—	19	—	мѣцъ	мѣць
17	19	—	тое пазубное	тоѣ пазубоѣ
19	3	—	вечерь,	вечерь,
—	5	—	чашь	чашь,
—	18	—	земле,	земле
20	4	—	все	есь
—	18	—	дѣтыные	дѣтьскые
—	6	снизу	XII	VII
22	4	сверху	русское земли	русскоѣ земли
23	15	—	каратьѣ	харатьѣ
—	16	—	лодь	лодьѣ
24	6	—	Олекслевом	Олексѣевом
—	18	—	основы на jе	основы на е, jе
—	23	—	Ирмолой	вин. п. ин. ч.: Ирмолой
—	26	—	пальцы ы:	пальцы ы
—	2	снизу	133	633
25	5	сверху	ѣиїлы	ѣиїлы
26	8	снизу	42.	42, 152
27	15	сверху	на ые	на ыѣ, ые
28	19	—	кыѣ	кыѣ
—	22	—	tvaž	tvař
—	5	снизу	261	223
30	7	—	большомъ	большемъ
—	13	—	въ незначительной части	въ незначительномъ числѣ
32	9	—	матерьй, кроѣй	матерьѣ, кроѣѣ
—	14	—	основною	основою
33	12	сверху	замѣчаетъ	замѣтилъ

Digitized by Google

Стран.	Стр.		Напечатано:	Должно быть:
—	18	—	въ томъ смыслѣ	въ томъ же смыслѣ:
34	14	—	ко	ко,
—	15	—	зъля	зъла
—	16	—	Пандекта	Пандекты
35	3	снизу	вѣка;	вѣка,
36	4	сверху	описаны	писаны
—	7	—	τῆς σαββάτων	τῆς μᾶς σαββάτων
—	9	—	*Василисы*	*Василисѣ*
—	20	—	въз...	възвеселя
37	12	—	современнымъ	современнаго
—	10	снизу	двухъ	тѣхъ
—	14	—	уже	же
38	16	сверху	древне-русскія	древне-русскія формы
39	1	—	*dzenics*	*dzeuics*
41	9	снизу	ли	ми
—	10	—	*тжчѣ*,	*тжчѣ*
42	3	сверху	сыжды	сьсжды
—	9	—	*ѣмѣмъ*	*ѣмѣмъ*
—	10	—	Клоціева	Клоціевъ
—	20	—	*сирд* .	*сирдъ*
44	7	снизу	ιματίον	ἱματίου
45	13	сверху	*Михайловѣ*	*Михаловѣ*
46	15	—	*Черниговьскыѣ, рѣкѣ*	*Черниговьскѣ, рѣкѣ*
—	2	снизу	Матеріалы.	Матеріалы, 41.
48	7	—	69	99
52	14	—	дни;	дни
—	3	—	I, 4, 159	I, 159 (4-ое изд.).
53	2	сверху	во *всі*	*овсі*
209	3	снизу	такъ какъ я здѣсь	такъ какъ здѣсь
214	19	сверху	казъ	какъ
226	8	снизу	*са*	*сѧ*
243	2	—	бѣды	виры
247	9	—	суффиксовъ	суффиксомъ
252	2	—	сыудѣхъ	сьсудѣхъ
264	9	сверху	ЛЮБИШИ—ЛЮБАТЬ	ЛЮБИШИ; ЛЮБАТЬ

Кромѣ того окончаніе 6-го примѣчанія на страницѣ 249 ошибочно напечатано на стр. 253.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ VI т. Р. Ф. ВѢСТНИКА.

Стр.

Грамматическія замѣтки. О звуковомъ знач. *ѣ*. *Р. Брандта*. 1

Изслѣдованія въ области русской грамматики. 1) Родительный падежъ единственнаго числа, именительный и винительный множественнаго числа на *ѣ*; II. Именительный и винит. п. ед. ч. муж. р. на *е*; III. Дательный и творит. п. мн. ч. на *мѣ*; IV. Дательн., твор. и мѣстн. п. ед. ч. именъ съ основою на *п*; V. Родит. и винит., дат. и мѣстн. п. ед. ч. мѣстоименій личныхъ и возвратнаго; VI. Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій; VII. 3-е лицо ед. и мн. ч. наст. вр. безъ личнаго суффикса; VIII. 2-е лицо ед. ч. настоящаго времени; IX. 1-е лицо мн. ч. наст. вр. на *мя*). *А. Соболевскаго*. . . . . 15 и 204

Рукописная четья 1397 года, западно-русскаго происхожденія. *П. Петрова* 54

Лингвистическія замѣтки. О морфологической абсорпціи. *В. Богородицкаго* 58

Нѣсколько словъ о новѣйшемъ психологическомъ направленіи языкознанія. *К. Аннела* . . . . . 93 и 292

Этимологическія замѣтки. 3) По поводу словъ: Маточникъ, Островъ Буянъ, Ирой. 4) Щавп-дубъ. 5) Честь. *А. Потебни*. . . . . 143 и 337

Нѣкоторые вопросы славянской морфологіи. (1. О нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія *и*; 2. О происхожденіи славянскаго имперфекта; 3. О пріютѣ второго разряда славянскихъ глаголовъ). *Р. Брандта*. 256

Замѣтки по славянской народной поэзіи (I. Къ былинѣ про Микулу Селянинновича. *М. Халанскаго*. 270

Объ изученіи русской рѣчи. *А. Богородицкаго* 274

Русскія народныя пѣсни, запис. въ Щигров. у. Кур. губ. *М. Халанскимъ* 283

О нѣкоторыхъ рукописяхъ народной библіотеки въ Бѣлградѣ. I. Рукописи болгарскаго письма. *В. Макушева*. 303

Дополненія и поправки къ Грам. замѣткамъ. *Р. Брандта*. . 327

Библіографическія и разныя замѣтки:

Къ ученію о склоненіи въ аріоевропейскихъ языкахъ. Г. Остгоса (Kleine beiträge zur declinationslehre der indogermanischen Sprachen, von H. Osthoff). *С. Булича*. 156

Digitized by Google

Древность малороссійскаго языка. Написалъ Михаилъ Красуский. Одесса 1880 г.
Опытъ сближенія славяно-русскихъ глаголовъ съ греко-латинскими по формамъ и корнямъ. М. 1879 г. *К. Шейковскаго* 171
Рукописи Золоногорская и Краледворская. Историко-библіографическое изслѣдованіе А. Стороженка. Кіевъ 1880 г. *Х. Яцуржинскаго* 174
Народныя пѣсни, собранныя въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, В. Поповымъ. Москва 1880 г. . . . 176
Подробная программа лекцій по языковѣдѣнію, читанныхъ въ 1877—1878 ак. г. Бодуэномъ де Куртенэ. Казань 1881 г. 191
Библіографическія и разныя замѣтки (о V т. Архива Ягича, о сочин. Жмакина—митр. Даніилъ, о Чтеніяхъ въ Общ. люб. дух. пр., о Сборникахъ 2 отд. А. Н. и о новыхъ трудахъ Макушева) 344
† А. Н. Поповъ 199
† А. А. Котляревскій 201
Указатель новыхъ книгъ и рецензій. . . . . 202 и 358

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Этимологическія замѣтки. *А. Барсова*. 1
О новой грамматикѣ церковно-славянскаго языка 14
По поводу съѣзда учителей Одесскаго Учебнаго Округа . 16
Указатель новыхъ книгъ. . . . . 20 и 37
Къ вопросу о письменныхъ упражненіяхъ учениковъ по русскому языку. *И. Бѣлорусцова* 21
Объявленія.
Объявленіе объ изданіи Р. Ф. В. въ 1882 г.
Опечатки въ VI т.

Digitized by Google

РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. СМИРНОВА.

1881 ГОДА № 3ІЙ.

ВАРШАВА.
Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго
Краковское-Предмѣстье № 415 (15).

1881.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ 3-го № Р. Ф. В.:

Стр.

Грамматическія замѣтки. О звуковомъ знач. *ъ. Р. Брандта.* 1

Изслѣдованія въ области русской грамматики. 1) Родительный падежъ единственнаго числа, именительный и винительный множественнаго числа на *ъ. А. Соболевскаго.* 15

Рукописная четья 1397 года, западно-русскаго происхожденія. *И. Петрова* 54

Лингвистическія замѣтки. О морфологической абсорпціи. *В. Богородицкаго* 58

Нѣсколько словъ о новѣйшемъ психологическомъ направленіи языкознанія. *К. Аппеля* 93

Этимологическія замѣтки. 3) По поводу словъ: Маточникъ, Островъ Буянъ, Ирей. *А. Потебни* 143

Библіографическія и разныя замѣтки:

Къ ученію о склоненіи въ аріоевропейскихъ языкахъ. Г. Остгофа (Kleine beiträge zur declinationslehre der indogermanischen Sprachen, von H. Osthoff). *С. Булича.* 156

Древность малороссійскаго языка. Написалъ Михаилъ Красуцкій. Одесса 1880 г.

Опытъ сближенія славяно-русскихъ глаголовъ съ греко-латинскими по формамъ и корнямъ. М. 1879 г. *К. Шейковскаго* 171

Рукописи Золоногорская и Краледворская. Историко-библіографическое изслѣдованіе А. Стороженка. Кіевъ 1880 г. *Х. Ящуржинскаго* 174

Народныя пѣсни, собранныя въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, В. Поповымъ. Москва 1880 г. . . . 176

Подробная программа лекцій по языковѣдѣнію, читанныхъ въ 1877—1878 ак. г. Бодуэномъ де Куртенэ. Казань 1881 г. 191

† А. Н. Поповъ 199

† А. А. Котляревскій 201

Указатель новыхъ книгъ и рецензій. 202

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Этимологическія замѣтки. *А. Барсова.* 1

О новой грамматикѣ гэрковно-славянскаго языка 14

По поводу съѣзда учителей Одесскаго Учебнаго Округа . 16

Новыя книги. — Опечатки 20

Объявленія о періодическихъ изданіяхъ и книгахъ.

Digitized by Google

Из редакціи Русскаго Филологическаго Вѣстника могут быть выписываемы слѣдующія сочиненія и изданія М. Колосова:

1. Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи в области сѣверно-великорусскаго нарѣчія (3-й, 4-й и 5-й отчеты II Отдѣленію Академіи Наук). 1877. Цѣна 75 к.
2. Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка 1878. Цѣна 2 р. 50 к. №№ 1-ой и 2-ой вмѣстѣ 3 р.
3. Русскій Филологическій Вѣстник, за 1879-ый год, цѣна 7 р.
4. Старославянская грамматика. Изд. 10-е. Варшава. 1881 г., ц. 75 к.

Других сочиненій Колосова в Редакціи нѣт.

Макушева. О старопольской письменности. Варшава. 1881 г. ц. 50 к.

Ящуржинскаго. Малорусскія пѣсни сравнительно с великорусскими. ц. 1 р.

А Смирнова: О Словѣ о полку Игоревѣ.

а) Литература Слова до 1876 г. 1877 г. цѣна 1 р.

б) Пересмотр нѣкоторых вопросов, 1879 г. цѣна 1 р. 25 к.

Обѣ книги вмѣстѣ 2 р.

Лекціи В. И. Григоровича по славянским литературам. ц. 35 к.

Р. Ф. Вѣстник 1880 г. (одобрен Ученым Комитетом Мин. Народ. Пр. для библіотек средних учебных заведеній и учительских институтов и семинарій). Цѣна 7 р.

Пересылку книг Редакція принимает на свой счет.

Digitized by Google

„Русскій Филологическій Вѣстникъ"

выходитъ четыре раза в год (в неопредѣленные сроки) книжками (№№) от 10 до 15 листов каждая. (Двѣ книги (два №№) составляют *том*). Общее число листов годоваго изданія—до 50.

Цѣна *семь* рублей с пересылкою.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

К каждому № журнала будет, сверх того, прибавляемо пѣсколько листов (IV) Педагогическаго отдѣла, в который войдут:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности в учебных заведеніях, по преимуществу средних;

б) Критика учебников по этим предметам;

в) Пробные листы новых учебников по языку и словесности;

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе к преподаванію языка и словесности.

Иногородные адресуются:
В Варшаву. В редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Редактор-издатель А. И. Смирнов.

Дозволено Цензурою. Варшава, 10 Октября 1881 г.

Digitized by Google

РУССКІЙ

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. СМИРНОВА.

1881 ГОДА

№ 4-ЫЙ.

ВАРШАВА.
Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго
Краковское-Предмѣстье № 413 (15).

1881.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ 4-го № Р. Ф. В.:

Стр.

Изслѣдованія въ области русской грамматики. (II. Именительный и винит. п. сд. ч. муж. р. на *е*; III. Дательный и творит. п. мн. ч. на *мя*; IV. Дательн., твор. и мѣстн. п. сд. ч. именъ съ основою на *n*; V. Родит. и винит., дат. и мѣстн. п. сд. ч. мѣстоименій личныхъ и возвратнаго; VI. Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій; VII. 3-е лицо сд. и мн. ч. наст. вр. безъ личнаго суффикса; VIII. 2-е лицо ед. ч. настоящаго времени; IX. 1-е лицо мн. ч. наст. вр. на *мя*). *А. Соболевскаго*. 204

Нѣкоторые вопросы славянской морфологіи. (1. О нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія *и*; 2. О происхожденіи славянскаго имперфекта; 3. О примѣтѣ второго разряда славянскихъ глаголовъ). *Р. Брандта*. 256

Замѣтки по славянской народной поэзіи (I. Къ былинѣ про Микулу Селяниновича. *М. Халанскаго*. 270

Объ изученіи русской рѣчи. *А. Богородицкаго* 274

Русскія народныя пѣсни, запис. въ Щигров. у. Кур. губ. *М. Халанскимъ* 283

Нѣсколько словъ о новѣйшемъ психологическомъ направленіи языкознанія. *К. Аппель* 292

О нѣкоторыхъ рукописяхъ народной библіотеки въ Бѣлградѣ. I. Рукописи болгарскаго письма. *В. Макушева*. 303

Дополненія и поправки къ Грам. замѣткамъ. *Р. Брандта*. . 327

Этимологическія замѣтки (4. Щави-дубъ; 5. Честь). *А. Потебни*. 337

Библіографическія и разныя замѣтки 344

Указатель новыхъ книгъ и рецензій 358

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Къ вопросу о письменныхъ упражненіяхъ учениковъ по русскому языку. *П. Бѣлорусцова* 21

Указатель новыхъ книгъ. 37

Объявленія.

Объявленіе объ изданіи Р. Ф. В. въ 1882 г.

Опечатки въ VI т.

Содержаніе VI т. Р. Ф. В.

Digitized by Google

Из редакціи Русскаго Филологическаго Вѣстника могут быть выписываемы слѣдующія сочиненія и изданія М. Колосова:

1. Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи в области сѣверно-великорусскаго нарѣчія (3-й, 4-й и 5-й отчеты II Отдѣленію Академіи Наук). 1877. Цѣна 75 к.
2. Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка 1878. Цѣна 2 р. 50 к. №№ 1-ой и 2-ой вмѣстѣ 3 р.
3. Русскій Филологическій Вѣстник, за 1879-ый год, цѣна 7 р.
4. Старославянская грамматика. Изд. 10-е. Варшава. 1881 г., ц. 75 к.

Других сочиненій Колосова в Редакціи нѣт.

Макушева. О старопольской письменности. Варшава. 1881 г. ц. 50 к.

Ящуржинскаго. Малорусскія пѣсни сравнительно с великорусскими. ц. 1 р.

А Смирнова: О Словѣ о полку Игоревѣ.

а) Литература Слова до 1876 г. 1877 г. цѣна 1 р.

б) Пересмотр нѣкоторых вопросов, 1879 г. цѣна 1 р. 25 к.

Обѣ книги вмѣстѣ 2 р.

Лекціи В. И. Григоровича по славянским литературам. ц. 35 к.

Р. Ф. Вѣстник 1880 и 1881 г. (одобрен Ученым Ком. Мин. Народ. Пр. для библіотек средних учебных заведеній и учительских институтов и семинарій). Цѣна 7 р. за каждый год.

Пересылку книг Редакція принимает на свой счет.

Digitized by Google

„Русскій Филологическій Вѣстникъ"

выходитъ четыре раза в год (в неопредѣленные **сроки**) книжками (№№) от 10 до 15 листов каждая. (**Двѣ** книги (два №№) составляют *том*). Общее число **листов** годоваго изданія—до 50.

Цѣна *семь* рублей с пересылкою.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

К каждому № журнала будет, сверх того, прибавляемо нѣсколько листов (IV) Педагогическаго отдѣла, в который войдут:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности в учебных заведеніях, по преимуществу средних;

б) Критика учебников по этим предметам;

в) Пробные листы новых учебников по языку и словесности;

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе к преподаванію языка и словесности.

Иногородные адресуются:
В Варшаву. В редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Редактор-издатель А. И. Смирнов.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Los Angeles

This book is DUE on the last date stamped below.

REC'D LD-URL
MAR 3 1969

Feb 27 1969
DISCHARGE-URL

FEB 12 1981

Form L9–Series 4939

3 1158 00645 2469

PG
2003
R92
v.6

Digitized by Google

Digitized by Google